

Л.Н.БРОВКО

**ГЕРМАНСКАЯ
СОЦИАЛ-
ДЕМОКРАТИЯ
В ГОДЫ
ФАШИСТСКОЙ
ДИКТАТУРЫ**

1933-1945

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Л.Н.БРОВКО

**ГЕРМАНСКАЯ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
В ГОДЫ
ФАШИСТСКОЙ
ДИКТАТУРЫ**

1933-1945

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. П. ИЕРУСАЛИМСКИЙ

МОСКВА «НАУКА» 1988

ББК 63.3(0)6
Б 88

Рецензенты:

доктор исторических наук Б. А. Л и з и н,
доктор исторических наук М. И. О р л о в а

Бровко Л. Н.

Б 88 Германская социал-демократия в годы фашистской диктатуры: 1933—1945.— М.: Наука, 1988.— 304 с.

ISBN 5—02—008915—X

В монографии исследуется история социал-демократической партии Германии в годы фашистской диктатуры (1933—1945), ее идейно-политическая эволюция. Дана характеристика различных идейных и политических течений в СДПГ, ее левого и правого крыла; рассматривается деятельность германской социал-демократии в эмиграции и в германском подполье. В центре исследования — борьба течений в СДПГ по проблемам антифашистской тактики, прежде всего по проблеме единого рабочего и антифашистского народного фронта.

Для историков, пропагандистов.

Б $\frac{0504000000-339}{042(02)-88}$ 22—88—1

ББК 63.3(0)6

ISBN 5—02—008915—X

© Издательство
«Наука», 1988 г.

1933—1945 годы. Страшные страницы германской истории. Горький опыт, трудные воспоминания и постоянные, до сих пор мучительные, вопросы: как это могло случиться в стране с высоким уровнем цивилизации, с организованным, имевшим славные революционные традиции германским пролетариатом, с его влиятельными профсоюзами и партиями — самой крупной коммунистической партией капиталистического мира — КПГ и массовой, влиятельнейшей Социал-демократической партией Германии (СДПГ).

Современная социал-демократия ФРГ в так называемом Нюрнбергском манифесте, принятом в мае 1985 г. по случаю 40-й годовщины разгрома фашизма и окончания войны, в ряде выступлений ее ведущих деятелей осуждает фашизм как чудовищное варварство, приведшее к закабалению немецкого и других народов Европы¹. Поэтому победу над фашизмом и окончание войны она в противостоянии с ХДС/ХСС и всеми правыми силами рассматривает как освобождение немецкого народа от рабства. Видный деятель международной и германской социал-демократии В. Брандт назвал фашизм не только рабством, но и национальным предательством, приведшим немецкий народ к потере национального единства². Хотя надо сказать, что теоретиков и публицистов СДПГ интересуют не столько сущность происходивших тогда в стране, рабочем классе и в самой партии процессов, сколько последствия нацистского господства и результаты развязанной гитлеровской Германией войны. Взвешиваются упущенные шансы сохранения государственной целостности, подвергается сомнению справедли-

¹ Vorwärts, 1985. 4. Mai.

² Geschichte als Auftrag: Willy Brandts Reden zur Geschichte der Arbeiterbewegung. [West] Berlin, 1981. S. 195.

вость известных союзнических решений относительно послевоенного устройства Германии и т. д. и т. п.³

О причинах установления и сущности фашизма современные социал-демократы говорят скупо, и оценки эти нельзя назвать достаточно глубокими. Говорят о традициях милитаризма и национализма, «антилиберализма и антисемитизма», а в связи с этим и о вине значительной части немецкого народа, который был не только жертвой, но и соучастником преступления⁴. Говорят о союзе фашистского движения с «частями традиционной, опирающейся на консервативные силы элиты»⁵. Практически замалчивают раскол рабочего класса, облегчивший установление нацистской диктатуры (во всяком случае, в Нюрнбергском манифесте об этом нет ни слова).

Иногда пишут о несостоятельности всех политических партий Веймарской республики — «от консерваторов до коммунистов»⁶. При этом все же не преминут подчеркнуть особое место социал-демократии: из всех политических партий она-де одна, пусть недостаточно активно и последовательно, вела борьбу с фашизмом⁷. Отдавая должное «неисчислимым жертвам подполья», в частности коммунистического, особо отмечают социал-демократическое сопротивление: при этом пытаются утвердить своего рода монополию на наследие лучших не только германских, но и европейских традиций⁸. Другим силам сопротивления (прежде всего коммунистическому подполью, по своему размаху и активности превосходившему остальные силы германского сопротивления⁹) в праве на продолжение лучших демократических традиций как бы отказывается.

³ Справедливости ради необходимо отметить, что при этом СДПГ совершенно определенно высказывается за сохранение послевоенных границ, за соблюдение «восточных» договоров, и прежде всего Московского договора 1970 г. с СССР, что является гарантией стабильности в Европе и во всем мире.

⁴ Die neue Gesellschaft. 1985. N 4. S. 298.

⁵ Ibid. S. 430.

⁶ Vorwärts. 1985. 4. Mai.

⁷ Ibid.

⁸ Geschichte als Auftrag. S. 201, 195.

⁹ Это в последнее время признается и рядом реформистских и буржуазных исследователей. См.: Бровка Л. Н. Современная буржуазная историография политики КПГ в первые годы установления фашизма (1933—1935) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1979. С. 90.

Собственную историю СДПГ в период фашизма вспоминают не слишком охотно. Партию того периода предпочитают, за редким исключением, представлять в качестве единого организма, лишенного каких-либо внутренних противоречий (ну разве что самых «незначительных») и сохранившего в трудные времена приверженность основным реформистским принципам¹⁰. Ненавязчиво пытаются подвести к выводу, что социал-реформистская теория и практика выдержали тячайшую проверку. Все это далеко от действительности, которая, хотя и это вспоминать или нет, была гораздо более сложной. Это был крах идеологии и политики реформизма, капитуляция, полный развал партии, оказавшейся на грани самоликвидации.

Уже мировой экономический кризис 1929—1933 гг. практически застал врасплох лидеров не только немецкой, но и всей международной социал-демократии, вся стратегическая линия которых была рассчитана на бескризисное развитие капитализма. Но времени грандиозных социально-политических катаклизмов на рубеже 20—30-х годов СДПГ превратилась в органическую составную часть буржуазно-парламентской системы, в партию, более всего озабоченную завоеванием голосов избирателей; ее политической платформой становился курс на сотрудничество с буржуазией и антикоммунизм. Некоторые успехи в осуществлении в относительно «спокойных» условиях временной частичной стабилизации капитализма ряда социальных мер, отвечавших интересам трудящихся, породили иллюзорное представление о возможности бескризисного развития капитализма и его мирного вращивания в социализм.

Лидер и идеолог СДПГ Р. Гильфердинг теоретически обосновал и сформулировал концепцию «организованного капитализма» и «экономической демократии», получившую широкое распространение в международных социалистических кругах¹¹. Суть ее состояла в

¹⁰ Die neue Gesellschaft. 1985. N 4. S. 300, 298. См. также: Das «Andere Deutschland» im zweiten Weltkrieg: Emigration und Widerstand in interner Perspektive. Stuttgart, 1977. S. 109—121.

¹¹ Об истоках, сущности и политических теориях реформизма см.: Айзин Б. А. Революционные германские социал-демократы против империализма и войны (1907—1914). М., 1974; Овчаренко Н. Е. Германская социал-демократия на рубеже двух веков. М., 1975; Кульбакин В. Д. Германская социал-

том, что социализма можно якобы достичь без революционных потрясений, которые так напугали правых лидеров СДПГ во время Ноябрьской революции 1918 г.¹², а путем постепенного подчинения капиталистических монополий интересам всего общества, трудящегося населения, используя для этого государственное вмешательство в экономику, парламентскую борьбу и политику сотрудничества с буржуазными партиями. При этом предполагалось активное участие рабочего класса через профсоюзы в управлении экономикой, которое якобы обеспечит достижение «экономической демократии». В политически весьма развитой буржуазной демократической системе Веймарской республики правосоциалистические теоретики и руководители СДПГ усматривали воплощение демократии вообще, преодолевшей в значительной мере классовый характер государства, и уж во всяком случае — основу и инструмент для трансформации «организованного капитализма» в социализм.

Такое понимание проблемы перехода от капитализма к социализму приводило к парадоксальным теоретическим разработкам и политическим действиям, когда партия, провозглашавшая своей целью построение социализма, одновременно вынуждена была постоянно пребывать в положении врача «у постели больного капитализма»¹³. Переждать, дать капитализму справиться с кризисом собственными силами, всячески содействуя ему при этом путем сдерживания активности масс, предотвращением забастовок и т. д. — такова была позиция германской социал-демократической партии в период до 1933 г.¹⁴ Это порождало прямую зависимость

демократия, 1924—1932. М., 1978; Орлов В. С. СДПГ: идейная борьба вокруг программных установок, 1945—1975. М., 1980; Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами. М., 1984.

¹² О деятельности СДПГ в период Ноябрьской революции и в годы становления Веймарской республики см.: Дробикин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967; Он же. Становление Веймарской республики. М., 1978; см. также: Орлова М. И. Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика коммунистической партии. М., 1973.

¹³ См.: Sozialdemokratischer Parteitag in Leipzig, 1931: Protokoll. В., 1931. S. 45.

¹⁴ Подробнее о деятельности СДПГ в годы экономического кризиса см.: Гинцберг Л. И. Рабочее и коммунистическое движение Германии в борьбе против фашизма (1919—1933). М., 1978; Кульбакин В. Д. Указ. соч.

от буржуазной политики, фактически «разоружало рабочее движение перед лицом фашистской опасности»¹⁵.

Социал-демократы на своем Лейпцигском съезде 1931 г., в прессе и лозунгах четко и внятно предупреждали об опасности фашизма¹⁶. Однако, отвергая массовую антифашистскую борьбу, негативно относясь к любым предложениям коммунистов по этому поводу, социал-демократическое руководство уверяло, что единственная возможность спасения демократии — это проведение государством «последовательной антифашистской политики»¹⁷. СДПГ видела в системе буржуазной государственной власти последний оплот демократии, хотя уже тогда существующая буржуазно-парламентская система под натиском сил внутренней реакции трещала по швам, а либерализм, сам породивший слабость рейхстага и всеилие правительственных кабинетов, явно находился в глубоком кризисе.

Недоверие к массовой борьбе и превознесение способности буржуазно-демократического государства пресечь наступление фашизма породили политику терпимости по отношению к реакционным правительствам, ставленникам крупного германского капитала, как «меньшему злу» по сравнению с фашизмом. Политика «меньшего зла» могла приобрести положительный смысл лишь в том случае, если бы вожди СДПГ выступили за сплочение всех прогрессивных сил народа под руководством объединенного в едином фронте рабочего класса, если бы она сопровождалась мощной внепарламентской поддержкой трудящихся (впрочем, это была бы уже другая политика). Однако делать этого правые социал-демократы не собирались. Они заявили даже, что склонны «терпеть нарушение демократической формы правления только ради спасения демократического содержания конституции», будучи не в состоянии понять, что свертывание демократических форм правления постепенно ведет к ликвидации самой конституции.

Теория «меньшего зла», которая фактически облегчала фашистам продвижение к власти, имела в своей

¹⁵ Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1981. Т. 5. С. 430.

¹⁶ Die Gesellschaft. 1931. N 12, S. 490—491.

¹⁷ Ibid.

основе теоретически несостоятельный, но отвечавший определенным политическим расчетам тезис о мелкобуржуазной, даже некапиталистической природе фашизма¹⁸. При этом упускалось из виду принципиальное различие между классовой сущностью фашизма и его массовой базой. Объективно это обеспечивало алиби наиболее реакционным и агрессивным фракциям финансово-монополистической верхушки, дезориентировало массы и «означало на деле содействие тем силам, которые расчищали дорогу фашистам»¹⁹. Более того, антинаучным тезисом об общей природе фашизма и большевизма правые лидеры СДПГ до предела углубляли раскол рабочего класса, подрывая ту единственную силу, которая только и могла удержать Веймарскую республику на краю пропасти.

Приход фашистов к власти в Германии означал крушение теоретических и политических концепций СДПГ, которые оказались иллюзорными, оторванными от реальных исторических закономерностей развития капиталистического общества.

Боязнь массовых выступлений пролетариата, а в конечном счете и социалистической революции вообще, и на этот раз оказалась у правого руководства СДПГ сильнее, чем его субъективно несомненно искренняя приверженность буржуазно-демократическим ценностям и социалистическим идеалам, чем его желание защитить демократию. Антикоммунизм правых лидеров превосходил их антифашизм, сковывал антифашистско-демократический потенциал партии, всего рабочего класса. СДПГ как рабочая партия, за которой шли значительные массы трудящихся²⁰, опять, как и в 1914—1918 гг., обнаружила свою несостоятельность перед лицом ответственности, которую на нее возлагала история. История снова ломала реформистские схемы, социал-демократическая партия снова оказывалась в

¹⁸ Этот тезис был широко распространен в международных социал-демократических кругах. См.: Международное рабочее движение. Т. 5. С. 428, 444.

¹⁹ История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 402.

²⁰ По своему социальному составу СДПГ являлась рабочей партией: в 1927 г. 48% ее членов составляли рабочие, 10,02% — служащие, 17,02% — домохозяйки, остальные — представители других профессий: учителя, студенты, мелкие предприниматели, представители научной интеллигенции. См.: Sozialdemokratischer Parteitag in Kiel: Protokoll. В., 1927,

состоянии глубокого политического, идеологического и организационного кризиса.

Дифференциация, перераставшая в раскол партии, внутривнутрипартийная борьба, масса групп и течений, действовавших как в подполье, так и в различных районах эмиграции, переоценка устоявшихся ценностей и представлений, бесконечные колебания и маневры руководства (справа налево и наоборот), зыбкость идеологических позиций, извилистость политической линии делают исключительно сложным для понимания судьбы германской социал-демократии период с 1933 по 1945 г. Это было время, когда в СДПГ шел интенсивный процесс дифференциации партии на два противоположных направления: сближавшееся с классово-революционным и традиционное вяло-реформистское, каждое из которых вырабатывало свои идеологические и политические концепции. Очень часто лидеры социал-демократии скатывались к центризму, прикрывая громкой революционной фразой полное безволие и политическую пассивность. Однако к концу войны позиции определились: одни выбрали социалистическую ориентацию и пошли на создание через объединение с КПГ Социалистической единой партии Германии, другие — буржуазную демократию Запада и приняли в послевоенный период в Бад-Годесберге программу, которая стала образцом для правого крыла международной социал-демократии.

Предлагаемое исследование представляет собой попытку воссоздать обобщающую, объемную картину политики СДПГ во всем ее многообразии и изменчивости в условиях фашистского режима, рассмотреть немецкую социал-демократию как яркого представителя социал-реформизма на крутом изломе истории, показать приведшее к кризису функционирование реформизма в условиях жесточайшей капиталистической реакции, когда испытывались на прочность многие идеологические и политические концепции.

В книге исследуется позиция СДПГ, борьба различных течений и групп внутри нее по проблемам фашизма и войны, стратегии и тактики в антифашистской и антивоенной борьбе — по проблемам союзников, единого рабочего и народного фронта, будущего устройства Германии. Представлена конкретная деятельность социал-демократического подполья, эмиграции.

Источники, имевшиеся в распоряжении автора,—

публикации из архивов ГДР и ФРГ, пресса различных направлений, мемуары, статьи и письма видных деятелей германского и международного рабочего движения, биографии коммунистов и социал-демократов—борцов сопротивления, позволяют воссоздать достаточно полную картину деятельности СДПГ того периода. Впервые в полном объеме были использованы документы из личного архива одного из лидеров СДПГ, Ф. Штампфера, ряд других изданных материалов из архивов СДПГ в Бонне, личных архивов социал-демократов и т. д.²¹ Используются также документы партийного Правления СДПГ за 1933 г. из архива Института социальной истории в Амстердаме, изданные в ФРГ Хагеном Шульце²². Эти издания содержат протоколы заседаний Правления СДПГ и социал-демократической фракции рейхстага, меморандумы, циркуляры, проекты программ, воззвания, переписку между видными функционерами партии и, кроме того, ряд материалов о деятельности левой оппозиции.

Привлечены самые значительные документы как правой, так и левой социал-демократической эмиграции, большей частью еще не использованные советскими исследователями. Это и программа СДПГ 1934 г.—Пражский манифест; ряд других программных заявлений Правления партии; программы ведущих левых направлений — группы «Ной бегиннен», «Революционных социалистов», Социалистической рабочей партии (СРП); теоретические материалы лондонской эмиграции «О политике немецких социалистов»; Бухенвальдский манифест, принятый радикальными кругами социал-демократии в конце войны; ряд документов движения «Свободная Германия» и др.; труды теоретиков партии того периода²³⁻²⁴.

²¹ Mit dem Gesicht nach Deutschland: Eine Dokumentation über die sozialdemokratische Emigration. Aus dem Nachlass von F. Stampfer / Hrsg. von E. Matthias, bearbeitet von W. Link. Düsseldorf, 1968; Der Untergang der Sozialdemokratie 1933: Eine Dokumentation, eingel. von E. Matthias // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte. 1956. H. 2; Das Ende der Parteien 1933/Hrsg. von E. Matthias und R. Morsey. Düsseldorf, 1960; Widerstand und Emigration der deutschen Arbeiterbewegung: Dokumente und Materialien. Bonn, 1982.

²² Schulze H. Anpassung oder Widerstand? Aus den Akten des Parteivorstandes der deutschen Sozialdemokratie 1932/1933. Bonn; Bad-Godesberg, 1975.

²³⁻²⁴ Das Prager Manifest der SPD 1934: Kampf und Ziel des revolutionären Sozialismus: Politik der Sozialdemokratischen

Автор привлекла документы антифашистского Сопротивления — листовки, воззвания и т. п., опубликованные в 60—80-е годы в большом количестве в ГДР и ФРГ²⁵, внимательно изучила социал-демократическую прессу, представленную газетами «Форвертс», «Нойер Форвертс», «Социалистише миттайлунген», журналами — «Дойчланд-Берихте дер Сопаде», «Цайт-шриффт фюр социализмус» и др. Пресса СДПГ зачастую далеко не адекватно отражала и трактовала ход событий в стране, извращала сущность предложений коммунистов по созданию единого фронта и т. п.

Автором использован ряд буржуазных газет за 1933 г. Надо сказать, что в предэмиграционный период (до июня 1933 г.) ввиду запрета социал-демократической прессы лидеры СДПГ неоднократно пользовались услугами отдельных буржуазных изданий, таких, как «Фоссише цайтунг», «Дойче альгемайне цайтунг» и др.

Сопоставление социал-демократической и коммунистической прессы позволяет выявить истинный смысл «революционной» фразеологии на страницах газет и журналов СДПГ. ЦО КПГ «Ди Роте Фане», коммунистические издания — «Рундшау», «Ди Интернационале» и др. содержат материалы, свидетельствующие о политической линии руководства СДПГ; в то же время автор не может не учитывать того, что критика реформизма со стороны коммунистов непосредственно перед и в первый год установления фашистской диктатуры в

Partei Deutschlands. Karlsbad, 1934 // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1972. H. 7; *Miles*. Neu beginnen. Karlsbad, 1933; *Zur Politik der deutschen Sozialisten: Politische Kundgebungen und programmatische Richtlinien der Union deutscher sozialistischer Organisationen in Großbritannien, 1941—1945*. L., 1945; *Zur Nachkriegspolitik der deutschen Sozialisten*. Stockholm, 1944; *Das Buchenwalder Manifest // Freies Deutschland*. 1945. Aug. N 9; etc.

Geyer K. Die Partei der Freiheit. P. 1939; *Decker G.* Revolte und Revolution. Karlsbad, 1934; etc.

²⁵ *Der deutsche antifaschistische Widerstand, 1933—1945*. Frankfurt a.M., 1975; *Bohn W.* Stuttgart: Geheim! Ein dokumentarischer Bericht. Frankfurt a.M., 1970; *Widerstand und Verfolgung in Köln, 1933—1945*. Köln, 1974; *Salm F.* Im Schatten des Henkers. Frankfurt a.M., 1973; *Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung. Eine Auswahl von Dokumenten und Materialien*. B., 1958; *Kampf um Deutschland (Dokumente und Berichte)*. B. 1968; *Damit Deutschland lebe: Ein Quellenwerk über den deutschen antifaschistischen Widerstandskampf (1933—1945)* / Hrsg. von W. Schmidt. B., 1959.

Германии подчас велась в чрезмерно резкой форме, в духе еще не изжитых сектантских представлений.

Наконец, к работе привлечено большое количество мемуаров тогдашних лидеров СДПГ — Ф. Штампфера, О. Брауна, П. Лёбе и др.²⁶ В подавляющем большинстве их авторы дают свою трактовку причин и процесса установления фашизма в Германии, оправдывают политику правого крыла СДПГ, пытаясь вину за раскол германского пролетариата всецело переложить на коммунистическую партию.

Мемуары левых социал-демократов и коммунистов позволяют живо воссоздать объективную картину процессов в рабочем движении. Они отражают стремление социал-демократических рабочих к единому фронту с коммунистами, ярко раскрывают трудную работу компартии по выработке унитарной боевой тактической линии²⁷.

При изучении проблемы автор опиралась на работы советских специалистов по истории фашизма, международного и германского рабочего движения, Коммунистической партии Германии и т. д.²⁸ Советские историки разработали в общем принципиально верную оценку деятельности СДПГ в период фашистской диктатуры, в частности ее правого крыла, до запрета партии летом 1933 г. Исследуя попытки прямого приспособления к фашизму в первые месяцы существования гитлеровского режима, Г. Л. Розанов, А. А. Галкин, А. С. Бланк, В. Д. Кульбакин и др.²⁹ приходят к закономерному выводу об исторической ответственности правых лидеров СДПГ за приход фашистов к власти. Широко представлена история СДПГ в коллективном

²⁶ *Stampfer F.* Erfahrungen und Erkenntnisse. Köln, 1957; *Severing K.* Mein Lebensweg. Köln, 1950. Bd. 2.

²⁷ *Далем Ф.* Накануне второй мировой войны, 1938 — август 1939 г.: Воспоминания. М., 1982. Т. 1—2; *Эггерат В.* Куда идешь, Германия? М., 1968; *Buchwitz O.* 50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung. В., 1958.

²⁸ Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. Т. 5; История фашизма в Западной Европе; *Лейбзон Б. М., Шириня К. К.* Поворот в политике Коминтерна. М., 1975; и т. д.

²⁹ *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1967; *Гинцберг Л. И.* Указ. соч.; *Бланк А. С.* КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964; *Гинцберг Л. И., Дробкин Я. С.* Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933—1945). М., 1961; *Розанов Г. Л.* Германия под властью фашизма. М., 1964; *Кульбакин В. Д.* Указ. соч., и т. д.

труде ученых ГДР под редакцией Г. Нимана, в ряде конкретных работ Д. Ланге, К. Маммаха, Г. Нимана и др.³⁰

Однако в целом деятельность СДПГ в период фашистской диктатуры, в особенности в советской историографии, осталась нераскрытой. Это относится к различным левым течениям, к социал-демократическому подполью, к дифференциации партии после 1933 г.; не прослежена динамика изменения различных идеологических и тактических установок многочисленных групп и течений. Настоящая работа является попыткой восполнить этот пробел, показать деятельность СДПГ в течение всего периода правления нацистов в Германии во всей ее сложности. Освещение данной темы имеет хотя и не прямое и открытое, но все же весьма существенное значение для взаимоотношений социал-реформистского и коммунистического течений в наши дни, а кроме того, диктуется интенсивностью исследований названной проблематики в буржуазной и реформистской историографии, пронизанных партийными пристрастиями, «подчистками» в истории рабочего движения фашистского периода.

Буржуазная и реформистская историография ФРГ в оценке предложенной темы, равно как и всего рабочего движения Германии, до середины 60-х годов отличалась крайним консерватизмом. Почти свыше 20 лет после окончания второй мировой войны она занималась исключительно буржуазно-верхушечной оппозицией, заговором 20 июля 1944 г. Исходя из доминировавших тогда взглядов, согласно которым массовые движения в условиях тоталитарного режима обречены на провал, в большинстве своем буржуазные и реформистские исследователи утверждали, что политика руководства СДПГ была в высшей степени разумной и осмысленной³¹; затушевывалась реальная картина происхо-

³⁰ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie 1917 bis 1945. B., 1982; Faschismus-Forschung: Positionen, Probleme, Polemik. B., 1980; *Niemann H., Findeisen O., Lange D., Wild K.-H.* SPD und Hitlerfaschismus: Der Weg der deutschen Sozialdemokratie von 30. Jan. 1933 bis zum 21. Apr. 1946. Diss. B., 1965. Bd.1—4; *Mammach K.* Die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung. B., 1974; etc.

³¹ *Bracher K.* Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart; Düsseldorf, 1957; *Grebing H.* Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. München, 1963; *Rothfels H.* Die deutsche Opposition gegen Hitler. Frankfurt a.M.; Hamburg, 1963.

дивших в стране и партии событий (свою роль при этом сыграли мемуары деятелей СДПГ периода Веймарской республики и фашизма). Вся вина за раскол рабочего класса и установление фашизма возлагалась на Компартию Германии.

В целом в этом же духе выдержана первая капитальная работа по истории социал-демократии периода фашистской диктатуры — монография видного социал-демократического историка Э. Маттиаса³². Правда, при всей апологизации политики правого руководства СДПГ, при всей тенденциозности выдвинутых автором концепций (широко известно и имеет свое продолжение в настоящем утверждении, будто происходило последовательное сближение в рассматриваемый период всех без исключения течений социал-демократии на основе принципов «западноевропейского гуманизма» и «народной партии» и т. п.) книга Маттиаса содержит ряд критических суждений относительно позиции руководства СДПГ, в особенности в период приспособления к фашизму. Этим можно объяснить столь устойчивый интерес к данной книге, равно как и к другим, более поздним работам этого исследователя.

Такой же популярностью пользуется и книга американского исследователя Л. И. Эдингера, где наряду с критическими замечаниями в адрес руководства СДПГ, его некоторых устоявшихся, устаревших представлений и т. п. впервые была дана довольно близкая к реальности картина раскола партии на левое и правое крыло³³. Эдингер справедливо подчеркнул, что в центре разногласий в СДПГ стояла проблема единого фронта.

Критические тенденции в оценке деятельности СДПГ периода фашизма наметились в буржуазной и реформистской историографии с середины 60-х годов. При этом свою роль сыграла историческая наука ГДР, ее метод, ее интенсивное исследование различных аспектов германского рабочего движения, в том числе периода фашизма. В ФРГ началось весьма усиленное изучение рабочего, в том числе социал-демократического, сопротивления. Все чаще предпринимались попытки объективно оценить исторические реальности.

³² *Matthias E. Sozialdemokratie und Nation. Stuttgart, 1953.*

³³ *Edinger L. J. Sozialdemokratie und Nationalsozialismus. Hannover, 1960.*

Вспомнили, что в Германии есть не только милитаристские и реваншистские традиции, которые вызывают чувство стыда, но и традиции антифашистские, антивоенные, которыми можно и должно гордиться. Все чаще отмечалось значение сопротивления для борьбы с нацизмом, так или иначе освещалась проблема создания единого рабочего и народного фронта³⁴.

Заговорили об упущенных возможностях, промахах, иллюзиях, о «пассивности», пагубной «легалистской» традиции в политике СДПГ, которые ослабляли позицию партии, делали ее весьма уязвимой перед лицом фашистской опасности. Стали отмечать наличие различных течений и групп в СДПГ. В отдельных публикациях признавалось, что проблема единого фронта вызвала «длительный процесс отчуждения между руководством СДПГ и основной массой социал-демократов, падение влияния лидеров СДПГ на подполье»³⁵. При этом вину за срыв единого фронта по-прежнему возлагали на Компартию Германии, обвиняя ее в якобы извечном «антидемократизме» и стремлении к захвату власти³⁶. А некоторые, в первую очередь представители официальной социал-реформистской историографии, восхваляли антикоммунистический курс лидеров СДПГ, направленный на срыв создания единого рабочего фронта, который-де позволил сохранить «реформистскую субстанцию» и западную ориентацию партии³⁷.

В ряде же последних работ социал-демократических историков позиция правого крыла СДПГ рассматривается просто как естественная для партии с традиционной тягой к западной демократии. При всем так называемом «объективизме» и отсутствии видимых нападок на КПГ незаметно искажают объективную реальность. Так, например, из всего спектра полити-

³⁴ *Klotzbach K.* Gegen den Nationalismus: Widerstand in Dortmund (1930—1945). Hannover, 1969; *Limmer H.* Die deutsche Gewerkschaftsbewegung. München, 1973.

³⁵ *Moraw F.* Die Parole der Einheit und die Sozialdemokratie. Bonn; Bad-Godesberg, 1973. S. 37.

³⁶ *Adolph H.* Otto Wels und die Politik der deutschen Sozialdemokratie 1894—1939. [West] Berlin, 1971. S. 40; *Sywottek A.* Deutsche Volksdemokratie: Studien zur politischen Konzeption der KPD, 1936—1946. Düsseldorf, 1971. S. 94.

³⁷ *Koepke C.* Sozialismus in Deutschland. München; Wien, 1970, S. 71; см. также: Das «Andere Deutschland» im zweiten Weltkrieg.

ческих партий веймарского периода только социал-демократию выделяют в качестве лидера антифашистской борьбы и сопротивления³⁸. СДПГ представлена организацией с единой антифашистской позицией, едиными идеологическими установками и несуществующими разногласиями (проблем нет — их просто не упоминают). Позиция нынешних социал-демократических историков тесно смыкается с позицией официального руководства СДПГ.

Истинную сущность политики СДПГ в период фашизма, крах идеологии и политики реформизма, тормозящее воздействие антикоммунизма на антифашистские позиции показывают в своих работах историки-марксисты ФРГ — преемники крупного исследователя германского рабочего движения В. Абендрота — Ю. Фрейберг, Б. Гебель-Кунце, В. Рунге и др.³⁹ При всем критическом отношении к политике тогдашней КПП большую часть ответственности за раскол рабочего класса Германии, что облегчило победу фашистов, они возлагают на германскую социал-демократию. Центральной проблемой, от которой зависела тогда судьба Германии, они считают проблему единства рабочего класса⁴⁰.

³⁸ В частности, в изданной Р. Лёвенталем работе по германскому сопротивлению раздел о социал-демократическом сопротивлении вынесен на первое место. См.: *Widerstand und Verweigerung in Deutschland, 1933 bis 1945* / Hrsg. von R. Löwenthal, P. v. zur Mühlen. Bonn, 1984. Лёвенталь — один из лидеров левого крыла СДПГ в период фашизма, сегодня — одна из наиболее правых фигур в СДПГ.

³⁹ *Abendroth W. Aufstieg und Krise der deutschen Sozialdemokratie*. Frankfurt a.M., 1965; *Freyberg J. Sozialdemokratie und Kommunisten: Die Revolutionären Sozialisten Deutschlands vor dem Problem der Aktionseinheit, 1934—1937*. Köln, 1973; *Runge W. Das Prager Manifest von 1934*. Hamburg, 1974; *Hebel-Kunze B. SPD und Faschismus: Zur politischen und organisatorischen Entwicklung der SPD, 1932—1935*. Frankfurt a.M., 1977.

⁴⁰ Подробнее об исследовании политической деятельности СДПГ в период фашизма историками ФРГ см.: *Бровко Л. Н. Новое в историографии ФРГ по проблемам германского социал-демократического движения и единого фронта в годы фашизма* // Ежегодник германской истории, 1979. М., 1981; *Она же. Политика германской социал-демократии в период фашистской диктатуры (1933—1938)* // Историография всеобщей истории. Куйбышев, 1976; *Мерцалова Л. А. Современная антифашистско-демократическая литература ФРГ о немецком сопротивлении* // Новая и новейшая история. Саратов, 1979.

Проблема единого рабочего и народного фронта — центральная и в предлагаемой монографии. Она не ставится искусственно, она была выдвинута объективным ходом развития международного рабочего и демократического движения в рассматриваемый период.

Отношение к единому рабочему и народному фронту — ключ к пониманию всего периода деятельности СДПГ в годы фашизма, позиции ее различных течений. Это был жизненно важный вопрос, который объективно стоял перед всем рабочим и антифашистско-демократическим движением Германии и влиял на общую атмосферу в социал-демократии, на ее антифашистскую позицию, на формирование ее идеологических концепций и политических установок, на ее оргструктуру, на всю динамику развития социал-демократии в период правления нацистов (сложную, неустойчивую, насыщенную случайными элементами).

Исследование проблем германского рабочего движения в годы фашизма, проблем немецкой социал-демократии со всеми сложными перипетиями ее истории показывает, к каким трагическим последствиям, к какому трагическому исходу могут привести пассивность, любые упущения возможностей установления единства действий демократических сил, насколько важно единство рабочего класса в борьбе с фашизмом и реакцией. Горький опыт германского рабочего класса показывает, сколь велика бывает в критические моменты человеческой истории ответственность, глобальная ответственность рабочего класса, рабочих антифашистских партий не только за судьбу своей страны, но и за судьбу всего мира. Этот опыт учит, насколько важно во имя спасения страны и мировой цивилизации, всех общечеловеческих ценностей преодолеть партийные амбиции и гегемонистские притязания, перешагнуть через идеологические препятствия и сектантство, насколько важны последовательность в борьбе с реакцией и фашизмом, умение учиться на ошибках, насколько важны смелые, быстрые и решительные совместные действия рабочих партий. Вероятно, все это могло бы повернуть ход истории в другом направлении, прежде всего в момент установления фашистской диктатуры, в первое время ее правления, а также повлиять как на эффективность антифашистских и антивоенных действий, так и в конечном счете на выработку единых позиций в решении вопроса о будущем Германии.

СДПГ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Тактика легальной оппозиции

Германская монополистическая буржуазия, пытаясь выйти из кризиса за счет трудящихся масс, делала ставку на сильную государственную власть, на фашизм, способный, используя социальную демагогию, идеи национализма и шовинизма, заглушить массовое недовольство трудящихся усиливавшейся капиталистической эксплуатацией, подавить революционное рабочее движение в стране. При этом основной целью монополистических и финансовых кругов страны оставалась подготовка к войне за передел мира, что предполагало усиление реакционных тенденций по всем линиям. Пришедшее к власти в марте 1930 г. на смену правительству социал-демократа Г. Мюллера правительство во главе с лидером партии Центра Г. Брюнингом, а затем кабинеты Папена и Шлейхера с помощью чрезвычайных законов проводили антинародную политику, направленную на свертывание демократических прав и свобод трудящихся и социальных завоеваний, методично расчищая путь фашизму.

Из демократических сил страны наиболее остро почувствовали опасность коммунисты. Еще до прихода нацистов к власти Коммунистическая партия Германии (КПГ) рассматривала фашизм прежде всего как порождение капиталистической реакции, «самую жестокую форму господства финансового капитала»¹. XII съезд КПГ в июне 1929 г. предупреждал о серьезной опасности фашизма, поставил задачу сплотить рабочий класс, всех трудящихся в борьбе против реакции и военной опасности².

¹ Faschismus-Forschung: Positionen, Probleme, Polemik. В., 1980. S. 326.

² См.: Protokoll der Verhandlungen des 12. Parteitags der Kommunistischen Partei Deutschlands, Berlin — Wedding. 16.6 1929. Frankfurt a.M. 1972.

Программа национального и социального освобождения Германии, принятая компартией в июне 1930 г., нацеливала рабочий класс страны на преодоление раскола и объединение всех антифашистских сил в едином фронте³. Однако, надо сказать, определенные теоретические установки тормозили разумную практическую линию коммунистов на достижение единства. Теория довлела над практикой. Принятая новая программа КППГ не была свободна от сектантских и догматических представлений, свойственных, впрочем, всему коммунистическому и рабочему движению в 30-е годы и объективно имевших довольно противоречивые последствия в плане политики единства⁴. Прежде всего это касалось бытовавшей неверной оценки социал-демократии как главной опоры буржуазии, что на практике препятствовало достижению действительного единства между двумя рабочими партиями.

Кроме того, коммунисты слишком прямо и непосредственно связывали борьбу против фашизма и войны с революционным свержением буржуазии и установлением власти Советов. Как известно, однако, в большинстве развитых капиталистических стран, в том числе и в Германии, в рассматриваемый период для этого не было необходимых предпосылок. «Проводилась аналогия создавшегося положения с условиями 1918—1919 гг. Несомненно, это было преувеличенной оценкой степени и темпов назревания революционного кризиса. Недостаточно учитывалось то, что расстановка сил в результате фашистского наступления менялась, становилась гораздо сложнее и противоречивее»⁵.

В эти годы в рядах КППГ весьма широко была распространена определенная недооценка самостоятельного значения непосредственных социальных и общедемократических требований. Задачи борьбы за демократические права трудящихся против угрозы войны и реакции, как правило, выдвигались лишь в прямой связи с пропагандой необходимости социалистической

³ Revolutionäre deutsche Parteiprogramme. В., 1965.

⁴ VI конгресс Коминтерна: Стенограф. отчет. М.; Л., 1929; XIII пленум Исполнительного Комитета Коминтерна: Стенограф. отчет. М., 1934.

⁵ Международное рабочее движение; Вопросы истории и теории. М., 1981, Т. 5. С. 248.

революции⁶. Соответственно сужалась трактовка проблемы единого рабочего фронта, который понимался как объединение, основанное на строго революционных принципах при идейно-политическом руководстве коммунистов.

Роковые последствия имела сугубо волюнтаристская и пропагандистская оценка социал-демократии как социал-фашизма. Оценка эта была не только следствием схематичного, сектантского подхода коммунистов к социал-демократии, но и во многом эмоциональной реакцией на политику ее правых лидеров, бездействовавших перед лицом наступления фашизма, на политику классового сотрудничества с буржуазией, на участие движимой ярым антикоммунизмом верхушки социал-демократической партии Германии (СДПГ) в террористических расправах с революционными рабочими⁷. Так, полицай-президенты многих городов и министры внутренних дел различных земель, посты которых занимали социал-демократы, запрещали коммунистическую печать, демонстрации и собрания и т. д. Широко известен факт, когда полицай-президент Берлина Цергибель расстрелял первомайскую демонстрацию рабочих в 1929 г.

Практика показала, что определение «социал-фашизм» было ошибочным и чрезвычайно пагубным. Оно мешало вовремя заметить, что в рядах социал-демократии растут антифашистские настроения, не позволяло «наилучшим образом использовать возможности, открывшиеся в годы мирового экономического кризиса для вовлечения широких масс трудящихся в борьбу против реакции и фашизма»⁸. Однако, учитывая многообразную практическую деятельность КПГ в эти годы по вовлечению трудящихся в антифашистскую борьбу, можно определенно сказать, что это были ошибки и недостатки борющейся партии, не жалевшей усилий для организации отпора классовому врагу и не страшившейся жертв.

В ослаблении сектантских установок и поиске новой тактической линии огромная заслуга принадле-

⁶ *Ulbricht W.* Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung: Aus Reden und Aufsätzen. B., 1953. Bd. I. S. 662.

⁷ *Schleifstein J.* «Sozialfaschismus»-These: Zu ihrem geschichtlichen Hintergrund. Frankfurt a.M., 1980. S. 39—50.

⁸ Международное рабочее движение. Т. 5. С. 250.

жала председателю КПГ Эрнсту Тельману. Он стал одним из инициаторов новой формы массового политического антифашистского движения, которое выходило за рамки прежних представлений о едином рабочем фронте, — движения «Антифашистская акция». 26 мая 1932 г. ЦК КПГ опубликовал воззвание «Антифашистская акция», в котором предлагалось развертывать массовую борьбу в защиту повседневных интересов трудящихся, проводить забастовки, массовые политические стачки и таким способом отбить наступление буржуазии, преградить гитлеровцам путь к власти, сорвать установление в Германии фашистской диктатуры⁹. ЦК КПГ призвал к созданию отрядов массовой самообороны и антифашистского фронта рабочих и всего населения — служащих, мелких чиновников, средних городских слоев, крестьянства и т. д.

Движение представляло собой ростки тех комитетов единого и народного фронта, которые позднее, в годы жесточайшей фашистской диктатуры, стали создаваться и в эмиграции, и на территории Германии и деятельность которых вылилась в антифашистское движение «Свободная Германия». Э. Тельман так разъяснял сущность «Антифашистской акции»: «Это — надпартийное объединение всех рабочих, готовых к беззаветной борьбе против фашизма. Это не организация, а массовое движение. Различие мнений по разным вопросам не должно отвлекать от главного ... как помешать установлению в Германии фашистской диктатуры»¹⁰. В разных городах начали возникать единые комитеты «Антифашистской акции», в землях проходили конференции. 10 июля 1932 г. в Берлине состоялся Конгресс антифашистского действия. В стране проходили массовые митинги и демонстрации. Наивысшего накала классовая борьба трудящихся достигла в ходе крупнейшей забастовки берлинских транспортников в октябре—ноябре 1932 г.

Необходимость вести борьбу против капитулянтства социал-демократических лидеров и их отказа от единых антифашистских действий и одновременно против

⁹ Die Rote Fahne. 1932. 26. Mai.

¹⁰ Ernst Thälmann: Eine Biographie. В., 1979. S. 163. Об Э. Тельмане см.: Эрнст Тельман: Биография: Пер. с нем. М., 1984; Давидович Д. С. Эрнст Тельман; Страницы жизни и борьбы. М., 1971.

сектантства в собственных рядах осложняла задачи руководства КПП. Однако, преодолевая эти трудности, партия настойчиво искала пути объединения рабочего класса и всех демократических сил против наступления фашизма. Постепенно начинают пересматриваться некоторые догматические установки относительно социал-демократии, хотя, конечно, это были лишь первые робкие шаги. Так, на пленуме ЦК КПП 24 мая 1932 г. Тельман выступил против вредной формулировки «социал-фашизм», высказался за новые, более гибкие лозунги и новые пути подхода к массам в целях привлечения их на сторону антифашистской борьбы¹¹.

Весной 1932 г. КПП предложила социал-демократам выдвинуть общую кандидатуру на президентских выборах, выразив готовность поддержать лидера социал-демократов Пруссии О. Брауна. Однако социал-демократическая верхушка предпочла кандидатуру махрового реакционера Гинденбурга, еще раз продемонстрировав свою крайнюю политическую близорукость и непоследовательность (ведь еще в 1925 г. на аналогичных выборах СДПГ заявляла, что тот, кто отдает голоса за Гинденбурга, совершает предательство).

Между тем реакция готовила новый заговор против республики, намереваясь ликвидировать веймарское коалиционное правительство в Пруссии во главе с социал-демократом О. Брауном. В критический для судьбы республики момент — 20 июля 1932 г., когда социал-демократические министры чуть ли не силой были выпровожены из своих кресел, ЦК КПП обратился к СДПГ, реформистским и христианским профсоюзам с предложением установить единство действий и объявить всеобщую забастовку¹². Лидеры СДПГ и на этот раз отвергли предложение коммунистов под предлогом необходимости подготовки к выборам в рейхстаг, хотя совсем незадолго перед этим они уверяли членов своей партии, что в случае антиконституционных действий примут самые решительные меры¹³. Такая позиция СДПГ вызвала удовлетворение реакционных буржуазных кругов. Лидер немецких националистов А. Гугенберг писал 21 июля, что социал-де-

¹¹ Die Antifaschistische Aktion: Dokumentation und Chronik. Mai 1932 bis Januar 1933. В., 1965. S. 22.

¹² Ibid. S. 193.

¹³ Vorwärts. 1932. 17, 21. Juli.

мократия «сдерживает своих людей, обнадеживает их выборами, и это радостно осознать»¹⁴.

Возглавлявшие прусское правительство видные деятели СДПГ имели все возможности воспрепятствовать реакции. Социал-демократы занимали в прусском государстве важные правительственные посты, в их распоряжении была прусская полиция. Только у министра внутренних дел Пруссии Зенеринга в Берлине имелось около 20 тыс. полицейских, что намного превышало контингенты войск, находившихся в день переворота в столице¹⁵. Во многих городах полиция возглавлялась социал-демократами. Почти 65% общего числа начальников полиции составляли социал-демократы, а с осени 1930 г. полицай-президентом Берлина стал видный деятель СДПГ А. Гржезинский. Эта партия располагала к тому же мощным пропагандистским аппаратом, который при желании мог быть использован для защиты республики (к середине 1925 г. СДПГ издавала 144 партийные газеты, из которых 103 имели свои типографии)¹⁶.

Однако социал-демократы практически без сопротивления сдали свои позиции реакционным силам. Глава прусского кабинета министров О. Браун даже не нашел нужным прервать свой отпуск (в марте 1933 г. он эмигрировал в Швейцарию)¹⁷. Осторожное лавирование, приспособление к «меньшему злу» и ожидание следующих выборов — вот масштаб их политической деятельности — так отзывался о тогдашних лидерах СДПГ отнюдь не симпатизирующий коммунистам западногерманский исследователь Г. Потхофф¹⁸.

Переворот в Пруссии нанес большой ущерб демократическим силам страны, дал в руки реакции новые средства и возможности для подготовки фашистской диктатуры. В то же время капитуляция лидеров СДПГ 20 июля 1932 г. стала прологом их капитуляции 30 января 1933 г.

У рабочих партий были все возможности сплотить и повести за собой массы. Об этом свидетельствовал их

¹⁴ Цит. по: *Кульбакин В. Д.* Германская социал-демократия, 1924—1932. М., 1978. С. 248.

¹⁵ См.: *Германская история в новое и новейшее время.* М., 1970. Т. 2. С. 165.

¹⁶ См.: *Кульбакин В. Д.* Указ. соч. С. 45, 49.

¹⁷ *Braun O.* Von Weimar zu Hitler. N. Y., 1940. S. 451.

¹⁸ *Pottchoff H.* Die Sozialdemokratie von den Anfängen bis 1945. Bonn; Bad-Godesberg, 1974. S. 117—118, 122.

успех на ноябрьских 1932 г. выборах в рейхстаг, где они получили на 1,3 млн голосов больше, чем в июле. Казалось, что началось отрезвление тех слоев населения, которые были обмануты фашистской пропагандой, появилась перспектива упадка фашистской партии (потеря 2 млн голосов). Лидеры СДПГ в партийной прессе, вопреки действительности, уверяли, будто фашизм в Германии «отступил» именно благодаря тактике социал-демократии, ее «терпимости» и т. д.

Иначе действовало в эти критические минуты руководство компартии. Э. Тельман предостерегал рабочих и всех трудящихся Германии от иллюзорных надежд на мирное разрешение кризиса, разоблачал успокоительные заверения лидеров СДПГ, настойчиво призывал к единым пролетарским действиям¹⁹. 25 января 1933 г. по инициативе КППГ в Берлине перед Домом Карла Либкнехта (здание ЦК КППГ) состоялась грандиозная демонстрация протеста против фашистских провокаций, в которой вместе с коммунистами приняли участие сотни социал-демократов, действовавших вопреки воле своего руководства. Однако в целом организовать отпор фашизму не удалось. Рабочий класс Германии оставался расколотым, и можно утверждать, что значительную долю ответственности за это несут правые лидеры СДПГ.

Между тем катастрофа приближалась. 30 января 1933 г. президент Гинденбург поставил свою подпись под актом о назначении Гитлера канцлером Германии, скрепив ее государственной печатью Веймарской республики. В первое фашистское правительство вошли представители крупных промышленных и банковских монополий, военщины и ведущие руководители фашистской партии. В числе министров монополист Гугенберг, доверенное лицо монополий Я. Шахт (член правительства с августа 1934 г.), заправилы нацистской партии — Геринг, Фрик, Геббельс (с марта 1933 г.), бывший командующий военным округом Восточной Пруссии генерал-лейтенант фон Бломберг и др. Фон Папеп получил пост вице-канцлера.

С первых же часов пребывания у власти все силы правительства и НСДАП (Национал-социалистской рабочей партии Германии²⁰) были брошены на борьбу

¹⁹ См.: Международное рабочее движение. Т. 5. С. 287.

²⁰ Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP).

против рабочего класса и его авангарда — КПГ, против всех прогрессивных сил страны. «Самая реакционная разновидность, — подчеркивалось на VII конгрессе Коминтерна летом 1935 г. — это фашизм германского типа. Он нагло именуется себя национал-социализмом, не имея ничего общего с социализмом. Германский фашизм — это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и попыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран»²¹.

Для руководства СДПГ настало время подводить итоги политики «терпимости» и антикоммунизма, которая, ослабив силы рабочего класса, расколов его ряды, облегчала продвижение Гитлера к власти. Однако еще не все было потеряно. «Даже в тех сложных условиях, — пишет прогрессивный западногерманский исследователь Д. Пойкерт, — единство действий привело бы к быстрому прогрессу в антифашистской борьбе»²². Назначение Гитлера канцлером было лишь первым шагом установления фашистской диктатуры. Консолидация режима требовала определенного времени. До организованной нацистами провокации с поджогом рейхстага, открывшей двери для невиданного, жесточайшего террора против прогрессивных сил немецкого народа, рабочего класса, сохранились определенные возможности свержения нацистского правительства, прежде всего путем всеобщей забастовки. Именно поэтому Гитлер на первом заседании фашистского кабинета выразил опасение сразу же потерять власть в случае всеобщей забастовки²³.

Несмотря на значительные потери уже в первые недели нового режима, ушедшая в подполье КПГ сохраняла еще свой боевой потенциал²⁴. Внушительную

²¹ Димитров Г. Избр. произведения. М., 1957. Т. 1. С. 377.

²² Peukert D. Ruhrarbeiter gegen den Faschismus: Dokumentation über den Widerstand im Ruhrgebiet, 1933—1945. Frankfurt a.M., 1976. S. 24.

²³ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов: В 7-ми Т. М., 1957. Т. 1. С. 574.

²⁴ О деятельности КПГ см. подробнее: Бланк А. С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964; Кюнрих Х.

силу представляла собой социал-демократическая партия (более 1 млн человек и около 7 млн избирателей). Социал-демократическая молодежная организация (Социалистическая рабочая молодежь) насчитывала 95 тыс. человек. Под влиянием СДПГ находились: Всеобщее объединение германских профсоюзов (АДГБ)²⁵, в состав которого входило 35 реформистских профсоюзов (4,6 млн); Всеобщий германский союз служащих, Всеобщий германский союз чиновников, Общество социал-демократических учителей, Всегерманское общество друзей детей, различные спортивные и гимнастические общества²⁶. Рейхсбаннер — антифашистское объединение вооруженной самообороны в целях координации действий масс на региональном уровне — преимущественно состоял из социал-демократов и возглавлялся ведущими деятелями СДПГ. Все перечисленные организации были объединены с декабря 1931 г. в массовой антифашистской организации — Железном фронте, насчитывавшем 8 млн человек, куда входили и антифашистские элементы из демократической партии, партии Центра и т. д.

Железный фронт повсеместно создавал антифашистские группы самозащиты на местах. Вооруженные группы самообороны возникли почти во всех 33 партийных округах СДПГ. Они имели определенные запасы оружия, сосредоточенные в помещениях местных профсоюзов. Здания, где находилось руководство партийных округов, охранялись особо вооруженными сотнями. Четко работала система оповещения, которая позволяла через доверенных людей в короткие сроки в каждом округе собрать тысячи социал-демократов. Центральная сигнальная система была смонтирована в здании Правления СДПГ (там же размещалась редакция центрального органа партии — газеты «Форвертс»). 40 коротковолновых передатчиков связывали Правление со всеми окружными организациями партии. Все было рассчитано на то, чтобы в критический для республики час либо же в случае угрозы запрета партии был дан сигнал тревоги по всему рейху²⁷. Та-

КПГ в борьбе против фашистской диктатуры, 1933—1945: Пер. с нем. М., 1986.

²⁵ ADGB — Allgemeiner Deutscher Gewerkschaftsbund.

²⁶ См.: *Кульбакин В. Д.* Указ. соч. С. 49, 212.

²⁷ *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, 1917 — bis 1945.* В., 1982. S. 319.

ким образом, социал-демократы были практически готовы к самозащите и защите партии и профсоюзов.

Желание рабочего класса Германии отразить наступление реакции не вызывало сомнения. В массах, переживших горечь поражения, усилилось стремление к единству действий, к сопротивлению. «Массы Железного фронта,— писал позднее один из лидеров подпольного социал-демократического движения, В. Блуменберг,— верили в возможность сопротивления рабочего класса»²⁸. Повсеместно в аппарате, в низовых организациях СДПГ и АДГВ ждали сигнала к выступлению: к применению внепарламентских мер, прежде всего объявлению всеобщей стачки²⁹. Резкость тона партийных руководителей создала вокруг Правления СДПГ, генерального штаба, которому лишь следует нажать на кнопку, нибт спокойной и выдержанной силы³⁰. Несмотря на разочарование, которое испытали рабочие социал-демократы 20 июля 1932 г., многие из них были убеждены, что в нужный момент они услышат сигнал ко всеобщей забастовке. Во многих местах социал-демократические организации готовили оружие на случай вооруженной обороны от фашизма³¹. В первые дни февраля, когда фашисты повсеместно провоцировали кровавые столкновения с рабочими, рабочие социал-демократы настойчиво обращались к Правлению СДПГ с требованием объявления генеральной забастовки. 31 января делегация от всех крупных предприятий Берлина обратилась с таким

²⁸ Der Untergang der Sozialdemokratie 1933: Eine Dokumentation, eing. von E. Matthias // Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte. 1956. H. 2. Dok. 5. S. 203.

²⁹ «Миллионы в стране ждали призыва к наступлению,— признавал позднее один из бывших лидеров СДПГ, В. Хёгнер.— Представители окружных организаций не выходили из помещений, где располагалось местное руководство: ждали результатов заседания Правления СДПГ 31 января» (Hoegner W. Die verratene Republik. München, 1958. S. 339, 338). «Большинство партии жаждало активных действий»,— писал в мемуарах другой ведущий деятель СДПГ П. Лёбе (Löbe P. Der Weg war lang: Lebenserinnerungen. [West] Berlin, 1954. S. 211). К. Гейер, видный теоретик правого крыла, вынужден был позднее признать, что «мысль ответить (Гитлеру.— Л. Б.) оружием всеобщей забастовки дискутировалась в широких массах» (Klinger M. (Geyer K.) Volk in Ketten. Karlsbad, 1934. S. 19).

³⁰ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 319—320.

³¹ Pottchoff H. Op. cit. S. 120.

требованием к руководству АДГБ³². На заседании 31 января 1933 г. Правление СДПГ признавало: «Рабочие задают вопрос, что мы думаем делать... готовы ли что-либо предпринять... во время дискуссий в первую очередь говорят о внепарламентских акциях: массовых забастовках, отдельных стачках, демонстрациях»³³.

Однако руководители и СДПГ, и АДГБ откровенно игнорировали волю и желания рядовых членов. На заседании Правления СДПГ совместно с представителями социал-демократической фракции в рейхстаге и лидерами АДГБ 30 января 1933 г., проходившем, кстати, в обстановке крайнего нервного напряжения, стало ясно, что лидеры социал-демократии отдавали себе отчет в последствиях прихода Гитлера к власти, сознавали опасность, грозящую стране³⁴. Ряд членов Правления СДПГ — Ф. Штампфер, К. Литке, Ф. Кюнстлер — и присутствовавший на заседании председатель Всегерманского союза служащих Ф. Ауфхойзер высказались за то, чтобы призвать Железный фронт к антифашистским действиям. Правда, Ф. Штампфер, например, видел смысл такого обращения прежде всего в воздействии на президента Гинденбурга в направлении поиска парламентских решений выхода из политического кризиса.

Тем не менее правое крыло Правления (председатель партии О. Вельс, Г. Фогель, Р. Гильфердинг, А. Криспин, В. Дитман, П. Лёбе) отклонило призыв к массам. Еще до телефонного звонка, принесшего весть о назначении Гитлера канцлером, они приняли вполне логичное для реформистов решение — признать любое правительство, сформированное конституционными методами и способное «устранить анархию» в стране, т. е. СДПГ высказалась против внепарламентских действий³⁵. Руководство, таким образом, не использовало последний шанс для массовых акций, капитулировало без боя³⁶.

Вся предшествующая деятельность СДПГ, ее огра-

³² Der Untergang der Sozialdemokratie: Dok. 4. S. 203.

³³ Schulze H. Anpassung oder Widerstand: Aus den Akten des Parteivorstandes der deutschen Sozialdemokratie 1932/1933. Bonn; Bad-Godesberg, 1975. Dok. 5. S. 145.

³⁴ Ibid. Dok. 4. S. 131—136.

³⁵ Ibid.

³⁶ См.: Zierer D. Niedergang und Zusammenbruch der Weimarer Parteien von 1930 bis 1933. München, 1973. S. 24; Pottchoff H. Op. cit. S. 122—123.

ничество только легальной политической практикой, ее политическая пассивность, забвение действенных форм и методов классовой борьбы пролетариата определили тактику партии в первый период фашистского режима. Поэтому то, что происходило на бесконечных заседаниях Правления СДПГ, фракции, Правления АДГБ в конце января — начале февраля 1933 г.³⁷, не вызывает особого удивления: все решения были predeterminedены тем, что партия оставалась в русле привычной легальной оппозиции. Лидеры социал-демократии практически закрыли глаза на происходящее: они не знали и не желали знать других, пролетарских методов обороны и борьбы с реакцией. В сложившейся ситуации бездействие оставалось для правых единственным способом не компрометировать себя, не нарушать торжество провозглашенных целей и принципов социал-демократического движения.

Сказывалась и теоретическая неспособность социал-демократии правильно осмыслить ситуацию, оценить сущность и происхождение фашизма³⁸. Идеологи партии по-прежнему определяли фашизм как движение средних слоев, как «бунт мелких хозяйчиков», «реакцию феодальных элементов, направленную против капиталистического общества», против власти крупного капитала³⁹. Среди верхушки СДПГ имелись и сторонники теории надклассового характера фашизма, согласно которой якобы «определенная группировка (во всяком случае не капиталистические монополии.— Л. Б.) осуществляет диктатуру за счет интересов других слоев»⁴⁰. Отсюда и ошибочные представления, будто германский крупный капитал заинтересован в ликвидации фашизма в Германии⁴¹, и тактическая пассивность, оптимистические надежды на скорое падение режима и т. д.

³⁷ Подробнее о ходе заседаний см.: *Schulze H.* Op. cit. Dok. 4—8. S. 131—166.

³⁸ См.: Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами. М., 1984. С. 77—79; *Faschismus-Forschung*. S. 395—417.

³⁹ *Das Freie Wort*. 1933. 5, 26. Febr.

⁴⁰ Цит. по: Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами. С. 78.

⁴¹ См.: *Saggau W.* *Faschismustheorien und antifaschistische Strategie in der SPD: Theoretische Einschätzungen des deutschen Faschismus und Widerstandskonzeptionen in der Endphase der Weimarer Republik und in der Emigration.* Köln, 1981.

Все это приводило к недооценке случившегося, хотя некоторые руководители СДПГ, в частности председатель социал-демократической парламентской фракции член Правления СДПГ Р. Брайтшайд, отмечали опасность, грозившую демократии еще задолго до прихода Гитлера к власти⁴². На заседании 31 января 1933 г. Р. Брайтшайд в докладе «Готовым должно быть все» также предостерегал от недооценки происходивших в Германии серьезных событий. Отметив, что Гитлер непременно порвет с конституцией, он призвал «сделать все, чтобы устранить теперешнее правительство»⁴³. Однако совершенно в духе устоявшихся легальных представлений Брайтшайд в то же время отметил, что организовывать «стачку в настоящее время нет смысла», что это не приведет к успеху, а даст лишь повод реакции «порвать конституцию и запретить прессу»⁴⁴.

Правление СДПГ восприняло гитлеровское правительство как обычный конституционный кабинет. «Гитлер,— говорилось в Воззвании Правления от 31 января 1933 г.,— пришел к власти конституционным путем, а не путем путча. И поэтому социал-демократия не предпримет никаких действий, нарушающих конституцию»⁴⁵. Новое правительство характеризовалось как «правительство угрозы государственного переворота», а не как фашистская диктатура в действии. Тем самым усыплялась бдительность народных масс, рабочего класса, а фашизм получал столь необходимое ему время для стабилизации. Совершенно в русле своей прежней политики руководители СДПГ заявили о «решительной оппозиции» режиму, как и прежде, на словах прокламировали готовность в случае нарушения правительством конституционных норм защищать «политические и социальные права народа... любыми средствами». Обращаясь к рабочему классу, руководство СДПГ заверило, что «любые попытки правительства отменить конституцию... натолкнутся на решительное сопротивление рабочего класса», призвало рабочих, всех трудящихся немцев к единству и «готовности к применению всех своих сил... к решительной борьбе»⁴⁶.

Вторая Правлению партии, руководство берлинской

⁴² Schulze H. Op. cit. Dok. 2 S. 46—47.

⁴³ Ibid. Dok. 5. S. 142.

⁴⁴ Ibid. S. 146.

⁴⁵ Vorwärts. 1933. 31. Jan.

⁴⁶ Ibid.

организации СДПГ во главе с Ф. Кюнстлером подчеркнуло, что назначение Гитлера не равнозначно захвату власти, что он-де принес присягу Веймарской конституции, что новое правительство не является органом нацистской партии, поскольку в нем есть здравомыслящие политики (имелись в виду Папен, Гугенберг, Нойрат, мало чем отличавшиеся от фашистов своими крайне консервативными убеждениями), которые якобы будут сдерживать нацистского канцлера в его неблагоприятных намерениях⁴⁷. Достаточно отметить противоречие между заявлением о «конституционной позиции Гитлера» и утверждением, что его необходимо удерживать от антиконституционных намерений, чтобы увидеть безнадежную путаницу в политической ориентации руководства СДПГ, основанную как на ложных оценках фашизма, так и на реформистской боязни народных движений.

Надо сказать, что буржуазные и реформистские историки, пытаясь исказить истинное положение вещей, утверждают, что все партии, прежде всего коммунистическая, не смогли правильно и своевременно понять истинную опасность ситуации, недооценили прочность и силу фашистского режима⁴⁸. Хорошо известно, однако, что, несмотря на исключительно сложную для осмысления ситуацию, именно коммунисты (притом, что и в их рядах не до конца были изжиты отдельные схематичные представления) смогли наиболее быстро и верно разобраться в обстановке, понять, что режим, установленный монополистической реакцией, есть режим подавления рабочего движения, режим террора и войны. Как видно из ряда циркуляров секретариата ЦК КППГ, принятых непосредственно после прихода Гитлера к власти, компартия допускала возможность некоторого периода своего легального или полуполигального существования⁴⁹. Однако в отличие от правых вождей СДПГ, которые этими возможностями оправдывали свою политическую пассивность, ру-

⁴⁷ *Schulze H.* Op. cit Dok. 5. S. 142.

⁴⁸ *Moraw F.* Die Parole der Einheit und die Sozialdemokratie. Bonn; Bad-Godesberg, 1973. S. 25; *Duhnke H.* Die KPD von 1933 bis 1945. Köln, 1972. S. 64.

⁴⁹ *Vietzke S.* Zur Strategie und Taktik der KPD nach der Errichtung der faschistischen Diktatur in Deutschland // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschaft- und Sprachwissenschaftliche Reihe. 1973. H. 12. S. 126—133.

ководство КПГ подчеркивало, что «распад или укрепление...теперешнего кабинета зависит целиком и полностью только от способности... собрать массы под знаком антифашистской борьбы и с помощью оружия политической массовой и всеобщей забастовки свергнуть фашистское правительство»⁵⁰.

Вслед за обращением ЦК КПГ к СДПГ от 30 января последовали призывы компартии, опубликованные в прессе, высказанные на пресс-конференциях, митингах и других собраниях 10, 23, 27 февраля⁵¹. 10 февраля на траурном митинге в память жертв фашистского террора В. Пик сказал: «Пора перестать успокаивать себя разговорами о том, что мы можем одолеть противника, отказавшись от борьбы... Товарищи рейхсбаннеровцы, братья по классу, над могилами павших борцов мы, коммунисты, протягиваем вам руку. Не отталкивайте ее»⁵². 23 февраля Пик еще раз призвал социал-демократов объединиться для защиты демократических завоеваний рабочего класса⁵³.

Часто рабочие социал-демократы, особенно в крупных городах, откликались на призывы компартии и, вопреки указаниям Правления СДПГ, выходили на улицы вместе с коммунистами. Они приняли участие во многих демонстрациях и маршах 30–31 января, прошедших более чем в 20 городах Германии: Берлине, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, Дрездене, Магдебурге, Любеке и др. В Айслебене и прочих местах Мансфельдской земли массовые демонстрации проходили с 29 января по 5 февраля⁵⁴. В Гамбурге, Любеке и некоторых других городах состоялись забастовки протеста. В Веймаре такую забастовку на одном из заводов организовали функционеры СДПГ. Волна возмущения прокатилась по рабочим кварталам Берлина, во всех его районах прошли

⁵⁰ Ibid. S. 126.

⁵¹ Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung: Eine Auswahl von Materialien, Berichten und Dokumenten. В., 1958. S. 41–42; Винцер О. 12 лет борьбы против фашизма и войны. М., 1956. С. 27–28; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. В., 1965. Bd. 5. S. 15–16, 21, 23–24.

⁵² Винцер О. Указ. соч. С. 27–28.

⁵³ См.: Кюнрих Х. Указ. соч. С. 31.

⁵⁴ Там же. С. 27; Sie trugen die Banner der Nation: Beiträge zum antifaschistischen Kampf im Mansfelder Land. В., 1965. S. 20; Boehm K., Parmentier H. u. and. Das andere Frankfurt. Frankfurt a. M., 1981. S. 9.

стихийные митинги и демонстрации, в рядах рабочих велико было стремление к единству действий⁵⁵.

Во многих городах, например в Хемнице, Дюссельдорфе, Стендале, Дуисбурге, коммунисты нередко встречались с социал-демократами, чтобы обсудить совместные шаги. Они готовили оружие, учреждали общие патрульные службы, в ряде мест охраняли партийные учреждения, организовывали группы самообороны. На заседании Правления СДПГ с участием представителей АДГБ 5 февраля отмечалось стремление рабочего класса на предприятиях к единому фронту, говорилось о телефонных звонках рабочих в Правление СДПГ и профсоюзов: рабочие настаивали на создании единого фронта с коммунистами⁵⁶. В Правление СДПГ поступали резолюции низовых организаций партии с требованием хотя бы переговоров с коммунистами об установлении единого фронта. Окружной председатель СДПГ Хемниц-Эрцгебирге, депутат ландтага от СДПГ Карл Бёхель подчеркивал, что контрреволюция создала предпосылки, новый общий базис для решения вопроса о единстве действий между обеими рабочими партиями⁵⁷.

Тактика правых социал-демократов сводилась в это время к пассивному ожиданию дальнейшего развития событий. «Ждать, пока не прояснится обстановка, пока не произойдет открытый разрыв с конституцией» — так звучал лозунг дня, провозглашенный лидерами СДПГ⁵⁸. 3 февраля 1933 г. «Форвертс» писала: «Сегодня организовать всеобщую забастовку — значит расстрелять патроны в воздух...Тактическая необходимость подсказывает нам, что следует повременить... Поэтому дисциплина и спокойствие». Правление партии призывало рабочих к борьбе с фашизмом с помощью избирательных бюллетеней. Предложения, высказанные рядом членов Правления (Штампфер, Литке) о необходимости заключения гражданского мира с КПП и пр., были продиктованы тактическими соображениями и ориентированы на выборы либо же, если они были искренними (Ауфхойзер, Кюнстлер), в рас-

⁵⁵ Die Antifaschistische Aktion. S. 98; Schulze H. Op. cit. Dok. 7. S. 161.

⁵⁶ Schulze H. Op. cit. Dok. 7. S. 161.

⁵⁷ Vorwärts. 1933. 3. Febr.

⁵⁸ Schulze H. Op. cit. Dok. 7. S. 163; см. также: Dok. 4. S. 134–135.

чет не принимались. «Дадим бой на выборах!», «Социал-демократы готовы к борьбе на выборах 5 марта» — такими лозунгами пестрела социал-демократическая пресса⁵⁹. Призыв к защите почти полностью выхолощенной чрезвычайными законами Веймарской конституции, нацеленность исключительно на парламентские, легальные методы борьбы в совершенно изменившихся условиях вели к полному поражению и капитуляции рабочего класса перед фашизмом.

От позиции крупнейшей в стране рабочей партии — СДПГ и ее руководства зависела в тот момент судьба немецкого народа, республики, зависели единство действий и активность рабочего класса — основа успеха в антифашистской борьбе, а также ориентация и поведение определенных буржуазно-демократических слоев общества.

На 200-тысячном митинге Железного фронта в Люстгартене (Берлин) 7 февраля 1933 г., нисколько не смущаясь и не обращая внимания на полные разочарования лица рабочих, глава СДПГ Вельс заявил, что «Берлин — не Рим: фашизм в Германии невозможен»⁶⁰. Согласно еще одной теории, фашизм, являясь продуктом экономической и политической отсталости, не мог утвердиться в такой высокоразвитой стране, как Германия⁶¹. По этому поводу видный историк-марксист В. Абендрот заметил: «Под девизом „Германия — не Италия“ социал-демократия сунула голову под крыло перед лицом фашистской опасности»⁶². Этот вывод вполне справедлив, ибо никакая логика не позволяла прийти к заключению, подобному тому, что сделал Вельс; факты свидетельствовали об обратном, о том, что фашизм в Германии шел в наступление.

Конечно, среди части членов партии, тем более воспитанных в духе парламентаризма, «наивная детская

⁵⁹ См.: *Vorwärts*. 1933. 6, 9. Febr. Фашистское правительство на первом же своем заседании распустило рейхстаг и назначило выборы на 5 марта в надежде обеспечить себе абсолютное большинство голосов и создать видимость законности своего прихода к власти.

⁶⁰ *Vorwärts*. 1933. 8. Febr.; см. также: *Das Ende der Parteien 1933/Hrsg. von E. Matthias u. R. Morsey. Düsseldorf, 1960. Dok. 31. S. 241–242.*

⁶¹ См.: *Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами. С. 77.*

⁶² *Abendroht W. Aufstieg und Krise der deutschen Sozialdemokratie. Frankfurt a. M., 1965. S. 66.*

вера... во всевластие избирательных листов,— как отмечал позднее в мемуарах видный функционер партии, выступавший за создание единого фронта, О. Бухвиц,— была сильнее, чем вера в революционную силу единого рабочего класса»⁶³. Существовала определенная инерция в применении верхушкой СДПГ привычных для нее в период республики парламентских методов борьбы. Однако, даже по признанию буржуазных историков, «легко можно было видеть, что настал конец легальной политической деятельности»⁶⁴. Разнузданные действия коричневорубашечников, каждодневные при попустительстве властей убийства из-за угла, сообщениями о которых пестрела пресса,— все эти факты разоблачали намерения нового правительства ликвидировать веймарскую демократию. Для достижения этой цели фашистам необходимо было в тот момент во что бы то ни стало получить большинство голосов.

Политика лидеров СДПГ находилась в вопиющем противоречии с требованиями и желаниями большинства классово сознательных членов социал-демократической партии, профсоюзных масс. Ни разу ни на одном митинге, ни в одной газете, ни в одном обращении вожди социал-демократии не призывали к активным действиям. Напротив, все их усилия были направлены на то, чтобы удержать рабочих от подобных действий. К. Мольт, один из руководителей штутгартской социал-демократии, отмечал, что его попытки на свой страх и риск оказать сопротивление нацистам в своем городе встретили мощное противодействие «партийных боссов». И это был не единственный случай, когда за активную борьбу с фашизмом вожди грозили исключением или исключали из партии. К. Мольт ушел в подполье, не подчинившись партийной дисциплине, как ушли многие из тех, кто не мог сидеть сложа руки, к чему призывали лидеры⁶⁵.

Большинство представителей Правления СДПГ и социал-демократической фракции закоснели в своих старых антикоммунистических предрассудках. Попытки отдельных функционеров руководства и фракции

⁶³ *Buchwitz O.* 50 Jahre Funkzionär der deutschen Arbeiterbewegung. В. 1958. S. 118.

⁶⁴ *Lehmann H.* Die Weimarer Republik. München, 1965. S. 28.

⁶⁵ См.: *Esters H., Pelger H.* Gewerkschaftler im Widerstand. Hannover, 1967. S. 77—84; *Bohn W.* Stuttgart: Geheim! Ein dokumentalischer Bericht. Frankfurt a. M., 1970. S. 147—153.

(Ф. Кюнстлера, К. Литке, Г. Дитриха, О. Гротевоя, Х. Герца) сдвинуть группу Вельса с пассивной и стерильно антикоммунистической позиции оказались безрезультатными. Более того, именно в этот период правые развернули широкую антикоммунистическую пропаганду. Они по-прежнему объявляли коммунистов «врагом номер один»⁶⁶. «С коммунистами нужно только бороться», «необходимо создавать единый фронт против коммунистической реакции» — эти и тому подобные заявления мелькали в прессе СДПГ в ходе февральской дискуссии по поводу единого рабочего фронта⁶⁷. Правые необоснованно упрекали коммунистов во враждебности к демократии, в намерениях развязать гражданскую войну и т. д.

В антикоммунистической пропаганде вожди СДПГ для обоснования невозможности единых действий не без успеха использовали некоторые сектантские установки КПГ, хотя с первых же дней фашистского режима началось их критическое переосмысление. Постепенно накапливая опыт борьбы в условиях фашизма, немецкие коммунисты в течение 1933—1935 гг. приходили к выводам, которые позднее были закреплены в решениях VII конгресса Коминтерна и Брюссельской конференции КПГ 1935 г. Конечно, 1933 год положил лишь начало этому процессу. Но уже тогда был сделан ряд выводов теоретического характера, который был использован при разработке новой тактической линии коммунистов.

Так, на нелегальном пленуме ЦК КПГ в Цигенхальсе под Берлином 7 февраля 1933 г. Э. Тельман подчеркнул, что свержение фашизма не обязательно должно совпадать с пролетарской революцией, что первоочередной задачей является борьба с фашистской диктатурой. Вождь немецких коммунистов сформулировал задачу развернуть все формы массового сопротивления и массовой борьбы против фашизма, чтобы по возможности быстро способствовать переходу частичных боев в массовую всеобщую стачку⁶⁸. «Циркуляр № 6» секретариата ЦК КПГ от 23 марта 1933 г. констатировал, что в Германии «изменилась ситуация,

⁶⁶ Das Freie Wort. 1933. 5. Febr S. 177.

⁶⁷ Ibid.; см. также: Ibid. 12. Febr. S. 199.

⁶⁸ Die illegale Tagung des ZK der KPD am. 7. Februar 1933 in Ziegenhals bei Berlin. В., 1981. S. 25—27, 29—31, 33.

и поэтому коренным образом надо менять политику пролетариата»⁶⁹.

Несколько позднее, уже находясь в фашистских застенках, Э. Тельман в своих записках отверг домыслы о том, будто в феврале 1933 г. КПГ планировала государственный переворот, подчеркнув, что политика компартии — массовая политика и ничего общего не имеет с путчизмом, а для совершения пролетарской революции в Германии в то время отсутствовали субъективные условия⁷⁰. Одни коммунисты не могли обеспечить победу демократии в борьбе с реакцией и поэтому не выступили самостоятельно с призывом к вооруженной борьбе против установления фашизма. В условиях, когда большинство рабочего класса следовало за правым руководством СДПГ, призывы КПГ к восстанию были бы заранее обречены на поражение, привели бы к неоправданным человеческим жертвам.

Постепенно наполнялась новым содержанием и тактика единого рабочего фронта, осуществляемая коммунистами. Непосредственной его целью и платформой стала антифашистская борьба. На февральском пленуме ЦК КПГ была поставлена под сомнение прежде универсальная формула «рабочего фронта снизу», заостренной против «социал-фашистских» лидеров, впервые была высказана мысль о необходимости сочетания тактики единого фронта снизу и сверху. Руководство КПГ делало многое для преодоления собственных просчетов и ликвидации сектантских настроений среди коммунистов: «Речь шла не только о том, чтобы доказать, что фашистский режим варварский и представляет опасность для существования самой Германии... — вспоминает о своей подпольной агитационной работе член ЦК КПГ К. Мевис, — но и нужно было показать, как совместная борьба противников Гитлера может ослабить режим, как убедить товарищей в необходимости совместной работы с социал-демократами»⁷¹.

Руководство компартии уже в первые месяцы фа-

⁶⁹ Vietzke S. Op. cit. S. 128.

⁷⁰ Unbekannte Dokumente E. Thälmanns aus dem faschistischen Kerker // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1964. H. 3. S. 465—466.

⁷¹ Mewis K. Im Auftrag der Partei. Erlebnisse im Kampf gegen die faschistische Diktatur. B., 1971. S. 20, 25—26, 38.

пистского режима дало указание местным комитетам прощунать почву для контактов с социал-демократами и, где возможно, идти на эти контакты, пытаясь при этом создавать комитеты действия из представителей обеих партий⁷². Лидеры же СДПГ проигнорировали призыв ЦК КПГ от 30 января 1933 г. о проведении всеобщей забастовки. И в дальнейшем КПГ, обращаясь к Правлению социал-демократической партии, каждый раз получала очередной отказ.

В обращениях к социал-демократам коммунисты выделяли те моменты, которые могли бы объединить членов обеих партий в антифашистской борьбе, не подчеркивали программных разногласий между двумя партиями. Они призвали к совместной борьбе против снижения зарплаты, против террора, к избранию комитетов действий. В Открытом письме к рабочим от 27 февраля 1933 г. Тельман говорил: «В борьбе антифашистов за свободу принадлежность к различным партиям не должна быть препятствием для совместной работы. В создании единого фронта нужно учитывать не разногласия между обеими партиями, а то общее, что вытекает из их классового положения»⁷³. В упомянутом циркуляре от 23 марта 1933 г. указывалось, что компартия выступает за создание единого фронта, «за действительное осуществление боевых акций» и не ставит никаких других условий, кроме условий совместной борьбы⁷⁴.

Лидеры же СДПГ, необоснованно связывая невозможность решения вопроса о немедленном создании единого фронта с программными разногласиями между обеими партиями, заявляли: «Официальный единый фронт невозможен до тех пор, пока не будут преодолены принципиальные противоречия между диктатурой и демократией», пока «коммунисты не изменят своей официальной позиции»⁷⁵. Обвиняя коммунистов в антидемократизме и прочих грехах, вожди СДПГ хотели скрыть свое принципиальное неприятие единого рабочего фронта. Антикоммунизм не позволил им

⁷² Vietzke S. Op. cit. S. 132.

⁷³ Цит. по: Вунцер О. Указ. соч. С. 28; см. также: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 23, 24.

⁷⁴ Цит по: Vietzke S. Op. cit. S. 131.

⁷⁵ Schulze H. Op. cit. Dok. 5. S. 146; Stampfer F. Erfahrungen und Erkenntnisse. Köln, 1957, S. 263—264.

реалистически оценить ситуацию, изменить свою тактическую линию.

На заседании Правления СДПГ 31 января 1933 г. Р. Брайтшайд, например, от имени руководства партии подчеркивал, что, хотя социал-демократы выступают за единство рабочего класса, «это не значит, что речь идет о единстве с компартией и ее лидерами»⁷⁶. Он заявил, что в агитационной работе социал-демократы должны постоянно доказывать рабочим, что именно компартия из-за ее «отношения к демократии и партии (СДПГ.— Л. Б.)» виновна в расколе рабочего класса, и высказал опасения по поводу возможности перерастания генеральной забастовки в революцию, которая приведет к созданию Советской Германии. На заседании Правления с представителями профсоюзов 5 февраля Гильфердинг, Грассман и Дитман настаивали, что «мысль о единстве (с коммунистами.— Л. Б.) не должна возникать никогда», что социал-демократии «самым решительным образом необходимо отмежеваться от коммунистов»⁷⁷.

Усиление антикоммунистической пропаганды (это нашло наглядное проявление в социал-демократической прессе) в столь опасный для страны час объяснялось в первую очередь тем, что лидеры СДПГ боялись влияния активной антифашистской политики КПГ на массы, на социал-демократов. Опасения по этому поводу высказывались почти на каждом из проходивших в эти дни заседаний Правления⁷⁸. Таким способом, подчеркивает западногерманская исследовательница Б. Гебель-Кунце, лидеры СДПГ «пытались повлиять на политическое сознание членов социал-демократической партии» и предотвратить нежелательные последствия воздействия коммунистической тактики на массы⁷⁹. Только «если мы будем проводить антикоммунистическую агитацию,— откровенно отмечал теоретический журнал СДПГ «Дас Фрайе Ворт»,— рабочие пойдут за нами, коммунисты нам не мешают и партийный аппарат сможет избежать развала»⁸⁰. Существование «конкурентной» партии коммунистов,

⁷⁶ *Schulze H. Op. cit. Dok. 5. S. 147.*

⁷⁷ *Ibid. Dok. 7. S. 164.*

⁷⁸ *Ibid. Dok. 5. S. 146—147; Dok. 6, 7. S. 154—165.*

⁷⁹ *Hebel-Kunze B. SPD und Faschismus. Frankfurt a. M., 1977. S. 48.*

⁸⁰ *Das Freie Wort. 1933. 12. Febr.*

которая проводила политику, направленную на коренное переустройство общества, коренную ломку его основ, представляло для руководства СДПГ постоянную угрозу. Возможность перехода социал-демократических рабочих на сторону коммунистов особенно возросла в годы фашизма, когда политика реформ потеряла реальную почву и все отчетливее становилась политической пассивность лидеров СДПГ, их неспособность предложить реальную альтернативу.

Правда, в руководстве СДПГ нашлись лица, которые утверждали, что противодействие активной антифашистской борьбе приведет как раз к нежелательному эффекту — к тому, что социал-демократы последуют «за коммунистическими лозунгами»⁸¹. Так говорил Ф. Кюнстлер на упомянутом выше заседании 5 февраля. На том же заседании К. Ауфхойзер заявил, что, «чем больше мы будем готовиться к решительным действиям, тем надежнее гарантия того, что руководство (рабочим движением.— Л. Б.) останется в наших руках»⁸². Он говорил также, что не верит в возможность проведения свободных выборов в условиях гитлеровского режима, и даже высказался за «захват политической власти». Кюнстлер, отметив, что коммунисты постепенно пересматривают свою позицию по отношению к социал-демократии, предложил в качестве «пробы» организовать совместную забастовку транспортников. Однако правые категорически выступили против такого предложения. Образчиком политической безответственности служит выступление главы СДПГ О. Вельса. Он высказал опасение, что, «если случится генеральная забастовка... нечего будет думать о выборах», и добавил: «Если лавина прорвется, мы должны будем попытаться поставить ее на наши рельсы»⁸³.

Оставаясь в русле привычной легальной тактики и объявив интенсивную подготовку к очередной избирательной кампании, правые в СДПГ во избежание неприятных последствий практически отказались поставить в ее центр антифашистскую пропаганду. По предложению Р. Гильфердинга в качестве «позитивных лозунгов» на выборах правые выдвигали требования отдаленного будущего — экспроприацию крупной ин-

⁸¹ *Schulze H.* Op. cit. Dok. 7. S. 164.

⁸² *Ibid.* S. 165.

⁸³ *Ibid.*

дустрии, банков, раздел крупных земельных владений и т. д. Еще более неприемлемыми для правого крыла оказались предложения о заключении соглашения с компартией, которое, по мысли правых социал-демократов, могло лишь «ухудшить предвыборные перспективы»⁸⁴.

Установление фашистской диктатуры в Германии и разгром гитлеровцами рабочих организаций явились тяжелым ударом не только по немецкому, но и по международному рабочему движению. Победа фашистов в Германии и их повсеместная активизация обнаружили пороки и несостоятельность антифашистской стратегии не только СДПГ, но и Социалистического рабочего интернационала в целом⁸⁵. Все это ослабило международную социал-демократию. Ее кризис обнажился и углубился. Идея соглашения между коммунистами и социал-демократами находила все больше сторонников. 6 февраля 1933 г. конференция семи социалистических партий (Норвежская рабочая партия, Независимая рабочая партия Англии, Итальянская социалистическая партия и отделившаяся от СДПГ в 1931 г. Социалистическая рабочая партия (СРП)⁸⁶,

⁸⁴ Ibid. Dok. 6. S. 158—159.

⁸⁵ *Кривогуз И. М.* Рабочий социалистический интернационал (1923—1940). М., 1979. С. 153.

⁸⁶ Социалистическая рабочая партия Германии (СРП) образовалась в результате отделения от СДПГ 2 октября 1931 г. Основание СРП было выражением недовольства оппозиционных социал-демократов политикой «меньшего зла», проводимой правой верхушкой СДПГ, а также поиском путей активной борьбы с фашизмом и реакцией. Во главе СРП стояли в то время Курт Розенфельд и Макс Зейдевиц. Партия высказалась за диктатуру пролетариата, признавала роль СССР как авангарда мирового революционного процесса, но она отмежевалась как от СДПГ так и от КПГ, хотя и выразила готовность сотрудничать со всеми рабочими в борьбе против реакции и фашизма, что неоднократно, особенно на уровне местных организаций, осуществляла на практике. Однако СРП — явление весьма сложное. Ее позиции несколько раз менялись, так как вожди искали некий «средний» путь между КПГ и СДПГ. Партию раздирали внутренние противоречия. Уже на II съезде СРП 11—12 марта 1933 г., состоявшемся в пригороде Дрездена, произошел раскол. Сторонники Зейдевица возвратились в СДПГ (позднее он стал одним из членов группы «Революционные социалисты»), некоторые перешли в КПГ. Группировавшиеся же вокруг Якоба Вальхера составили основу собственно СРП, которая продолжила свое существование, наладив нелегальную деятельность в стране, создав собственное заграничное представительство в Париже.

ряд других партий), проходившая в Париже, обратилась к руководству Коммунистического Интернационала и Социалистического рабочего интернационала с предложением немедленно созвать конференцию по выработке совместного плана действий против фашизма⁸⁷.

Не только левые, но и многие другие социал-демократы убедились теперь в пагубности использованного фашистами раскола рабочего движения и в необходимости хотя бы «пакта о ненападении» между Рабочим интернационалом и Коминтерном. Эта идея нашла воплощение в воззвании Бюро Исполкома Социалистического рабочего интернационала к рабочим всего мира от 19 февраля 1933 г.; в котором говорилось о соглашении социалистов вести переговоры с Коминтерном в целях общих антифашистских действий⁸⁸. Однако воззвание не выдвигало конкретной программы общей борьбы. Любопытно, что лидеры германской социал-демократии также предложили 11 февраля немецким коммунистам заключить пакт о ненападении⁸⁹. Существование этого пакта сводилось к тому, чтобы обе партии прекратили взаимные нападки, не отказываясь при этом «от своих позиций».

Ввиду явной недостаточности предложенного социалистами шага Исполком Коминтерна обратился 5 марта к рабочим всего мира с воззванием, содержащим конкретную программу совместной антифашистской борьбы. ИККИ предложил, чтобы коммунистические и социал-демократические партии немедленно приступили к организации отпора атакам фашизма и ре-

Однако и дальнейший путь СРП не был легким. Разумные поиски действенных методов борьбы с фашизмом, единства рабочего класса соседствовали в партии с сектантскими, троцкистскими тенденциями. Впрочем, тема Социалистической рабочей партии весьма широка и сложна и требует самостоятельного исследования (подробнее см.: *Drechsler H. Die Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands (SAPD): Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung am Ende der Weimarer Republik. Meisenheim am Glan, 1965; Bremer J. Die Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands (SAP): Untergrund und Exil 1933—1945. Frankfurt a. M.; New York, 1978*).

⁸⁷ Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 351; Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами. С. 36.

⁸⁸ *Криогоуз И. М. Указ. соч.* С. 154; см.: *Geschichte der Sozialistischen Arbeiter-Internationale (1923—1940)/Hrsg. von W. Kowalski. B., 1985 S. 181—182.*

⁸⁹ *Vorwärts.* 1933. 11. Febr.

акции на политические, профсоюзные и другие организации рабочих, на рабочую печать, свободу собраний, совместно повели бы борьбу против снижения заработной платы и сокращения пособий по безработице. Коминтерн, таким образом, ставил на первый план ближайшие требования, общие как для коммунистов, так и для реформистских рабочих⁹⁰. Новым существенным моментом было то, что ИККИ призывал коммунистические партии к установлению «единого фронта с социал-демократическими рабочими массами при посредстве социал-демократических партий»⁹¹, т. е. коммунисты предлагали соглашения на уровне руководства партий.

Но руководство Социалистического рабочего интернационала, заявляя, что Коминтерн не готов вести переговоры на уровне интернационалов, потребовало от своих партий отклонять предложения коммунистов, оценив их как маневр⁹². В конце марта Бюро Исполкома Рабочего интернационала настоятельно порекомендовало социал-демократическим партиям «воздержаться от всяких сепаратных переговоров с коммунистами». Социал-демократические партии, к которым коммунисты обратились с соответствующими предложениями, отклонили их под разными предлогами, сопровождая свой ответ антикоммунистическими выпадами, требованиями к компартиям отказаться от своих программ и т. д.⁹³ Это затормозило и осложнило крайне необходимое сплочение антифашистских сил. Однако коммунисты и дальше продолжали поиски путей сплочения антифашистских рабочих и их союзников против фашизма.

В соответствии с распоряжениями Социалистического рабочего интернационала и собственными указаниями вожди СДПГ оставили без внимания призывы коммунистов Германии от 1 и 14 марта к единству действий. Эти призывы были ответом на предложенный ранее социал-демократами «пакт о ненападении». Правда, ответ несколько запоздал, однако, в отличие от

⁹⁰ *Шириня К. К.* Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны. М., 1979. С. 34.

⁹¹ Правда. 1933. 6 марта.

⁹² *Шириня К. К.* Указ. соч. С. 34; *Geschichte der Sozialistischen Arbeiter-Internationale.* S. 182.

⁹³ *Кривогуз И. М.* Указ. соч. С. 155; *Шириня К. К.* Указ. соч. С. 34—35.

социал-демократической инициативы, призывы содержали конкретную программу антифашистских действий. КППГ выразила готовность учесть требование социал-демократических вождей заключить «пакт о ненападении» и на время совместной борьбы с фашизмом избегать нападков на социал-демократию⁹⁴. В ответ на предложение созвать совместное совещание прозвучали туманные и ничего не значащие фразы о том, что «единство рабочего класса — необходимость, которую диктует история»⁹⁵. По этому поводу некоторые буржуазные и реформистские историки одобрительно отмечают, что социал-демократия не хотела «компрометировать себя союзом с коммунистами»⁹⁶. Они лишь забывают добавить, что вожди социал-демократии не хотели компрометировать себя отнюдь не перед рабочим классом, а перед буржуазными кругами — и именно это заставляло их идти против желаний рабочих-антифашистов, в том числе членов СДПГ.

Руководство СДПГ, обосновывая свое политическое бездействие, возлагало основные надежды на определенные буржуазные круги. Так, например, указывая на возможность скорого падения правительственного кабинета под давлением находившихся в нем «оппозиционных элементов», Правление СДПГ подчеркивало, что «было бы самоубийством, если бы партия и рабочий класс своими поспешными и необдуманно действующими помешали процессам, происходящим в правительстве»⁹⁷.

Не обошлось и без надежд на пресловутое «слово Гинденбурга», который, по выражению одного из крайне правых вождей СДПГ, депутата парламента П. Лёбе, всегда оставался для социал-демократов «щитом», охранявшим республику⁹⁸. «Президент... уверяет, что правительство не покинет почвы конституции и что оно тотчас же подаст в отставку, если не наберет большинства в рейхстаге», — писала 30 января

⁹⁴ *Faschismus-Forschung: Positionen, Probleme, Polemik*. S. 332; *Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung*. S. 43—44.

⁹⁵ Цит. по: *Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung: Aus Reden und Aufsätzen*. B., 1953. Bd. 2. S. 57.

⁹⁶ *Duhnke H. Op. cit.* S. 43; *Koepcke C. Sozialismus in Deutschland*. München; Wien, 1970. S. 38.

⁹⁷ *Vorwärts*. 1933. 31. Jan.; *Schulze H. Op. cit.* Dok. 5. S. 142.

⁹⁸ *Löbe P. Op. cit.* S. 208.

1933 г. «Форвертс». Даже после того как в начале февраля 1933 г. Гинденбургом были подписаны чрезвычайные декреты, позволившие правительству безнаказанно попираť демократические права и свободы, лишь немногие из вождей СДПГ позволили себе усомниться, а не слишком ли много полномочий предоставил Гинденбург силам реакции, чтобы в дальнейшем было возможно воспрепятствовать ее продвижению⁹⁹.

Действительно, реакция в стране набирала силу. Подготовка к назначенным на 5 марта выборам в рейхстаг проходила в обстановке жесточайшего политического террора, нацистских провокаций и демагогии, массивной фашистской пропаганды. Прогрессивные силы страны, компартия фактически были лишены средств и возможностей вести избирательную борьбу — созывать собрания, организовывать демонстрации, пользоваться прессой. Помещение ЦК КПГ неоднократно подвергалось обыску и разгрому. Неоднократно запрещались центральный орган СДПГ «Форвертс», другие социал-демократические газеты. Все эти антиконституционные меры осуществлялись на основании чрезвычайного декрета от 4 февраля, демагогически названного «В защиту немецкого народа»¹⁰⁰.

Однако большинство лидеров СДПГ объясняло издание декретов «добрыми намерениями президента воспрепятствовать гражданской войне», а наиболее правые из них даже заявляли, что «социал-демократию вообще не должны интересовать чрезвычайные законы, так как она никогда не думала предпринимать действия, нарушавшие конституцию»¹⁰¹. Не оценив должным образом происходящее, Правление СДПГ ограничилось вынесением на обсуждение рейхстага вота недоверия правительству и посылкой ряда писем и запросов Гинденбургу и в имперский суд, в которых предупреждало о подготавливаемом Гитлером изменении конституции¹⁰².

В ходе избирательной кампании Правление СДПГ пыталось блокироваться с отдельными буржуазными

⁹⁹ Braun O. Op. cit. S. 457.

¹⁰⁰ Bartel W. Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur, 1933—1945. В., 1956. S. 10; История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 215—216.

¹⁰¹ Braun O. Op. cit. S. 457; Das Freie Wort, 1933, 12 Febr.

¹⁰² Vorwärts. 1933. 16, 18, 19, 25. Febr.

партиями, в частности с Баварской народной партией, либеральной Демократической партией. Но особенно большие надежды возлагались на католическую партию Центра. «Центр в настоящих условиях,— писал „Дас Фрайе Ворт“, — является единственным защитником конституции»¹⁰³. «Когда мы говорим „единый фронт“, — заявляли правые социал-демократы, — мы прежде всего имеем в виду единые парламентские акции с Центром»¹⁰⁴. И это несмотря на то, что, как отмечалось на одном из заседаний Правления СДПГ, партия Центра наверняка будет поддерживать правительство Гитлера¹⁰⁵.

Марксистская историография не исключает определенных противоречий, имевших место, особенно на первом этапе становления фашистского режима, между фашистским государством, нацистскими кругами и отдельными группами немецкой буржуазии, равно как и противоречий внутри различных буржуазно-монополистических группировок¹⁰⁶. Так, например, буржуазно-либеральные круги Центра надеялись, что фашизм вскоре себя дискредитирует и тогда удастся найти какие-то пути выхода из кризиса при сохранении парламентского демократического режима. Однако конфликт между Гитлером и буржуазными кругами сводился в основном к вопросу о путях, темпах и методах фашизации страны, и очень скоро он был преодолен.

Вообще в среде социал-демократии бытовало много всякого рода надежд и иллюзий. Как писал позднее видный функционер СДПГ В. Хёгнер, «надеялись на конституцию, потом на президента, потом на Центр, на немецких националистов, на рейхсвер... потом...»¹⁰⁷. Отдельные представители Правления СДПГ совместно с правой верхушкой АДГВ — Лейпартом и другими — пытались сразу же после прихода фашистов к власти присоединиться к фрондирующей группировке Шлейхера—Штрассера, ставившей целью установ-

¹⁰³ Das Freie Wort. 1933. 5. Febr. S. 164.

¹⁰⁴ Цит. по: Deutsche Allgemeine Zeitung. 1933. 9. Febr.

¹⁰⁵ Schulze H. Op. cit. Dok. 4. S. 143—144.

¹⁰⁶ См.: Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967; Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. М., 1972; Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма. М., 1964.

¹⁰⁷ Hoegner W, Der schwirige Außenseiter. München, 1959, S. 76.

ление военной диктатуры и пользовавшейся некоторой поддержкой определенных кругов крупномонополистической буржуазии и рейхсвера. Группировка имела ярко выраженную антикоммунистическую направленность¹⁰⁸. В кругах социал-демократии весьма распространенными являлись надежды на то, что Гитлеру не удастся продержаться даже двух лет¹⁰⁹, что в силу экономических трудностей и неспособности Гитлера «выполнить многочисленные обещания» (утверждение К. Каутского, имевшее своих сторонников и в кругах правой международной социал-демократии)¹¹⁰ режим себя дискредитирует.

Однако надежды надеждами, а реальность реальностью. Уже в конце февраля 1933 г. все буржуазные партии высказались за союз с нацистами. Позднее Крупп точно выразил желание немецкой монополистической буржуазии: «В той жестокой борьбе (против рабочего класса, всех демократических слоев трудящихся.— Л. Б.) нужна была железная и сильная власть. Гитлер дал нам ее. Мы хотели системы, которая бы хорошо функционировала и дала бы нам спокойно работать (читай: вести спокойную подготовку к войне.— Л. Б.)»¹¹¹. А руководство партии Центра (на которое возлагалось столько надежд) в лице прелата Кааса заявило: «Мы все образуем общность, которой угрожают коммунисты. Кто выскажется за коммунистов и их союзников из СДПГ, тот — враг нации»¹¹².

Возможно, консолидация сил реакции и фашизма несколько поколебала позицию отдельных лидеров СДПГ, прежде всего Ф. Штампфера, который обратился в ЦК КПГ с просьбой о встрече с его представителями¹¹³. Встреча была назначена на вторую половину дня 28 февраля в помещении рейхстага, однако не состоялась из-за чудовищной провокации, совершенной нацистами в ночь на 28 февраля,— поджога рейхстага.

¹⁰⁸ Lemmer E. Manches war doch anders: Erinnerungen eines deutschen Demokraten. Frankfurt a. M., 1968. S. 166—168.

¹⁰⁹ Zorn G. Stadt im Widerstand. Frankfurt a. M., 1965. S. 22.

¹¹⁰ См.: Walter H.-A. Bedrohung und Verfolgung bis 1933. Darmstadt; Neuwied, 1972. S. 243.

¹¹¹ Terror und Widerstand: Dokumente und Materialien. B., 1965. B(13).

¹¹² Deutsche Allgemeine Zeitung. 1933. 23. Febr.

¹¹³ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 325.

Кризис партии

Провокационный акт нацистов, проведенный с целью уничтожения рабочего и демократического движения в стране, в первую очередь компартии, развязал руки реакции. Массовый кровавый террор охватил всю Германию. В ночь на 28 февраля было арестовано около 10 тыс. человек, в том числе 4 тыс. функционеров КПГ. Были брошены за решетку и многие социал-демократы, среди них бывший министр внутренних дел Пруссии К. Зеверинг, депутат рейхстага от СДПГ, председатель ее местной организации в Любеке Ю. Лебер и многие другие. Когда в тот же день Гинденбургом был издан чрезвычайный декрет, который «в целях защиты демократической республики», «народа и государства» фактически отменял все демократические права и свободы, санкционировал разнузданный нацистский террор и репрессивные меры фашистского правительства¹¹⁴, стал очевиден антиконституционный характер и намерения фашистского правительства. Страна покрылась сетью концлагерей — Дахау, Заксенхаузен, впоследствии — Бухенвальд, Равенсбрюк и др. В апреле 1933 г. появилось на свет еще одно чудовищное порождение нацистского режима — государственная тайная полиция (гестапо), сыгравшая зловещую роль в становлении и укреплении фашистской диктатуры. Разгул террора сопровождался небывалым размахом нацистской пропаганды (пресса, массовые митинги, марши военизированных отрядов НСДАП, факельные шествия, плакаты и флаги со свастикой), возбуждавшей массовый фанатизм и слепую приверженность фашистскому режиму, вселявшей страх перед ним, рассчитанный на то, чтобы парализовать волю трудящихся¹¹⁵.

Крах политики правых лидеров СДПГ был налицо. Поджог рейхстага уничтожил все возможности продолжения прежней легальной тактики. Фашистская провокация повергла в страх и растерянность лидеров СДПГ. Объявление коммунистов врагами нации, за-

¹¹⁴ Декрет предоставлял властям неограниченное право производить аресты, обыски, накладывать штрафы и конфисковывать имущество, предусматривал бессрочную каторгу и смертную казнь по политическим обвинениям. См.: История фашизма в Западной Европе. С. 216.

¹¹⁵ См.: История фашизма в Западной Европе. С. 216—217.

прет коммунистической прессы, а позднее (5 марта) и самой компартии, массовый антикоммунистический террор (3 марта был арестован Э. Тельман) вызвали у вождей социал-демократии желание любой ценой избежать такой же участи. Поэтому когда непосредственно после поджога рейхстага курьер от секретариата ЦК КПГ попытался связаться с руководством СДПГ, то принявший его в здании «Форвертс» Франц Кюнстлер в соответствии с указаниями Вельса отказался от имени Правления от сотрудничества с КПГ и обосновал отказ тем, что теперь совместные действия будут нецелесообразными, так как повредят «легальности СДПГ»¹¹⁶. Позднее, летом 1938 г., в проекте меморандума СДПГ Правление пыталось объяснить свою позицию так: «После поджога рейхстага мы приняли решение не капитулировать, а до последней возможности сохранить организацию»¹¹⁷. Стремясь во что бы то ни стало продлить легальное существование партии, правые взяли курс на прямое приспособление к фашизму. Начался короткий, но самый постыдный период деятельности руководства СДПГ, по словам В. Абендрота, «его моральный распад»¹¹⁸.

После 28 февраля была запрещена и социал-демократическая пресса. Нацисты пытались обвинить в «соучастии» в поджоге немецкого парламента и социал-демократов. Нацистская «Пройсипер прессединст» заявила, будто стал очевидным единый фронт между коммунистами и социал-демократами, поскольку-де у «поджигателей» была найдена листовка о таком фронте¹¹⁹. Но это обвинение было, в силу всей предшествовавшей политики лидеров СДПГ, настолько нелепо, что даже такая консервативная газета, как «Франкфуртер цайтунг», подчеркнула, что «обвинять социал-

¹¹⁶ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 326.

¹¹⁷ Mit dem Gesicht nach Deutschland: Eine Dokumentation über die sozialdemokratische Emigration. Düsseldorf, 1968. Dok. 37. S. 340.

¹¹⁸ *Abendroht W.* Op. cit. S. 68. Эту точку зрения поддерживают буржуазные и реформистские историки, такие как Д. Цирер, Э. Маттиас, подчеркивая начавшийся после 28 февраля «организационный и моральный распад» в СДПГ. См.: *Zierer D.* Niedergang und Zusammenbruch der Weimarer Parteien. München, 1973. S. 25; *Matthias E.* Der Untergang der alten Sozialdemokratie 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1956. H. 3. S. 269.

¹¹⁹ Preußischer Pressedienst. 1933. 28. Febr.

демократов в поджоге рейхстага было бы абсурдным»¹²⁰.

Пытаясь вернуть свободу прессе, которая была для правых социал-демократов единственной возможностью осуществлять какую-либо политическую деятельность или хотя бы соблюдать видимость такой деятельности (в противном случае СДПГ вообще переставала являться каким-либо политическим фактором в стране), лидеры социал-демократии согласны были пойти на переговоры с нацистским правительством. Правление СДПГ заявило, что готово в любой момент поступить в распоряжение властей, чтобы дать необходимые объяснения. Стремясь отмежеваться от каких-либо намеков на связи с коммунистами, правые, где только возможно, подчеркивали, что «СДПГ никогда не имела ничего общего с людьми, которые подожгли рейхстаг»¹²¹. Такими утверждениями, которые не разъясняли существа происшедшего, а, напротив, невольно помогали нацистам поддерживать ложь о поджоге рейхстага коммунистами, правые сбивали с толку массы немецкого народа, членов своей партии. Когда же компартия 1 марта предложила объявить всеобщую демонстрацию протеста против фашистской провокации, Правление СДПГ ответило отказом, позволив тем самым фашистам и дальше безнаказанно осуществлять свою преступную деятельность.

Выборы 5 марта в рейхстаг не привели к столь желаемому поражению нацистской партии. Нацисты собрали 43,9% голосов, но не получили необходимых для принятия парламентом чрезвычайного законодательства $\frac{2}{3}$ голосов. За них голосовали 17,3 млн избирателей, за СДПГ и КПГ — 12 млн (СДПГ получила 120 мандатов, КПГ — 81). Во многих крупных индустриальных центрах число голосов, поданных за НСДАП, не достигало до голосов в пользу обеих рабочих партий. В Берлине обе партии (СДПГ и КПГ) получили 52,6% (из них только 22,5% получила СДПГ)¹²². Нацисты, однако, аннулировали мандаты арестованных ими депутатов-коммунистов и получили таким образом, открыто разорвав с конституцией, необходимое большинство в парламенте. О. Бухвиц вспоминал, что после

¹²⁰ Frankfurter Zeitung. 1933. 1. März.

¹²¹ *Justinian (Kuttner E.)*. Reichstagsbrand. Wer ist verurteilt. Karlsbad, 1934. S. 16, 164.

¹²² Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 326.

всех этих актов произвола со стороны нацистского правительства у его товарищей не оставалось сомнений в том, что и социал-демократов ожидает участь коммунистов¹²³. Известие об отправке депутатов-коммунистов в концлагеря вызвало страх и отчаяние у вождей СДПГ.

Вопреки фактам лидеры социал-демократической партии заявили, что, поскольку кандидатуры нацистов утверждены народом, сформированное ими правительство законно. И если, подчеркивали они далее, фашистское правительство будет править согласно конституции (а такая возможность-де представилась в результате победы правящей нацистской партии на выборах), то социал-демократия, само собой разумеется, останется в «легальной оппозиции» к режиму¹²⁴.

Лидер социал-демократической молодежи Э. Олленхауэр заявил на одном из партийных митингов: «Мы все знаем, какими путями получено это большинство. Но у нас нет возможности, да и нет смысла писать и говорить об этом в настоящий момент ... Факты (миллионы голосов, отданных избирателями социал-демократам.— Л. Б.) дают нам уверенность... и позволяют и после выборов рассматривать политическое развитие в Германии со спокойствием... Нужно сдерживать нервы и с хладнокровием ожидать развития ближайших событий... Не поддавайтесь на провокации!»¹²⁵ Правление СДПГ также со спокойствием восприняло запрет Железного фронта и рейхсбаннера, опубликованный 7 марта.

10 марта 1933 г. секретариат ЦК КПГ призвал Правление СДПГ к совместной организации комитетов действий и отрядов самообороны против фашистской реакции¹²⁶. Но Правление СДПГ на своем очередном заседании даже не стало обсуждать это предложение.

Однако, пропагандируя необходимость спасения социал-демократической организации вплоть до приспособления к фашизму, руководство СДПГ вынуждено было думать и о том, как сохранить среди членов партии свой катастрофически падавший престиж, как уберечь организацию от внутреннего развала. На засе-

¹²³ Buchwitz O. Op. cit. S. 128, 131.

¹²⁴ Vossische Zeitung. 1933. 7. März.

¹²⁵ Ollenhauer E. Reden und Aufsätze. Hannover, 1964. S. 135, 137, 139.

¹²⁶ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 328.

даниях Правления и фракции шли бесконечные споры. Была высказана робкая мысль о возможности эмиграции партийного руководства¹²⁷. Отдельные представители Правления, в частности Р. Гильфердинг, Р. Брайтшайд и др., выехали за границу. В основном существо споров сводилось к одному: принимать или не принимать участие в заседании рейхстага, на котором будет обсуждаться чрезвычайный закон, предоставляющий канцлеру всю полноту власти, голосовать или не голосовать за этот закон. Это могло стать последней возможностью показать с трибуны парламента дееспособность социал-демократии как перед членами своей партии, так и перед всем миром, и вожди СДПГ решили явиться на заседание рейхстага и проголосовать против нового закона.

В предельно напряженной обстановке заседания рейхстага (оно состоялось 23 марта в оперном театре «Кроль»), в зале, битком набитом вооруженными дубинками штурмовиками, когда все буржуазные партии чествовали Гитлера как спасителя нации от коммунистов и марксистов, требовалось немалое мужество, чтобы бросить в лицо этой неистовствующей своре «нет!» и тем самым окончательно решить свою участь. К тому же, открывая заседание, Гитлер пригрозил, что отклонение закона будет рассматриваться его правительством как объявление войны¹²⁸. «„Нет“ немецкой социал-демократии выражало волю широких кругов рабочего класса и трудящихся защитить последние следы демократических прав и свобод и бороться против фашистского режима»¹²⁹. Но этот акт мог бы иметь совершенно иной политический резонанс, если бы социал-демократы, протестуя против режима террора и беззакония, апеллировали бы не к разуму нацистов, а ко всем антифашистским, демократическим силам немецкого народа. Однако в речи на заседании рейхстага О. Вельс обосновал отклонение закона исключительно преследованием социал-демократов, а не принципиальными соображениями, не тем, что этот закон открывал путь к консолидации фашистской диктатуры и полному устранению последних демократиче-

¹²⁷ Mit dem Gesicht nach Deutschland. S. 73.

¹²⁸ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 330—331.

¹²⁹ Weißbecker M. Die westdeutsche Presse zum 30. Jahrestag der faschistischen Machtergreifung // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1963. H. 8. S. 1512,

ских прав и свобод¹³⁰. Как бы извиняясь, он сказал, что принцип критики священ и необходим и что, наконец, никто не может потребовать от подвергающейся преследованиям социал-демократии голосования за чрезвычайные полномочия.

Вообще речь Вельса была весьма двусмысленна, отражала шаткость позиций и нерешительность руководства СДПГ, являла собой поистине концентрированное воплощение характера социал-демократической партии. Хотя Вельс и заявил, что СДПГ не согласна с внешнеполитическим курсом нынешнего правительства, он подчеркнул, что социал-демократы тоже «национально мыслящие пемцы» и что, если Гитлер будет проводить «патриотическую внутреннюю политику», он может рассчитывать на их лояльность. Призывая нацистов к «нормам человечности и права», «свободы и социализма», Вельс заверил, что обвинения его партии в передаче сведений за границу о терроре в Германии необоснованны. Тем самым он практически отмежевался от международного протеста против фашистского варварства. Члены СДПГ, другие немецкие антифашисты, естественно, не услышали с трибуны рейхстага от главы рабочей партии слов, которые свидетельствовали бы о занятой СДПГ четкой антифашистской позиции. Это была граница, которую социал-демократы в тот момент еще не перешли. В целом речь главы социал-демократии означала не что иное, как готовность оказывать поддержку реакционной внешней политике Гитлера, отказаться от критики нацизма вообще, если будет дана гарантия дальнейшего существования партии и сохранения ее организаций. СДПГ, таким образом, «путем приспособления к режиму пыталась внушить терпимое к себе отношение», — отмечает историк леворадикального направления Х.-А. Вальтер¹³¹.

Буржуазные партии единогласно проголосовали за предоставление нацистскому канцлеру чрезвычайных полномочий, и нацистское правительство (придав теперь видимость законности своему режиму) получило право без согласия рейхстага издавать законы, распоряжаться бюджетом, заключать договоры с другими го-

¹³⁰ *Verhandlungen des Reichstags*. 8. Wahlperiode. B., 1933. Bd. 457. S. 28—37.

¹³¹ *Walter H.-A.* Op. cit. S. 243.

сударствами. Фашистская диктатура была легализована, конституция Веймара более не существовало.

Рухнули и последние надежды руководства СДПГ на противодействие режиму со стороны ландтагов и городских советов южных земель, в особенности Баварии¹³². 31 марта 1933 г. законом об унификации земель с рейхом объявлялись распущенными все избранные населением местные представительства (ландтаги, крейстаги, городские, районные и общинные советы и т. д.). Новые органы предписывалось создавать на основе распределения голосов между партиями на выборах в рейхстаг 5 марта 1933 г. Особо подчеркивалось, что «голоса, полученные при этом компартией, не принимаются во внимание»¹³³. Фактически Гитлер попросту разогнал все местные органы власти и учредил на местах так называемые институты штатгальтеров — представителей нацистской партии, завершив тем самым процесс административной унификации.

Лидеры СДПГ все еще тужились в попытках добиться отмены запрета социал-демократической прессы, откровенно заискивая перед фашистским правительством. Руководство СДПГ предприняло тогда шаги, «по крайней мере, непонятные, если не откровенно оппортунистические и объективно способствующие фашизму»¹³⁴.

Когда Геринг в качестве условия существования прессы СДПГ потребовал прекращения антифашистской пропаганды со стороны Социалистического рабочего интернационала, Вельс, Штампфер, ряд других членов Правления выехали за границу для беседы с руководством Рабочего интернационала. Надо сказать, что партии этого Интернационала внесли свой вклад в разоблачение фашистского варварства, подвергли резкой критике события в Германии. Распространение правды о немецком фашизме Рабочий интернационал рассматривал как долг международной социал-демократии. Его исполком на заседании 18—19 марта и Бюро Исполкома 27 марта 1933 г. в резолюциях осудили немецкий фашизм и призвали международный пролетариат к солидарности с немецким рабочим клас-

¹³² *Keil W. Erlebnisse eines Sozialdemokraten. Stuttgart, 1948. Bd. 2. S. 491; Der Untergang der Sozialdemokratie, Dok. 3, S. 181.*

¹³³ *История фашизма в Западной Европе. С. 219.*

¹³⁴ *Walter H.-A. Op. cit. S. 243.*

сом¹³⁵. Бюро и особенно секретарь Исполкома Ф. Адлер отклонили и категорическое требование Вельса воздержаться от публикации решений Социалистического рабочего интернационала. Тогда 30 марта Вельс заявил о своем выходе из состава Бюро Исполкома Рабочего интернационала и передал это заявление телеграфным агентствам и прессе.

Правая социал-демократическая верхушка, не желая быть скомпрометированной перед нацистами, отмежевывалась и от каких-либо связей с развернувшими свою работу первыми подпольными группами СДПГ. Эти группы стали образовываться сразу же после выборов в рейхстаг, когда от руководства вновь не последовало призывов к действиям¹³⁶. Правление СДПГ потребовало прекращения нелегальной работы, а в начале апреля 1933 г. за неподчинение указаниям центра исключило руководителя берлинской молодежной организации Э. Шмидта из партии¹³⁷. Однако все попытки правых оказались напрасными — нацисты так и не разрешили издание социал-демократических газет и журналов.

Действия правого руководства приводили к еще большему отчуждению между ним и активными силами в СДПГ, требовавшими борьбы с фашизмом. Капитулянтство правых лидеров партии способствовало усилению симпатий к коммунистам среди рабочих, активная деятельность которых по формированию нелегального сопротивления составляла разительный контраст с политикой лидеров СДПГ¹³⁸. На фоне последовательной антифашистской борьбы коммунистов, бескомпромиссной по отношению к нацистскому режиму, вождям СДПГ все труднее становилось оправдывать свою пассивную позицию. Тактика же приспособления реформистов к фашизму повела к развалу

¹³⁵ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 332.

¹³⁶ С другой стороны, целый ряд местных социал-демократических организаций, особенно служащих, учителей и т. д., под давлением нацистов или разуверившись в силе и будущем своей партии, объявили о самороспуске. См.: Das Ende der Parteien. Dok. 30. S. 239—241.

¹³⁷ Der Untergang der Sozialdemokratie. Dok. 3. S. 198.

¹³⁸ О деятельности германского подполья, прежде всего коммунистов, см.: Гинцберг Л. И. Отважные борцы против фашизма: (Борьба немецких антифашистов против гитлеровской тирании). М., 1984; Он же. Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939—1945. М., 1987.

социал-демократической организации, лишала смысла пропагандируемую цель ее спасения. Эта политика не помогла партии — она лишь скомпрометировала ее, показала ее политическую близорукость.

В социал-демократической партии усилился процесс открытой дифференциации между ее левым и правым крылом, наблюдавшийся еще до прихода фашистов к власти, однако приобретший в рассматриваемый период совершенно иное качество. Возникали все новые и новые подпольные группы. В Берлине они еще со времени поджога рейхстага активно занимались распространением антифашистской литературы. Развернули работу самые большие из социал-демократических организаций — «Ди ротен кемпфер» (Красные бойцы), «Дер роте штосструпп» (Красный штурмовой отряд), «Ной бегиннен» (Начать заново), возникшие как оппозиционные реформизму течения еще в конце 20-х годов. Активно действовали уже упомянутая Социалистическая рабочая партия и возникший в 1926 г. Международный социалистический боевой союз (МСБС). Последний особый акцент делал на нравственном обосновании социалистических принципов (так называемый «этический социализм») ¹³⁹. Эти группы пытались устанавливать связи со многими районами Германии. Работа в подполье постепенно налаживалась, деятельность подпольщиков расширялась, хотя, разумеется, это было только начало. Нелегальные группы все громче и чаще выступали с острой критикой реформизма как в теории, так и на практике. Большинство групп требовало перехода партии на нелегальное положение ¹⁴⁰. Руководитель подпольной группы «Социалистический фронт» в Ганновере, бывший редактор социал-демократической «Фольксвилле» В. Блуменберг подчеркивал, что подпольщики отнюдь не стремились «начать все заново, они хотели лишь продолжить лучшие традиции немецкого рабочего движения» ¹⁴¹.

Расхождения по вопросу о тактической линии между партийным руководством и представителями не-

¹³⁹ См.: Орлов Б. С. СДПГ: идейная борьба вокруг программных установок. М., 1980. С. 39; Кульбакин В. Д. Указ. соч. С. 193—195.

¹⁴⁰ Matthias E. Op. cit. S. 277; Der Untergang der Sozialdemokratie. Dok. 4. S. 200—201.

¹⁴¹ Ibid. Dok. 5. S. 202.

легальных групп СДПГ выявила партийная конференция, состоявшаяся 27 апреля 1933 г. в Берлине вместо намеченного на май 1933 г. во Франкфурте на Майне партийного съезда и проходившая в уцелевшей части рейхстага. На ней были представлены все партийные округа, кроме Гессен-Касселя. С докладом выступил О. Вельс. Всю вину за приход фашистов к власти он пытался свалить на «незрелость масс», рабочего класса. Он признал, что СДПГ (как и все прочие политические силы) в годы экономического кризиса оказалась несостоятельной. Однако эту несостоятельность Вельс оправдывал тем, что «масса» якобы не поняла практической, разумной политики СДПГ, сулящей успех не сразу, а «шаг за шагом»¹⁴².

Хотя в общем решения конференции «подтвердили легальный курс партии»¹⁴³ и ориентацию на легальную борьбу, на ней впервые представители левых групп открыто поставили вопрос о нелегальной работе. В докладе Вельса впервые для правых была высказана мысль о том, что сохранение организации не должно быть самоцелью, и выражено опасение возможного запрета СДПГ, а в связи с этим подчеркивалась необходимость продолжения нелегальной деятельности левых групп. Не без влияния левых руководство СДПГ вынуждено было дать близкую к объективной оценку сложившейся в партии ситуации. Было констатировано, что организация разваливается и что «маленькие группы сами переходят к нелегальной работе»¹⁴⁴. Столь же вынужденным вместо эмигрировавших Р. Гильфердинга, Р. Брайтшайда, А. Криспина и В. Дитмана было избрание в состав партийного Правления, помимо П. Лёбе, В. Зольмана, и двух сторонников подпольной борьбы — К. Бёхеля и З. Ауфхойзера, первыми среди лидеров СДПГ поддержавших нелегальную борьбу. Избрание двух последних несомненно свидетельствовало об успехе прогрессивных сил партии. В состав нового Правления вошли также О. Вельс и Г. Фогель (два сопредседателя), З. Крумменерль (казначей), Ф. Штампфер (главный редактор к тому времени запрещенного «Форвертса»), Э. Олленхауэр (председатель Центрального правления Социа-

¹⁴² Internationale Information. 1933. 6. Mai. S. 195.

¹⁴³ См.: Mit dem Gesicht nach Deutschland. S. 26.

¹⁴⁴ Deutschland-Berichte der Sopade (далее: DBS). 1934. Aug.—Sept. S. 452—453; Das Ende der Parteien. Dok. 33. S. 252.

листической рабочей молодежи), Г. Дитрих, П. Герц, Мария Юхач, Ф. Кюнстлер, К. Литке, А. Немиц, Э. Риннер, Э. Райнек, Э. Шталь, Й. Штеллинг, М. Вестфаль (всего избрано 20 человек).

Чувствуя, что его авторитет падает, руководство СДПГ все чаще стало задумываться над необходимостью изменения тактической линии. Когда крайне правые лидеры АДГБ призвали рабочих принять участие в «празднике национального труда» 1 мая, который по замыслам нацистов должен был продемонстрировать единство духа немецкой нации, Вельс открыто расценил это как «моральное падение, которого еще никогда не знали профсоюзы»¹⁴⁵.

Под напором левых сил и их представителей 4 мая Правление СДПГ констатировало, что «перспектив на продолжение легальной деятельности больше нет», и приняло решение об эмиграции отдельных своих членов¹⁴⁶. Этому предшествовали долгие колебания, конец которым положили неудачные попытки вернуть свободу печати и в особенности разгром 2 мая всех немецких профсоюзов¹⁴⁷. Все принадлежащие профсоюзам здания были захвачены штурмовиками, имущество и денежные средства конфискованы и разграблены, все трудящиеся насильственно объединены в Германский трудовой фронт, куда вошли и предприниматели. Через Германский трудовой фронт все стороны труда и жизни рабочих страны были поставлены под контроль монополий.

Вслед за профсоюзами фашисты ликвидировали и другие массовые организации: больничные кассы, спортивные и туристические союзы и прочие общества. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на демагогию фашистов и насильственное объединение рабочих с капиталистами в Трудовом фронте, рабочие

¹⁴⁵ Heer H. *Burgfrieden oder Klassenkampf*. Neuwied; Berlin, 1971. S. 192; см. также: *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. В., 1965. Bd. 5. Dok. 8. S. 449—450.

¹⁴⁶ *Mit dem Gesicht nach Deutschland*. Dok. 37. S. 310; DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 453.

¹⁴⁷ Бывший профсоюзный функционер А. Карл подчеркивает в мемуарах, что именно потому, что сопротивление было ограничено, меры обороны против нацистов были чрезвычайно слабы» (руководство АДГБ все гадало, «как поведут себя нацисты... пока не стало поздно»), нацистам удалось разгромить профсоюзы (цит. по: *Zorn G*, *Op. cit.* S. 22). См. также: *Rupprecht A. Wie die Nazis das Eigentum der SPD raubten und zerstörten*, В., 1960.

не стали той социальной базой, на которую могли бы опереться нацисты. При общем росте численности нацистской партии в 3 раза после прихода к власти число рабочих в ней увеличилось менее чем в 2 раза, зато значительно (в 4—6 раз) выросло число членов из средних слоев. По данным статистики НСДАП, в январе 1933 г. ее члены составляли 1,6% общей численности рабочих, а на январь 1935 г. их стало 5,3%, крестьян — 3,8, зато чиновников и служащих — 20, учителей — 30%¹⁴⁸. Главную социальную базу фашизма, как видим, и после прихода к власти составляли средние слои.

Учреждение фашистского Трудового фронта, расправа с профсоюзами не оставляли сомнений в том, что, как позднее было сказано в одном из циркуляров Правления СДПГ (от 3 июня 1933 г.), «теперь очередь за социал-демократической партией»¹⁴⁹. В этих условиях часть Правления приняла решение о выезде за границу. Она исходила из того, что партийная работа в Германии невозможна: «Собрания запрещены, отсутствует пресса, осуществляется нажим на профсоюзы, какое-либо воздействие на парламент исключено»¹⁵⁰. Как отмечает западногерманский исследователь В. Линк, эмиграция видела свою задачу прежде всего в установлении контактов с раздробленными социал-демократическими группами, спасении единства партии, сохранении за прежним центром ведущего положения путем налаживания антифашистской пропаганды¹⁵¹.

Однако, несмотря на явные претензии на руководство подпольными группами в Германии, та часть Правления, которая эмигрировала в Саарбрюккен, а в конце мая в Прагу, не рассматривала себя в качестве активного центра борьбы с нацизмом¹⁵². В отличие от эмигрировавшего руководства КПГ лидеры

¹⁴⁸ История фашизма в Западной Европе. С. 220—221.

¹⁴⁹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 2. S. 176.

¹⁵⁰ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 37. S. 310.

¹⁵¹ См.: Ibid., S. 28, 30—31.

¹⁵² В эмиграцию выехали Вельс, Крумменерль, Штампфер. За ними последовали Фогель, Олленхауэр, Герц, затем Бёхель и Ауфхойзер, а еще позднее и Э. Рипнер. Подробнее см.: Брокко Л. Н. Начало кризиса и раскол социал-демократической партии Германии (1933 г.) // Вопросы германской истории и историографии. Днепропетровск, 1976; см. также: Der Untergang der Sozialdemokratie. Dok. 1. S. 185—186.

СДПГ не связывали себя обязательством организации подпольной борьбы в Германии и создания единого фронта. Как позднее признал Штампфер, свою работу за границей они с самого начала поставили в зависимость от позиции западных стран¹⁵³. С помощью антифашистской пропаганды и правдивой информации о кровавом нацистском разгуле вожди СДПГ надеялись подпять западные страны на борьбу с Гитлером, привлечь на свою сторону ряд социалистических партий¹⁵⁴. Разумеется, это было важным делом, но не это в конечном счете определяло в тот период исход борьбы с фашизмом: необходимо было прежде всего создать широкий внутригерманский антинацистский фронт.

Но как бы то ни было, а решение о перемещении места пребывания Правления СДПГ за границу означало, что все попытки приспособиться к фашистскому режиму провалились. Независимо от мотивов эмиграции она была объективным признанием ошибочности прежней тактики партии, требовала поисковых методов работы.

Именно осознание невозможности проведения прежней политической линии, а не «нацистская пропаганда, ловко игравшая на противоречиях в СДПГ», как утверждает буржуазный исследователь П. Майер¹⁵⁵, вполне логично привело Вельса (т. е. часть Правления, эмигрировавшую в Прагу) к острому конфликту с оставшейся в рейхе другой его частью — группой П. Лёбе и частью социал-демократической фракции рейхстага, все еще пытавшихся путем все более откровенного приспособления к режиму сохранить остатки легальной партии.

Конфликт в руководстве СДПГ обострился 17 мая 1933 г., когда Гитлер вынес на обсуждение рейхстага внешнеполитический проект, с помощью которого надеялся, создав видимость миролюбивой внешней политики нацистского правительства, притупить бдительность мировой общественности, выйти из изоля-

¹⁵³ *Stampfer F.* Die dritte Emigration // *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* S. 87.

¹⁵⁴ См.: *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* S. 30; DBS. 1934. Apr.—Mai. S. 79.

¹⁵⁵ *Mayer P.* Die Geschichte des sozialdemokratischen Parteiarchivs und Schicksal des Marx-Engels Nachlassen // *Archiv für Sozialgeschichte.* Bd. 617, 1966—1967. S. 81.

ции на международной арене, вызванной крайней степенью беспокойства мировой общественности по поводу возможной авантюристической внешней политики гитлеровской Германии. Это беспокойство усилилось после проведенной нацистами бойни евреев 1 апреля, а также после сожжения 10 мая книг на центральной площади Берлина перед оперным театром. Позднее Штампфер писал, что тогда в эмиграции все были единодушного мнения о том, что, голосуя за внешнюю политику Гитлера, социал-демократы проголосуют за фашизм в целом, что такая позиция принесет вред, «скомпрометирует партию»¹⁵⁶. Вопреки уговорам эмигрантов социал-демократическая фракция в рейхстаге (из 120 депутатов присутствовало 65, 19 депутатов были брошены нацистами в концлагеря, остальные эмигрировали) 17 мая проголосовала за гитлеровский проект, оказав тем самым фашистскому правительству неоценимую помощь в деле обмана немецкой и мировой общественности.

Весьма жалко выглядят попытки некоторых буржуазных и реформистских идеологов оправдать позицию Лёбе и его сторонников: они-де не могли оценить всю серьезность ситуации, поскольку «унифицированная пресса не давала об этом представления», или: они хотели «смягчить нацистский режим», облегчив тем самым участь своих товарищей в концлагерях¹⁵⁷, и т. п. У фракции СДПГ едва ли могли быть сомнения, что требование Гитлера о равноправии Германии идентично стремлению устранить все ограничения Версальского договора, которые затрудняли подготовку этой страны к новой мировой войне, подчеркивают историки ГДР, авторы коллективного труда о СДПГ¹⁵⁸. Брюнинг позднее совершенно серьезно назвал голосование социал-демократической фракции за «мирную» платформу Гитлера «героическим шагом», особенно если учесть, что в то время их «сторонники сидели в концлагерях»¹⁵⁹. О «бесчестии партии» писали подпольщики социал-демократы в газете Социалисти-

¹⁵⁶ *Stampfer F.* Erfahrungen und Erkenntnisse. S. 270—271; DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 453.

¹⁵⁷ *Hoegner W.* Die verräterische Republik. München, 1958. S. 362; Der deutsche Widerstand gegen Hitler/Vier historische Studien von H. Graml, H. Mommsen., H. Reinhardt, E. Wolf. Köln; [West] Berlin, 1966. S. 173.

¹⁵⁸ *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie.* S. 336.

¹⁵⁹ *Brüning H.* Memoiren (1918—1934). Stuttgart, 1970. S. 196.

ческого рабочего интернационала «Интернационале информации». Там появилась статья Ф. Адлера, в которой говорилось, что попытки приспособления к фашистскому режиму и безрассудная тактика АДГБ и социал-демократической фракции вызывают возмущение трудящихся, что лидеры СДПГ, вместо того чтобы сорвать маску с Гитлера, выдали врагу «все крепости рабочего класса»¹⁶⁰. Однако в целом Исполком Рабочего Интернационала, хотя и заявил, что позиция депутатов СДПГ противоречит его принципам, в то же время пытался оправдать Лёбе и его сторонников «трудностями фашистской диктатуры»¹⁶¹.

То, что случилось 17 мая, вполне вытекало из развития внешнеполитических концепций в СДПГ. Еще в 1932 г. на заседании социал-демократической фракции, видимо, стремясь противодействовать националистической пропаганде НСДАП, В. Кайль заявил: «Мы не должны противоречить национальному сознанию бюргерства и занимать... аптивноенную позицию»¹⁶². Его поддержал Зольман, который прямо сказал, что Германия «снова должна восстановить равенство в вооружении с другими странами»¹⁶³. Так что Лёбе несколько не грешил против правды, когда в ответ на попытки пражского центра партии каким-то образом оправдать позицию «Берлина» давлением нацистов заявил, что фракция голосовала совершенно добровольно, действовала в соответствии с принципиальной политикой своей партии, одобряя не фашизм, а только внешнюю политику Германии¹⁶⁴. Позиция фракции не расходилась с недавним курсом Правления СДПГ, а являлась его логическим продолжением. Позднее пражское руководство все же признало, что прежний внешнеполитический курс Правления привел партию к «практической поддержке Гитлера», означал вотум доверия нацистам¹⁶⁵.

После двух заседаний эмигрантского центра 21 и 28 мая в Саарбрюккене и Праге споры по поводу тактики СДПГ разгорелись с новой силой. На этих засе-

¹⁶⁰ Internationale Information. 1933. 27. Mai. S. 245; 10. Juni. S. 279.

¹⁶¹ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 337.

¹⁶² Keil W. Op. cit. S. 457—458.

¹⁶³ Ibid.; Schulze H. Op. cit. Dok. 8. S. 166.

¹⁶⁴ Frankfurter Zeitung. 1933. 7. Juni.

¹⁶⁵ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 2. S. 177.

даниях, куда, кстати, были приглашены склонные к сотрудничеству с группой Вельса члены берлинского руководства Э. Риннер, М. Вестфаль, Й. Штеллинг и Ф. Кюнстлер, было принято решение покончить с легальным курсом и начать борьбу с фашизмом. Было решено сложить все депутатские полномочия (рейхстага, ландтагов), которыми обладали некоторые члены Правления. Партийное Правление обязалось поддержать нелегальные группы в Германии как материально, так и поставкой периодических изданий. Прага была признана официальным местом пребывания руководства СДПГ. Партийное Правление в Праге получило название Сопаде (сокращенное от Sozialdemokratische Partei Deutschlands)¹⁶⁶. Ему вменялось в обязанность через сеть связанных установить постоянные контакты с действующими в Германии подпольными группами. Было учреждено центральное руководство в Берлине для работы с подпольщиками, возглавлять которое согласились М. Вестфаль и Э. Риннер, пока оставаясь членами берлинской группы П. Лёбе.

Давление подпольщиков (сам Ф. Штампфер признавал, что Правление всегда подвергалось нападкам с их стороны из-за промедления в работе¹⁶⁷) решающим образом повлияло на позицию пражского руководства. Ряд окружных партийных организаций, прежде всего Лейпцига, Цвикау, Тюрингии, в первые дни мая созвали конференцию в Альтенбурге, которая обязала своих эмигрировавших товарищей, в первую очередь из Хемница, учредить пограничные секретариаты, оказывать поддержку нелегальным организациям¹⁶⁸.

¹⁶⁶ Позднее название Сопаде стало употребляться применительно к правому крылу Правления СДПГ, группе Вельса в Праге и Париже, а затем к сторонникам Фогеля и Олленхауэра в Лондоне. Нередко в литературе ГДР и ФРГ можно встретить понятие: «группа Сопаде».

¹⁶⁷ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 37. S. 311.

¹⁶⁸ Der Untergang der Sozialdemokratie. Dok. 3. S. 199; Schulze H. Op. cit. Dok. 12. S. 191—193. Один из участников конференции, В. Ланге, высказался следующим образом: «Я собрал товарищей из Средней Германии и сказал им, что я до сих пор верил, что Правление в своем большинстве за нелегальную работу, но после конференции (27 апреля 1933 г.— Л. Б.), которая меня очень разочаровала, у меня сложилось другое впечатление. Там все еще преобладали иллюзии, а один из ораторов даже назвал коммунистов поджигателями рейхста-

Кроме того, эмигрантское руководство партии опасалось, что коммунисты, прежде всего благодаря своей нелегальной работе, захватят лидерство в антифашистской борьбе. «Мы убеждены,— говорилось в решении от 28 мая,— что партия не может дольше оставаться в стадии выжидания и промедления, если она не хочет уничтожения фашизмом ее организационных основ и устранения с политической арены... если она не хочет оставить поле битвы с фашизмом исключительно коммунистам»¹⁶⁹. СДПГ должна заняться активной работой, стать «сборным пунктом оппозиции против Гитлера»,— подчеркивал один из видных функционеров партии, Г. Фогель¹⁷⁰. Прага заявила, что легальной партии нет места при фашистском режиме, и признала, что партия слишком долго медлила, чтобы выразить свою боевую позицию по отношению к фашизму¹⁷¹. Однако «боевая позиция» лидеров СДПГ вовсе не предполагала создание боевого сотрудничества рабочих партий Германии — единственного реального условия ее эффективности. Напротив, в качестве исходных посылок этой новой позиции был заявлен, как и прежде, антикоммунизм.

Но даже такие условия не устраивали «берлинцев». Особенно резкое несогласие группы Лёбе вызвали письмо и телеграмма Вельса в Женеву лидерам Социалистического рабочего интернационала, в котором он сообщал о желании вновь войти в состав Бюро Исполкома Рабочего интернационала и обещал, что пражский центр незамедлительно начнет антифашистскую пропаганду¹⁷².

18 июня 1933 г. в Праге вышел первый номер газеты «Нойер Форвертс», где в воззвании «Разорвите оковы!» была громко провозглашена «революция против Гитлера». Воззвание содержало признание ошибочности пассивной выжидательной тактики, сожаление, что рабочий класс Германии оказался расколотым перед лицом фашизма; в нем подчеркивалось, что «нет настоящей демократии без господства рабочего класса... без социализма». На этом, собственно, позитивная

га» (цит. по: *Findeisen O.* SPD und Hitlerfaschismus. Diss. B., 1965. Bd. 2. Anmerkungen. S. 17).

¹⁶⁹ *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* Dok. 2. S. 178—179.

¹⁷⁰ *Schulze H.* Op. cit. Dok. 12. S. 191—192.

¹⁷¹ *Der Untergang der Sozialdemokratie.* S. 179—180.

¹⁷² *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* Dok. 4. S. 183.

часть воззвания заканчивалась. Ни слова не было сказано об ответственности СДПГ за приход фашизма к власти, о причинах установления фашистской диктатуры. В целом фашизм по-прежнему оценивался как «бунт деклассированных элементов против государства», «восстание мелкого бюргерства», всю вину за случившееся в Германии лидеры СДПГ вваливали на коммунистов, которые якобы способствовали расколу рабочего класса, падению веймарской демократии и пр. и пр. Воззвание не содержало ни одного практического лозунга, обращенного к рабочему классу и другим слоям, по организации борьбы с фашизмом.

При всем при этом развернутая социал-демократией антифашистская пропаганда была явлением и ярким и политически немаловажным; она, естественно, могла бы стать более действенной, будь подкреплена сигналами о готовности к практическому сотрудничеству с коммунистами.

Помимо «Нойер Форвертс», стали выходить и другие социал-демократические периодические издания. Это прежде всего печатавшаяся на гектографе для подпольного распространения внутри Германии «Социалистише акцион» под редакцией П. Герца и выходявший приблизительно раз в два месяца сборник сообщений — так называемые «Дойчланд-Берихте дер Сопаде» («Грюне Берихте»), фиксировавший результаты наблюдений доверенных лиц пражского руководства¹⁷³. Была создана сеть пограничных секретариатов (с пограничными секретарями) на всех немецких границах (в Чехословакии располагалось шесть таких секретариатов, северный секретариат находился в Копенгагене и т. д.). Эти секретариаты смогли наладить связь с 24 бывшими партийными округами СДПГ в Германии¹⁷⁴. Вся эта работа была нацелена на поиски контактов с бывшими членами партии, сподпольным движением.

Группа же Лёбе в Берлине продолжала действо-

¹⁷³ Сборник стал издаваться с весны 1934 г. и редактировался Э. Риннером. В Карлсбаде была налажена работа издательства «Графия».

¹⁷⁴ DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 461; см.: Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung, 1933—1945; Grundlagen und Materialien. Bonn, 1982. Dok. F. 3 a-c, F. 4 a-b, F. 5a, 5d. S. 569—580.

вать в духе старой тактики. Ее сторонники на встрече с представителями эмигрантов 9 июня в Праге заявили, что нелегальная работа преждевременна и может вызвать еще более неприятные последствия¹⁷⁵. На заседании социал-демократической фракции 10 июня в Берлине было заявлено, что эмиграция даст Гитлеру повод к еще большим нападкам на СДПГ. Представители фракции посоветовали Праге держать рот закрытым, чем, по их мнению, она окажет помощь партии¹⁷⁶. Все еще высказывались оптимистические прогнозы относительно возможности скорого падения правительства Гитлера.

Тем временем фашистский режим, прежде всего с помощью террористических мер, набирал силу. 14 июня прокатилась волна террора против рабочего класса, коммунистов и социал-демократов. Геббельс пригрозил берлинскому центру запретом партии, если Прага не прекратит пропагандистскую кампанию. Лёбе заявил, что не может нести ответственность за действия Сопаде, а 19 июня на созванной им партийной конференции его группа объявила себя единственно законным центром СДПГ.

Новое Правление (так называемая «директория» из шести человек: Лёбе, Сциллат, Штеллинг, Риннер, Вестфаль, Кюнстлер) объявило, что не имеет ничего общего с пражским центром, не признает его, и высказалось за дальнейшее проведение легальной политики¹⁷⁷. Это решение было поддержано отдельными функционерами партии. Так, видный деятель СДПГ, председатель окружной организации Штутгарта К. Шумахер заявил, что отмежевание от пражан является лишь первым шагом, вторым должно стать дистанцирование от Социалистического рабочего интернационала, а третьим — вообще исключение пражан и их сторонников из партии¹⁷⁸. По требованию Лёбе из состава руководства партии были удалены все евреи, опять-таки из соображений партийной безопасности, — позорнейший акт, когда-либо совершенный рабочей партией.

Однако некоторые представители нелегального дви-

¹⁷⁵ *Schulze H. Op. cit. Dok. 11, S. 189.*

¹⁷⁶ *Der Untergang der Sozialdemokratie. Dok. 1, S. 186*

¹⁷⁷ *DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 453; Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 4, S. 182—183.*

¹⁷⁸ *Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 4, S. 184.*

жения, присутствовавшие на конференции, возлагали надежду, что пражане заставят берлинское Правление действовать. Социал-демократы Рёле, Вельгаузен и другие высказывались за получение нелегальной литературы из пражского центра, за активное с ним сотрудничество, выступали против ставшего фактом раскола в партии и против дальнейших позорных намерений группы Лёбе. Надо сказать, что и в кругах нового берлинского Правления, и во фракции СДПГ также наметились расхождения по поводу дальнейшей деятельности партии. Так, видный деятель СДПГ, член Правления, избранного на апрельской конференции 1933 г., представлявший Эрфурт, Г. Дитрих и Ф. Кюнстлер призвали руководство прежде всего учитывать настроения в рядах собственной партии, в рабочих кругах.

Именно в этих кругах руководители партии должны «заново завоевать доверие», подчеркивал на заседании фракции 10 июня Г. Дитрих, призвав «к обновлению партии на новых основах»¹⁷⁹. Ф. Кюнстлер подчеркнул, что разрыв группы Лёбе с пражским центром вызвал возмущение среди рабочих. Делегаты из Берлина, Лейпцига и т. д., присутствовавшие на этом заседании, потребовали выработки новой программы действий, использования всех возможностей для создания нелегального аппарата¹⁸⁰. В самом новом Правлении Й. Штеллинг и Э. Риннер выступили против разрыва с Прагой и создания нового центра, высказались за организацию нелегальной работы. Риннер упрекал группу Лёбе в бездействии, в нежелании работать¹⁸¹. Деятельность пражского Сопале как центра, способного руководить подпольной борьбой, поддерживали отдельные эмигрантские группы СДПГ за границей, прежде всего группа в Копенгагене под руководством бывшего партийного секретаря в Киле Р. Хансена¹⁸².

Таким образом, речь шла не просто о центрах СДПГ в Берлине и Праге, а о двух политических линиях партии по отношению к фашизму. Обе стороны опасались моральной дискредитации и раскола. Пражское Правление и его сторонники направили усилия на

¹⁷⁹ Der Untergang der Sozialdemokratie. Dok. 1. S. 191—192.

¹⁸⁰ Ibid. S. 191—192.

¹⁸¹ Schulze H. Op. cit. Dok. 13. S. 195.

¹⁸² Der Untergang der Sozialdemokratie. Dok. 2. S. 193—194.

критику режима (и в этом смысле его позиция, по словам Х. Шульце, была более реалистичной¹⁸³), Берлин же проводил прежнюю политику приспособления. 21 июня новое берлинское Правление на своем первом и последнем заседании приняло (почти единогласно, против голоса Риннера) решение отправить в Прагу ультиматум с требованием прекращения любой пропагандистской деятельности, объявило об официальном исключении эмигрантов из состава партийного Правления¹⁸⁴.

22 июня 1933 г., когда Э. Риннер отправился в Прагу передавать ультиматум, весь состав берлинского Правления, многие другие деятели СДПГ (всего около 3 тыс. человек), в том числе Э. Гейльман, Ф. Кюнстлер, К. Шумахер и др., были арестованы. Многим из них были суждены годы в концлагерях и тюрьмах, некоторые были расстреляны и замучены фашистской охранкой¹⁸⁵. Во время так называемой «Кёпеникской недели» летом 1933 г., когда фашисты устроили кровавую резню в рабочих кварталах, погиб Й. Штеллинг, член Правления СДПГ, руководитель рейхсбаннера Берлина—Бранденбурга.

Никакие усилия социал-демократического руководства ужиться с фашистским режимом не помешали Гитлеру запретить социал-демократическую партию как «враждебную государству и народу»¹⁸⁶. 22 июня 1933 г. СДПГ была запрещена, а социал-демократическая фракция разогнана. 27 июня о самороспуске объявили Национальная и Народная немецкие партии, 5 июля их примеру последовал католический Центр, а 14 июля был издан закон, запрещающий образование новых партий. НСДАП стала единственной легальной партией в стране. Завершился первый этап консолидации фашистского режима.

¹⁸³ Schulze H. Op. cit. S. XXXI—XXXII.

¹⁸⁴ Adolph H. Otto Wels und die Politik der deutschen Sozialdemokratie, 1894—1939. [West] Berlin, 1971. S. 284.

¹⁸⁵ Сам Лёбе был отпущен в конце 1933 г. на свободу. Правые социал-демократы В. Кайль, Х. Зеверинг и Г. Носке продолжали спокойно жить под сенью фашистского государства. Носке, известный как кровавый душитель Ноябрьской революции, позднее вспоминал, что даже был удостоен «комплимента» Геринга, который заявил, что такого человека, как Носке, «прочь не отсылают» (*Noske G. Aufstieg und Niedergang der deutschen Sozialdemokratie. Zürich, 1947. S. 314*).

¹⁸⁶ Vossische Zeitung. 1933. 23. Juni.

Правые вожди СДПГ политикой выжидания и терпимости дали Гитлеру время, необходимое для становления режима. Они удерживали рабочий класс от борьбы с фашизмом, притупляли его бдительность и тем самым обрекали на подчинение нацизму. Политика терпимости, особенно откровенно проявившая себя в первые месяцы установления фашистской власти, была основана на антикоммунизме правых вождей партии, на парламентских иллюзиях, на ложном представлении, будто тактикой бездействия можно избежать запрета партии.

Однако именно отсутствие каких-либо действий, «паралич воли», по словам современного реформистского идеолога Й. Браунталя¹⁸⁷, стали причиной поражения немецкой социал-демократии. Партия оказалась в глубоком кризисе, обусловленном прежде всего полным поражением политики легальной оппозиции. Как подчеркнул позднее один из социал-демократов, Х. Кюн, «штат бюрократических служащих оказался несостоятельным, когда центр тяжести (политической жизни.— Л. Б.) переместился с паркета парламента на асфальт улицы»¹⁸⁸. Падение режима Веймарской республики вскрыло всю несостоятельность теоретических построений социал-демократии — концепции построения социализма путем «организации» капитализма, соучастия в управлении капиталистической экономикой в целях достижения рабочим классом «хозяйственной демократии». Свидетельством кризиса явилось образование эмиграционного центра в Праге и раскол руководства партии. И, наконец, что самое важное, все более определенно заявил о себе усилившийся процесс дифференциации в СДПГ, вылившийся в образование внутри партии многочисленных подпольных и оппозиционных руководству групп, требовавших пересмотра не только тактических, но и основных стратегических установок партии. Все это создавало новые условия для организации активной борьбы с фашизмом на почве единства германского рабочего класса.

¹⁸⁷ *Braunthal J. Geschichte der Internationale. Hannover, 1963. Bd. 2. S. 419.*

¹⁸⁸ *Kühn H. Widerstand und Emigration. Stuttgart. 1970. S. 98.*

**БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В СДПГ.
УСИЛЕНИЕ ЛЕВОГО КРЫЛА
(1934—1936)**

**Левые о проблемах стратегии
и тактики социал-демократии.
Критика правого реформизма**

Летом 1933 г. в программном документе, громко названном «Революция против Гитлера», пражское Правление сформулировало свою тактическую линию на ближайший период. Оно провозгласило борьбу на два фронта: против фашизма и против «коммунистических иллюзий». В полном согласии с прежними антикоммунистическими доктринами в этом документе, как и в других пропагандистских материалах, указывалось, будто «существование компартии отягощает задачу борьбы против деспотии», а потому-де «новый социал-демократический фронт борьбы должен со всей решимостью отмежеваться от коммунистов...»¹.

Отказ пражского Правления от сотрудничества с коммунистической партией значительно снижал эффективность практической организации подпольной борьбы. Партия по-прежнему оставалась на правом крыле Социалистического рабочего интернационала, не торопилась преодолеть прежние установки. Оптимистические прогнозы относительно непродолжительности существования фашистского режима, равно как и ориентация на высокие буржуазные круги, по-прежнему имели место в деятельности Сопаде. «Оставьте ваши революционные теории, — говорил Ф. Штампфер представителю левой оппозиции К. Бёхелю летом 1933 г., — пройдет едва ли год, и мы в союзе с Центром, рейхсвером и крупными промышленниками свергнем гитлеровский режим»².

¹ Revolution gegen Hitler. Karlsbad, 1933; Neuer Vorwärts. 1933. 18. Juni.

² Mit dem Gesicht nach Deutschland: Eine Dokumentation über die sozialdemokratische Emigration. Düsseldorf, 1968. Dok. 13. S. 232.

В отличие от догматической позиции лидеров СДПГ руководство Компартии Германии находилось в постоянном творческом поиске. В КППГ продолжался процесс переосмысления тактических установок. Постепенно преодолевались ошибочные представления и взгляды на социал-демократию, в особенности на ее левое крыло. Этому способствовало резкое обострение противоречий между левым и правым крылом Социалистического рабочего интернационала, рост антифашистской активности его левого крыла, что с особой отчетливостью продемонстрировала августовская конференция 1933 г.³ Представленный на ее утверждение Исполкомом Рабочего интернационала, подчеркивал позднее все более эволюционировавший влево лидер Социал-демократической рабочей партии Австрии О. Бауэр, проект резолюции никого не удовлетворял, ибо «дебаты выявили глубокие разногласия не только между партиями, но и в недрах самих партий»⁴. Коминтерн, учитывая эти процессы, развивал свои стратегические и тактические установки в единственно верном направлении — направлении создания широкого антифашистского фронта, основанного на единстве рабочего класса и его партий.

Период 1933—1934 гг. был особенно сложен в этом отношении: непреодоленные сектантские и левацкие установки и настроения в международном коммунистическом движении, в частности в КППГ, существенно тормозили политику, направленную на выработку новых, реально оценивающих политическую обстановку политических концепций. Представители германской компартии, направленные для подпольной работы в различные районы Германии, вспоминает входивший тогда в Политбюро ЦК КППГ К. Мевис, в целях установления боевого сотрудничества с членами СДПГ настойчиво убеждали коммунистов на местах пересмотреть сложившиеся негативные оценки социал-демократии, по крайней мере лучшей ее части⁵. Преодолевая

³ Geschichte der Sozialistischen Arbeiter-Internationale (1923—1940). В., 1985. S. 187—196.

⁴ Цит. по: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1981. Т. 5. С. 449. В тексте принятой на конференции резолюции содержалось резкое осуждение фашизма, но отсутствовали практические рекомендации относительно конкретных путей и средств в борьбе против него.

⁵ Mewis K. Im Auftrag der Partei: Erlebnisse im Kampf gegen

иллюзии, коммунисты не скрывали, что предстоит трудная, небывало длительная борьба в подполье в условиях жесточайшего фашистского террора, борьба, требующая строгой конспирации и хорошей организации.

К весне 1934 г. компартии в основном удалось создать подпольные ячейки во всех важных индустриальных районах Германии, наладить связи с уже действовавшими на местах подпольными коммунистическими группами, организовать поставку нелегальной литературы, прежде всего «Ди Роте Фане»⁶. В донесениях подпольщиков социал-демократов в Прагу подчеркивалась активность коммунистов во многих областях Германии — на Нижнем Рейне, в западных районах Германии, Южной Баварии и т. д., — говорилось о «волне коммунистической пропаганды», о симпатиях к КПГ отдельных слоев населения, выражалось сожаление по поводу отсутствия подобной активности у социал-демократов⁷.

Сознание серьезности положения нередко побуждало социал-демократов рабочих, а также функционеров партии разворачивать антифашистскую борьбу, не получая, в отличие от коммунистов, ни руководящих директив, ни видимой поддержки центра. Позднее Штампфер признавал, что «подпольные группы возникли не по воле партийного Правления, а по собственной воле»⁸. Эти слова убедительно опровергают героизацию некоторыми буржуазными и социал-демократическими историками лидеров СДПГ (в частности, О. Вельса), изображающими их чуть ли не вдохновителями и организаторами всего германского рабочего подполья⁹. Более того, пражское руководство, вопреки словесным заверениям, подчас чинило препятствия подпольщикам.

die faschistische Diktatur. В., 1971. S. 38; Кюнрих Х. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1986. С. 51.

⁶ О деятельности компартии в подполье см. также: Семелов И. В. Рабочий класс и антифашистская борьба в Германии (1933—1945). Челябинск, 1984; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. В., 1965. Bd. 5; Mammach K. Die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung, 1933—1939. В., 1974.

⁷ Deutschland-Berichte der Sopade. 1934. Apr.—Mai. S. 77. (Далее: DBS.)

⁸ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 37. S. 312.

⁹ Adolph H. Otto Wels und die Politik der deutschen Sozialdemokratie, 1894—1939. [West] Berlin, 1971. S. 330—335; Werner E. Die Freiheit hat ihren Preis: Die bayerische Sozialdemokratie von ihren Anfängen bis zum Widerstand im NS-Stadt. München, 1980. S. 1947.

Так, на переговорах с нелегальными функционерами Берлина летом 1933 г. оно потребовало, чтобы те удерживали членов своих групп от любых самостоятельных акций, в особенности от каких бы то ни было контактов с коммунистами¹⁰.

Образованию социал-демократических подпольных групп дал толчок запрет партии летом 1933 г., который, безусловно, был сильным моральным потрясением для социал-демократов, еще находившихся под влиянием партийной верхушки. Социал-демократические подпольные группы летом 1933 г. возникли в Тюрингии, Саксонии (кстати, местные функционеры всегда были наиболее оппозиционно настроены к руководству партии), а также на Рейне, в Берлине, Гамбурге, Ганновере, Магдебурге, Штутгарте и других городах¹¹. По большей части это были довольно малочисленные и изолированные группы, что, помимо конспиративных соображений, в немалой степени обуславливалось политическими различиями, пестротой идеологических воззрений, сопровождавших кризис партии.

В Берлине налаживали работу сразу несколько групп СДПГ: уже упомянутые выше «Дер роте штосс-трупп», «Ди ротен кемпфер», «Ной бегиннен», а также группа юных социалистов «Пролетарская акция», Социалистическая рабочая молодежь (молодежная организация СДПГ), Международный социалистический боевой союз (МСБС). Эти организации имели ответвления в других городах. Кроме того, у них были центры за границей: у Социалистической рабочей партии — в Париже, Праге, Скандинавии, у МСБС — в Париже. Самая влиятельная и крупная из левых организаций СДПГ — «Ной бегиннен» имела свое заграничное бюро в Праге во главе с Карлом Франком для координации работы и секретариат, призванный обеспечивать финансирование и налаживание связей с эмигрантской общественностью; для руководства подпольной работой в Германии имелось центральное бюро в Берлине.

Уже упоминавшиеся функционеры СДПГ, эмигрировавшие в мае 1933 г. в Чехословакию и связанные с подпольем в Саксонии и Тюрингии, — Бёхель и Ауфхойзер создали на германо-чехословацкой границе в Карловых Варах (Карлсбаде) пограничный секрета-

¹⁰ *Niemann H.* SPD und Hitlerfaschismus. Diss. B., 1965. Bd. 1. S. 103.

¹¹ *Ibid.* S. 104.

риат, в задачу которого входило поддержание связей с подпольщиками прилежащих округов, снабжение их нелегальной литературой и т. п. Процесс образования групп продолжался и позднее. Не имея опыта подпольной работы, участники этих групп горели желанием оказать сопротивление кровавому фашизму — распространяли нелегальную литературу в жилых районах и на предприятиях, помогали заключенным и их семьям, собирали сведения о положении дел на предприятиях, в нацистской партии и ее организациях и т. п.

Кризис в СДПГ вызвал не только разочарование в прошлой политической практике лидеров партии, но и способствовал формированию убеждения в необходимости пересмотра ее стратегических и тактических установок. То, что Правление провозгласило прежние постулаты и не желало нести, как это стало ясно из выступления Вельса на конференции Социалистического рабочего интернационала в августе 1933 г., никакой ответственности за случившееся¹², вызвало еще больший взрыв возмущения со стороны теперь уже достаточно широкой оппозиции в рядах СДПГ.

В воззвании нелегальных групп Саксонии в июле 1933 г. говорилось: «Необходима основательная, принципиальная и честная дискуссия о прошлом, чтобы сделать выводы на будущее... Сознание необходимости новых форм борьбы и новых революционных целей характерно для большинства нашей партии»¹³. Изменение места пребывания оказалось недостаточным для укрепления авторитета Правления, которое практически оказалось изолированным от основной партийной массы и эту изоляцию не смогло преодолеть до конца второй мировой войны.

Нелегальные группы СДПГ, включившись в подпольную борьбу с фашизмом, фактически начали проводить новую тактическую линию. В основе ее лежало признание необходимости свержения под руководством рабочего класса фашистской диктатуры. Все более зрело понимание необходимости единства рядов борцов. Крепла уверенность, что спасение родины в руках самого пролетариата, в международной солидарности ра-

¹² Geschichte der Sozialistischen Arbeiter-Internationale (1923—1940). S. 191; Hebel-Kunze B. SPD und Hitlerfaschismus. Frankfurt a. M., 1977. Dok. 14. S. 238—242.

¹³ Niemann H. Op. cit. S. 105.

бочего класса¹⁴. Вернер Blumenберг писал в одной из листовок: «Теперь самое время подумать, что у рабочего класса есть и другое оружие»¹⁵. Он заявлял, что нужно поднять трудящиеся массы на штурм фашизма, поскольку свергнуть эту систему может только единое и строго организованное движение, которое охватывает рабочий класс в целом.

Отношения большинства групп СДПГ с компартией оставались довольно сложными, еще тяготел груз прежнего недоверия и обид. Однако размежевание сил в социал-демократии происходило в первую очередь по линии отношения к единому рабочему фронту.

Тяга к совместной работе с коммунистами проявилась особенно ярко в первые два-три года после запрета социал-демократической партии. Одна из подпольных социал-демократических газет писала: «Когда в 1933 г... образовались первые очаги сопротивления, стало ясно, что предпосылкой для борьбы против фашизма является создание действительного единства всех антифашистских сил, независимо от принадлежности к различным политическим направлениям... В ходе борьбы все яснее выступала на первый план мысль о единстве»¹⁶. Газета «Революционных социалистов» «Дер Роте курьер» («Красный курьер») также отмечала позднее: «В боях тех дней... у немецких социал-демократов росло не только чувство горечи из-за собственной слабости и бесхарактерности, но и ясное понимание того, что будущее возрождение немецкого рабочего движения возможно только на почве революционной борьбы рабочего класса. Единство... становилось ясно осознанной необходимостью»¹⁷. Социал-демократы высказались за сотрудничество с Прагой только в том случае, как это было подчеркнуто дрезденскими подпольщиками, если она станет центром действительно революционной борьбы, если «даст ясное представление о путях и целях борьбы»¹⁸.

¹⁴ Der Untergang der Sozialdemokratie 1933: Eine Dokumentation // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1956. H. 2. Dok. 5. S. 208.

¹⁵ Zorn G. Stadt im Widerstand. Frankfurt a. M., 1965. S. 136.

¹⁶ Цит. по: Esters H., Pelger H. Gewerkschaftler im Widerstand. Hannover, 1967. S. 167.

¹⁷ Kraushaar L., Nitzsche G. Einheitsbestrebungen sozialdemokratischer Mitglieder nach der Errichtung der faschistischen Diktatur // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1967. H. 6. S. 1049.

¹⁸ Der Untergang der Sozialdemokratie, 1933, Dok. 4, S. 201.

Новые импульсы к сплочению антифашистов во всем мире дали международная кампания в защиту пламенного болгарского революционера Г. Димитрова, ложно обвиненного нацистами в поджоге рейхстага, и его речи на Лейпцигском процессе, где он мужественно выступил как обличитель зверств и террористической политики фашизма и убедительно доказал, что поджог был организован гитлеровцами в целях кровавой расправы над компартией и установления в стране режима террора и погромов. Из зала суда на весь мир прозвучал призыв коммуниста к сплочению сил рабочего класса и трудящихся, всех демократов и антифашистов против общего врага. Димитров говорил о необходимости для коммунистов установления единого фронта с социал-демократическими и другими рабочими для успеха борьбы с фашизмом¹⁹. Сам Димитров, после того как был вырван из лап фашистов, писал, отвечая на вопросы Исполкома Международной организации помощи борцам революции (МОПР): «...я в ходе защиты не только защищал рабочих-коммунистов и компартию, но и социал-демократических рабочих, и в известной мере социал-демократическую партию. Я делал это, и это было политически правильно. Я знал, что это было и тактически необходимо, потому что способствовало совместной борьбе коммунистических и социал-демократических рабочих против фашизма как в Германии, так и за границей»²⁰.

Социал-демократические рабочие Германии, отмечает в мемуарах один из них, Шлоттербек, восхищались Димитровым и выражали солидарность с коммунистами²¹. Социал-демократ А. Ловак вспоминал о том времени: «Хотя партийное Правление в Праге всегда предостерегало борцов социал-демократического подполья от сотрудничества с КПГ, мы, подпольщики, именно в нем видели решающее условие успешной антифашистской борьбы»²².

В отдельных местностях, вопреки наставлениям

¹⁹ См.: *Димитров Г. Лейпцигский процесс: Речи, письма и документы*. М., 1984. С. 197—199.

²⁰ Цит. по: *Лейбаон Б. М., Шириня К. К. Поворот в политике Коминтерна*. М., 1975. С. 61.

²¹ *Schlotterbeck F. Je dunkler die Nacht, desto heller die Sterne: Erinnerungen eines Arbeiters, 1933—1945*. В., 1948. S. 47.

²² *Damit Deutschland lebe: Ein Quellenswerk über den deutschen antifaschistischen Widerstandskampf (1933—1945)* / Hrsg. von W. Schmidt. В., 1959. S. 349—350.

вождей СДПГ, правда еще и не столь часто, заключались соглашения с коммунистами о совместных действиях. В Ганновере образовалась группа Комитет пролетарского единства, включавшая коммунистов, социал-демократов и членов Социалистической рабочей партии, выступавшая за единый фронт, за антифашистское движение²³. В Тюрингии отдельные социал-демократические организации имели тесные связи с компартией. Такие же контакты с коммунистами наладила социал-демократическая группа в Зуле. Единая организация Социалистической рабочей партии и КПГ сложилась в Бреслау, Цайце и его окрестностях. Ячейка единого фронта существовала в местечке Гольдаутер²⁴.

Особенно активно за сотрудничество с коммунистами выступала социал-демократическая молодежь, которой, как отмечает Э. Маттиас, «всегда были непонятны легалистские иллюзии»²⁵. Самые юные члены подпольных группы СДПГ нередко заявляли о своем несогласии с руководителями, остававшимися на антикоммунистических позициях. Совместно с коммунистами часто действовал Социалистический союз молодежи, входивший в состав Социалистической рабочей партии. Часть берлинской молодежно-студенческой организации «Дер роте штосструпп» также вопреки указаниям руководства группы летом 1933 г. пыталась установить контакт с подпольем КПГ²⁶.

Картину организационной раздробленности и несогласия внутри социал-демократических организаций Берлина рисуют эмиссары Правления. В одном из донесений в Прагу говорилось, что в отличие от старого поколения, которое «ничего не хочет знать о политической деятельности», молодые «ищут выхода из создавшейся ситуации». При этом последние сталкиваются с пассивностью многих функционеров партии и одновременно с большой активностью КПГ, и они единодушны в том, что необходим единый фронт²⁷.

К сожалению, над партией довлел груз традиций реформистской политики, всяческих предрассудков,

²³ Ibid. S. 628.

²⁴ Niemann H. Op. cit. S. 135; Damit Deutschland lebe. S. 640—642.

²⁵ Matthias E. Der Untergang der alten Sozialdemokratie 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1956. H. 3. S. 277.

²⁶ Mammach K. Op. cit. S. 109—110.

²⁷ Niemann H. Op. cit. S. 119.

одним из которых, по словам бывшего функционера СДПГ О. Бухвица, была «неправильно понятая верность (партии.— Л. В.)»²⁸. Она часто подменяла необходимость самостоятельно думать и принимать решения, мешала развитию положительных тенденций в среде социал-демократии. Несмотря на острую критику позиции пражского центра, многие социал-демократы следовали только его лозунгам, так как надеялись, что руководство СДПГ само признает ошибки и установит единый фронт с коммунистами. Эти надежды подкреплялись лозунгами антифашистской борьбы. В среде социал-демократии еще были сильны настроения недоверия к коммунистической партии, подкрепляемые к тому же в то время не изжитыми в коммунистическом движении сектантскими ошибками. Некоторые социал-демократы опасались оказаться «ущемленными» в едином рабочем фронте, предложенном коммунистами, и предпочитали, чтобы инициатива его создания исходила от их партии. В результате во многих районах представители СДПГ проводили ту же выжидательную политику, что и их эмигрантский центр²⁹.

Особо следует остановиться на позиции ведущих подпольных групп и организаций СДПГ. В целом до лета 1934 г. левое социал-демократическое движение оставалось относительно целостным, имелись лишь некоторые различия в методах ведения подпольной работы. Но еще нельзя было говорить о сколь-нибудь значительном практическом сотрудничестве левых групп с коммунистами. В этот период им были присущи определенные общие черты как в отношении пражского Правления, так и в отношении к коммунистам.

Как правило, все ведущие группы СДПГ, помимо непосредственной нелегальной работы, дискутировали по актуальным теоретическим и тактическим проблемам рабочего движения. В теоретическом отношении эти дискуссии были весьма полезными, однако несколько оторванными от практики антифашистской борьбы, редко приводили к боевому сотрудничеству с коммунистами. Несмотря на резкую критику реформизма, ведущие левые группы, в первую очередь их лиде-

²⁸ *Buchwitz O.* 50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung. В., 1958. С. 9.

²⁹ *Sie kämpften und starben für kommendes Recht.* Dresden, 1963. С. 25.

ры (так как и внутри групп имелись серьезные разногласия), так и не смогли до конца преодолеть противоречивость в своем отношении к коммунистам. Обычно они понимали необходимость единого рабочего фронта, однако их конкретные шаги в этом направлении, за редким исключением (каковым, например, являлась СРП, ее местные организации)³⁰, были весьма робкими³¹.

Группа «Ди ротен кемпфер», к примеру, считала, что не следует идти за лозунгами единого фронта, исходящими от коммунистической партии³². Такой же позиции придерживалась и «Дер роте штоссгрупп». Представители последней, критикуя реформистски настроенное Правление СДПГ за игнорирование интересов рабочего класса, отрицая его право на руководство антифашистской борьбой, отказывали в этом праве и коммунистам³³.

Группа «Ной бегиннен» в своей программе в октябре 1933 г. провозгласила лозунг «единого пролетарского фронта», более того (это отличало ее от других социал-демократических групп), лозунг «единства всех антифашистских сил». Она призвала «собирать все немецкие организации, которые стоят на почве классовой борьбы, и объединить их в боевой фронт на условиях революционного марксизма». «Если фашизм будет разбит, — говорилось в программе, — то только в результате сотрудничества всех антифашистских сил... в союзе (пролетариата. — Л. Б.) с другими антифашистски-

³⁰ О контактах СРП с коммунистами см.: *Mammach K. Op. cit.*, S. 110; *Hochmuth U., Meyer G. Streiflichter aus Hamburger Widerstand, 1933—1945: Berichte und Dokumente.* Frankfurt a. M., 1969. S. 157.

³¹ Почти все ведущие левые группы, подвергавшие пражское Правление резкой критике, тем не менее поддерживали с ним постоянные контакты. Так, например, в середине 1934 г. связи с ним установил Блуменберг. «Ди ротен кемпфер», не желавшая устанавливать связи с известной активным сотрудничеством с коммунистами парижской социал-демократической эмиграцией, имела тесные контакты с эмигрантами из СДПГ, находившимися в Швейцарии и Англии и близкими по своим идейным позициям к Сопаде.

³² *Ihlau O. Die Roten Kämpfer: Ein Beitrag zur Geschichte der Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik und im Dritten Reich.* Meisenheim am Glan, 1969. S. 103—104; *Mammach K. Op. cit.* S. 110.

³³ *Der deutsche Widerstand gegen Hitler.* Köln; [West] Berlin, 1966. S. 180; *Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung, 1933—1945. Grundlagen und Materialien.* Bonn, 1982. Doc. C. 6. S. 264—266.

ми слоями и группами»³⁴. Лидеры этой группы, в частности ее руководитель В. Лёвенхайм (псевдоним — Милес), отказывая в доверии реформистскому руководству СДПГ, с левацких позиций критиковали и КППГ за «неспособность к активным действиям, пассивность, недостаточную революционность»³⁵. Компартии предъявлялись заведомо неприемлемые условия — отказ от основных принципов Коминтерна и выход из него; только в этом случае КППГ могла стать «полноправным членом» единого фронта, предлагаемого «Ной бегиннен».

Надо сказать, что большое влияние на позицию левых немецких социалистов, особенно на «Ной бегиннен», оказывали Революционные социалисты Австрии, которые объявили себя сторонниками диктатуры пролетариата, единого фронта, заявили о признании «исторической победы и социалистического характера Советского Союза», его решающей роли в борьбе за всеобщий мир³⁶. Социалисты Австрии, впрочем, как и другие левые течения и группы в международной социал-демократии, извлекли уроки из поражений в борьбе с фашизмом и признали, по крайней мере в области теории, важнейшие принципы марксизма-ленинизма. Однако на практике и социалисты Австрии, и некоторые левые из СДПГ нередко действовали весьма непоследовательно, противясь на деле созданию единого рабочего фронта или мысля его исключительно под своим руководством³⁷.

Сектантство и левачество немецких левых проявилось и в том, что они требовали формирования особой «элиты» революционеров для ведения подпольной работы. Представители «Ной бегиннен» и «Ди ротен кемпфер», группы «Социалистический фронт» утверждали, что только такие кадры завоюют авторитет в массах и обеспечат необходимые условия для «политически нового начала», помогут «рабочему классу в самоопределении»³⁸. Причем, как правило, в качестве такой

³⁴ *Miles*. Neu beginnen. Karlsbad, 1933. S. 26.

³⁵ *Ibid.*

³⁶ Цит. по: *Лейбзон Б. М., Шириня К. К.* Указ. соч. С. 239.

³⁷ См. точку зрения СРП: *Lehmann H.* In Acht und Bann: Politische Emigration, NS-Ausbürgerung und Widergutmachung am Beispiel Willi Brands. München, 1976. S. 113—114.

³⁸ *Untergang der Sozialdemokratie*. Dok. 5. S. 240; *Moraw F.* Die Parole der Einheit und die Sozialdemokratie. Bonn; Bad-Godesberg, 1974. S. 48; *Mammach K.* Op. cit. S. 140.

«элиты» каждая группа признавала исключительно собственную организацию, отказывая в этом другим. Блуменберг позднее писал: «...все (социал-демократические группы.— Л. Б.) считали себя вождями рабочего класса и осуждали прочих как приносящих вред делу пролетариата... Каждая группа считала себя вправе критиковать других, но только не себя...»³⁹

Подобные притязания встать во главе нового революционного движения оборачивались сектантством, изоляцией от масс, что снижало эффективность их подпольной работы. Часто левые не ставили перед собой задачу антифашистской пропаганды среди рабочих на предприятиях, среди населения, к чему стремилось коммунистическое подполье, а распространяли свои пропагандистские материалы только в узком кругу близких им, прежде всего по идеологическим позициям, социал-демократов. Лишь СРП, группа «Социалистический фронт», а позднее «Ной бегиннен» выходили в пропагандистской деятельности за круг своих единомышленников.

Таким образом, теоретики и вожди левых социал-демократических групп вносили мало ясности в те сложные проблемы, которые стояли перед рабочим классом и которые могли быть решены только установлением единого антифашистского фронта. Часто они лишь создавали дополнительную путаницу в социал-демократических кругах, стремящихся к активным действиям, к единому рабочему фронту с коммунистами.

При всем критическом отношении к левым в СДПГ было бы несправедливо недооценивать антифашистскую деятельность левого социал-демократического подполья, его ведущих групп, их постоянного давления на руководство партии. Левое движение в немецкой социал-демократии (впрочем, как и многие левые в других партиях, входивших в Социалистический рабочий интернационал) внесло в этот период вклад в критику реформизма и в какой-то мере в теоретическую разработку задач революционного рабочего движения на будущее.

Как уже подчеркивалось, многие подпольные группы СДПГ отказывали пражскому Правлению в доверии. В программе «Ной бегиннен», например, говорилось: «Трудно поверить, что руководство, которое стоя-

³⁹ Der Untergang der Sozialdemokratie. Dok. 5. S. 206.

ло во главе партии и 4 августа 1914 г. (день, когда немецкие социал-демократы голосовали в рейхстаге за военные кредиты кайзеровскому правительству, ведущему мировую войну.— Л. Б.), и в 1933 г., способно так вдруг изменить свою политику»⁴⁰. Брайтшайд писал из Парижа Герцу: «От тех, кто вел партию до сих пор, нельзя ждать улучшений»⁴¹. Левые требовали от Правления СДПГ выработки новой ясной тактической линии, в теоретическом плане — возврата к основным марксистским положениям, единодушно подчеркивая, что отказ от них способствовал поражению рабочего класса. Указывая на крах реформистских теорий «организованного капитализма» и «хозяйственной демократии», политическую несостоятельность реформистской практики, левые отмечали, что лишь уничтожение экономических и политических основ капиталистического строя обеспечит немецкому народу подлинную демократию.

Вопросы о вине правой социал-демократии за приход Гитлера к власти находились в центре дискуссии, начатой в партийной печати с октября 1933 г. Сопаде вынуждено было позволить проведение этой дискуссии, которая переросла в дебаты о сущности политики социал-демократии вообще. Прага не могла, справедливо отмечает Э. Маттиас, игнорировать подобные настроения (недовольство членов партии политикой руководства.— Л. Б.) или же выступить против них: в этом случае она бы себя дискредитировала⁴². Кроме того, включаясь в дискуссию, правые хотели оказать влияние на нее в нужном направлении, обеспечить «единство мыслей»⁴³. Однако сделать этого не удалось: они были самым решительным образом атакованы левой оппозицией.

Представители различных левых групп и течений ставили под сомнение всю социал-демократическую политику веймарского периода, которая стала на деле политикой защиты буржуазного государства. «Мы обуржуазились,— писал один из представителей левого крыла,— наша задача состоит в том, чтобы быть не-

⁴⁰ Miles. Op. cit. S. 6.

⁴¹ Lange D. Das Prager Manifest von 1934 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1972. H. 7. S. 847.

⁴² Matthias E. Sozialdemokratie und Nation. Stuttgart, 1953. S. 25—26, 34.

⁴³ Neuer Vorwärts. 1934. 14. Jan.

примиримыми к капиталистическому государству. Мы должны проводить классовую политику, должны покончить с тем, что связи с буржуазией затемняют классовое сознание... Мы не воспрепятствовали росту фашизма, обманывали себя, так как находились на положении хорошо обеспеченных рабочих»⁴⁴.

Резкую критику политики парламентаризма, которая привела к попыткам прямого приспособления к гитлеровскому режиму, дал В. Блуменберг: «Нужно было использовать любую возможность борьбы, а мы оставались на легальных позициях. Это самообман... Зачем мы входили в парламенты, которые уже давным-давно не являлись представительными учреждениями, и мы не могли говорить там того, что хотели? Партия, которая существует милостью национал-социалистов, не может быть ни социалистической, ни демократической, ни рабочей партией...»⁴⁵. К. Ауфхойзер отмечал, что социал-демократы ослабили себя сотрудничеством с буржуазией⁴⁶. Приход фашизма к власти, отмечали представители оппозиции, — «это приговор политике демократического социализма»⁴⁷. Социал-демократия поняла... чего стоит избирательное право, если капитал имеет тысячи газет, десятки тысяч канцелярий и кафедр»...⁴⁸.

Левые подошли к четкой классовой оценке германского фашизма. Один из руководителей Социалистической рабочей партии, Я. Вальхер, называл фашизм «инструментом реакционной крупной буржуазии, которая стремится к войне против СССР»⁴⁹. Представители группы «Ди ротен кемпфер» заявляли: «Национал-социалистическая система означает опасность войны и инфляции... победу капитализма по всей линии, иначе говоря, полное бесправие и безграничную эксплуатацию рабочего класса»⁵⁰. «Фашизм должен быть разбит,

⁴⁴ Ibid. 1933. 10. Sept.

⁴⁵ Zorn G. Op. cit. S. 136—137. См. также: Der Untergang der Sozialdemokratie. Dok. 5. S. 204—206.

⁴⁶ Neuer Vorwärts. 1933. 24. Sept.

⁴⁷ Понятие «демократический социализм» с совершенно определенной смысловой нагрузкой употреблялось уже в социал-демократических официальных документах и прессе этого времени, хотя в качестве официальной теории «демократический социализм» был взят на вооружение послевоенной социал-демократией.

⁴⁸ Neuer Vorwärts. 1933. 23. Juli.

⁴⁹ Findelsen O. SPD und Hitlerfaschismus. Diss. B., 1965. Bd. 2. S. 108.

⁵⁰ Ibid. S. 132.

власть крупных капиталистов и помещиков уничтожена», — призывали левые⁵¹.

Большинство левых единодушно признавали, что разбить фашизм и в то же время сохранить почву, на которой он вырос, — политическую и хозяйственную власть капитала — «значит все отдать (в будущем. — Л. Б.) второму Гитлеру»⁵². В программе «Ной бегиннен» говорилось: «История Ноябрьской революции опровергает представление о возможном осуществлении программы демократического социализма в условиях, которые привели к фашизму ... Если социал-демократы после низвержения фашизма попытаются возродить Веймарскую республику, их опять сметет фашистская волна»⁵³. Поэтому в качестве гарантии обеспечения подлинной демократии, ее стабильности и в качестве условия для построения социализма необходима ликвидация крупной капиталистической собственности. Группа «Ной бегиннен» и другие выдвинули требование национализации ключевых отраслей индустрии, банков, крупной земельной собственности.

Левые социал-демократы, как, впрочем, на том этапе и многие коммунисты, часто не могли правильно и объективно оценить положение дел, осмыслить действительные пути к свержению фашистской диктатуры и привлечению на сторону пролетариата союзников по антифашистской борьбе. Ведущие левые группы СДПГ — «Социалистический фронт», «Дер роте штосс-трупп», «Ди ротен кемпфер», СРП, отчасти «Ной бегиннен» — выдвигали требование непосредственного завоевания рабочим классом политической власти, установления диктатуры пролетариата.

Большинство представителей левых групп в рассматриваемый период отрицали необходимость практической борьбы за демократию, принципиальную возможность и действенность демократических форм и методов борьбы за социализм вообще. «Фашизм может быть разбит только грядущей пролетарской революцией...»⁵⁴ «Сейчас конкретная цель — захват власти и социалистическое переустройство общества. Реальная перспектива — завоевание политической власти... со штурмом фашизма связан штурм всей политической

⁵¹ Neuer Vorwärts. 1933. 23. Juli.

⁵² Neuer Vorwärts. 1933. 25. Juli.

⁵³ Miles. Op. cit. S. 55.

⁵⁴ Der deutsche Widerstand gegen Hitler. S. 178—179.

системы»⁵⁵. А один из лидеров подпольного профсоюзного движения, Г. Шлизштедт, заявил: не повышение зарплаты, свобода прессы и завоевание коалиционных прав являются целью сегодняшней борьбы в Германии, а завоевание государственной власти, свержение фашизма, политической власти буржуазии, построение социализма⁵⁶.

Столь трудно изживаемые леваческие настроения в рядах КППГ, коммунистического движения вдруг с новой силой вспыхнули среди социалистов, в частности в рядах немецких социал-демократов. На их сознание давил тот несомненный факт, что буржуазно-демократические институты без боя уступили власть нацистам, равно как и крах реформистской политики лидеров СДПГ, ставивших укрепление и сохранение этих институтов во главу своей деятельности. Усиление и расширение оппозиции в СДПГ, ее резкое полевение в конечном счете приводило левых к игнорированию реальных исторических условий и психологического климата в стране, к доктринерству.

Утверждение, что свергнуть фашизм можно только установлением диктатуры пролетариата, было в тех условиях неверно. Непонимание соотношения демократических и конечных социалистических задач не позволяло левым в сложившейся конкретной обстановке даже при искреннем желании покончить с реформистским наследием выработать правильное теоретическое и, что было особенно важно, тактическое понимание проблемы борьбы с фашизмом⁵⁷.

Некоторые группы СДПГ, прежде всего «Ной бегиннен», «Социалистический фронт», оппозиционная группа бывших парламентариев СДПГ Лебера—Лойшнера (так называемые «Военные социалисты»), осуждая пассивность и безволие лидеров СДПГ, требовали «волевой» целенаправленной социалистической политики, способной даже с помощью применения «военных

⁵⁵ Neuer Vorwärts. 1933. 23. Juli.

⁵⁶ Lehren für die Zukunft: Bericht von H. Schliesstedt // Heer H. Burgfrieden oder Klassenkampf. Neuwied; Berlin, 1971. S. 203—206.

⁵⁷ К. Мевис вспоминает: в тот трудный период, когда представители ЦК КППГ на местах разъясняли, что свержение фашизма не обязательно связано с победой пролетарской революции, наиболее «трудновоспитуемыми» в этом смысле оказались не коммунисты, а левые социал-демократы, с которыми ему приходилось беседовать (Mewis K. Op. cit. S. 80—81).

средств» отстаивать демократические завоевания. Они выступали против «марксистского фатализма» и «детерминизма», якобы не признающих субъективного фактора, «воли и власти ... политически действующего субъекта»⁵⁸. Такая однобокая трактовка марксизма являлась основой левой концепции «социалистической элиты».

Сущность и функции диктатуры пролетариата понимались левосоциалистическими антифашистами далеко не единообразно. Так, например, в понимании «Ной бегиннен» диктатура пролетариата сводилась к диктатуре социалистической партии, которая должна была целиком сосредоточить в своих руках государственную власть⁵⁹. Та же группа, а также Международный социалистический боевой союз в соответствии с принципами «этического социализма» ограничивали функции диктатуры пролетариата сугубо нравственными проблемами по воспитанию населения в духе социалистических принципов («воспитательная диктатура»).

В ходе начавшейся дискуссии давление оппозиционных сил на пражское Правление, резкая критика его политических и идеологических концепций нарастали. Попытки правых навязать свою точку зрения, что «поражение — еще не доказательство неправильности... (реформистской.— Л. Б.) политики»⁶⁰, что вожди партии якобы не ответственны за поражение рабочего класса, оказались бесплодными. Представители правых признавали, что критические выступления значительно превысили количество «высказываний в духе Сопаде»⁶¹. Влияние Праги на подпольное движение ослабело и в идеологическом плане.

В надежде укрепить свое положение, организационно сплотить вокруг себя партию пражский центр создал берлинское руководство СДПГ⁶². В первое время

⁵⁸ Der Untergang der Sozialdemokratie 1933. Dok. 5. S. 211—212; Miles. Op. cit. S. 6, 35.

⁵⁹ Miles. Op. cit. S. 25.

⁶⁰ Neuer Vorwärts. 1933. 2. Febr.

⁶¹ DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 469.

⁶² Zentralausschuß (ZA) der SPD — Центральный комитет. При возрождении в Берлине СДПГ группой левых социалистов это наименование было перенято складывавшимся новым руководством партии во главе с О. Гротеволем; в его состав вошли и два члена Правления 30-х годов. Этот момент преемственности был весьма существен для легитимации нового

здесь соблюдалась традиционная лояльность по отношению к Сопаде, но постепенно моменты политического отчуждения усилились⁶³. И, как отмечает буржуазный историк Ф. Морав, важным симптомом этого явилась различная оценка возможного единства с компартией⁶⁴. Опираясь на новый опыт подпольной борьбы, члены берлинского руководства послали в Прагу протест против антикоммунистической, враждебной единому фронту линии Правления⁶⁵.

Партию продолжало лихорадить: оппозиция выражала все большее недовольство медлительностью лидеров, требуя активных действий и коренного изменения теоретических и тактических позиций. Все чаще в пражское Правление стали поступать сигналы о том, что в Германии «на всех собраниях социал-демократов, которые обсуждают политические проблемы, ставится вопрос о вине и несостоятельности партийного Правления»⁶⁶. Пауль Герц, наиболее здравомыслящий член пражского центра, летом 1933 г. писал Каутскому в Швейцарию: «О результатах нашей работы мало что можно сказать. Коммунисты имеют большое преимущество и больше опыта в нелегальной работе. К тому же мы наталкиваемся на большое недоверие. Даже хорошие друзья не делают тайны из того, что необходима смена руководства»⁶⁷. Лидеры СДПГ уже не могли не признать сами, что «миллионы людей ждут, сможет ли Прага указать новый путь решительной борьбы. Любая попытка повлиять на них старыми методами приведет к падению престижа руководства»⁶⁸.

руководящего ядра возрождавшейся партии. См.: *Иерусалимский В. П.* Годы становления и борьбы. М., 1970. С. 40.

⁶³ Состав берлинского ЦК из-за частых арестов постоянно менялся, во многом определяя колебания его позиции справа налево и наоборот. Летом 1933 г. в него входил Э. Риннер, его членами были О. Майер, А. Марквиц, В. Лёффлер, М. Фехнер и др. См.: *Damit Deutschland lebe.* S. 347—350.

⁶⁴ *Moraw F.* Op. cit. S. 32.

⁶⁵ *Runge W.* *Das Prager Manifest vom 1934.* Hamburg, 1974. S. 26.

⁶⁶ *Lange D.* Op. cit. S. 848.

⁶⁷ *Ibid.* П. Герц в письме к секретарю Социалистического рабочего интернационала Адлеру в июле 1933 г. признавал собственную вину и «ответственность за прошлое» (*Adolph H.* Op. cit. S. 294).

⁶⁸ *Neuer Vorwärts.* 1933. 2. Febr.

Пражский манифест 1934 года

В такой обстановке правым лидерам СДПГ пришлось, подлаживаясь под всеобщий радикализм, серьезно задуматься над необходимостью принятия такого программного документа, который смог бы остановить неблагоприятный для руководства ход дел, помог бы восстановить его авторитет в партии. В самом пражском Правлении не было единства по этому вопросу. Категорически против такого шага выступал глава партии О. Вельс, однако большинство поддержало Ф. Штампфера, сторонника гибкого поведения по отношению к левым силам, ловкого политика и весьма способного журналиста⁶⁹.

Ф. Штампфер вместе с Э. Риннером и теоретиком партии К. Гейером стали создателями первого варианта Пражского манифеста, предвосхищавшего в целом основные идеи этого документа. На многих положениях проекта сказались общее настроение в партии, давление левых сил. Впервые не затушевывалась ответственность социал-демократической партии за установление фашизма. «Социал-демократия... — говорилось в документе, — в результате ряда тяжелейших ошибок и недостаточной решительности... потерпела ужасное поражение ... Не забывая вины других партий, СДПГ ищет ее прежде всего в себе самой»⁷⁰.

Проект содержал весьма ценное признание, которое не вошло в основной текст программы — Пражского манифеста, очевидно, потому, что своей откровенностью напугало ее создателей. Оно формулировалось так: «После завоевания политической демократии Социал-демократической партии Германии не удалось попытки путем улучшения положения рабочих и проведения социальной политики, путем повышения политического и профсоюзного влияния рабочего класса постепенно преобразовать капиталистическую систему в социалистическую без революционного вторжения в экономическое устройство и институт собственности на средства производства»⁷¹.

В документе было зафиксировано, что социал-демократическая партия стремится создать боевой фронт

⁶⁹ Позднее, в эмиграции в США, Штампфер резко эволюционировал вправо.

⁷⁰ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 8. S. 211.

⁷¹ Ibid. S. 199.

всех антифашистов. Социал-демократия, говорилось далее, осознает, что «борьба за свободу и социализм требует сплочения всех социалистических сил», и готова объединиться со всеми «свободно и по-социалистически мыслящими представителями других партий». Однако составитель соответствующего раздела Штампфер не преминул поставить условием такого объединения признание программы «свободного (читай — реформистского.— Л. Б.) социализма»⁷².

Ответственность социал-демократии за приход фашизма к власти объяснялась в проекте идеологической слабостью, неумением противопоставить фашистской демагогии нечто действенное. Фашизм по-прежнему оценивался как «бунт средних слоев». Лишь в дальнейшем фашистская верхушка, по мнению создателей проекта, смогла привлечь на свою сторону представителей крупного капитала, старые промонархические круги, собрав «все реакционные движения для уничтожения демократии и ее носителей — организованных сил пролетариата»⁷³.

Однако этот документ, несмотря на очевидные уступки левым силам, был отклонен нелегальными группами: прежде всего были признаны неприемлемыми условия создания единого антифашистского фронта борьбы, они не устраивали большинство ведущих левых групп.

За подготовку нового проекта взялся теоретический авторитет СДПГ Рудольф Гильфердинг⁷⁴. Он же и предложил назвать этот документ не программой, а манифестом. Гильфердинг считал, что надо дать событиям отстояться, поскольку революционные настроения порождены непосредственным впечатлением от кризиса партии и «существует склонность абсолютизировать эти (кризисные.— Л. Б.) явления» и делать из них скороспелые выводы⁷⁵; а так как цель манифеста — восстановление доверия к Сопаде у членов партии, то в нем нужно избегать резкой самокритики, которая «не должна быть безграничной», ибо она «лишь ослабит то, чего нужно достичь». В связи с этим Гильфердинг, во-

⁷² Ibid. S. 204, 212.

⁷³ Ibid. S. 200.

⁷⁴ Р. Гильфердинг находился в эмиграции в Швейцарии, но поддерживал интенсивные контакты с Прагой. Позднее эмигрировал во Францию, погиб в нацистской тюрьме.

⁷⁵ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 9. S. 212—213.

первых, утверждал, будто поворот в политике лидеров СДПГ уже произошел и все ошибки изжиты, в частности совершился отход от реформизма; во-вторых, он считал, что, учитывая настроения масс, нужно делать упор на «революционной оргработе руководства, решении соответствующих задач», «конкретизации социальных целей»⁷⁶.

Иначе говоря, опытные политики инсценировали поворот, чтобы подчинить себе антинацистское движение сопротивления⁷⁷. Позднее Штампфер писал Герцу: все, что было сказано в 1933—1934 гг. «о предположении свержения национал-социализма... было надувательством» (*Schwindel*)⁷⁸. Вельс и Каутский тоже признавали, что их высказывания того времени обуславливались обстоятельствами, не будучи политическим и идеологическим отказом от прежней позиции⁷⁹.

Тем не менее Пражский манифест нельзя оценивать только как выражение демагогических замыслов руководства, хотя и это, безусловно, наложило отпечаток на некоторые формулировки. Новая программная платформа была прежде всего отражением давления левых сил. Манифест явился следствием глубокого кризиса основ социал-демократической реформистской политики, ее стратегии и тактики⁸⁰.

Но важно не только понимание того обстоятельства, что манифест во многом был продиктован тактически-

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Подобная точка зрения встречается и в работах реформистских и буржуазных историков. См., например: *Adolph H.* Op. cit. S. 307.

⁷⁸ *Lange D.* Op. cit. S. 849. См. также работу историков-марксистов ФРГ: *Freyberg J., Fülberth G., Harrer J., Hebel-Kunze B., Hofschien H.-G., Ott E., Stuby G.* Mit einem Vorwort von W. Abendroth: *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie, 1863—1975.* Köln, 1975. S. 225—227.

⁷⁹ *Duhnke H.* Die KPD von 1933 bis 1945. Köln, 1972. S. 79.

⁸⁰ Эта мысль нашла отражение в работах зарубежных историков-марксистов, дающих принципиальную оценку манифесту, и советских ученых. См.: *Wehling W.* Zum Manifest des Prager Emigrationvorstandes der deutschen Sozialdemokratie von Jan. 1934 // *Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung*, 1964. Н. 2; *Lange D.* Op. cit.; *Гинцберг Л. И., Дробкин Я. С.* Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933—1945). М., 1961; *Бровко Л. Н.* Пражский манифест СДПГ 1934 г. // Ежегодник германской истории, 1977. М., 1978. Подробнее об историографии манифеста см.: *Она же.* Политика германской социал-демократии в период фашистской диктатуры (1933—1938 гг.) // *Историография всеобщей истории.* Куйбышев, 1976.

ми соображениями,— важно, почему реформистам пришлось прибегать к подобному шагу, пойти весьма далеко по пути самокритики: ведь революционные слова и фразы манифеста, оставаясь для них пустым звуком, приобретали для большинства партии, для ее левых сил, совершенно определенный смысл. Западногерманский марксистский исследователь Клаус Пристер пишет, что «требования манифеста должны были восприниматься как честное волеизъявление той части социал-демократии, которая извлекла уроки из теоретических и политических ошибок и слабостей СДПГ в Веймарской республике»⁸¹.

Манифест, принятый под названием «Борьба и цель революционного социализма. Политика Социал-демократической партии Германии»⁸², можно с полным основанием назвать программным, так как он, по признанию самого пражского руководства, подводил итог политике СДПГ после 1918 г. и определял ее цели и задачи на будущее⁸³.

Манифест выдвигал положения, которые, как подчеркивает авторский коллектив «Истории немецкого рабочего движения», изданной в ГДР, могли бы стать предпосылкой «для самостоятельной, действительно рабочей политики социал-демократии»⁸⁴. Гильфердинг, проект которого был взят за основу и утвержден почти без изменений на заседании партийного Правления 20 января 1934 г. (опубликован 28 января)⁸⁵, пошел гораздо дальше, чем намеревался это сделать. Как справедливо отмечает марксистский исследователь В. Велинг, достичь договоренности с левыми силами можно было только на основе совершенно новой ориентации, по крайней мере на словах⁸⁶.

⁸¹ *Priester K.* Zur Entstehungsgeschichte und Aktualität des Prager Manifest von 1934 // *Marxistische Blätter*. 1974. Н. 1. S. 81.

⁸² *Das Prager Manifest der SPD. 1934: Kampf und Ziel des revolutionären Sozialismus. Politik der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands.* Karlsbad, 1934. Документ опубликован в: *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1972. Н. 7. S. 860—872.

⁸³ *Niemann H.* Zur Vorgeschichte und Wirkung des Prager Manifest // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1965. Н. 8. S. 1358, 1364.

⁸⁴ *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*. В., 1965. Bd. 5. S. 54.

⁸⁵ *Mit dem Gesicht nach Deutschland*. Dok. 10. S. 246.

⁸⁶ *Wehling W.* Op. cit. S. 251. Советский исследователь Б. С. Орлов считает, что в Пражском манифесте Гильфердинг изложил личную точку зрения (см.: *Орлов Б. С.* СДПГ: идейная

В манифесте были решительно извлечены некоторые важные уроки из исторического опыта социал-демократии. Прежде всего, в нем отмечалось, что «в борьбе против национал-социалистской диктатуры нет компромиссов, нет места реформизму и легальности»⁸⁷. Фактически в манифесте содержится критика основ реформистской теории и практики. Именно об этом свидетельствовал вывод: «Было тяжкой исторической ошибкой то, что СДПГ переняла старый государственный аппарат почти без изменений»⁸⁸. Для того, чтобы вырвать корни фашизма, говорилось в манифесте, обезвредить сопротивление контрреволюции и превратить государственный аппарат — армию, полицию, юстицию, чиновничество — в орудие господства народных масс, нужно сломать старое и создать новое государство, построенное по принципу строгой подотчетности народным массам и контролю с их стороны. Были выдвинуты требования безвозмездной экспроприации крупных земельных владений, крупной индустрии и банков и передачи их в руки демократического народного государства, ведущую роль в котором должен будет играть рабочий класс. Предусматривалось, что революционное правительство должно быть создано из представителей рабочего класса и других антифашистских сил⁸⁹.

Таким образом, лидеры СДПГ вынуждены были, и в этом заслуга левых сил социал-демократии, зафиксировать отказ от теорий эволюционного перехода к социализму с помощью «надклассового государства», признать несостоятельность реформистской политики. Хотя, надо напомнить, что революционная риторика, фразы о революции, исходившие из уст левого течения

борьба вокруг программных установок, 1945—1975. М., 1980. С. 36—37), что весьма спорно. Думается, то обстоятельство, что документ не оказал влияния на дальнейшую стратегию правой социал-демократии (хотя в левых кругах СДПГ, в кругах демократической общественности ФРГ его помнят по сей день), нисколько не умаляет его как документа, который отражал глубинные процессы дифференциации, происходившие в то время в СДПГ. Для тех левых, кто всегда стремился коренным образом пересмотреть позицию партии, а позднее объединился в СЕПГ, Пражский манифест всегда оставался ярким ориентиром.

⁸⁷ Das Prager Manifest. S. 860.

⁸⁸ Ibid. S. 864.

⁸⁹ Ibid. S. 866.

СДПГ, не могли быть вполне адекватны конкретным историческим условиям в Германии того времени.

Ни в одном документе СДПГ начиная с 1914 г. и по наши дни мы не встречаем такой сильной марксистской струи. В отличие от реформистских теоретических построений в манифесте совершенно по-иному трактовалась проблема власти, проблема союзников в антифашистской борьбе. Весьма актуальное значение для создания единого антифашистского, а также народного фронта, проблематика которого в это время горячо начинала дискутироваться в ИККИ, имели в то время следующие положения манифеста: «Единство рабочего класса стало необходимостью, которой требует история»; «Будь то социал-демократ, или коммунист... или сторонник многочисленных раздробленных групп — в борьбе против (фашистской.— Л. Б.) диктатуры все они становятся равноправными социалистами — революционерами». Далее речь шла о «фронте всех антифашистских слоев населения»⁹⁰. Вывод о единстве всех антифашистов, прежде всего рабочего класса, мог стать основой для тесного сотрудничества между коммунистами и социал-демократами; в этом плане манифест соответствовал, как отмечают историки ГДР, представлением тех социал-демократов, которые хотели активно бороться против фашизма, «воле и ожиданиям многих социал-демократических рабочих, стремившихся к новой политике»⁹¹.

Весьма ценным было признание, что «диктатура (фашистской.— Л. Б.) государственной власти учреждена в интересах крупного капитала». Констатировалось, что фашизм — это война, что политика фашистской диктатуры означает постоянную угрозу миру и требует гонки вооружения. Манифест подчеркивал, что социал-демократы должны приложить все усилия, чтобы не допустить войны⁹².

Однако манифест, несмотря на его резкое отличие от предшествующих программных проектов и заявлений, не был лишен внутренних противоречий. Имелись отдельные расплывчатые, двусмысленные формулировки, позволявшие неоднозначно толковать текст документа. Но самое главное: выдвигая лозунг единства рабочего класса, манифест не развивал его до при-

⁹⁰ Ibid. S. 871.

⁹¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 54.

⁹² Das Prager Manifest. S. 862, 869—870.

знания необходимости практической совместной с коммунистами борьбы против фашизма, не ставил своей задачей ее немедленную организацию⁹³.

Документ был по-разному встречен в социал-демократических кругах. В основном в низовых организациях партии, в подполье программа была встречена положительно или по крайней мере с интересом. В одном из сообщений гестапо Берлина подчеркивалось, что программа СДПГ известна на большинстве предприятий и оживленно обсуждается⁹⁴. Состоялся ряд судебных процессов над социал-демократами по обвинению в распространении манифеста. Многие социал-демократы нашли в манифесте подтверждение собственным мыслям и, как подчеркивает историк ГДР Г. Ниман, ощутили свою правоту. Однако в большинстве писем социал-демократов в Прагу подчеркивался кардинальный недостаток Пражского манифеста — отсутствие конкретной постановки ближайших задач, их ясной и четкой формулировки⁹⁵.

В сообщении из Мюнхена, например, говорилось, что «платформа Праги ничего не говорит о тактике момента... нам нужны цели, которые мы видим ... нам нужен генеральный план», указания о том, «как мы преодолеем фашизм... какой опыт из истории нелегальной борьбы пролетариата мы можем использовать»⁹⁶. Из Дрездена, Средней Германии, Северной Баварии, Южной и Юго-Западной Германии, Вестфалии в Прагу шли сообщения, в которых манифест отвергался как «холодная программа». Документ не был принят и во многих центрах эмиграции — в Цюрихе, Копенгагене, Амстердаме и т. д.⁹⁷ Основная мотивировка отклонения документа сводилась к тому, что он был издан от имени старого реформистского состава Правления⁹⁸.

Не приняли манифест и ведущие левые группы, прежде всего их вожди. Они остро реагировали на не-

⁹³ См.: Орлов В. С. Указ. соч. С. 36.

⁹⁴ *Widerstand und Verfolgung in Köln, 1933—1945.* Köln, 1974. Dok. 116.

⁹⁵ *Runge W.* Op. cit. S. 30; *Niemann H.* Zur Vorgeschichte und Wirkung des Prager Manifest. S. 1362.

⁹⁶ DBS. 1934. Apr.—Mai. S. 76.

⁹⁷ *Niemann H.* Zur Vorgeschichte und Wirkung des Prager Manifest. S. 1362—1363.

⁹⁸ Правые в эмиграции отвергали требования манифеста как слишком революционные. См.: *Buchwitz O.* Op. cit. S. 142.

достатки и пробелы документа, упуская из виду его правильные и ценные положения, выдвигали максималистские требования, которые на данном этапе объективно были неосуществимы. Теоретики ведущих подпольных групп, в частности Бёхель и Ауфхойзер, подчеркивали, что манифест носит скрыто реформистский характер, особо акцентируя отсутствие в программе исторической части, которая бы критически освещала весь реформистский период деятельности СДПГ до 1933 г. (в этом Гильфердинг оставался верен своим первоначальным замыслам).

Левые требовали полного разоблачения и ликвидации реформизма. Это, при всей правильности подобных требований, не отвечало, однако, ни объективным условиям борьбы и ее целям, ни уровню сознания социал-демократии, не способствовало созданию единого фронта. Массы партии были готовы осуществить практическое единство, но преодолеть реформистские и антикоммунистические воззрения можно было лишь в последовательной борьбе с фашизмом, на основе единства рабочего класса. В попытках изолировать оппортунистическое руководство теоретики левых групп упускали из виду, что, несмотря на осуждение реформизма, большинство членов партии не было склонно следовать лозунгам раздробленных левых групп, которые, как правило, не имели достаточного авторитета и не могли осуществить практическую альтернативу политике пражского центра.

Позиция левых сил социал-демократии несомненно упрочилась бы, если бы они с самого начала позитивно приняли Пражский манифест. Они могли бы, не теряя времени, поставить правых в трудное положение, требуя последовательного выполнения определенных положений документа, прежде всего единства рабочих партий в борьбе с фашизмом. «Тем самым были бы ясно прочерчены фронты социал-демократии в практической борьбе... а не в бесплодной схоластической писанине», — справедливо подчеркивает Г. Ниман⁹⁹. КПГ также вовремя не приняла манифест, охарактеризовав его как насквозь демагогический, реформистский документ¹⁰⁰. Момент был упущен, и когда в 1935 г.

⁹⁹ *Niemann H. Zur Vorgeschichte und Wirkung des Prager Manifest. S. 1362.*

¹⁰⁰ *Heinrich H. Neue deutsche Programme. Moskau, 1934.*

КПГ, впрочем, как и ведущие левые группы, признала манифест в качестве возможной основы для переговоров о едином фронте, это дало повод правым вождям СДПГ снова ввести в заблуждение рабочих, заявив, что они не верят в такое изменение позиции КПГ и левых групп и считают его демагогическим¹⁰¹. В тот период лишь парижская социал-демократическая эмиграция, группировавшаяся вокруг Брайтшайда, положительно оценила манифест как предпосылку для «переговоров с целью безусловного единства всех социалистов»¹⁰².

Тенденции, проявившиеся у левого крыла социал-демократии и нашедшие отражение в Пражском манифесте, — тяга к единству действий пролетариата, критика реформизма — особенно ярко обнаружили себя в 1935—1936 гг., когда они стали находить практическое воплощение в единстве действий коммунистов и социал-демократов на местах. В то же время становилось все более очевидным, что для правых лидеров СДПГ издание манифеста было лишь кратким периодом «приближения к марксизму», что намерения и цели их были иными, противоположными положениям, содержащимся в январской платформе 1934 г.

Позиция правых в СДПГ в 1934—1936 годах

Лидеры СДПГ, хотя почва буржуазного парламентаризма была выбита у них из-под ног, не собирались отказываться от традиционно парламентских норм и связей, прежде всего с ранее влиятельными буржуазными кругами. И в условиях фашистского режима, в особенности в предвоенный период, правые любыми путями старались доказать свою пригодность для коалиционного партнерства в будущем. В практической деятельности такая тактика сводилась к торможению активной антифашистской борьбы социал-демократического подполья и, естественно, к отказу от единого фронта с коммунистами.

Пражский центр по-прежнему объяснял этот отказ тем, что единый фронт даст Гитлеру возможность вновь разжечь страсти по поводу «усилившегося призрака большевизма», и тем, что «нельзя компромети-

¹⁰¹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 16. S. 252—253.

¹⁰² Neuer Vorwärts. 1934. 18. Febr.

ровать себя пактом с коммунистами»¹⁰³. По сути дела, это было недвусмысленным намеком буржуазным кругам на возможность будущего партнерства. Секретарь Правления СДПГ Г. Диль писал одному из ведущих функционеров партии, Хёгнеру, в Швейцарию: «Нужно признать, что фашизм будет устранен только справа (т. е. силами буржуазии и генералитета.— Л. Б.) и что только социал-демократия может помешать большевизму»¹⁰⁴.

Особые надежды на свержение гитлеровского правительства руководство социал-демократии возлагало на рейхсвер. Эти надежды основывались на преувеличенно оптимистической оценке отдельных разногласий между монополистической буржуазией и генералитетом относительно степени участия в государственном управлении, влиянии на фашистскую администрацию и т. п. Противоречия в кругах буржуазии, разногласия в партийном аппарате Гитлера, оппозиция командующего штурмовыми отрядами Рема — все это явилось объективной основой для иллюзий и надежд социал-демократии на скорое падение нацистского режима. Участие генерала рейхсвера Бломберга в фашистском правительстве, а затем включение представителей рейхсвера наряду с представителями монополий в тайный военный кабинет под председательством Гитлера, кабинет, который занимался координацией всех мероприятий фашистского государства с целью подготовки к войне, другие взаимные уступки нацистов и рейхсвера воспринимались правыми как доказательство «самоубийства диктатуры (фашистской.— Л. Б.)» и «усиления всемогущего рейхсвера»¹⁰⁵. По словам главы партии О. Вельса, свергнуть фашистскую диктатуру сможет лишь рейхсвер. В Берлине, Гессене, Баварии некоторые социал-демократы надеялись на «наступление рейхсвера», уповая на возможность смещения Гитлера с помощью «военной диктатуры»¹⁰⁶.

Правые круги СДПГ, утверждая, что рабочий класс не в состоянии в одиночку справиться с фашистским режимом и необходимо тщательно наблюдать развитие

¹⁰³ Zeitschrift für Sozialismus. 1934. Sept.—Okt. S. 430. (Далее: ZfS.)

¹⁰⁴ Niemann H. SPD und Hitlerfaschismus. Bd. 1. S. 300.

¹⁰⁵ Sozialistische Aktion. 1934. 12. Juli.

¹⁰⁶ Adolph H. Op. cit. S. 337; DBS. 1934. Mai—Juni. S. 120—121, 140—142.

других антифашистских сил в рейхе¹⁰⁷, подчеркивали необходимость установления контактов прежде всего с оппозиционными Гитлеру консервативными кругами из «Стального шлема», «Черного фронта», крупными юнкерами и представителями монополистических кругов, «чье влияние, по их мнению, в настоящее время не может быть недооценено»¹⁰⁸.

Предпринимались попытки наладить контакты с представителями буржуазных политических кругов, в частности со Шлейхером и Брюнингом (в основном через Тревирануса — бывшего министра кабинета Брюнинга)¹⁰⁹. При налаживании контактов со Шлейхером посредниками выступали бывшие профсоюзные лидеры — Т. Лейпарт, Ф. Тарнов, Г. Ян (в то время глава представительства бывших социал-демократических профсоюзов за границей). В начале 1934 г. в нелегально распространенном документе правые призвали профсоюзные группы, находившиеся под их влиянием, к совместной с рейхсвером подготовке к государственному перевороту. Гильфердинг совместно с Вельсом провел несколько встреч с Тревиранусом, а также с одним из видных либеральных деятелей Веймарской республики, К. Йозефом Виртом¹¹⁰. Контакты с определенными буржуазно-либеральными кругами, очевидно, имели значение при создании широкого фронта противников Гитлера, если бы при этом не затухала роль рабочего класса как центра сопротивления.

Все эти контакты ни к чему не привели. Во-первых, призыв Пражского правления опираться в борьбе с фашизмом прежде всего на буржуазию и военную верхушку был отклонен многими группами СДПГ, в том числе и профсоюзными группами, отдававшими приоритет в антифашистской борьбе рабочему классу¹¹¹. Позиция Сопаде натолкнулась на резкий протест группы влиятельных социал-демократических эмигрантов в Париже, особенно Р. Брайтшайда. В част-

¹⁰⁷ DBS. 1935. Jan. S. 142.

¹⁰⁸ Ibid. S. 138.

¹⁰⁹ См.: *Freyberg J., Fülberth G., Harrer G.* u. a. Op. cit. S. 230.

¹¹⁰ *Niemann H.* SPD und Hitlerfaschismus. Bd. 1. S. 190; *Langkau-Alex U.* Volksfront für Deutschland? Frankfurt a. M., 1977. S. 277. Anm. 33. К. Й. Вирт, будучи рейхсканцлером, подписал Рапалльский договор 1922 г.

¹¹¹ *Neuer Vorwärts.* 1934. 18. Juni; *Paterna F., Fischer W.* Deutschland von 1933 bis 1939. B., 1969. S. 126.

ности, он писал члену Правления О. Герцу: «Что может... предложить Тревиранус? Он и его друзья не могут совершить никакого переворота, а если бы и могли, то он был бы не в нашем духе... Ядром сопротивления должен стать только рабочий класс»¹¹².

С резкой критикой линии Сопаде выступил его член К. Ауфхойзер: «В этом государстве — с Гитлером или без него — господствуют монополистический капитал и крупные землевладельцы, а защищают их военные и полиция». Он справедливо отмечал, что только единый фронт рабочего класса создаст важнейшую предпосылку успеха антифашистской борьбы, что «движение единства становится вопросом судьбы для трудящихся, всего народа Германии»¹¹³.

Политическую несостоятельность, слабость и колебания правых оппозиционных кругов отмечали и некоторые другие члены Правления СДПГ. Так, в редактируемом Э. Риннером «Дойчланд-Берихте...» говорилось, что «правые группы политически... слабы, так как они идут на компромиссы. Они не борются против системы как таковой... не хотят любой ценой бороться, что негативно сказывается на состоянии оппозиционных сил»¹¹⁴. «Рейхсвер все более проявляет себя как ставленник режима», — подчеркивалось в бюллетене¹¹⁵.

События 30 июня 1934 г. подтвердили это. Руководство НСДАП испытывало нарастающие трудности во взаимоотношениях с частью членов своей партии и штурмовиков, воспринявших всерьез демагогические «антикапиталистические», «антимонополистические» пароли «национальной революции» и требовавших фактического улучшения своего экономического и социального положения. Среди них все громче раздавались требования «второй революции». К лету 1934 г. противоречия между монополистическими группировками, между некоторой частью последних и аппаратом «нового государства» обострились, а соответственно и в штурмовых отрядах (СА) (концерны химической промышленности пытались сделать СА орудием борьбы с враждебными монополистическими группировками). Трения с частью базы, с отдельными буржуазными

¹¹² Lange D. Op. cit. S. 851.

¹¹³ Neuer Vorwärts. 1934. 22. Juli.

¹¹⁴ DBS. 1935. Jan. S. 138.

¹¹⁵ DBS. 1934. Juli — Aug. S. 365.

кругами тормозили процесс консолидации нового режима. Тогда в дело вмешалось командование рейхсвера. Во время встречи с Гитлером 11 апреля 1934 г. генералитет потребовал принятия решительных мер. Нацистская верхушка усилила преследования недовольных среди штурмовиков. 30 июня 1934 г. вошло в историю фашистской Германии как «ночь длинных ножей». В эту ночь нацистское руководство при помощи СС расправилось со своими политическими противниками по всей стране. В результате сговора монополий, военщины и нацистских заправил были убиты руководители штурмовых отрядов во главе с Ремом, прибывшие в Мюнхен на заранее назначенное «совещание». Убиты были и потенциально опасные генералы фон Шлейхер и фон Бредов, опальный нацистский деятель Г. Штрассер и многие другие. Всего было уничтожено 1184 человека¹¹⁶.

То, что уничтожение Гитлером ремовской оппозиции происходило с согласия рейхсвера, не могло не вызвать некоторого замешательства в рядах Сопаде. Поведение высших военных кругов, оставивших незамеченным убийство более тысячи человек, в том числе двух генералов рейхсвера, показало, сколь безосновательными были надежды на свержение режима с их помощью. События этого дня ознаменовали завершение процесса консолидации фашистского государства. В. Ульбрихт писал в одной из статей в еженедельнике Коминтерна «Рундшау»: «Вспомните, как приветствовал генерал Бломберг фашистские злодеяния 30 июня и сплочение рейхсвера вокруг Гитлера! Разве не очевидно, что крупные промышленники и юнкеры вместе с Гитлером и рейхсвером перешли в наступление на рабочий класс и установили кровавый фашистский режим?!»¹¹⁷

Натолкнувшись на оппозицию в рядах собственной партии, Сопаде отныне уже осторожнее относилось к возможности заключения союза с буржуазными и военными кругами, хотя некоторые группировки в СДПГ остались верными этой линии до конца войны. Крайне правое крыло (группа Вельса — Олленхауэр, Фогель, Крумменерль), как писал Брайтшайду О. Герц, «не отказалось от надежд на то, что в определенное

¹¹⁶ См. подробнее: История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 234—235.

¹¹⁷ Rundschau. 1934. Н. 49. 6. Sept.

время штурм нацизма последует справа»¹¹⁸. А для Гильфердинга, например, события 30 июня стали доказательством укрепления позиций генералитета в рейхе, и он высказывал надежду, что на этой основе произойдет «постепенная трансформация режима»¹¹⁹.

Пражское руководство пыталось оправдать свою пассивную позицию в развертывании сопротивления неким в особой мере присущим ему гуманизмом. «Активные силы... никогда не должны ставиться на карту ради дешевого успеха», — заявляли лидеры СДПГ, намекая на «бесчеловечность» руководства КПГ, посылавшего членов своей партии на смерть¹²⁰. Аресты в коммунистическом подполье служили им дополнительным доводом против сотрудничества: коммунисты слишком плохо подготовлены к конспирации, и совместная работа с ними только повредит делу. Крассоречив отчет группенфюрера СС Гейдриха за июнь 1936 г. (как раз в это время прокатилась волна арестов как в коммунистическом, так и в социал-демократическом подполье). В нем говорится: «КПГ нужно рассматривать как самую большую и опасную организацию, против которой гестапо должно сконцентрировать главные силы. В кадровом отношении она стала меньше, но заметно богаче в опыте строительства действительно нелегальной, конспиративной, а поэтому дееспособной и в тысячу раз более опасной партии, чем раньше»¹²¹.

В преддверии референдума 19 августа 1934 г., когда после смерти Гинденбурга решался вопрос о передаче президентских полномочий Гитлеру, лидеры СДПГ заявляли, что «люди, которые из страха будут говорить „да“ — сегодня правы»¹²². Такая позиция наносила существенный вред интересам рабочего класса, ведь речь в конце концов шла о партии, которая более полувека вела за собой большую часть мощного германского пролетариата. Неудивительно, что многие из социал-демократов не подчинились указани-

¹¹⁸ *Lange D.* Op. cit. S. 853.

¹¹⁹ *Neuer Vorwärts.* 1934. 22. Juli.

¹²⁰ *DBS.* 1934. Aug.—Sept. S. 459.

¹²¹ *Salm F.* Im Schatten des Henkers. Vom Arbeiterwiderstand in Mannheim gegen faschistische Diktatur und Krieg. Frankfurt a. M., 1973. Dok. 11. S. 276.

¹²² *Neuer Vorwärts.* 1934. 12. Aug. См. также: *Bartel W.* Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur, 1933—1945. В., 1956. S. 67—68.

ям Сопаде, откликнулись на призыв КПП и проголосовали против Гитлера¹²³. Конечно, это не могло повлиять на общий итог референдума, проходившего, как и все мероприятия фашистского правительства, в обстановке террора и запугивания. Однако действия рабочего класса показали, что его силы не иссякли, что «носители идей социализма живы»¹²⁴, как заявило после референдума пражское Правление, впрочем, как всегда, не сделав из этого никаких выводов на будущее.

Придерживаясь пассивной тактики, лидеры СДПГ упорно отклоняли призывы компартии совместно противостоять ежегодно организуемым нацистским правительством на предприятиях Германии выборам в «советы доверенных». Цель этих выборов состояла в том, чтобы «законно» навязать рабочему классу принципы фюрерства, добиться его беспрекословного подчинения новым нацистским хозяевам. В сущности, выборы были фарсом, а «советы» не имели никаких прав, тем более что кандидатов в них намечали представители НСДАП и предприниматели.

Наиболее тяжелые для рабочего класса последствия принес Закон о порядке национального труда от 20 января 1934 г., который отменял все положения о коллективных договорах, третейских судах, все правила, регулировавшие продолжительность рабочего времени, охрану труда, внутренний распорядок и т. д.¹²⁵ Владелец предприятий становился его фюрером и единолично мог устанавливать расценки, нормы выработки, длительность рабочего дня, штрафы и наказания. Весь коллектив работающих объявлялся «дружиной фюрера», которая обязывалась соблюдать «верность» по отношению к нему. Попытки забастовок обычно заканчивались заключением в тюрьмы и концлагеря,

¹²³ Перед голосованием активизировалась работа левых социал-демократических групп. Они распространяли листовки с призывом голосовать против Гитлера. Листовки появились в Берлине, Гамбурге, Аугсбурге, Мюнхене. «Долой фашизм! Долой убийцу Гитлера!» — говорилось в них (см.: DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 383; Juli — Aug. S. 280—281). В некоторых местах число голосовавших против доходило до 21 и даже 40—50% (DBS. 1934. Juli — Aug. S. 349).

¹²⁴ Neuer Vorwärts. 1934. 28 Aug.

¹²⁵ См.: *Горошкова Г. Н.* Антирабочее законодательство гитлеровского правительства накануне войны (1933—1939 гг.) // Империализм и борьба рабочего класса. М., 1960. С. 435—446.

так как были объявлены наиболее тяжким преступлением против закона¹²⁶. Оформилось целое антирабочее нацистское законодательство, которое создавало «широкие возможности для произвола и эксплуатации рабочих, для коррумпирования части их, а также служило одним из способов притупить сознание рабочими общности их интересов»¹²⁷.

Коммунисты предлагали использовать подготовку к выборам в национал-социалистские «производственные советы» для организации совместных выступлений коммунистов и социал-демократов против фашистского принципа фюрерства, а попутно и совместного бойкота выборов или голосования против фашистских кандидатов в «советы доверенных»¹²⁸. Суть тактики коммунистов состояла в том, чтобы пробуждать и поддерживать активность и сплоченность рабочего класса, что было весьма существенно для исхода антифашистской борьбы.

В условиях стабилизировавшегося фашистского режима нелегальная работа в массах, даже во враждебных рабочему классу организациях, в самом «Германском трудовом фронте» приобретала особое значение. Антифашистская борьба в то время не могла ограничиваться лишь пассивным бойкотом фашистских мероприятий. В. Ульбрихт писал по этому поводу: «Правление СДПГ хочет использовать выборы (в «советы доверенных». — Л. В.) не для борьбы за демократические права, а для протеста против фашистского режима. Но сегодня недостаточно только протестовать... Нужно сплотить массы и создать единый фронт. Лозунг бойкота кажется радикальным, но на самом деле он лишь затрудняет действия по сплочению и активизации масс. К тому же лозунг неучастия в выборах нереален в современных условиях. Сейчас самое время перейти от пассивных мероприятий... к активному сопротивлению, к борьбе за требования рабочих, за их права и демократические свободы, к единому фронту»¹²⁹.

¹²⁶ См.: Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967. С. 71.

¹²⁷ История фашизма в Западной Европе. С. 232.

¹²⁸ Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur (1933–1939): Dokumente und Materialien. В., 1962. Dok. 121. S. 99; Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. В., 1953. Bd. 2. S. 60–68.

¹²⁹ Ibid. S. 67.

В Открытом письме ЦК КПП заявил о готовности вести с Сопаде переговоры по предвыборной тактике, ни в коем случае не настаивая на безоговорочном принятии всех предложений КПП¹³⁰. Однако Сопаде отклонило предложение коммунистического руководства, заявив, что они нереальны и что социал-демократы всегда выступали за единство рабочих на предприятиях и борьбу с фашистской диктатурой, а если и коммунисты преследуют такие же цели, тогда единый фронт рабочих на предприятиях и без переговоров между руководящими инстанциями двух партий практически налицо.

Действительно, благодаря активной работе коммунистов и левых социал-демократов в ряде мест страны такой фронт был создан, но лишь единство действий рабочего класса в общегерманском масштабе могло дать ощутимый эффект, повлиять на общий ход развития страны. Утверждая обратное, лидеры СДПГ фактически тормозили создание единого пролетарского фронта.

В ряде городов Германии состоялись переговоры между коммунистами и социал-демократами, в результате чего был заключен целый ряд соглашений, подкрепленных, как правило, образованием на паритетных началах комитетов единства. Этот процесс начался еще в ходе предвыборной кампании в «советы доверенных» в феврале 1934 г. и продолжался в течение 1934—1935 гг. Переломными в развитии антифашистской борьбы как немецкого, так и международного рабочего класса явились события во Франции, Австрии и Испании, в ходе которых на основе опыта этих стран Коминтерн и коммунистические партии стали шаг за шагом разрабатывать новую ориентировку.

Когда в феврале 1934 г. фашистские банды выступили в Париже и попытались захватить власть, всеобщая забастовка трудящихся, организованная совместно с коммунистами и социалистами и охватившая 4,5 млн человек, преградила им путь. Единые действия пролетариата сыграли главную роль в отпоре фашизму. 27 июля 1934 г. состоялось официальное подписание пакта единства коммунистов и социалистов Франции против фашизма. Единый рабочий фронт во Франции, ставший реальностью, знаменовал начало

¹³⁰ Damit Deutschland lebe. S. 639—640; Rundschau. 1935. 14. März.

важного поворота во всем мировом рабочем и коммунистическом движении и послужил мобилизующим примером для рабочего движения других капиталистических стран. Важным уроком для международного рабочего класса стали события начала 1934 г. в Австрии, где борьба пролетариата против фашизма в результате беспомощности центристского руководства Социал-демократической рабочей партии Австрии окончилась поражением. «Если опыт единого фронта во Франции показал рабочим всего мира возможность успешного отпора фашизму, то пример Австрии еще раз убеждал в том, что отказ реформистских партий от решительных классовых выступлений ведет в конце концов к тяжелым поражениям трудящихся»¹³¹. Однако австрийские события показали способность рабочего класса объединиться в защиту демократических завоеваний, пойти на самые смелые вооруженные действия.

Октябрьские события 1934 г. в Испании, где временная победа в ходе всеобщей забастовки была достигнута лишь в Астурии, потому что там социалисты, анархисты и коммунисты выступали совместно, дали все тот же важный урок: «Для победы над фашизмом необходимо единство действий рабочих всех политических направлений, необходимо преодоление сектантства, цеховщины и претензий на монопольное руководство движением...»¹³² Все это оказало существенное воздействие на настроения рабочих-подпольщиков в Германии.

Соглашения о единстве действий были заключены в Берлине, Саксонии, ряде районов Тюрингии, в Южной и Западной Германии, Вюртемберге, Среднем и Верхнем Бадене и др. В одном из соглашений говорилось, что «существование идеологических разногласий не должно препятствовать установлению боевого единства» между двумя партиями¹³³.

Положительным процессам в рядах социал-демократической партии, которые выражались в растущем стремлении рядовых социал-демократов и функционе-

¹³¹ Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 373.

¹³² История фашизма в Западной Европе. С. 374.

¹³³ Damit Deutschland lebe. S. 341–345, 626–627, 644–645; Vietzke S. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung 1933–1939. В., 1962. S. 53–54.

ров к активной борьбе с фашизмом и в тесном сотрудничестве с коммунистами, способствовал ряд принятых компартией важных решений, означавших изменение тактической линии коммунистов. Августовская резолюция Пленума ЦК КППГ 1934 г. подчеркнула необходимость кардинального пересмотра сектантских установок по отношению к левым социал-демократам. В целях достижения соглашений с социал-демократией компартия выдвинула лозунги совместной борьбы за восстановление единых немецких профсоюзов, независимых от какой-либо партии, и работы в фашистском «трудовом фронте» для подрыва его изнутри¹³⁴.

Результаты выборов в «советы доверенных» показали возможности практического единого фронта, его эффективность в борьбе с фашистской диктатурой. Благодаря совместным действиям коммунистов и социал-демократов на местах на выборах в «советы» в 1933—1935 гг. фашистские кандидаты набрали в масштабе всей страны не более 25% голосов¹³⁵, что в конечном счете вынудило нацистские власти отменить проведение этих выборов вообще. Социал-демократическая пресса расценила это как «полное поражение нацистов»¹³⁶. Рейхсфюрер СС Гейдрих писал в одном из официальных документов в январе 1936 г.: «Хотя рабочие в...нелегальных организациях...лишь частично проводят димитровскую тактику (имеется в виду тактика „тройного коня“ — работы в фашистских организациях, в фашистском „трудовом фронте“, официально провозглашенная Г. Димитровым с трибуны VII конгресса Коминтерна в 1935 г.— Л. Б.), успехи ее столь велики, что мы, например, в этом году вынуждены отменить выборы в советы доверенных»¹³⁷.

Вопреки некоторым успехам антифашистских действий в 1934—1935 гг. лидеры СДПГ продолжали игнорировать все предложения компартии. Были оставлены без внимания предложение ЦК КППГ от 1 апреля 1935 г. о проведении прямого обмена мнениями между представителями обеих рабочих партий по поводу возможных совместных выступлений против гитле-

¹³⁴ Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur. Dok. 115. S. 97.

¹³⁵ Laschitzka H., Vietzke S. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung 1933—1945. В., 1964. S. 55.

¹³⁶ DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 457.

¹³⁷ Salm F. Op. cit. S. 118.

ровской политики милитаризации Германии, письмо ЦК КПГ от 1 июня 1935 г. о создании народного комитета помощи жертвам террора, в который должны были войти как представители обеих рабочих партий, так и «католики, интеллигенция и другие антифашистские круги». То же случилось и с предложением КПГ летом 1935 г. о поддержке жертв террора ¹³⁸.

Все происходившее в Германии уже не оставляло сомнений в агрессивных намерениях ее правительства. Фашистский режим окончательно стабилизировался, консолидировались различные круги монополистического капитала и военщины на основе взаимного стремления к интенсивной подготовке новой мировой войны. Направленность внешней политики Гитлера была слишком очевидной, чтобы отрицать ее или питать по этому поводу какие-то иллюзии. Выход из Лиги наций, попытка еще в начале 1934 г. подчинить Австрию, притязания на присоединение Саара, находившегося по Версальскому договору под контролем Лиги наций, наконец, введение в марте 1935 г. всеобщей воинской повинности — вот краткий перечень милитаристских акций нацистского правительства Германии. В центре внимания всех прогрессивных сил страны, передовой общественности во всем мире стояла борьба за предотвращение новой мировой войны. Лидеры СДПГ не могли уклониться от этой борьбы.

«Нойер Форвертс» в это время предупреждала об «угрозе нового раздела мира со стороны фашистского империализма» ¹³⁹. «Система (фашистская.— Л. Б.) означает войну, новая война — новое поражение, а поражение — гибель», — говорилось в одной из ее статей ¹⁴⁰. Сопаде правильно заявляло, что речь идет не о судьбе какой-либо отдельной группы населения, а о будущем немецкого народа, всего мира, предостерегало от ужасов войны, от малейших уступок Гитлеру, которые, как справедливо подчеркивала газета, лишь приблизят страшную развязку, ускорят трагический конец. Пражский центр публикует подробные сведения о тайном вооружении Германии и агрессив-

¹³⁸ Paterna F., Fischer W. Op. cit. S. 241; Pieck W. Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur. Moskau, 1936. S. 53.

¹³⁹ Neuer Vorwärts. 1936. 15. Okt.

¹⁴⁰ Ibid. 1935. 24. März.

ных планах нацизма, системе концлагерей, изобличает жестокость нацистского режима и т. п.¹⁴¹

И все же антивоенную позицию Сопаде никак нельзя было назвать последовательной. Оно приходило к малодушному признанию, что антифашистская оппозиция в Германии не имеет шансов на успех. Лидеры партии не стеснялись заявлять, что «это безумие — что-либо предпринимать против нацистского государства», призывали ждать «толчка к перевороту извне»¹⁴². В одной из статей в «Цайтшрифт фюр социализмус» говорилось: «До тех пор пока Гитлер будет иметь успех на внешнеполитической арене, его немецкие противники бессильны. Не в их власти внушить массам не делать никаких уступок требованиям нацистов». По мнению Сопаде, лишь дипломатическое поражение Германии вернет инициативу противникам Гитлера¹⁴³.

Предостерегая против уступок фашизму, правые вожди СДПГ все свои надежды возлагали на те силы, которые прямо или косвенно шли на такие уступки: на западноевропейские правящие круги, на «западную цивилизацию» и ее «решительную позицию по отношению к Гитлеру»¹⁴⁴. Ф. Штампфер признавал, что вожди партии «все настойчивее апеллировали к европейским властям (имеется в виду Англия и Франция. — Л. В.), чтобы обеспечить... мир и дать возможность действовать внутригерманской оппозиции»¹⁴⁵. Правление надеялось, что западные державы удержат Гитлера от его агрессивных внешнеполитических замыслов, ослабят тем самым его позиции в рейхе и сделают возможным выступление противников фашистского режима, которых правое руководство отождествляло прежде всего с буржуазными кругами.

Социал-демократическая пресса предостерегала Запад от его откровенных стремлений пойти на соглаше-

¹⁴¹ Ibid. 1933. 17. Dez.; 1936. 15. März; 1935. 21. Apr.; DBS. 1935. Apr. S. 432; 1934. 8. Sept.; *Edinger L. J. Sozialdemokratie und Nationalsozialismus*. Hannover; Frankfurt a. M., 1966. S. 146—148.

¹⁴² *Widerstand und Verfolgung in Köln*. Dok. 132; *Der lautlose Aufstand: Bericht über die Widerstandsbewegung des deutschen Volkes/Hrsg. von G. Weisenborn*. Hamburg, 1953. S. 153.

¹⁴³ ZfS. 1936. Apr. S. 977; DBS. 1935. Jan. S. 140—141.

¹⁴⁴ *Neuer Vorwärts*. 1935. 12. März.

¹⁴⁵ *Stampfer F. Die dritte Emigration // Mit dem Gesicht nach Deutschland*. S. 114, 133.

ние с гитлеровским правительством, в частности уступить требованиям равноправия в вооружении. Таким образом, германская социал-демократия пересмотрела свои позиции в этом вопросе. «Бесполезно заключать договоры с властью, которая нарушила все законы гуманности. Дело мира станет намного прочнее, если западная демократия ясно даст понять Гитлеру, что его действия ведут к войне, которую Германия никогда не выиграет и которая приведет ее вождей на эшафот», — писала «Нойер Форвертс»¹⁴⁶.

Большие надежды возлагались правыми социал-демократами на проходившую в апреле 1935 г. конференцию глав правительств и министров иностранных дел Великобритании, Франции и Италии в Стресе. Гильфердинг, например, видел в ней возможный исходный момент политики, которая «с помощью оружия дипломатии снимет актуальную опасность войны»¹⁴⁷. Однако конференция осталась незначительным эпизодом: на ней не прозвучало ничего существенного, кроме отдельных протестов по поводу введения в Германии всеобщей воинской повинности.

Лидеры социал-демократии пытались отстоять мир и вернуть буржуазно-демократический порядок с помощью держав, которые саботировали все усилия СССР, направленные на создание системы коллективной безопасности и предотвращение угрозы мировой войны. Подтверждение этому саботажу — заключенный в 1935 г. договор о военно-морском флоте между Великобританией и Германией, предоставивший последней право иметь собственный военный флот. Это стало исходным пунктом политики поощрения — кардинальной стратегической линии западных держав по отношению к фашистскому режиму. Гитлеру было дано право, как отмечалось в теоретическом органе СДПГ «Цайтшриффт фюр социализмус», «свободно и в неограниченных масштабах вести подготовку к войне»¹⁴⁸.

В этих условиях было далеко не достаточно просто трезво оценивать реальную обстановку — необходимы были прежде всего практические шаги по предотвращению надвигавшейся войны. Единый рабочий и народный фронт, как было подчеркнуто на январском

¹⁴⁶ Neuer Vorwärts. 1935. 24. Febr.; См. также: 3. Febr., 10. Febr.

¹⁴⁷ ZfS. 1935. 19. Apr. S. 595.

¹⁴⁸ ZfS. 1936. H. 32. S. 1018.

Пленуме 1935 г. ЦК КПГ, оставался вопросом перво-степенной важности¹⁴⁹. Многие зависело от того, удастся ли в Германии создать широкий Народный фронт на основе боевого единства рабочего класса. Большое значение имело и то, насколько прогрессивные силы мира поддержат идею Советского Союза о создании в Европе прочной системы коллективной безопасности, насколько они окажутся сплоченными во имя того, чтобы заставить правящие круги своих стран пойти на создание такой системы.

Отношение же пражского центра к самой идее коллективной безопасности и к ее инициатору оставляло желать лучшего. Много надежд возлагалось руководством СДПГ на роль Лиги наций в этом вопросе, однако в решении проблемы сохранения мира они исключали какое-либо участие Страны Советов. Лишь в определенные периоды, например сразу же после заключения союзнических договоров между СССР и Францией, СССР и Чехословакией в 1935 г., в официальной прессе СДПГ промелькнули признания роли Советского Союза в обеспечении мира, но лишь постольку, поскольку последний являлся союзником буржуазных государств. Именно последним Правление социал-демократической партии отводило первостепенное место в предотвращении войны. Естественно, что правые игнорировали призыв компартии от 20 марта 1935 г. «создать широкий пролетарский единый фронт...против фашистской военной политики, за поддержку мирной инициативы СССР»¹⁵⁰.

Социал-демократия в целом выступала в это время против какой бы то ни было ревизии версальской системы со стороны фашистского правительства, в частности против присоединения Саара к рейху. Руководство СДПГ, как и ЦК КПГ, высказалось за сохранение статус-кво в Сааре. Коммунисты и социал-демократы саарской области (руководителем саарской социал-демократии был Макс Браун) заключили соглашение и выступили единым фронтом во время организованного нацистами плебисцита¹⁵¹. Однако, в отличие от ЦК КПГ, лидеры социал-демократии счи-

¹⁴⁹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 78, 94–95, 468–470.

¹⁵⁰ ZfS. 1935. 19. Apr. S. 668.

¹⁵¹ Neuer Vorwärts. 1934. 28. Okt.; Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur. Dok. 119. S. 98–99,

тали, что желанное поражение Гитлера во время этого опроса должно лишь дать толчок «дворцовой революции генералов»¹⁵². Когда же нацисты в этом плебисците одержали победу, Вельс демагогически заявил, что в этом — новое подтверждение правильности политики отклонения единого фронта, не имеющей перспектив на успех¹⁵³. «Нойер Форвертс» писала 20 января 1935 г.: «Закончившаяся борьба в Сааре осветила по-новому некоторые вещи и заставила задуматься тех, кто до сих пор видел в создании... единого фронта... волшебное средство, которое завоюет пролетарские сердца и вырвет корни классового господства фашизма». Коммунисты не предавались иллюзиям, вполне реально представляя себе, что добиться победы в саарском плебисците почти невозможно. В совместном выступлении обеих партий они видели исходный пункт дальнейшего сотрудничества в борьбе с фашизмом.

Исход борьбы за Саар имел существенное значение для дальнейшей дифференциации идеологических позиций социал-демократии. Именно в этом вопросе особенно резко и откровенно определились две тенденции в ней — марксистская и реформистская, выразившаяся в попытке пересмотра оставшихся в программе СДПГ марксистских положений, в отказе от теории классовой борьбы, в стремлении к забвению статуса «чисто рабочей партии», и к переходу на «национальные позиции».

В это время в эмиграции оформилось довольно определенное направление, которое Э. Маттиас, в отличие от «рабочего социализма» левых, назвал «народным социализмом». В программном труде главы этого направления В. Якша «Народ и рабочие» последовательней, чем когда-либо раньше, было отражено требование отбрасывания марксизма, выражалось сожаление, что «немецкая социал-демократия до сих пор не осмелилась порвать с Марксом»¹⁵⁴. Другой представитель этого направления, бывший член Правления Зольман, находившийся в эмиграции в США, писал: «Социал-демократия потерпела поражение не потому, что у нее отсутствовало классовое чутье, а именно потому,

¹⁵² Neuer Vorwärts. 1934. 11. Dez.

¹⁵³ Ibid. 1935. 20. Jan.

¹⁵⁴ Jaksch W. Volk und Arbeiter. Karlsbad, 1934. S. 34, 103.

что она была партией пролетариата...предала национальные чувства и предоставила возможность противнику их использовать»¹⁵⁵. Идеологи «народного социализма» подчеркивали, что СДПГ должна выдвигать требования, которые «отвечают глубоким потребностям нации», однако непременным условием этого они считали отказ от представительства узкоклассовых интересов индустриального пролетариата, которое, по их мнению, «отдаляет (партию.— Л. Б.) от широкой дороги политической борьбы за власть»¹⁵⁶.

Некоторые из правых социал-демократов, оставшихся в рейхе (прежде всего это касается П. Лёбе, В. Кайля, К. Зеверинга, Г. Носке), придерживались позиции, которая практически означала полное подчинение партии нацистскому режиму. Они называли ее «политикой убеждения». «Я верил,— писал Кайль,— что только идею можно противопоставить силе», он призывал подчиниться «силе обстоятельств, не отказываясь от собственных убеждений»¹⁵⁷. Сопротивление фашизму эти деятели считали бесполезным, а эмиграцию бесперспективной, выступали против работы левых социал-демократических групп в подполье¹⁵⁸. Более того, они поддерживали внешнеполитические планы Гитлера, в частности требование его правительства присоединить к рейху Саар, а позднее — Австрию. 30 декабря 1934 г. в «Кельнише цайтунг» были напечатаны слова Зеверинга, обращенные к гауляйтеру Саара Бюркелю: «Я желаю, чтобы день голосования принес внушительное большинство и Саарская область была присоединена к Германии. Моя позиция в саарском вопросе... всегда была выражением моего национального чувства и воли, а это не зависит от смены режимов».

Под давлением внешнеполитических успехов Гитлера и не без влияния идей «народного социализма» некоторые члены пражского Правления также были склонны пересмотреть основные теоретические положения партии. Его идеолог Г. Деккер писал, что ус-

¹⁵⁵ ZfS. 1935. Sept.—Okt. S. 758—765.

¹⁵⁶ ZfS. 1935. Nov.—Dez. S. 864.

¹⁵⁷ Keil W. Erlebnisse eines Sozialdemokraten. Stuttgart, 1948. Bd. 2. S. 498.

¹⁵⁸ Ibid.; Severing K. Mein Lebensweg. Stuttgart, 1950. Bd. 2. S. 410—414.

ловием сплочения народа в антифашистской борьбе может стать только отказ рабочего класса и его партий от своих классовых позиций¹⁵⁹.

Руководство СДПГ понимало, что добиться соглашения с определенными кругами буржуазии можно было лишь при полном отказе от марксизма. Однако при явных тенденциях конституироваться в качестве «народной партии» пражский центр все же не мог решиться на откровенное провозглашение новой линии. Правые при всех уже имевших место в 1934 г. коллизиях не могли отказаться, не подвергнув риску свое идеологическое влияние, от оставшихся еще в Гейдельбергской программе СДПГ 1925 г. важных марксистских положений, прежде всего от принципов классовой борьбы и ведущей роли рабочего класса в историческом развитии, правда трактуемых в реформистском смысле¹⁶⁰.

В годы эмиграции правосоциалистическое руководство занимало по ряду причин — из соображений тактики «спасения лица», но прежде всего из-за давления левого подполья — сдержанную позицию в отношении пересмотра программных принципов. Вот почему в прессе СДПГ, прежде всего в «Социалистиче акцион», часто появлялись ни к чему не обязывавшие призывы к революции, пассажи о «единстве рабочих как предпосылке единства всех оппозиционных сил»¹⁶¹ и т. п. Как справедливо замечает Л. Й. Эдингер, лидеры СДПГ «хотели использовать марксизм в качестве пропагандистского средства для теоретического оправда-

¹⁵⁹ Decker G. Revolte und Revolution. Karlsbad, 1934. S. 36.

¹⁶⁰ Programme der deutschen Sozialdemokratie. Bonn, 1978. S. 65—67. В программе 1925 г., подчеркивает советский историк Б. С. Орлов, «сочетался Марксов экономический анализ капитализма и Марксово понимание экономического строя социализма с реформистским представлением о государстве и политике». Основой для построения социализма в программе называлась Веймарская республика. Как отмечает тот же исследователь, Гейдельбергская программа в определенной степени выпадает из процесса реформистской эволюции, наметившейся в Гёрлице в 1921 г. и приведшей к Годесбергу в 1959 г. Несмотря на то что в 20-е годы руководство СДПГ проводило откровенно реформистскую политику, программа Гейдельберга оказалась более левой, чем Гёрлицкая 1921 г., что не в последнюю очередь объяснялось расстановкой сил в СДПГ, давлением левых сил и др. факторами. См.: Орлов Б. С. Указ. соч. С. 31.

¹⁶¹ DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 456; 1935. Nov. S. 1369.

ния своей деятельности... иначе они не могли выиграть в конкурентной борьбе с коммунистами и левыми влияниями на подполье»¹⁶².

Социал-демократическое подполье и проблема единства рабочего класса в борьбе с фашизмом

Через полтора года после прихода фашистов к власти положение СДПГ оставалось критическим. Партия по-прежнему находилась в состоянии раздробленности и раскола. «Партия еще не возрождена, не преодолено идеологическое беспокойство, которое вызвало крах», — сообщалось в «Дойчланд-Берихте дер Сопаде»¹⁶³. Пражский центр, как и прежде, не признавался многими подпольными группами в Германии. «Мы не знаем и никто не знает сегодня, — говорилось в отчете Сопаде за 1934 г., — в каких формах совершится возрождение рабочего движения в Германии. Но пока это не случится, партийное Правление обязано управлять, охранять идейное и материальное наследство немецкой социал-демократии, чтобы великие традиции и главные цели социал-демократического рабочего движения оставались живы и действовали в будущем»¹⁶⁴.

Правые категорически выступали против требуемого левыми силами созыва нелегальной рейхskonференции или съезда партии с участием представителей всех подпольных организаций. В октябре 1934 г. предложение о съезде выдвинули в Правлении партии К. Бёхель и З. Ауфхойзер. В социал-демократической эмиграции раздавались голоса, которые требовали избрания нового правления партии, которое бы руководило нелегальной борьбой¹⁶⁵. Правление полагало невозможным создание единого представительства нелегального социал-демократического движения и созыва с этой целью партийной конференции. При этом руководство партии ссылалось на объективно сложные условия в стране. «Любая попытка это осуществить

¹⁶² *Edinger L. J. Op. cit. S. 142.*

¹⁶³ *DBS. 1934. Aug. — Sept. S. 462–463.*

¹⁶⁴ *Terror und Widerstand: Dokumente und Materialien. B., 1965. E. Bl. 1; DBS. 1934. Aug. — Sept. S. 455.*

¹⁶⁵ *Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 37. S. 313; Moraw W. Op. cit. S. 23.*

(созвать съезд.— *Л. Б.*) привела бы к уничтожению всех основ тайной организации... подвергла бы огромной опасности основных представителей нашей нелегальной работы в Германии»,— подчеркивало Правление СДПГ¹⁶⁶.

Не возражая против восстановления единой организационной структуры партии под своим идейным руководством, Сопаде выступало против поспешности, опасаясь, что левые получат в возрожденной организации явный перевес. «Прочное организационное единство партийных рядов в современных условиях Германии недостижимо, возможны лишь личные контакты и обмен мнениями на предприятиях и мелких учреждениях, устная пропаганда»,— утверждали правые. Они заявляли, что «единая организация... не усилила бы рабочее движение», что единство партии может возникнуть только после того, как «будут преодолены политические и принципиальные разногласия»¹⁶⁷. «Нойер Форвертс» настоятельно подчеркивала, что задачей социал-демократии не может являться создание кадровой подпольной организации рабочего класса, и осуждала деятельность левых в этом направлении¹⁶⁸.

В отличие от КПГ руководство СДПГ высказывалось и против возрождения свободных немецких профсоюзов, в чем его активно поддерживали правые профсоюзные вожди в эмиграции. В одной из листовок утверждалось, что «нелегальные профсоюзы невозможны», а возможна лишь «сеть доверенных лиц» на предприятиях¹⁶⁹. Призывая «работать над распространением идей социализма в той форме, которая соответствует обстоятельствам», лидеры социал-демократических профсоюзов заявляли: «Только объединяя доверенных лиц, можно возродить социалистическую деятельность... Организуй устную газету, собирай слухи на предприятиях... Не создавай кружков, которые бы вслух высказывали свое мнение о положении в Германии и возможностях активной социалистической работы»¹⁷⁰. По сути дела, последний призыв означал

¹⁶⁶ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 37. S. 314; см. также: DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 462—463.

¹⁶⁷ DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 460, 462—463; 1935. Nov. S. 1369.

¹⁶⁸ Neuer Vorwärts. 1934. 16. Sept.

¹⁶⁹ Esters H., Pelger H. Op. cit. S. 152—155; DBS. 1935. Nov. S. 1377—1381.

¹⁷⁰ Esters H., Pelger H. Op. cit. S. 158.

не что иное, как попытку затормозить активную подпольную работу на местах.

Для распространения своих идей Сопаде стало создавать по всей Германии широкую сеть маленьких кружков во главе с бывшими функционерами партии, так называемых «лезециркель» (читательских кружков). Они должны были заниматься обсуждением в узком кругу присылаемых из эмиграции материалов, теоретических проблем, предложенных руководством, но ни в коем случае не практической подпольной работой. Предполагалось, что, чем шире сеть таких кружков, тем больше у Сопаде шансов на сохранение массовой базы, а это в свою очередь позволит ему в момент изменения политической ситуации занять подобающее положение среди других политических сил и договориться о коалиционном партнерстве с ними. Кружки должны были действовать настолько активно, насколько это нужно, чтобы активность пражского Правления была замечена Западом, — так откровенно высказывались вожди СДПГ в очередном отчете Правления за 1934 г.¹⁷¹

Для осуществления поставленной задачи руководство СДПГ весной—летом 1934 г. провело ряд конференций — в Брюсселе, Люттихе, Антверпене, Сааргемиونده. На конференции были приглашены преимущественно функционеры, придерживавшиеся реформистских убеждений, и пограничные секретари Сопаде. Бёхель и Ауфхойзер на конференции приглашены не были. Соответственно определился и традиционный характер принятых решений.

На всех конференциях правые вожди СДПГ высказались против единых действий с КПГ, осудили проявившуюся в среде рядовых социал-демократов тенденцию к расширению подпольной деятельности. Задачи групп руководство ограничило изучением и обсуждением в узком кругу нелегальной литературы, поставляемой из Праги¹⁷². Как объяснил член пражского Правления Крумменерль, это «даст лучшую и самую безопасную (на основе реформистских принципов.— Л. Б.) возможность восстановить сплоченность членов партии и ... разъяснить рабочим политику пар-

¹⁷¹ Arbeiterbewegung am Rhein und Ruhr. Wuppertal, 1974. S. 382.

¹⁷² См.: Freyberg J., Fülberth G. u. a. Op. cit. S. 210.

тийного руководства (читай — восстановить авторитет вождей.— Л. Б.)»¹⁷³.

Уже к осени 1934 г., как следует из одного из доносений гестапо, Германия была покрыта сетью «лезециркелей»¹⁷⁴. Они возникали как локальные группы, участники которых время от времени тайно собирались в кафе, пивных и т. д.; либо же как общества типа клубов, союзов, где социал-демократы бывали постоянно. Там они регулярно занимались чтением, а иногда и распространением в узком кругу нелегальной литературы, как правило «Социалистише акцион», а также различных брошюр, поставляемых Сопаде (среди них значительное место занимал Пражский манифест)¹⁷⁵.

В ряде случаев пражскому руководству удалось добиться влияния на уже действовавшие в подполье левые группы и вернуть их на прежние позиции. Так, оно сумело привлечь на свою сторону группу социал-демократов Вюртемберга, усилить политическое давление на подпольную организацию «Германия», действующую в районе Дуисбурга в Руре, и т. д.¹⁷⁶

Для достижения своих целей руководство СДПГ активно использовало средства организационного и финансового давления на левые группы и их представителей. Их не допускали на заседания и конференции, отказывались печатать их статьи в центральных органах, наконец, грозили исключением из партии и т. п. Существенным обстоятельством, способствовавшим сравнительному росту авторитета Правления СДПГ, были аресты активных левых, первыми вступивших в бой с фашизмом¹⁷⁷. Вследствие этого несколько изменилось лицо социал-демократического

¹⁷³ *Steinberg H. Widerstand und Verfolgung in Essen, 1933—1945. Hannover, 1969. S. 72.*

¹⁷⁴ *Terror und Widerstand. E. 4. Bl. 1.*

¹⁷⁵ Нелегальный материал поступал из Праги через так называемые «опорные пункты» в Брюсселе и Амстердаме. Недалеко от голландской границы, в районе Аахена, где пограничным секретарем являлся Г. Ферль, бывший второй председатель рейхсбаннера, был создан опорный пункт для перехода границы. Отсюда литература поставлялась в Германию. Уже к весне 1934 г. имелась обширная сеть по распространению информационных материалов Сопаде.

¹⁷⁶ *Bludau K. Gestapo: Geheim! Widerstand und Verfolgung in Duisburg, 1933—1945. Bonn; Bad-Godesberg, 1973; Niemann H. SPD und Hitlerfaschismus. Bd. 1. S. 234, 179.*

¹⁷⁷ *Edinger L. J. Op. cit. S. 104—105.*

движения. «Если до сих пор движение сопротивления состояло из молодых и активных, то сейчас к нему подключились бывшие функционеры старой партии», — писал один из левых социал-демократов¹⁷⁸. Пропагандируемая Сопаде идея о скором падении фашистского режима под бременем экономических трудностей, нажима справа и «извне» имела здесь значительный успех.

Группы Сопаде по типу кружков работали во Франкфурте-на-Майне, Кёльне, Мангейме, Дармштадте, Штутгарте, Киле, в районе Вюртемберга, Зуля, Эссена¹⁷⁹. В основном они были рассеяны в районе Рейна—Рура, где сохранялось традиционное влияние верхушки АДГБ. «В поведении западногерманских рабочих сказываются прежние демократические традиции», — писал «Дойчланд-Берихте дер Сопаде»¹⁸⁰. Представители этих групп оправдывали политику пражского центра. Большинство из них считало, что «нелегальная работа не имеет смысла», что любая попытка силами рабочего класса свергнуть гитлеровский режим обречена на провал «из-за политической слабости» этих сил¹⁸¹.

Работа в дискуссионных кружках, по их мнению, была разумнее всего. Некоторые из таких групп, например штутгартская, на идейные позиции которой оказывал безусловное влияние бывший лидер местной социал-демократии Зольман, высказывались за отказ от теории классовой борьбы и марксизма вообще, пытались, как и Сопаде, наладить связи с военными кругами¹⁸². Эти группы отклоняли любую возможность работы с коммунистами, допускали возможность создания единого фронта только под руководством СДПГ и при условии «гарантий духовной свободы»¹⁸³.

¹⁷⁸ Der Kampf. 1935. Febr. S. 55.

¹⁷⁹ Ibid.; *Bludau K. Op. cit.* S. 28—27. В Гамбурге работала группа бывших членов АДГБ, связанная с Международным профсоюзом транспортников во главе с Э. Фимменом (*Niemann H. SPD und Hitlerfaschismus. Bd. 1. S. 137*). Этот союз оказывал, кстати, организационную и материальную поддержку Международному социалистическому боевому союзу (МСБС), Социалистической рабочей партии, другим левым германским группам. См.: *Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945. Bonn, 1984. S. 65.*

¹⁸⁰ DBS. 1935. Jan. S. 140.

¹⁸¹ *Widerstand und Verfolgung in Köln. S. 300.*

¹⁸² *Bludau K. Op. cit.* S. 31.

¹⁸³ DBS. 1935. Apr. S. 430—431.

Однако наблюдалось и иное отношение к пражскому центру. Корреспондент Сопаде в Париже В. Шифф, придя под впечатлением событий во Франции, к выводу о необходимости изменения тактической линии партии, писал в Прагу Штампферу: «... я с болью смеюсь, как назревает то, чего следует избежать, — растет отчуждение между вами и вашими верными друзьями, к которым я в первую очередь отношу себя»¹⁸⁴. Бёхель и Ауфхойзер обратились к Социалистическому рабочему интернационалу с выражением протеста против нарушения Правлением внутривнутрипартийных норм. В обращении говорилось: «Бюро Правления умалчивает, что путем фракционного отделения от членов своей партии и полного недопущения членов социал-демократических групп на... заседания... оно само способствует тому, что эти... группы... для сохранения своих демократических прав сплачиваются в единый оборонительный фронт»¹⁸⁵.

Разногласия в партии не сглаживались. Пропасть же между оставшимися верными своим убеждениям левыми социал-демократами и пражским Правлением углубилась. Дискуссия по всем большим вопросам вспыхнула с новой силой после февральских боев пролетариата 1934 г. в Вене, обнаживших как потенциал единого рабочего класса в антифашистской борьбе, так и пороки реформистской тактики вождей — медлительность и т. п.¹⁸⁶

Тенденция к объединению всех антифашистских сил по-прежнему оставалась определяющей в настроениях социал-демократов — подпольщиков. Эту тенденцию отмечают и буржуазные исследователи. Так, американец Эдinger полагает, что «вопрос единого фронта посеял ужасные семена раздора между раздробленными группами социал-демократического эмиграционного движения»¹⁸⁷. О. Бухвиц, находившийся в эмиграции в Дании, сообщал Герцу в сентябре 1934 г., что многие товарищи тяжело воспринимают позицию Сопаде — «полное отсутствие у него энергии и инициативы». «Многие, — писал Бухвиц, — отчаявшись, пошли собственным путем. Но каждый лелеял в сердце надежду

¹⁸⁴ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 18. S. 258.

¹⁸⁵ Ibid. Dok. 14. Anmerkung. S. 238.

¹⁸⁶ DBS. 1935. Jan. S. 140.

¹⁸⁷ Edinger L. J. Op. cit. S. 126.

на единство рабочего социалистического движения»¹⁸⁸. Сами правые вынуждены были признавать, что «тяга к единству рабочего класса сегодня в Германии сильнее, чем когда-либо прежде»¹⁸⁹.

Таким образом, через год-полтора после возникновения Сопаде можно было говорить лишь об относительном влиянии руководства СДПГ на социал-демократическое подполье. Совершенно очевидно, что градации отношений между пражским центром и подпольем в разных местах были различными, но в 1934 г. в левом социал-демократическом движении возникало качественно новое явление — выделение групп, вставших на путь активного сотрудничества с коммунистами.

Если взять за критерий отношение социал-демократов к единому фронту с коммунистами, то примерно с лета 1934 г. условно можно говорить о трех типах социал-демократических групп: 1) группы Сопаде, так или иначе поддерживавшие идеологические и тактические позиции правого руководства; 2) непоследовательные левые, прежде всего основные левые группы, отклонявшие идеологию и политику пражского Правления, но не решавшиеся идти на союз с коммунистами; 3) более последовательные левые, устанавливавшие контакты с компартией, вместе с коммунистами боровшиеся в подполье.

Часто в одних и тех же городах нелегально действовали социал-демократы, совершенно разные по своим идеологическим и тактическим позициям. Так, например, коммунисты Дортмунда сообщали в ЦК: «Здесь работают порознь два типа подпольщиков социал-демократов: молодые и старые. Старые в отличие от молодых распространять материал не хотят — они только наблюдают»¹⁹⁰. Аналогичным было положение дел в социал-демократическом подполье Саксонии, Вюртемберга, Мангейма, Берлина, Дармштадта, Вупперталя, Кёльна¹⁹¹.

Позиции групп не только были различными, но и время от времени менялись. В самих группах и кружках Сопаде также не наблюдалось абсолютного единства взглядов: нередко осуждалась политика руковод-

¹⁸⁸ Buchwitz O. Op. cit. S. 63.

¹⁸⁹ DBS. 1934. Aug.—Sept. S. 460.

¹⁹⁰ Niemann H. SPD und Hitlerfaschismus. Bd. 1. S. 179. Anmerkungen. S. 32.

¹⁹¹ Ibid.; Widerstand und Verfolgung in Köln. S. 179.

ства, иногда, вопреки ему, представители этих же групп действовали по личной инициативе и даже шли на контакты с коммунистами. Представители штутгартской группы, например, вели переговоры с коммунистами о единстве действий, в результате чего было принято решение о взаимной поставке нелегальной литературы¹⁹².

В ведущих левых группах в это время шел процесс внутреннего размежевания революционных и реформистских элементов. Острые разногласия в группе «Дер роте штоссрупп» начались после того, как ее лидеры высказались за «национальную» переориентацию партии и даже изменили название группы на Национальные революционные социалисты. В их меморандуме от февраля 1935 г. содержались положения, весьма родственные позициям пражского Правления. В обобщенном виде это формулировалось так: «С буржуазией и рейхсвером через военную диктатуру к коалиции веймарского типа»¹⁹³. В ответ на это часть организации в центр своей работы открыто поставила борьбу за создание единого рабочего фронта и стала действовать в районе Нойкёльна под названием «Пароль»¹⁹⁴. Отдельные представители «Дер роте штоссрупп» находились в постоянном контакте с коммунистами. В конечном счете группа распалась, наиболее передовая ее часть перешла в конституировавшуюся в 1934 г. подпольную организацию «Революционных социалистов», которая при всем ее сходстве с остальными непоследовательными левыми все же была настроена более реалистически и настойчивее других выступала за единый фронт с коммунистами.

Причина распада ряда непоследовательных левых групп состояла не только в том, что террор создал необычно сложные условия для подпольной работы, но и в том, что нередко их вожди пытались сплотить антифашистов на антикоммунистической платформе, а не на основе честного антифашистского союза с коммунистами.

Аналогичные процессы наблюдались в «Ной бегиннен». Ее руководитель Лёвенхайм высказывался за

¹⁹² *Bohn W.* Stuttgart: Geheim! Ein dokumentarischer Bericht. Frankfurt a. M., 1970. S. 122; см. также: *Hochmuth U., Meyer G.* Op. cit. S. 157.

¹⁹³ *Bludau K.* Op. cit. S. 26.

¹⁹⁴ *Ibid.*

сотрудничество с монополистическими кругами в рядах «национальной антифашистской оппозиции» и против контактов с коммунистами, а в конечном счете предложил распустить группу¹⁹⁵. Отношения в организации обострились, когда пражский центр под предлогом того, что руководитель ее заграничного бюро К. Франк сколачивает враждебную группировку внутри СДПГ, прекратил в начале 1935 г. финансовую помощь группе¹⁹⁶. При этом имелись в виду контакты отдельных представителей «Ной бегиннен», в частности самого Франка, с коммунистами, встречи последнего с В. Ульбрихтом в Праге. Разгорелась острая дискуссия, в результате которой победили молодые и активные силы, выступавшие за дальнейшее продолжение подпольной работы. Их поддержала часть руководства, в том числе Р. Лёвенталь и К. Франк. Старые лидеры были смещены, руководителем группы стал Лёвенталь.

Руководители «Ной бегиннен» заявили, в отличие от представителей Сопаде и его групп, что не питают иллюзий относительно скорого падения режима (фашистский режим стал сильнее, и поэтому потребуются больше времени и сил для его свержения)¹⁹⁷, подчеркивая, что в борьбе против фашизма рабочий класс как никогда нуждается в пропаганде марксистских идей, и прежде всего учения о классовой борьбе. Группа стала налаживать контакты с другими частями социал-демократического подполья, что было шагом вперед по сравнению с сектантскими позициями недавнего прошлого.

Усилились разногласия и в самом Сопаде, росло отчуждение между его правым и левым крылом. Бёхель и Ауфхойзер после бурных дебатов добились наконец опубликования разработанной ими программы, которая, по их замыслам, должна была явиться дискуссионным базисом для выработки новой платформы социал-демократической партии. Возглавляемая ими подпольная группа официально стала именоваться «Революционные социалисты».

Резче и откровенней, чем в программных документах других ведущих левых групп, в программе «Революционных социалистов» прозвучала критика рефор-

¹⁹⁵ *Edinger L. J. Op. cit. S. 133–134.*

¹⁹⁶ *Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 12, 13. S. 227–238,*

¹⁹⁷ *Edinger L. J. Op. cit. S. 71.*

мизма, политики правых в период становления фашистского режима. Всю вину за раскол рабочего класса и его поражение представители группы возлагали на политическую практику и идеологию реформизма. «Реформисты опасались,—говорилось в программе,— что массы, включившиеся в борьбу за демократические права...выйдут за поставленные реформистами цели и начнут нежелательную (вождям СДПГ.— Л. Б.) социалистическую революцию. Но так как демократия в капиталистических странах может быть защищена только путем наступления пролетарских масс во внепарламентской борьбе, реформизм без боя отказался от демократической борьбы»¹⁹⁸.

Программа выдвигала ряд важных теоретических положений о сущности государства в классовом обществе, о путях строительства действительно свободного германского общества и т. д. Так, создатели программы определили фашизм как «систему диктатуры крупного монополистического капитала и юнкеров», «последнюю и сильнейшую концентрацию капиталистических сил»¹⁹⁹. Они руководствовались марксистским положением о том, что в обществе, разделенном на антагонистические классы, демократия — это прежде всего «свобода для господствующего класса» и что завоевать эту свободу для большинства трудящихся можно, только установив диктатуру пролетариата, которую один из наиболее последовательных членов группы, К. Бёхель, определил следующим образом: «Это самая свободная революционная демократия, так как она является господством большинства эксплуатируемых над меньшинством эксплуататоров»²⁰⁰. Выдвигая требование демократических свобод, авторы документа подчеркивали, что борьба за повседневные нужды и восстановление прав народа имеет смысл только в том случае, если это не является самоцелью, а служит делу завоевания трудящимися политической власти.

«Революционные социалисты» высказывались за единый фронт. Однако преодолеть раскол рабочего движения, полагали они, можно только путем трансформации всех партий и групп в духе совершенно нового революционного движения. Они предложили всем революционным силам заняться выработкой «единой ре-

¹⁹⁸ ZfS. 1934. Н. 6. S. 1036.

¹⁹⁹ Ibid. S. 1038.

²⁰⁰ Ibid. S. 1041.

волюционной идеологии пролетариата», которая позволит рабочему классу достичь единства действий, а затем и создать единую партию²⁰¹. Ближайшую свою задачу сторонники Бёхеля и Ауфхойзера видели в «революционном обновлении» руководства партии изнутри, что было, как отмечает историк ГДР К. Маммах, совершенно нереально²⁰². Все это, по их мнению, позволило бы довести СДПГ до «зрелого» уровня и сделало бы реальным создание единого фронта.

К сожалению, важные теоретические положения программы «Революционных социалистов» не были дополнены конкретными практическими рекомендациями антифашистскому подполью. Создатели программы не подчеркивали насущной необходимости немедленной организации единства всех рабочих партий и организаций в борьбе с фашизмом: решение задачи единого фронта откладывалось, как и в ряде других левых программ, например «Ной бегиннен», на неопределенное время. Абстрактным рассуждениям о будущей единой партии пролетариата «Революционные социалисты» уделяли больше внимания, чем практической борьбе за установление этого единства. Их максимальные требования не учитывали неоднородности составных частей предполагаемого единого фронта, и это, безусловно, препятствовало его созданию.

Сопаде встретило программу резкими нападками, прежде всего, как выразился К. Гейер, «за капитуляцию перед коммунистической программой»²⁰³.

Опубликовали ряд статей о программе «Революционных социалистов» и коммунисты. Утверждение некоторых буржуазных историков, будто КПГ оттолкнула протянутую ей «Революционными социалистами» руку²⁰⁴, не соответствовало действительности. Компартия в целом приветствовала программу, отметив положительный аспект содержащейся в ней критики реформизма, изложения общности целей и т. п.²⁰⁵ Однако коммунисты не были согласны с предложением авторов программы о выработке единой идеологии как предпосылке единства действий, а считали, что создание единого фронта является неотложной задачей,

²⁰¹ Ibid.

²⁰² Mammach K. Op. cit. S. 106.

²⁰³ ZfS. 1934. Н. 12—13. S. 421.

²⁰⁴ См.: Edinger L. J. Op. cit. S. 122—123.

²⁰⁵ См.: Rundschau. 1934. Н. 63. S. 2869—2871.

стоявшей перед рабочим классом. «Не противоречит ли это,— спрашивал В. Ульбрихт,— желанием социал-демократических рабочих и групп, которые хотят не только рассуждать о необходимости диктатуры пролетариата, но и быть уверенными в том, что подобные заявления означают...готовность непосредственно осуществлять единство действий против гитлеровского режима»²⁰⁶. Далее Ульбрихт высказался за немедленное заключение практического соглашения между коммунистами и социал-демократами.

В ходе газетной дискуссии Ауфхойзер выдвинул ряд ценных положений, которые были учтены компартией при разработке ее стратегической и тактической линии на ближайший период, в частности положение о том, что «единый фронт не может быть создан, если дело ограничится переходом членов одной организации в другую; он может быть создан только путем их... сближения и взаимопонимания»²⁰⁷. Он верно считал, что «если еще и существуют разногласия между партиями, то рабочий класс, ведущий подпольную борьбу, давно нашел в ней свою политическую платформу»²⁰⁸. «Революционные социалисты» поддерживали выдвинутый компартией лозунг восстановления единых германских профсоюзов как необходимый шаг в деле достижения взаимопонимания между двумя партиями.

Казалось, особых противоречий в позициях коммунистов и представителей этой группы не было. «Если „Революционные социалисты“ заявляют, что сейчас самое главное — это единство действий, то отсюда следует, что его надо непосредственно осуществлять», — отмечали представители компартии. Более того, коммунисты заявляли, что программа группы «дает возможность для совместной работы»²⁰⁹. Однако, когда в ноябре 1934 г. КПГ предложила Ауфхойзеру и Бёхелю опубликовать общий призыв к созданию единого фронта, это предложение было отклонено на том основании, что левые не представляют собой самостоятельных организаций и не компетентны заключать какие-либо договоры²¹⁰.

²⁰⁶ Rundschau. 1934. Н. 55. S. 2412.

²⁰⁷ Die Neue Weltbühne. 1934. Н. 44. S. 1385.

²⁰⁸ Ibid. S. 1383, 1389.

²⁰⁹ Die Internationale. 1935. Н. 1. S. 29.

²¹⁰ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 13. S. 236–237 (Anmerkung).

Сложилась такая ситуация, когда реализация единого рабочего фронта тормозилась отсутствием соглашения между руководителями обеих рабочих партий, с одной стороны, а с другой — его можно было добиться только давлением левых сил СДПГ на ее руководство, прежде всего — конкретными совместными акциями левых с коммунистами. КПГ, стремясь, особенно после VII конгресса Коминтерна, к сотрудничеству со всей социал-демократией, к соглашению с руководством СДПГ, ясно сознавала неравноценность реальных возможностей осуществления единства действий с различными группировками социал-демократии. Ввиду фатального отклонения единого фронта со стороны руководства СДПГ установление контактов с левыми было единственным путем, который позволял продвигаться вперед. Коммунисты не могли откладывать установление сотрудничества с левыми до тех пор, пока не достигнут необходимых контактов со всеми течениями социал-демократов. К тому же сотрудничество с левыми могло проложить путь к установлению контактов со всей социал-демократией.

Поэтому коммунисты Германии делали все возможное как для организации совместной антифашистской борьбы на местах, так и для налаживания контактов с представителями ведущих левых групп. Надо особо подчеркнуть, что, по справедливому замечанию марксистской исследовательницы из ФРГ Юты Фрейберг, компартия не собиралась вырывать левые группы, в частности «Революционных социалистов», из рядов социал-демократической партии²¹¹. Высоко оценивая роль «Революционных социалистов» как широко разветвленной организации, представители которой входили к тому же в состав партийного Правления, коммунисты надеялись, что, выступая в рядах собственной партии за единство рабочего класса, представители этой группы усилят прогрессивное крыло внутри СДПГ и будут способствовать тем самым созданию единого рабочего фронта.

Позиция коммунистов, по сообщению Политбюро ЦК КПГ от 7 марта 1936 г., сводилась к тому, чтобы преодолеть колебания левых, способствовать росту авторитета и укреплению их политических позиций в

²¹¹ *Freyberg J. Sozialdemokraten und Kommunisten: Die Revolutionären Sozialisten Deutschlands vor dem Problem der Aktions-einheit, 1933–1937. Köln, 1973. S. 132.*

социал-демократии²¹². «Мы, конечно, хотели сначала заключить соглашение с левыми вождями,— подчеркивали представители Политбюро.— Но мы этого не сделали, так как поняли, что это даст повод партийному Правлению предпринять организационные меры...Чтобы подтолкнуть левых вперед, мы установили контакты с левыми вождями в Вюртемберге, Гессене, Франкфурте — Южной Баварии. Мы...популяризуем их статьи ... беседуем с ними лично и...т.п.»²¹³.

Надеждам коммунистов на «Революционных социалистов» не суждено было оправдаться: несмотря на далеко идущие заявления, они все же отказывались действовать вместе с коммунистами. Так, предложение ЦК КПП опубликовать совместное воззвание в поддержку политзаключенных было отклонено представителями группы на том основании, что это-де даст повод Сопаде применить по отношению к ним соответствующие санкции²¹⁴. Они предложили ЦК КПП обратиться непосредственно к Сопаде и заверили, что попытаются сделать все возможное, чтобы документ был подписан. Позиция Бёхеля и Ауфхойзера, в отличие от сектантской линии других ведущих социал-демократических групп, состояла в том, что они, выступая за единство СДПГ, одновременно, как следует из их письма секретарю Социалистического рабочего интернационала Адлеру, совершенно определенно высказывались и за единые действия с коммунистами²¹⁵. Однако инициатив и подписания соглашения с КПП о едином фронте они всякий раз ждали от Сопаде. Поскольку позиция Сопаде в этом вопросе не оставляла сомнений, нерешительность «Революционных социалистов» практически консервировала существующее в СДПГ положение, облегчала правым проведение своего курса. И это в то время, когда именно консолидация и инициативы левого крыла партии приобретали первостепенное значение. Бёхель и Ауфхойзер понимали, что им «больше нельзя уклоняться от переговоров (с КПП.— Л. В.), даже если это приведет к тяжкому конфликту с Сопаде»²¹⁶. Они правильно конста-

²¹² *Vietzke S. Die KPD auf dem Wege zur Brüsseler Konferenz. B., 1960. S. 187—188.*

²¹³ Цит. по: *Ibid. S. 188—189.*

²¹⁴ См.: *Pieck W. Op. cit. S. 53.*

²¹⁵ *Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 13. S. 236.*

²¹⁶ *Ibid.*

тировали, что все усилия, направленные на достижение взаимопонимания с правым крылом пражского Правления, ни к чему не привели: «Конфликтный материал не уменьшается, а в каждом политическом вопросе становится все острее»²¹⁷. Однако на сей раз (в конце 1934 г.) они надеялись на то, что очередная сессия Социалистического рабочего интернационала примет решения, обязывающие Правление СДПГ вести переговоры с коммунистами. Однако эти надежды не сбылись.

13—16 ноября 1934 г. проходила очередная сессия Исполкома Социалистического рабочего интернационала. Она должна была обсудить предложение Коминтерна о немедленной совместной организации конкретной помощи пролетариям Астурии. Резолюция Исполкома Рабочего интернационала фактически отклонила предложение Коминтерна, подменив «важнейшую политическую проблему... организационно-техническими вопросами»²¹⁸. Сессия, однако, свидетельствовала о существенных сдвигах влево, которые происходили в рядах Рабочего интернационала под давлением боевых антифашистских настроений в социал-демократических низах. Делегации социалистических партий Франции, Испании, Италии, Австрии, Швейцарии, польского Бунда выступили с «Декларацией меньшинства», требовавшей от Исполкома связаться с Коминтерном и «искать условия для единства действий в международном масштабе против войны, в защиту демократических прав...»²¹⁹ и т. д. Сопrotивление правых сил на сессии было ожесточенным, тем не менее Исполком вынужден был отменить запрещение своим секциям вступать в соглашения о едином фронте с коммунистами, что являлось существенным успехом левых сил. Брать же на себя обязательство по организации единого пролетарского международного фронта Исполком не желал. В числе тех, кто всеми силами саботировал на сессии принятие соответствующего решения, был и глава СДПГ Вельс.

Разумеется, Вельс и его сторонники в СДПГ и не думали использовать резолюцию Социалистического

²¹⁷ Ibid.

²¹⁸ Лейбзон Б. М., Шириня К. К. Указ. соч. С. 130. См. также: Geschichte der Sozialistischen Arbeiter-Internationale. S. 209—213.

²¹⁹ Лейбзон Б. М., Шириня К. К. Указ. соч. С. 130.

рабочего интернационала для создания единого фронта с коммунистами. В очередной раз они заявили о своей негативной позиции на заседании Правления 18 ноября 1934 г. Тогда Ауфхойзер и Бёхель выступили с резкой критикой позиции правого крыла. Однако, чтобы избежать ответных упреков и попытаться достичь взаимопонимания, они не преминули прибегнуть к антикоммунистической аргументации. В этом еще раз проявилась непоследовательность и слабость левых, которую использовало в своих целях правое большинство.

Правые перешли в наступление, когда Вельсу попали в руки два письма К. Бёхеля к Г. Глазеру, бывшему функционеру партии, находившемуся в эмиграции в Париже, в которых излагалась позиция «Революционных социалистов». В партийном циркуляре от января 1935 г. Сопаде заявило, что письма доказывают наличие контактов с коммунистами, что якобы способствовало расколу партии и рабочего движения²²⁰. 30 января 1935 г. был опубликован меморандум с приложением «Специальных материалов Сопаде об оппозиционных течениях внутри партии», в котором сообщалось о выводе Бёхеля и Ауфхойзера из состава Правления²²¹. Был освобожден от обязанностей пограничного секретаря Д. Ланге за посредничество между названными лицами и нелегальными организациями Саксонии. В том же документе пражское руководство сообщило о прекращении финансовой помощи группе «Ной бегиннен».

Непоследовательность, колебания левых, нежелание предпринимать решительные действия, и прежде всего заключить соглашение с коммунистами без ведома руководства партии, ослабили позиции ведущих групп, вызывали недовольство и разочарование их сторонников.

Противоречивая позиция левых групп в вопросе о едином рабочем фронте давала коммунистам почву для раздумий и перепроверки своей тактической линии. Немецкие коммунисты, как, впрочем, и их товарищи в других странах Европы, все более осознавали, что широкие социал-демократические круги, при всей критике в адрес партийного Правления и стремлении

²²⁰ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 13. S. 237—238.

²²¹ Ibid. Dok. 12. S. 228.

к единству, глубоко привязаны к своей партии, подчинены определенной партийной дисциплине. Поэтому призывы к единству действий, адресовавшиеся к массам, отдельным организациям помимо или даже против лидеров обычно отклонялись. Вопрос о создании единой рабочей партии являлся вопросом отдаленного будущего, однако его правильная теоретическая постановка имела чрезвычайно важное практическое значение для судьбы антифашистского фронта в Германии. Становилось очевидным, что любая недооценка социал-демократических традиционных организаций принесет вред делу создания единого фронта.

Из-за этого, например, компартии не удалось летом и осенью 1934 г. наладить контакты с берлинским подпольем и рядом других левых групп СДПГ. Вилли Брандт, будучи в это время членом левой организации СРП и находясь в скандинавской эмиграции (в Норвегии), писал, что, «несмотря на то, что некоторые группы симпатизируют КППГ и в целом в нелегальном движении растут симпатии к Советскому Союзу, необходимо констатировать, что социал-демократические рабочие не желают иметь дело с другой организацией, хотя они, конечно, не признают линию партии... и пражскому Правлению не удалось привлечь их на свою сторону»²²².

Опираясь на опыт, а также на рекомендации Исполкома Коминтерна, коммунисты Германии на январском Пленуме 1935 г. приняли решение о необходимости заключения соглашения между двумя партиями на уровне их центральных инстанций²²³. Тем самым выработывалась новая позиция по отношению ко всей социал-демократии.

Решения КППГ способствовали тому, что в рядах социал-демократов стало расти стремление к активной борьбе с фашизмом в тесном сотрудничестве с коммунистами. В течение 1935 г. в Прагу поступали сообщения от пограничных секретарей Сопаде, в которых отмечалось, что в различных районах Германии среди социал-демократов растет стремление к единому фронту и отношение к КППГ становится все более позитивным. Секретарь округа «Запад» Рейнгольд писал,

²²² Brandt W. Draussen: Schriften während der Emigration. München, 1966. S. 181–182.

²²³ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. Dok. 21. S. 468–470.

например: «Трения между КПГ и СДПГ становятся все слабее. Из разговоров с товарищами у меня сложилось впечатление, что если сегодня и есть еще препятствия для осуществления единых действий с КПГ, то в вопросе о необходимости проводить совместную работу никаких разногласий нет... Все группы единодушно настроены против старых вождей и прежнего курса»²²⁴.

Во многих районах страны проходили частые дискуссии между коммунистами и социал-демократами — в Берлине, Кёльне, Дортмунде, Мангейме, Штутгарте и т. д.²²⁵ «В дискуссиях (с социал-демократическими рабочими.— Л. Б.),— говорилось в сообщении окружного комитета КПГ Берлина—Бранденбурга,— шел обмен мнениями о единых действиях пролетариата, о буржуазной демократии, о диктатуре пролетариата и задачах рабочего класса в борьбе с фашизмом... Обсуждались также уроки захвата власти фашистами»²²⁶.

Социал-демократы выступали против курса пражского Правления на партнерство с буржуазией, которое, по их мнению, «дискредитирует... весь опыт, приобретенный в течение двух лет правления фашизма», ведет к «возврату Веймара»²²⁷. Они выступали против иллюзорных надежд на свержение фашистской диктатуры с помощью внешних сил и против тактики пассивного ожидания, подчеркивая приоритет народной борьбы, народного единства в борьбе с Гитлером. В одном из сообщений из Северной Германии говорилось, что действующая здесь группа понимает марксизм как волю к активным действиям²²⁸.

В некоторых городах Германии, особенно в промышленных центрах, в результате переговоров между коммунистическими и социал-демократическими группами заключались соглашения, подкрепленные, как правило, образованием на паритетных началах комитетов единства. Этот процесс начался еще в ходе предвыборной кампании в «советы доверенных» в феврале 1934 г. и продолжался в течение 1934—1935 гг.

²²⁴ *Niemann H.* SPD und Hitlerfaschismus. Bd. 1. S. 276.

²²⁵ *Kraushaar L., Nitzsche G.* Op. cit. S. 1049—1050; *Salm F.* Op. cit. S. 92; *Bohn W.* Op. cit. S. 122.

²²⁶ *Kraushaar L., Nitzsche G.* Op. cit. S. 1050.

²²⁷ *Ibid.* S. 1053.

²²⁸ DBS. 1935. Jan. S. 141; Apr. S. 428—429.

Многие группы СДПГ Берлина, в том числе работающие подпольно на промышленных предприятиях, в частности на заводах Симменса, состояли в постоянном контакте с коммунистами: вместе издавали и распространяли подпольную литературу, оказывали помощь арестованным и их семьям, создавали комитеты в поддержку Э. Тельмана и т. д.²²⁹ В июне 1935 г. было подписано соглашение о единстве действий в борьбе с фашизмом между окружным руководством СДПГ и организацией «Красная помощь» («Роте хильфе») Берлина — Бранденбурга, такие же соглашения были подписаны в Эрфурте и Фрайбурге²³⁰. В Нижней Саксонии в середине 1935 г. был образован Комитет пролетарского единства. В его документе говорилось: «Еще существующие разногласия не должны препятствовать образованию боевого единства. Мы их по-дружески преодолеем в ходе совместной борьбы...»²³¹

В районе Галле, Мерзебурга, близ Цайца вместе работали коммунисты, социал-демократы, члены СРП. Часто с ними сотрудничали и католики, студенческая молодежь. В сообщении из Вестфалии в Прагу говорилось, что самыми большими подпольными группами в области являются коммунисты и католики²³².

В середине 1935 г. было заключено соглашение между местными представителями КПГ и СДПГ в Дортмунде. Оно отличалось от многих других тем, что во главу угла поставило совместную борьбу за возрождение единых профсоюзов. «Не теряйте времени, — говорилось в Дортмундском воззвании, — отходите от позиции, которая привела к позорному концу... Думайте над словами Маркса: „... освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса“»²³³.

На 17 предприятиях в Рейнской области действовали группы единого фронта. Они вели активную работу по восстановлению профсоюзов. На ряде предприятий текстильной и металлургической промышленности были созданы подпольные профгруппы²³⁴.

²²⁹ Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung. В., 1973. S. 502; Damit Deutschland lebe. S. 646—647.

²³⁰ Damit Deutschland lebe. S. 646—647.

²³¹ Ibid. S. 647.

²³² Niemann H. SPD und Hitlerfaschismus. Bd. 1. S. 268; DBS. 1939. Apr. S. 429.

²³³ Damit Deutschland lebe. S. 715. См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 44. С. 437.

²³⁴ Arbeiterbewegung am Rhein und Ruhr. S. 377.

Единые профсоюзные группы имелись в Берлине, Киле, Франкфурте-на-Майне, Любеке, где вместе с коммунистами и социал-демократами работали и члены христианских профсоюзов. В Гамбурге наладилось тесное сотрудничество между КПГ, СДПГ, СРП и «Ной бегиннен»²³⁵.

В Среднем и Верхнем Бадене в марте 1935 г. коммунисты и социал-демократы призвали рабочих организовать выступления против войны и массового рекрутского набора, вести антимилицаристскую пропаганду в войсках, а также подпольную работу на военных предприятиях²³⁶. Комитеты единства существовали в различных районах Саксонии и Тюрингии, в Рурской области. Значительное место в движении принадлежало молодежи. На местах заключались соглашения о единстве действий между молодежными организациями КПГ и СДПГ. 30 ноября 1935 г. было подписано соглашение о едином фронте между Коммунистическим союзом молодежи и Социалистическим союзом молодежи, входившим в состав СРП, предполагавшее практическое сотрудничество в борьбе с фашизмом. Идеологические вопросы сознательно были вынесены за рамки соглашения²³⁷.

Таким образом, положение внутри социал-демократии было далеко не однозначным. Привязанность социал-демократов к своему руководству ограничивала возможности практического сотрудничества в антифашистской борьбе. Однако все здоровые силы СДПГ перед лицом угрозы войны все чаще шли на тесные контакты с компартией, игнорируя при этом соответствующие указания пражского Правления.

Переговоры между руководством СДПГ и КПГ 23 ноября 1935 года

Мощным стимулом к единству всех антифашистских сил в нацистском рейхе послужили решения исторического форума коммунистов — VII конгресса Ком-

²³⁵ Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung. S. 503–504; Hochmuth U., Meyer G. Op. cit. S. 137, 157.

²³⁶ Vietzke S. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung. S. 201–202.

²³⁷ Geschichte der deutschen Arbeiterjugendbewegung. S. 504; Lehmann H. Op. cit. S. 122.

мунистического Интернационала, который проходил с 25 июля по 21 августа 1935 г. в Москве.

Характеризуя классовую сущность фашизма, Г. Димитров повторил в своем докладе вывод XIII пленума ИККИ 1933 г.: «...фашизм у власти есть... открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее повинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»²³⁸. Принципиально важным был вывод конгресса о том, что приход фашизма к власти — «это не обыкновенная замена одного буржуазного правительства другим, а смена одной государственной формы классового господства буржуазии — буржуазной демократии другой его формой — открытой террористической диктатурой»²³⁹. Тем самым Коминтерн вернулся к ленинским положениям о двух методах господства буржуазии, отвергал приравнивание различных буржуазных парламентских режимов к фашизму, указывал на противоречия между фашизмом и буржуазной демократией, давал научную основу для понимания и использования этих противоречий.

Исходя из этого, Коминтерн поставил новую стратегическую задачу, которая в сжатой форме так была сформулирована Г. Димитровым: «Сейчас трудящимся массам в ряде капиталистических стран приходится выбирать конкретно на сегодняшний день не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом»²⁴⁰. На первый план выдвигалась борьба за решение общедемократических, антифашистских задач. По-новому была поставлена на конгрессе проблема единства рабочего класса, единого рабочего фронта. «Если раньше политика единства связывалась прежде всего с задачей завоевания большинства рабочего класса для борьбы против буржуазии, для подготовки и осуществления социалистической революции, то теперь ее содержанием становилась преимущественно антифашистская борьба»²⁴¹.

²³⁸ Димитров Г. Избр. произведений. М., 1957. Т. 1. С. 376; см. также: VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта. М., 1977. С. 138.

²³⁹ Димитров Г. Указ. соч. С. 378.

²⁴⁰ Там же. С. 468.

²⁴¹ Шириня К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны. М., 1979. С. 77.

Выдвижение на первый план общедемократических и антифашистских задач позволило расширить политику единого фронта в социальном аспекте, объединить действительно все слои рабочего класса. Это не противоречило и целям социал-демократических партий. Конгресс поставил задачу добиваться единства действий коммунистов и социал-демократов на всех уровнях: на предприятиях, в городах, в национальном масштабе и на уровне интернационалов. Выдвигая эту задачу, конгресс не питал иллюзий насчет правых лидеров социал-демократии, продолжавших занимать антикоммунистические, антисоветские позиции. Однако он видел, что самым ходом событий социал-демократия поставлена в условия, когда она должна была выступать вместе с коммунистами против обрушившегося на нее фашизма²⁴².

Конгресс всесторонне обосновал политику Народного фронта как политику создания широкого межклассового союза всех антифашистских сил: рабочего класса, трудового крестьянства, ремесленников, мелкой буржуазии города, служащих, интеллигенции. Политика Народного фронта основывалась на глубоком понимании коммунистами взаимосвязи борьбы за демократию и социализм. Осознание того, что в борьбе за общедемократические требования можно сплотить широкие слои трудящихся и нанести поражение фашизму, добиться ограничения власти капитала и создания благоприятных исходных условий для борьбы за социализм, было одной из плодотворнейших идей политики Народного фронта²⁴³.

Народный фронт рассматривался на конгрессе в самых различных аспектах: как союз различных социальных сил, как боевое массовое движение, как коалиция общественно-политических организаций и, наконец, как режим новой антифашистской власти или зародыш такого режима. На конгрессе ясно указывалось, что Народный фронт не имеет ничего общего с прежними блоками мелкобуржуазных партий, выступавшими под руководством буржуазии, не имеет ничего общего с реформистской политикой коалиции с буржуазией. Он родился как объединение нового типа,

²⁴² См. подробнее: *Лейбзон Б. М., Шириня К. К.* Указ. соч. С. 215—218, 337—338.

²⁴³ Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 404—405.

в котором рабочий класс играл ведущую роль, сплачивая все общедемократические силы и добиваясь решительных действий против фашизма ²⁴⁴.

В соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна была определена и политика Коммунистической партии Германии на проходившей в октябре 1935 г. очередной конференции КППГ, известной под именем Брюссельской. Несмотря на то, что некоторые делегаты, придерживавшиеся старых установок, уже отвергнутых VII конгрессом Коминтерна, оказали достаточно сильное сопротивление, на конференции были приняты правильные решения, которые были призваны сплотить на основе общедемократических требований все антифашистские силы и повести их на свержение гитлеровской диктатуры ²⁴⁵.

Конференция КППГ потребовала, чтобы коммунисты в интересах создания единого рабочего фронта существенным образом изменили свое отношение к социал-демократии и добились сотрудничества с ней. Конференция осудила сектантские ошибки и левизну, еще имеющие место в компартии, поставила вопрос о создании Народного фронта на основе единства рабочих партий. Президиум ИККИ, обсуждая на заседании 1 декабря 1935 г. итоги Брюссельской конференции, высказал ряд советов, касавшихся расширения рамок Народного фронта в конкретных условиях Германии, в частности было отмечено, что в стране имеются остатки буржуазных партий, которые могут включаться в борьбу против фашизма, а Народный фронт может объединить и таких временных союзников пролетариата ²⁴⁶.

Сразу же после Брюссельской конференции, 10 ноября 1935 г. ЦК КППГ, возглавляемый В. Пиком, В. Ульбрихтом, Ф. Далемом и др., направил Правлению СДПГ обращение, в котором подчеркивалось, что коммунисты готовы принять существенные пункты Пражского манифеста 1934 года в качестве основы для единой борьбы за общие требования ²⁴⁷. Руковод-

²⁴⁴ См.: *Шириня К. К.* Указ. соч. С. 89–90.

²⁴⁵ Die Brüsseler Konferenz der KPD (3.–15. Oktober). В., 1975. S. 598–599.

²⁴⁶ Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. С. 431.

²⁴⁷ См.: *Ulbricht W.* Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 2. S. 112, 221.

ство КПГ призывало пражское Правление опубликовать совместное воззвание против фашизма и войны, в котором подчеркивалась бы настоятельная необходимость единых действий рабочих партий. Единство тем более возможно, говорилось в документе, что «в январской программе партийного Правления 1934 г. (имеется в виду Пражский манифест.— Л. Б.) также содержался призыв к борьбе за обеспечение и улучшение жизненного уровня рабочих и безработных, восстановление демократических прав, коалиционных свобод, свободы собраний, союзов, печати». Коммунисты предлагали созвать комиссию из представителей обеих сторон для проведения регулярных встреч между руководителями партий. «Мы убеждены,— говорилось в заключении,— что еще существующие препятствия могут быть преодолены в ходе совместной работы»²⁴⁸.

Решения VII конгресса Коминтерна и Брюссельской конференции пражское Правление охарактеризовало в соответствии с общепринятой тогда в буржуазных и правореформистских кругах оценкой как капитуляцию коммунистов перед социал-демократами, как «историческую правоту» социал-демократов. Правые социал-демократы расценивали выдвинутый коммунистами лозунг завоевания демократии и создания после свержения фашизма правительства единого и народного фронта как призыв к отвергаемой доселе КПГ политике коалиции с буржуазией²⁴⁹. Новые же предложения коммунистов о совместной работе были отклонены на том основании, что поворот в политике коммунистов не доведен до полного признания всех принципов реформизма²⁵⁰. Лидеры СДПГ демагогически заявили, что к тому же «единный фронт не может быть результатом диктата сверху, а возникает только как следствие изменения методов массовой работы и политики на местах»²⁵¹. По этому поводу В. Ульбрихт справедливо заметил в одной из статей, что такие идейные предпосылки должны быть сформированы не у рабочих, на собственном опыте убедившихся в необходимости един-

²⁴⁸ Ibid.

²⁴⁹ Neuer Vorwärts. 1935. 25. Aug.

²⁵⁰ При этом правые демагогически утверждали, что принципиальные понятия «свобода» и «демократия» не могут-де быть «вопросом тактики» и т. п. (см.: DBS. 1935. Nov. S. 1370).

²⁵¹ Die Neue Weltbühne. 1935. H. 45.

ства действий, а «у некоторых социал-демократических вождей»²⁵².

В ответ на заявления социал-демократов о том, что предложение коммунистов есть лишь маневр с целью получения односторонних преимуществ, коммунисты отвечали, что единый фронт не дает преимуществ какой-либо из двух партий, но и не освобождает их от ответственности²⁵³.

Точку зрения о том, что в политике Коминтерна ничего не изменилось и что Коминтерн-де прибегает лишь к «более эластичной тактике», представляли в то время определенные влиятельные круги Социалистического рабочего интернационала, в частности Ф. Адлер²⁵⁴. Перед лицом надвигавшейся войны, расширявшейся фашистской опасности руководство Рабочего интернационала продолжало свою антикоммунистическую политику, срывая жизненно необходимое для пролетариата и демократических сил единство. Исполком Рабочего интернационала ответил отказом на предложение Коминтерна об установлении единства действий для борьбы против нападения итальянского фашизма на Эфиопию. Тем не менее Исполком Коминтерна заявил о готовности в любой момент начать переговоры о единстве действий. Он призвал коммунистические партии умножить усилия в борьбе за единый фронт и установить тесное сотрудничество со всеми его сторонниками в рядах Социалистического рабочего интернационала для совместной борьбы против фашизма и войны²⁵⁵.

Однако разумные инициативы Коминтерна и компартий получили и другую оценку, другой отклик. Возникла новая тенденция в международном социалистическом движении, это была тенденция к сближению с коммунистами ради совместной антифашистской борьбы. И в Германии, как верно отмечает буржуазный историк Г. Дрекслер, тактика коммунистов после VII конгресса Коминтерна вызывала симпатии все новых слоев населения: «Больше, чем любая другая организация, КПГ притягивала к себе новые силы, всту-

²⁵² Ibid.

²⁵³ Pieck W. Op. cit. S. 134.

²⁵⁴ Braunthal J. Geschichte der Internationale. Hannover, 1963. Bd. 2. S. 501–502.

²⁵⁵ См.: Коммунистический Интернационал. 1935. № 31/32. С. 56–58.

пившие в антифашистскую борьбу»²⁵⁶. Еще более обострились противоречия между Сопаде и основной массой социал-демократии. Усилилась критика Правления не только со стороны левого движения, но и со стороны отдельных групп его сторонников.

В поддержку единого фронта высказались ведущие левые группы. Хотя руководство «Ной бегиннен» считало, в согласии с левацкими оценками результатов VII конгресса, что Коминтерн в своих решениях якобы отступил от социалистических целей, оно заявило: «Мы приветствуем каждый шаг к единому фронту... как этап к действительному единству рабочего класса»²⁵⁷. Члены левых оппозиционных групп неоднократно напоминали правым о положении Пражского манифеста 1934 года, что «фашизм устранил все разногласия (между рабочими партиями.— Л. Б.), приведшие к расколу рабочего класса»²⁵⁸, и решительно требовали проведения переговоров между КПГ и СДПГ.

Приветствовали новый курс коммунистов и представители «Революционных социалистов». Они поставили вопрос о союзе всех оппозиционных сил в СДПГ. В качестве платформы для объединения был предложен проект, в котором предлагалось «достижение взаимопонимания на основе выдвинутой коммунистами программы помощи жертвам террора, борьбы с дороговизной, против военной политики...»²⁵⁹. В начале 1936 г. на этой основе произошло объединение групп «Революционных социалистов», «Нойер роте штос-трупп» («Новый красный штурмовой отряд»), «Революционных марксистов Западной Германии», «Революционных марксистов Средней Германии». В объединительной платформе содержался раздел «в поддержку Советского Союза». Еще раньше в своей программе представители «Революционных социалистов» писали, что единственная великая держава, которая не стремится к войне,— это Советский Союз. В издаваемых с осени 1935 г. «Письмах РС» («Революционных социалистов») они подчеркивали роль СССР как надежного

²⁵⁶ *Drechsler H. Die Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands. Meisenheim am Glan, 1965. S. 342.*

²⁵⁷ *Findeisen O. Zu den Einheitsfrontverhandlungen am 23. November 1935 in Prag // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1966. H. 4. S. 690.*

²⁵⁸ *Die Neue Weltbühne. 1935. H. 1. S. 1296.*

²⁵⁹ *Die Neue Weltbühne. 1935. H. 51. S. 1608.*

оплота европейской безопасности и отмечали, что его защита является «жизненно важным вопросом для всего немецкого рабочего класса»²⁶⁰. Это свидетельствовало о глубоком понимании группой непосредственной взаимосвязи антифашистской борьбы с позицией по отношению к Стране Советов.

С критикой позиции Сопаде выступили немецкие социал-демократы в Париже во главе с Брайтшайдом, который охарактеризовал решения конгресса Коминтерна как значительный и достойный приветствия шаг вперед в деле взаимопонимания обеих партий, подчеркнул необходимость такого сближения в качестве исходного пункта Народного фронта²⁶¹. Тактика коммунистов оказала положительное влияние и на деятельность северной социал-демократической эмиграции. В ряде городов — Стокгольме, Копенгагене, Брюсселе — состоялись совещания между коммунистами и социал-демократами по проблемам совместной борьбы с фашизмом.

Естественно, что такие настроения в партии не могли не вызвать еще более сильные разногласия в самом пражском Правлении по поводу дальнейшей тактики СДПГ. Круменерль, Штампфер, Фогель, Герц считали целесообразным отказаться от прежней тактики игнорирования абсолютно всех предложений КПГ, поскольку опасались, что дальнейшее ее проведение вызовет протест со стороны многих социал-демократов²⁶². Олленхауэр, Риннер и Вельс придерживались прежних взглядов, но на сей раз они оказались в меньшинстве.

Было решено принять участие в переговорах, предложенных коммунистами в письме от 10 ноября 1935 г. Однако проблема сводилась к тому, какую позицию следует занять на этих переговорах и каковы должны быть конечные результаты. Разгорелись споры между Герцем и Штампфером, выявившие существенные разногласия в оценке антифашистских сил и путей свержения фашистской диктатуры.

Герц, исходя из интересов борющихся в подполье групп, высказался за установление сотрудничества с коммунистами по ряду практических вопросов, например в деле солидарности с политзаключенными, совместной защиты от шпиков и т. п. «Такая практическая солидарность, — утверждал он, — является просто на-

²⁶⁰ См.: *Duhnke H.* Op. cit. S. 179; *Rundschau.* 1935. H. 38. S. 1788.

²⁶¹ *Findeisen O.* SPD und Hitlerfaschismus. Diss. Bd. 2. S. 206.

²⁶² *Findeisen O.* Zu den Einheitsfrontverhandlungen... S. 681—682.

сущной потребностью»²⁶³. Он подчеркнул, что раскол пролетариата — лучший союзник Гитлера и что как дело свержения фашизма, так и задачи будущего могут быть решены только с помощью единого и народного фронта. Штампфер также выступил за личные контакты с коммунистами, однако лишь затем, чтобы попытаться повлиять на политику КПП в духе теоретических и тактических принципов реформизма. Позиция Штампфера была близка Р. Гильфердингу, который считал, что необходима «энергичная тактика» со стороны социал-демократии с целью достижения полной духовной капитуляции коммунистов²⁶⁴. Эта позиция получила поддержку большинства Правления, и Штампферу было поручено выработать соответствующие предложения на переговорах.

23 ноября 1935 г. состоялись первые официальные переговоры между представителями двух рабочих партий. Они проходили в Праге, в помещении социал-демократического Правления. Сопраде было представлено Фогелем и Штампфером, ЦК КПП — Ульбрихтом и Далемом²⁶⁵.

Переговоры начались обнадеживающими словами Фогеля: «Мы убеждены, что единство социал-демократических и коммунистических рабочих является одной из важнейших предпосылок штурма фашизма. Нужно пробудить стремление к свержению фашизма во всех слоях общества. При этом существенное значение приобретают отношения между коммунистами и социал-демократами»²⁶⁶. Однако затем последовала серия старых обвинений в адрес компартии типа того, что лозунг единого фронта — маневр против социал-демократии; на этом основании делался вывод о невозможности подписания соглашения с КПП. Основное возражение социал-демократических представителей сводилось к тому, что коммунисты не совершили принципиального «поворота к демократии вообще». Фогель заявил, что, поскольку социал-демократия представляет собой партию демократического социализма, для которой демократия является принципом и целью всей ее

²⁶³ Sozialistische Mitteilungen. 1935. Nov. S. 7.

²⁶⁴ См.: Langkau-Alex U. Op. cit. S. 144.

²⁶⁵ См.: Бровко Л. Н. Германская социал-демократия в первые годы фашистской диктатуры (1934—1936 гг.) // Ежегодник германской истории, 1982. М., 1983.

²⁶⁶ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 15. S. 241—242.

борьбы, единый фронт на данном этапе невозможен²⁶⁷. Нельзя не согласиться с выводом западногерманского буржуазного исследователя Г. Плюма, что правые двигали все эти аргументы для того, чтобы прикрыть негативные в сущности по отношению к единому фронту позиции²⁶⁸.

В отличие от членов пражского Правления представители компартии не ставили никаких предварительных условий. «Мы сожалеем,— говорил В. Ульбрихт,— что Фогель ставит такие условия. Мы считаем, что сближение возможно в ходе совместной борьбы, что, несмотря на принципиальные и тактические противоречия, найдется место товарищеским отношениям»²⁶⁹. Он справедливо заметил, что социал-демократы не сказали ни слова о конкретных формах сопротивления: «Если демократия на переднем плане, как же еще можно представить борьбу за нее, если не в виде сопротивления террору... Он (Фогель.— Л. Б.) требует от нас лояльности, но мы не можем доказать ее иначе, как в практической совместной работе»²⁷⁰. Действительно, как отмечает тот же Плум, аргументу Ульбрихта о том, что лояльность проверяется на практике, трудно было что-либо противопоставить²⁷¹.

Правление же СДПГ выдвинуло старое предложение о прекращении взаимных нападков. Представители КПГ заметили, что этого совершенно недостаточно, поскольку не будет сделано ни шага вперед в борьбе с фашизмом. «Мы не видим в едином фронте,— сказал Ульбрихт,— вопроса конкурентной борьбы... Мы будем лояльно выполнять любое соглашение... Если будет заключено соглашение о совместной борьбе, мы готовы будем подписать соглашение о прекращении борьбы между СДПГ и КПГ... Мы не нападали ни на кого, кто выступал за единый фронт... Такое соглашение (о совместных действиях.— Л. Б.) не воспрепятствует партиям по-деловому высказываться по вопросам их принципиальных и тактических позиций»²⁷².

²⁶⁷ См. также статью Штампфера по этому поводу: *Deutscher Kurier*. 1935. 4. Dez.

²⁶⁸ *Plum G. Volksfront, Konzentration und Mandatfrage // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1970. Н. 4. S. 430.

²⁶⁹ *Mit dem Gesicht nach Deutschland*. Dok. 15. S. 247.

²⁷⁰ *Ibid.* S. 247.

²⁷¹ *Plum G. Op. cit.* S. 422.

²⁷² *Mit dem Gesicht nach Deutschland*. Dok. 15. S. 247. Anmerkung.

На вопрос Фогеля, каким коммунисты представляют себе послевоенное развитие Германии, Ульбрихт ответил: «Решит народ... Советская власть — самая последовательная форма демократии, но если народ ее не захочет, то мы за Национальное собрание, которое, в противоположность собранию Веймарской республики, должно принять меры по обеспечению действительно народной власти»²⁷³. Он добавил, что Правление СДПГ не должно препятствовать членам своей партии свободно высказываться по вопросам единого фронта, па что Штампфер, вопреки действительному положению вещей, заявил, что «большая часть нелегальных борцов отклоняет единый фронт» и что Сопаде «не может рисковать их судьбами и давать на этот счет свои распоряжения»²⁷⁴. Представители СДПГ отказались подписать совместное коммюнике о встрече, хотя коммунисты предлагали ограничиться в нем лишь констатацией задач, стоящих перед партиями²⁷⁵.

Буржуазный историк Рейнгардт считает, будто исход переговоров был predetermined уже тем, что было слишком поздно налаживать отношения после стольких лет взаимного недоверия между партиями, к тому же в условиях, когда, по мысли историка, отсутствовал базис для антифашистского движения²⁷⁶. В действительности же исход переговоров был predetermined, но не тем. Герц в одном из писем Гильфердингу признал, что «коммунисты невиновны в срыве переговоров», что это «было predetermined на заседании Правления и predetermined отбором представителей СДПГ»²⁷⁷.

Сами переговоры были необходимы социал-демократическому Правлению для того, чтобы заявить членам своей партии, что было сделано все возможное для установления нормальных отношений между двумя партиями, и обвинить коммунистов в нежелании идти на какие-либо уступки. Правление и сделало это в меморандуме от 8 декабря 1935 г. «К вопросу о едином фронте», заявив, что руководство СДПГ убедилось якобы в неискренности коммунистов, в их нелояльности и т. п.²⁷⁸

²⁷³ Ibid. S. 247—248.

²⁷⁴ Ibid. S. 248.

²⁷⁵ Ibid. S. 250.

²⁷⁶ См.: Der deutsche Widerstand gegen Hitler. S. 193.

²⁷⁷ Цит по: Lange D. Op. cit. S. 842.

²⁷⁸ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 16. S. 251.

Однако позиция Сопаде вызвала осуждение в рядах СДПГ. Осудили поведение представителей Правления немецкие социал-демократы в Париже. Они справедливо заметили, что пражский центр просто не желал делать позитивных выводов: «С этой целью он предложил ложную информацию о том, что-де нелегальные группы отклоняют совместную работу с КПГ»²⁷⁹. Группа «Ной бегиннен», оценивая переговоры от 23 ноября, также пришла к выводу, что предложения КПГ были серьезными и корректными и содержали пункты, реализация которых была возможна, что столь же несерьезной и некорректной выглядела противоположная сторона в лице Сопаде²⁸⁰.

Политика правых была направлена на закрепление раскола рабочего класса как раз в тот момент, когда все более широкие круги социал-демократов были склонны принять Пражский манифест 1934 года. Почувствовав некоторую уверенность в своем положении (дело в том, что в результате массовых арестов в конце 1935 — начале 1936 г. силы левого социал-демократического подполья, составлявшего основной костяк оппозиции Правлению, были существенно ослаблены), руководство СДПГ повело наступательную, резко антикоммунистическую политику. Сорвав переговоры, как верно заметил Р. Брайтшайд, Правление перешло во всеобщее наступление против идеи единого фронта²⁸¹. В начале 1936 г. оно издало циркуляр, адресованный всем пограничным секретарям и доверенным лицам Правления, с требованием отклонять любую связь с коммунистами, не заключать соглашений и договоров с коммунистическими организациями и их представителями²⁸².

Тогда же, в январе 1936 г., руководство СДПГ опубликовало новое заявление «За Германию — против Гитлера», где отбрасывались положения Пражского манифеста о необходимости объединения рабочего класса и другие требования антифашистско-демократического характера²⁸³. Используя тезис о равноправии всех классов и слоев в антифашистской борьбе, лидеры

²⁷⁹ Plum G. Op. cit. S. 430.

²⁸⁰ Freyberg J. Op. cit. S. 143. Anmerkung 142.

²⁸¹ Lange D. Op. cit. S. 855.

²⁸² Ibid. S. 856.

²⁸³ Neuer Vorwärts. 1936. 2. Febr.; см. также: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. Dok. 25. S. 476—477.

СДПГ пытались обойти главную проблему, от которой зависел исход антифашистской борьбы,— проблему единого фронта рабочего класса, его партий. Кроме того, положительное звучание лозунга объединения усилий всего народа, выдвинутого Сопаде в новом программном заявлении, ослаблялось утверждением о том, что «большинство народных масс еще не созрело для борьбы с нацизмом». Объективно верное, оно в данном случае служило лишь оправданием пассивности правых лидеров СДПГ.

Значительный шаг вправо по сравнению с Пражским манифестом 1934 года был сделан в вопросе о будущем устройстве Германии. Правые однозначно высказались за реставрацию либерально-демократических принципов Веймарской республики. В новом документе уничтожение реакционных и агрессивных сил немецкого монополистического капитала не расценивалось как предпосылка обеспечения действительно демократического устройства общества, не подчеркивалась необходимость экспроприации крупной собственности. В документе говорилось, что немецкие социал-демократы борются «за немедленное восстановление свобод и предоставление демократических прав для всех немцев, а не за новую диктатуру, не за господство одной части общества над другой»²⁸⁴. На деле эта формула означала отрицание ведущей роли пролетариата при построении нового, действительно народного общества.

Позиция пражского Правления вызвала недовольство в социал-демократических кругах. В Прагу шли письма со всех концов Германии. В одном из этих писем, например, говорилось: «Готовность к совместным действиям между коммунистами и социал-демократами налицо. Раскол будет преодолен сам собой... Одно верно: воля коммунистов к свержению фашизма искренна. И этого достаточно, чтобы оправдать совместные действия»²⁸⁵. Один из старых функционеров СДПГ писал О. Вельсу, что, уезжая из Берлина, руководство партии, казалось, было полно желания бороться, однако три года, проведенные в Праге, доказали обратное. «Я и мои товарищи считаем,— продол-

²⁸⁴ Ibid.

²⁸⁵ Цит по: *Findelsen O. Zu den Einheitsfrontverhandlungen...* S. 690.

жал он, — что совместная борьба рабочих партий против фашизма — решающая предпосылка для свержения Гитлера и последующего захвата власти этими партиями»²⁸⁶. «Революционные социалисты» заявили: «Мы... требуем достижения единства рабочего движения любой ценой» — и призвали социал-демократов, где только возможно, практически выступать в борьбе единым фронтом с коммунистами²⁸⁷.

На собрании социал-демократической эмиграции в Праге 29 ноября 1935 г. позиция правых, представленная в докладе Э. Олленхауэра, натолкнулась на резкую критику. В ответ на его утверждение, будто подпольщики выступают против единого фронта, послышались возгласы: «Это неправда!»²⁸⁸.

С контрречью выступил Ауфхойзер. Он говорил: «Ваша позиция исходит из принципов прежней коалиционной политики. Коммунисты хотят вложить в понятие „демократия“ совершенно другое содержание, ничего общего не имеющее с нашим... Ждать, когда интересы обеих партий совпадут идеологически, как предлагает Олленхауэр, это значит ждать единства еще 17 лет. А мы должны делать это сейчас, везде, где есть точки соприкосновения между двумя партиями»²⁸⁹. Оратор от лица оппозиции опроверг и остальные доводы правых: «Олленхауэр утверждает, что товарищи в стране выступают против единого фронта. Это... неправда. Все, с кем я говорил по вопросу единства, высказывались за единый фронт... Утверждение, что единый фронт оттолкнет другие оппозиционные силы, тоже неверно. Напротив... создание единого фронта не оттолкнет, а привлечет оппозиционные буржуазные слои»²⁹⁰.

Другой оратор заявил: «Я могу на основе моей практики только сказать, что внутри страны давно ждут единого фронта... Нам нужна активность, а предпосылкой этого может быть единый фронт»²⁹¹. Все эти факты опровергают утверждения буржуазных и реформистских исследователей, будто в 1935 г. в Германии не существовало объективной ситуации для со-

²⁸⁶ Ibid. S. 692.

²⁸⁷ Ibid. S. 690.

²⁸⁸ Ibid.

²⁸⁹ Ibid. S. 691.

²⁹⁰ Ibid.

²⁹¹ Ibid.

здания единого фронта и последний не имел актуального значения для нелегальной работы ²⁹².

Период с 1934 по 1936 г. мог бы стать поворотным в истории социал-демократии, если бы ее руководство, действуя в духе Пражского манифеста, заняло последовательные антифашистско-демократические позиции, высказалось за немедленное установление единства рабочего класса. Решения VII конгресса Коминтерна и Брюссельской конференции КППГ, прошедших под знаком самокритики и творческого поиска, создавали новую почву для сплочения рабочего класса и его партий, равно как и для объединения всех антифашистских сил Германии без различия политических направлений и взглядов в широком фронте борьбы против фашистской диктатуры. Этому способствовало и резкое полевение в рядах СДПГ, осознание левыми силами, и в их числе ведущими левыми группами, актуальной необходимости единства действий социал-демократической и коммунистической партий. Однако, к сожалению, эти благоприятные возможности не были использованы. Причиной этого была, прежде всего, негативная позиция правых лидеров СДПГ по отношению к единому фронту, их антикоммунизм.

Особо нужно отметить исключительно терпеливую и выдержанную политику Коммунистической партии Германии, особенно с 1935 г. неуклонно проводившей линию на достижение взаимопонимания с социал-демократами. «В последние месяцы социал-демократические лидеры особенно агрессивно выступают против политики совместных действий,— отмечалось в одной из статей „Ди Интернационале“.— Но мы не думаем, что отклонение единого фронта на ноябрьских переговорах может играть какую-то роль. Ясно, что большинство активных социал-демократов за такой фронт. Мы хотим новых отношений с СДПГ... Взаимопонимания в вопросе о том, что будет после Гитлера, также можно достичь, тем более что КППГ выдвинула лозунг борьбы за демократические свободы» ²⁹³.

²⁹² См.: *Matthias E. Sozialdemokratie und Nation*. Stuttgart, 1953. S. 37.

²⁹³ *Die Internationale*. 1936. 21. März.

**ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО ФРОНТА
И ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
(1936—1938)**

Усилия по созданию Народного фронта в Германии

После VII конгресса Коминтерна многие представители германской социал-демократии, как в подполье, так и в эмигрантских кругах, отнеслись со вниманием к важной инициативе коммунистов по сплочению всех национальных антифашистских сил на самой широкой основе. Часть социал-демократов, находившаяся в эмиграции во Франции и группировавшаяся вокруг Р. Брайтшайда, поддержала предложение КПГ по созданию широкого Народного фронта на основе единства СДПГ и КПГ.

Сама атмосфера Парижа того времени располагала к позитивным выводам в пользу идеи создания Народного фронта в Германии. Сложившееся к лету 1935 г. на основе единства действий коммунистов и социал-демократов движение Народного фронта привело к коренному сдвигу всей французской политической жизни влево. Была сорвана попытка реакции установить фашистскую диктатуру. «Союз рабочего класса и средних слоев укрепил демократические институты страны. Сплочение левых сил и в условиях буржуазного правопорядка принесло важные результаты в плане улучшения социальных условий жизни трудящихся»¹. Резко возросла гражданская и политическая активность трудящихся масс. В стране проходили многочисленные конгрессы миролюбивых сил, работал Всемирный комитет против фашизма и войны, роль которого в пропаганде идей Народного фронта неопределима².

¹ Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1981. Т. 5. С. 313.

² После смерти А. Барбюса в 1935 г. одним из президентов Всемирного комитета стал известный немецкий писатель Генрих Манн, сторонник единства антифашистских сил. Подробнее о движении «Амстердам—Плейель» см.: *Покровская С. А.*

Своим опытом французский пролетариат и его революционный авангард — компартия внесли ценный вклад в разработку международным коммунистическим движением проблем стратегии и тактики антифашистской борьбы. «Франция — это страна, — говорил Г. Димитров на VII конгрессе Коминтерна, — где, как известно, рабочий класс дает пример всему международному пролетариату, как нужно бороться против фашизма»³. Движение Народного фронта во Франции, обеспечившее значительный перевес демократических сил над реакцией, привело к тому, что на выборах в парламент в апреле—мае 1936 г. три основные партии Народного фронта (коммунистическая, социалистическая и партия радикалов) одержали внушительную победу и в июне 1936 г. было сформировано первое правительство Народного фронта во главе с лидером социалистов Л. Блюмом⁴.

Именно во Франции, в Париже, возникло и движение за создание германского Народного фронта, у истоков которого стояли коммунисты, представители прогрессивной немецкой интеллигенции, левые социал-демократы.

Безусловно, организация антифашистского Народного фронта в условиях фашистской Германии была чрезвычайно сложным делом, требовавшим новых подходов и форм работы. В отличие от Франции или Испании (пакт Народного фронта между различными демократическими партиями Испании был подписан 15 января 1936 г., а в феврале того же года Народный фронт одержал победу на выборах и сформировал правительство) германский Народный фронт должен был создаваться в экстремальных условиях — в условиях установившейся фашистской диктатуры, террора и слежки, в условиях, когда лучшие люди томилась в тюрьмах, в концлагерях либо же вынужде-

Движение против войны и фашизма во Франции, 1932—1939. М., 1980. В Париже действовал ряд антифашистских организаций: Союз защиты немецких писателей, Центральный союз немецких эмигрантов, Всемирный комитет помощи жертвам фашистского режима и т. п., в работе которых наряду с коммунистами, другими антифашистскими кругами принимали участие и немецкие социал-демократы.

³ VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны: Сб. документов. М., 1975. С. 150.

⁴ Подробнее см.: Краченко Е. В. Народный фронт во Франции. М., 1972; Егоров Ю. В. Народный фронт во Франции. Л., 1972.

ны были покинуть родину, в условиях раздробленности рабочего движения, отсутствия какой-либо организованной оппозиции со стороны других антифашистских слоев населения. И тем не менее коммунисты, другие прогрессивные силы Германии совершенно справедливо исходили из того, что иной альтернативы фашизму и войне, иной реальной возможности спасти страну и мир от катастрофы, защитить национальные интересы не существовало. Лозунги антифашистского сопротивления способствовали сплочению всех передовых антифашистских сил в Германии, поддерживали в них постоянную боевую готовность и веру в лучшее будущее своей родины. Это помогало сохранять стойкость в самые критические минуты, не поддаваться настроениям пессимизма и отчаяния, и это была единственно верная позиция, которая отвечала лучшим политическим традициям рабочих партий.

После неудачных попыток привлечь правое руководство в Праге к участию в работе по организации движения за немецкий Народный фронт группа Брайтшайда приняла единственно возможное решение действовать самостоятельно и стала участником первого официального заседания сторонников движения, созданного по инициативе коммунистов 26 сентября 1935 г. в Париже в гостинице «Лутеция». На заседании был избран Комитет по подготовке Народного фронта в Германии (до лета 1936 г. называвшийся Комитет «Лутеция»). В состав комитета вошли представители различных антифашистских кругов: КПГ, СДПГ (группа Брайтшайда), Социалистическая рабочая партия, писатели, художники, деятели науки, представители церковной оппозиции, демократических буржуазных кругов. Председателем комитета стал писатель Г. Манн.

Образование этой организации создало предпосылки для выработки единой стратегии немецких антифашистов. Ее основание стало возможным прежде всего благодаря взаимопониманию и дружественным отношениям, которые сложились в Париже между группой Брайтшайда и коммунистами (активную роль при этом сыграл В. Мюнценберг⁵).

То, что группа Брайтшайда, в которую входили

⁵ См.: Далем Ф. Накануне второй мировой войны, 1938 — август 1939. Т. 1—2. М., 1982. Т. 1. С. 57, 64, 77.

также В. Шифф, М. Браун, Э. Куттнер и другие, высказалась в пользу Народного фронта, объяснялось прежде всего ее последовательной антивоенной, антифашистской позицией, пониманием того, что только такой фронт может предотвратить надвигающуюся мировую катастрофу. «Время диктует... — подчеркивал Р. Брайтшайд. — Каждый потерянный час работает на поджигателей войны. Возрастает ответственность тех, кто сделал не все для того, чтобы воздвигнуть заградительный вал против войны»⁶. В плане идеологического воздействия на широкие слои населения важно было доказать, что господствующая в Германии клика, по словам М. Брауна, «не имеет ничего общего с немецким народом и что в Германии есть силы, которые крепнут и готовы бороться с гитлеровским варварством, с любым проявлением милитаризма и самого дикого национализма»⁷.

Парижская группа немецких социал-демократов подчеркивала, что непременным условием успеха в деле создания антифашистского фронта является единство действий немецкого рабочего класса. Нельзя сказать, что она до конца была последовательной в этом вопросе — некоторые из ее участников в дальнейшем изменили свою точку зрения. Однако в рассматриваемый период они внесли свой позитивный вклад в дело достижения взаимопонимания с коммунистами, необходимого для становления движения за немецкий Народный фронт.

Брайтшайд, Шифф, Куттнер, другие германские социал-демократы в Париже не отказывались от своих идеологических позиций. Однако, как здравомыслящие политики, единственную возможность для поднятия престижа СДПГ в тот трудный период они видели только в активной антифашистской борьбе на основе широкого Народного фронта. В частности, Р. Брайтшайд, обращаясь к руководству своей партии, подчеркивал, что лозунги единого и народного фронта «имеют чрезвычайное значение и будут действовать в интересах усиления влияния социал-демократии»⁸. А М. Браун писал, что такой «союз обеспечит каж-

⁶ *Mitteilungen der Deutschen Freiheits-Bibliothek*. 1936. Mai. S. 43.

⁷ *Langkau-Alex U. Volksfront für Deutschland?* Frankfurt a. M., 1977. S. 168.

⁸ *Ibid.* S. 126.

дому из политических направлений возможности борьбы за осуществление в будущем их целей»⁹.

Не отрицая трудностей при достижении взаимопонимания между двумя партиями, Брайтшайд подчеркивал, что оно необходимо как предпосылка для создания Народного фронта. Он всегда отмечал первостепенное значение заключения соглашения между центрами двух партий, которое явилось бы «основой для любого сотрудничества антифашистских групп и отдельных личностей», оказало бы в этом плане позитивное влияние на немецких рабочих, мобилизующее воздействие на все международное рабочее движение, на весь процесс антифашистской борьбы¹⁰.

На значение такого соглашения указали коммунисты и социал-демократы на состоявшейся в ноябре 1935 г. очередной встрече в Париже в рамках Комитета «Лутеция». Группа Брайтшайда, представители СРП со всей серьезностью подчеркнули необходимость «воздействовать на Прагу в этом направлении»¹¹. Однако все предпринятые ими шаги остались безрезультатными. Совместная деятельность социал-демократов и коммунистов в парижском комитете вызывала раздражение у лидеров СДПГ, неоднократные протесты, циркуляры в адрес группы Брайтшайда с категорическим запрещением любого сотрудничества с КПГ. В. Шифф в письме к одному из бывших функционеров партии, Е. Ройтеру, в Анкару с сожалением сетовал на то, что «парижане» постоянно наталкиваются на активное и неоправданное сопротивление руководства партии, прежде всего Штампфера, Гейера и Крумменерля, «которые упрямы, неподвижны и ничего не хотят знать о подполье», при этом упрекают сторонников Брайтшайда в том, что те якобы рубят мосты, соединяющие социал-демократию с буржуазной оппозицией¹². Ссылаясь на решения VII конгресса Коминтерна, Брюссельской конференции КПГ, В. Шифф писал: «Из переговоров с...коммунистами я убедился в том, что они абсолютно серьезно

⁹ Ibid. S. 167.

¹⁰ Mitteilungen der Deutschen Freiheits-Bibliothek. 1936. Mai. S. 38.

¹¹ Langkau-Alex U. Op. cit. S. 93—94, 273.

¹² Mit dem Gesicht nach Deutschland: Eine Dokumentation über die sozialdemokratische Emigration. Düsseldorf, 1968, Dok. 17. S. 254.

намерены...объединить силы антифашистов... что они стоят за честное взаимопонимание»¹³. По поводу постоянных подозрений Сопаде относительно «нечестности» выдвинутого коммунистами лозунга «защиты демократии» и пр. Э. Куттнер писал в Прагу: «Брюнинг... и...Гинденбург...нас обманули. Но вы тогда не боялись обмана...В ваших опасениях, что вы дадите Гитлеру (в случае заключения союза с коммунистами.— Л. Б.) новый повод для оживления призрака большевизма...я вижу ваш собственный страх перед большевизмом...Но как старый социал-демократ я решаюсь на „наименьшее зло“...По крайней мере вместо военной политики будет мирная...Не будет расизма... и будут править не в интересах Тиссена и Крупна... У меня нет желания снова становиться лакеем рейхсвера, Центра и прочих буржуа»¹⁴.

Совместно с коммунистами группа подписала 20 декабря 1935 г. протест-воззвание по поводу казни одного из видных деятелей германского профсоюзного движения, Р. Клауса, документ важного значения, впервые на относительно высоком уровне была во всеуслышание продемонстрирована конкретная договоренность между представителями обеих партий. «Мы, немецкие социал-демократы и коммунисты,— говорилось в воззвании,— перед лицом этого нового вопиющего злодеяния отбрасываем наши принципиальные противоречия и тактические разногласия, чтобы в первый раз объединиться в общем деле»¹⁵. Коммунисты и социал-демократы, подписавшие документ, призвали весь мир, все прогрессивные силы человечества к бдительности и сплоченности.

Благодаря сотрудничеству представителей рабочих партий в Комитете «Лутеция» 2 февраля 1936 г. в Париже была созвана первая общенемецкая конференция представителей антифашистских кругов. Относительно программы деятельности комитета между различными его частями, естественно, выявились разногласия как в определении первоочередных задач, так и в понимании государственного и общественного устройства будущей демократической Германии.

Буржуазно-демократические группировки склонны были ограничить цели движения за Народный фронт

¹³ Ibid. Dok. 17. S. 255.

¹⁴ Ibid. Dok. 20. S. 266—267.

¹⁵ *Langkau-Alex U. Op. cit.* S. 207—208.

либо одной информацией, либо же выработкой будущего конституционного строя германской республики. Как правило, все они обходили молчанием задачу непосредственной организации комитетом широкой антифашистской борьбы, хотя и содержали определенные общедемократические цели, которые позволяли достичь единства.

Рабочие партии — КПГ, группа Брайтшайда, СРП — внесли на конференции предложение принять совместный документ солидарности с жертвами фашизма в Германии, содержащий требования незамедлительной амнистии политзаключенных, восстановления в стране демократических прав и свобод, и прежде всего права на «уважение к самому священному — человеческой жизни»¹⁶. Задачи организации немецкого народа для борьбы с фашизмом формулировались коротко и ясно: отпор фашистской политике, террору, милитаризму, защита непосредственных интересов рабочих, крестьян, средних слоев. Коммунисты и социал-демократы, выдвигая свои предложения, проявили редкое единодушие.

На основании этих предложений конференция приняла манифест и совместное обращение к немецкому народу, призвала все борющиеся в Германии подпольные группы, всех людей доброй воли, разных взглядов и ориентаций, независимо от их «классовых и партийных разногласий», объединиться в антифашистском союзе с целью ликвидации режима «террора и обогащения власть имущих», режима, который объективно является «противником всех честных немцев»¹⁷. В обращении подчеркивалось, что «перед лицом того ужаса, который грозит Германии и всему остальному миру» со стороны гитлеровского фашизма, заключение широкого антифашистского фронта является «святой обязанностью» всех немецких противников режима, что от того, смогут ли они это сделать, от степени их единства зависит в конечном счете сохранение мира во всем мире¹⁸. Особый акцент был сделан на необходимости объединения усилий социал-демократической и коммунистической партий. Манифест и обращение подписали: В. Пик, Ф. Далем, В. Флорин, В. Кёнен, В. Ульбрихт — от КПГ; З. Ауфхойзер,

¹⁶ Ibid. S. 154—155, 161.

¹⁷ Ibid. S. 210—211.

¹⁸ Ibid.; Das Neue Tageblatt. 1936. N. 7. 15. Febr. S. 151.

К. Бёхель, М. Браун, Р. Брайтшайд, А. Шиффрин, А. Мойзель — от СДПГ; Й. Бехер, Л. Фейхтвангер, Б. Херцфельд, Г. Манн, Э. Толлер, А. Цвейг — от немецкой интеллигенции¹⁹.

Учитывая разногласия в Комитете «Лутеция» по поводу содержания программы его деятельности и стремясь привлечь максимально большое число антифашистов к движению, участники конференции считали целесообразным временно воздержаться от принятия программы Народного фронта, поручив ее подготовку специальной комиссии.

Создание Комитета по подготовке Народного фронта, проведенная им конференция оказали позитивное воздействие на организацию совместной антифашистской борьбы истинных немецких патриотов как в самой Германии (разумеется, насколько это было возможно в условиях жесточайшего террора), так и за границей: в Скандинавии, Швейцарии, странах Латинской Америки и т. д. Антифашистские союзы были созданы в Аргентине (Буэнос-Айрес), Уругвае и т. д. В их программах провозглашался союз всех оппозиционных Гитлеру немцев²⁰. Широко был известен так называемый «Круг „Аскания“» в Швеции, основанный в начале 1936 г.: в Стокгольме начал действовать комитет, создана специальная комиссия солидарности с политзаключенными Германии, издавалась газета, подпольно распространяемая в Германии, и т. п.²¹ Группы СДПГ в Стокгольме и Амстердаме высказывались в поддержку решений парижской конференции сторонников Народного фронта и потребовали от пражского Правления немедленных переговоров с КПГ²².

Парижский комитет по созданию Народного фронта в Германии стал центром, к которому потянулись немецкие антифашисты в эмиграции: велась переписка, состоялся ряд встреч личного и официального характера. Издавались совместные воззвания. Таковым, в частности, было «Заявление немецкой оппозиции»,

¹⁹ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie 1917 bis 1945. В., 1982. С. 412.

²⁰ Gross B. Willi Münzenberg: Eine politische Biographie. Stuttgart, 1967. С. 296.

²¹ Müssener H. Exil in Schweden: Politische und kulturelle Emigration nach 1933. München, 1974. С. 176—178, 441.

²² Ibid. С. 135; Bednareck H. Gewerkschaftler im Kampf gegen die Todfeinde der Arbeiterklasse. В., 1966. С. 133.

выражавшее протест по поводу агрессивного акта нацистского правительства — оккупации демилитаризованной Рейнской зоны весной 1936 г.²³

Летом 1936 г. начался фашистский мятеж в Испании, а затем последовала военная интервенция в эту страну Германии и Италии. «Отличительной чертой вооруженной борьбы народных масс Испании против военно-фашистского путча явилось единство действий пролетариата и руководящая роль рабочего класса и его партий в организации отпора мятежникам»²⁴. По инициативе Коминтерна во всем мире развернулось мощное движение солидарности с республиканцами Испании. Компартии всего мира и Коминтерн рассматривали оказание помощи испанской демократии как свой первейший интернациональный долг, как важнейшее направление борьбы против фашизма, за всеобщий мир и демократию.

Немецкие антифашисты понимали взаимосвязь и взаимозависимость между событиями в Испании и Германии. В воззвании ЦК КПП по этому поводу говорилось: победа испанского народного фронта будет победой демократии и мира, поражение же будет способствовать укреплению фашизма, в особенности германского, создаст серьезную угрозу Народному фронту во Франции. Подчеркивалась особая роль и ответственность при этом немецких антифашистов. Справедливо отмечалось, что разбить Гитлера можно лишь путем соединения «непосредственной практической поддержки... освободительной борьбы (демократических сил в Испании.— Л. Б.) и... широкого массового движения в Германии»²⁵.

Коммунисты, социал-демократы, представители СРП — участники движения за немецкий Народный фронт в Париже и Стокгольме — создали совместные комитеты помощи испанским республиканцам. Некоторые из них сражались в батальонах им. Э. Тельмана, Э. Андре, Г. Баймлера за свободу и демократию в Испании²⁶; в их числе — Э. Куттнер, М. Браун и другие социал-демократы. Мобилизующее воздействие оказали

²³ *Mattach K.* Die deutsche antifaschistische Widerstandsbe-
wegung. В., 1974. S. 157—158.

²⁴ *Международное рабочее движение.* Т. 5. С. 320.

²⁵ *Ulbricht W.* Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.
В., 1953. Bd. 2. S. 223.

²⁶ См.: *Далем Ф.* Указ соч. Т. 1. С. 42—49.

при этом и заявления Социалистического рабочего интернационала в поддержку республиканской Испании, принятые под давлением ряда партий, составляющих его левое крыло²⁷. В то же время некоторые партии Рабочего интернационала саботировали решения его Исполкома об оказании эффективной помощи Испанской республике. Это привело к тому, что, как и неоднократно в прошлом, принятые решения оказались нереализованными: социалистическое рабочее движение оставалось в состоянии разброда²⁸.

Сопаде примыкало в испанском вопросе к правому крылу Рабочего интернационала, отказалось принять предложение компартии о публикации совместного призыва к немецкому народу и народам мира совместными действиями оказать поддержку и помощь молодой Испанской республике. На словах Правление СДПГ «желало победы испанскому народу», «ведущему героическую борьбу, за которой затаив дыхание, следит весь мир»²⁹. На деле же правые лидеры СДПГ поддерживали двуличную политику невмешательства, которую проводили правительства западных стран и инициатором которой стал социалист Блюм. Статьи об Испании, публикуемые Сопаде, как правило, являлись оттисками резолюций Рабочего интернационала³⁰. Публикуя их, руководство СДПГ спекулятивно утверждало, будто необходимость каких-либо заявлений по испанскому вопросу отпадает, поскольку-де уже имеется ряд такого рода документов Второго Интернационала, в состав которого входит СДПГ. Правление СДПГ отклонило предложение КПГ об организации

²⁷ К левому крылу Социалистического рабочего интернационала примыкали австрийские социалисты во главе с О. Бауэром, который в изданной в 1936 г. книге подверг критике всю предшествующую практику реформизма, охарактеризовал фашизм как власть, призванную крупным капиталом для подавления рабочего движения, высказался, несмотря на всю противоречивость своей концепции, за сотрудничество коммунистов и социал-демократов в антифашистской борьбе см.: *Bauer O. Zwischen zwei Weltkriegen? Die Krise der Weltwirtschaft, der Demokratie und des Sozialismus. Bratislava, 1936.* О позиции левого крыла Рабочего интернационала см.: *Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами. М., 1984. С. 39, 43—46.*

²⁸ *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 407—409.*

²⁹ *Neuer Vorwärts. 1936. 16. Sept.*

³⁰ *Ibid. 1936. 16. Aug.; 1937. 21. Febr.*

конкретной помощи испанскому народу и совместной вербовке добровольцев в интербригады³¹.

Социал-демократы — участники боев за демократическую Испанию делали все возможное для того, чтобы привлечь Сопаде к совместной борьбе с фашизмом. Куттнер, Браун, Шифф упрекали руководство СДПГ за то, что оно стояло в стороне от событий, являвшихся «огненной точкой антифашистской борьбы»³². Куттнер писал в органе 11-й интербригады, газете «Пасаремос», весной 1937 г.: «Испания научила, что есть ситуации, когда действия, а не слова решают все... открыла нам глаза на то, что единство с коммунистами на практике... это сила, которая позволяет испанскому народу уже год противостоять концентрированным силам мирового фашизма»³³.

Останавливаясь на тех глубоких преобразованиях, которые стало осуществлять правительство Народного фронта и которые превратили Испанию «в демократическую парламентскую республику нового типа, провозвестницу того, чем позднее... стали возникшие после второй мировой войны в Европе страны народной демократии»³⁴, Куттнер обращался к Штампферу с такими словами: «Почему никто из вас не нашел дороги сюда? Вы можете увидеть здесь то, что всегда считали своей целью: демократическое развитие на основе ограничения капитала, раздел крупных земельных владений и социализацию ключевых отраслей промышленности... но вы придаете такое значение старому спору с коммунистами, что ваши мысли не могут оторваться от враждебности единому фронту, который является здесь основным условием победы»³⁵. Предвидя возможные опасения правых социал-демократов, члены интербригад заявляли, что никто не хочет ликвидации СДПГ, а требуется лишь ее участие в едином и народном фронте борьбы с фашизмом³⁶.

В декабре 1937 г. в Альбасете (Испания) на партийных началах был создан Комитет единства немецких коммунистов и социал-демократов, а в марте

³¹ Ibid. 1937. 20. Juni.

³² Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 33. S. 294; см. также: Dok. 32.

³³ Pasaremos: Deutsche Antifaschisten im national-revolutionären Krieg des spanischen Volkes. В., 1970. S. 239.

³⁴ Международное рабочее движение. Т. 5. С. 323.

³⁵ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 33. S. 294.

³⁶ Ibid. Dok. 32. S. 293.

1938 г. на этой основе в Валенсии созвана конференция немецких антифашистов (коммунистов, социал-демократов, левых социалистов, интеллигенции), которая высказалась за создание широкого Народного фронта с целью свержения Гитлера и установления демократической республики в Германии³⁷. Один из участников конференции вспоминал: «Отличительной чертой конференции было то, что в дискуссиях больше не стоял вопрос о необходимости единства рабочего класса, а говорили...о том, как укреплять его дальше и как скорее довести до сознания всех немецких антифашистов в стране и в эмиграции опыт и уроки борьбы в Испании и тем самым сделать более прочным фронт всех антифашистов»³⁸.

Однако Сопаде продолжало выступать против самой идеи Народного фронта, блокировать деятельность комитетов Народного фронта в Париже, Скандинавии, других центрах эмиграции. В течение 1936 г. Вельс, Фогель, Круммнерль совершили несколько поездок во Францию, Бельгию, Голландию и другие страны с целью убедить группы, придерживавшиеся политики единого и народного фронта, отказаться от совместной работы с коммунистами. Однако миссия пражского руководства не имела успеха. Социал-демократическая фракция Комитета по подготовке немецкого Народного фронта решила отклонить требование Правления о разрыве связей с коммунистами и всеми силами способствовать созданию единого и народного фронта.

В Швеции (Гётеборг) в ноябре 1937 г. прошла общескандинавская конференция представителей немецких рабочих-металлистов по проблемам Народного фронта, в которой участвовали представители от КПГ, СДПГ, СРП и которая прошла под антивоенными, антифашистскими лозунгами. В работе конференции принимал участие эмигрировавший в Осло руководитель Заграничного бюро СРП В. Брандт. Издаваемая в Норвегии газета «Арбайтербладет», в которой он сотрудничал, признала самой важной и первостепенной задачей создание немецкого Народного фронта борьбы с фашизмом и призвала способствовать этому.

³⁷ Pasaremos, S. 244, 247—248; Interbrigadisten: Der Kampf der Kommunisten und anderer Antifaschisten im national-revolutionären Krieg des spanischen Volkes. B., 1966. S. 70—71.

³⁸ Findeisen O. SPD und Hitlerfaschismus. Diss. B., 1965. Bd. 2. S. 163.

ЦК КПГ буквально бомбардировал пражское Правление призывами и предложениями о едином фронте в надежде, что оно наконец изменит свою позицию. Когда Гитлер оккупировал Рейнскую зону, коммунисты предложили немедленные переговоры между представителями обеих партий. В письме к Сопаде подчеркивалась необходимость создания единого рабочего фронта «против военных провокаций Гитлера». Напомнив о переговорах 23 ноября 1935 г., ЦК КПГ заметил: «Вы сами заявили, что совместные выступления КПГ и СДПГ возможны от случая к случаю. Сейчас как раз создалась та серьезная ситуация, которая делает необходимым такое совместное выступление»³⁹. Такие призывы публиковались в июле—августе 1936 г., весной и летом 1937 г., неоднократно в 1938 г.⁴⁰

В качестве первого шага к установлению взаимопонимания В. Пик от имени ЦК КПГ предлагал Правлению СДПГ отменить циркуляры, запрещающие социал-демократам действовать совместно с коммунистами, и, напротив, рекомендовать всем организациям СДПГ такую совместную работу⁴¹. В. Пик предлагал далее основать Комитет Народного фронта в Праге, куда бы вошли и социал-демократы — представители Правления, и начать совместную работу в эмиграции.

Сопаде, однако, либо отвечало отказом, либо хранило молчание. Впоследствии один из бывших функционеров партии писал, что они в эмиграции по отношению к коммунистам проводили ту же политику, что и в последние годы Веймарской республики: «никаких переговоров, никакого единого и народного фронта, никаких совместных действий, заявлений»⁴². Личные контакты всегда осуществлялись по инициативе коммунистов. По словам все того же функционера, в том, что переговоры не приводили к существенным соглашениям между обеими партиями, «заслуга прежде всего социал-демократов».

Следуя своему программному заявлению от января

³⁹ Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung: Eine Auswahl von Materialien, Berichten und Dokumenten. B., 1958. S. 73—74.

⁴⁰ Paterna E., Fischer W. Deutschland von 1933 bis 1939. B., 1969. S. 289—294.

⁴¹ Pieck W. Im Kampf um die Einheitsfront und deutsche Volksfront, 1936—1938. B., 1955. S. 34.

⁴² Röder W. Die deutschen sozialdemokratischen Exilgruppen in Grossbritannien. Hannover, 1969. S. 196.

1936 г., Правление все более открыто и агрессивно выступало против единого и народного фронта, призывало к «решительной борьбе с коммунистами»⁴³. Член Сопаде Э. Риннер писал: «Долг социал-демократических вождей состоит в том, чтобы всегда проводить разделительную черту между СДПГ и коммунистами, дать понять это буржуазии и тем самым усилить буржуазную оппозицию Гитлеру»⁴⁴.

Поскольку лидеры СДПГ изображали себя подлинными борцами за демократию, коммунисты в начале 1937 г. обратились к ним с предложением обсудить вопрос о путях и методах борьбы за демократические свободы, демократическую республику. Правление не согласилось рассматривать эти предложения, не желало принимать лозунга демократической республики, надеясь на то, как подчеркивает советский историк К. К. Шириня, что «путем союза с буржуазными партиями и частью рейхсвера...легче удастся достичь иной цели — восстановления режима типа Веймарской республики»⁴⁵.

Лидеры СДПГ выдвигали на первый план вопрос о разногласиях принципиального характера между обеими партиями. «Нойер Форвертс» 18 августа 1937 г. писала: «С большевиками нельзя заключать союз, так как они объявляют своей целью диктатуру пролетариата». Между тем тогда коммунисты не ставили эту цель в порядок дня, выдвигая лозунг демократической республики, в рамках которой «будут созданы предпосылки для борьбы за социализм»⁴⁶.

Выдвигая этот лозунг, коммунисты исходили из понимания того важного обстоятельства, что только таким образом они сумеют завоевать широкий круг союзников и сплотить антифашистов. Возражая тем, кто считал лозунг демократической республики лишь умелой тактикой, В. Ульбрихт на заседании Секретариата ИККИ 7 февраля 1937 г. говорил: «Но я придерживаюсь мнения, что мы в действительности после свержения Гитлера сперва должны осуществить демократиче-

⁴³ Neuer Vorwärts. 1937. 20. Febr.

⁴⁴ Deutschland-Berichte der Sopade. 1937. N 9. S. 18. (Далее: DBS); Laschitzka H., Vietzke S. Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung. В., 1964. S. 115.

⁴⁵ Шириня К. К. Стратегия и тактика Коминтерна в борьбе против фашизма и войны (1934—1939). М., 1979. С. 187.

⁴⁶ Die Internationale. 1936. N. 4/5. S. 99.

скую республику, что нет никакого другого пути, как через осуществление этой стратегической цели пойти дальше к проведению нашего требования о борьбе за диктатуру пролетариата»⁴⁷. Что же касается позиции Сопаде, то представители группы Брайтшайда писали по этому поводу: «Если бы Сопаде было той силой, за которую оно себя выдает, а именно: знаменосцем демократического социализма, оно давно бы сконцентрировало свое внимание на лозунге Народного фронта в Германии»⁴⁸.

Известно, что в работе Комитета по подготовке немецкого Народного фронта официально принимала участие Социалистическая рабочая партия, с комитетом сотрудничала группа «Революционных социалистов», изредка принимала участие в его работе на правах наблюдателя группа «Международный социалистический боевой союз» (МСБС), «Ной бегиннен» держалась несколько изолированно, в конечном счете обусловив свое участие в Комитете согласием Сопаде. В целом же трактовка названными левыми группами самой идеи Народного фронта совпадала, что позволяет нам говорить о некоей общей теоретической позиции левых в этом вопросе.

Саму постановку проблемы Народного фронта немецкими коммунистами, Коминтерном левые социал-демократы считали правильной, они подчеркивали объективную необходимость, своевременность и целесообразность выдвижения этого лозунга в той сложной международной обстановке, его мобилизующее воздействие на рабочий класс Германии. «Революционные социалисты» отмечали, что фашистский режим своей глобальной системой угнетения и террора создал объективные условия для «сближения настроенных антифашистски широких народных масс», подчеркивали необходимость единства рабочего класса в антифашистской борьбе⁴⁹. СРП и «Революционные социалисты» считали, что Народный фронт должен играть роль центра, организующего и координирующего подпольную борьбу, не исключая при этом наличия у него и

⁴⁷ Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 447.

⁴⁸ Die Neue Weltbühne. 1935. 10. Okt. S. 1296.

⁴⁹ Richtlinien der Revolutionären Sozialisten Deutschlands zur Volksfront von Mitte Nov. 1935 // Langkau-Alex U. Op. cit., S. 174—179.

других функций — информационных, пропагандистских, оказания помощи преследуемым при фашизме, и т. п. В этом отношении позиция левых групп СДПГ и СРП совпадала с позицией коммунистов, других антифашистско-демократических сил.

Однако в соответствии со своими теоретическими концепциями левые в большинстве признавали право на существование движения Народного фронта лишь постольку, поскольку его участники будут действовать, как подчеркивали представители СРП, «только революционными методами с целью совершения политического и социального переворота», совершения пролетарской революции в Германии⁵⁰. После VII конгресса Коминтерна коммунистам пришлось вести борьбу против атак «слева» на новую линию Коминтерна, против левацких и троцкистских элементов, обвинивших VII конгресс в сползании «в социал-демократическое болото», «в предательстве революции»⁵¹. Одновременно пришлось преодолевать сектантские ошибки как в коммунистическом движении, так и у части левого крыла социалистов и социал-демократов. В частности, ультрарадикальные настроения были характерны для левого крыла Испанской социалистической рабочей партии, выдвигавшей лозунг социалистической республики как задачу дня. Возглавив правительство Народного фронта, лидер ИСРП Ф. Ларго Кабальеро поддерживал меры по насильственной социализации, отвергал сотрудничество с буржуазными республиканцами и т. д., что в конечном счете не способствовало укреплению Испанской республики, явилось одной из причин ее слабости⁵².

Отдельные германские левые социал-демократические группы кардинальную проблему Народного фронта — проблему союзников в антифашистской борьбе трактовали в духе доктринерского радикализма. Роль рабочего класса как руководителя антифашистской борьбы трактовалась ими крайне узко — вплоть до провозглашения его фактически единственным противником фашизма. Право же на участие в антифашистской борьбе других слоев населения обуславливалось сте-

⁵⁰ *Mitteilungen der deutschen Freiheits-Bibliothek*. 1936. Mai. S. 29; *Die Neue Weltbühne*. 1935. H. 34. S. 1071.

⁵¹ *Шириня К. К.* Указ. соч. С. 119.

⁵² Там же. С. 145; *Пожарская С. П.* Социалистическая рабочая партия Испании, 1931—1939. М., 1966. С. 167.

пенью их подготовленности к социалистической революции, степенью их революционности. Согласившись на участие в движении Народного фронта, «Революционные социалисты» намеревались изменить соотношение сил в нем в пользу «социалистическо-революционных» слоев, настроенных в духе подготовки пролетарской революции.

В то время как перед всеми прогрессивными силами Германии и всего мира стояла задача предотвращения мировой военной катастрофы, спасения мира от фашизма, такая постановка проблемы могла лишь оттолкнуть демократические слои населения от рабочего класса, объективно была направлена против массовой антифашистской борьбы, в конечном счете не способствовала решению рабочим классом ни тактических, ни стратегических задач. В конкретных условиях Германии необходимо было восстановить демократические институты, которые, как писал П. Тольятти, также исторически можно рассматривать как революционное завоевание масс⁵³.

Разъясняя позицию КПГ и останавливаясь на деятельности СРП в Комитете по подготовке народного фронта в Германии, В. Ульбрихт писал Г. Манну: «Социалистическая рабочая партия... выступает против единственно возможной цели Народного фронта — против демократической республики и пытается выдвинуть требование ...диктатуры пролетариата... Конечно, мы, коммунисты, пропагандируем социализм... Но это не значит, что борьба за социализм стоит в повестке дня. Кто отказывается от лозунга демократической республики, тот борется против единства трудящегося народа в борьбе с Гитлером. Единство всех сил возможно только на пути демократических требований Народного фронта, борьбы за народную революцию в Германии»⁵⁴.

Выдвигая новый политический лозунг, КПГ доказывала, что в Германии налицо огромный объем общедемократических задач, так как все демократические права и свободы трудящихся уничтожены гитлеровской диктатурой. К тому же в стране не были до конца решены некоторые задачи буржуазно-демократической революции и еще сохранились полуфеодалные привеле-

⁵³ См.: *Комолова Н. П., Филатов Г. С.* Пальмиро Тольятти: Очерк жизни и деятельности. М., 1983. С. 70.

⁵⁴ *Pasaremos. S. 227.*

легии юнкерства. Учитывался и тот факт, что гитлеровцам удалось привлечь на свою сторону большинство трудящихся масс, а их противоречия с фашизмом будут нарастать не так быстро, как в других странах. Широкая массовая база фашизма в Германии могла быть разрушена только в ходе сравнительно длительной борьбы под общедемократическими лозунгами. Коммунисты справедливо полагали, что антифашистско-демократическая борьба трудящихся во главе с пролетариатом подготовит те практические основы, которые позволят создать в будущем справедливое общество без угнетения и эксплуатации, без господства монополий и юнкерства.

В отличие от КПП почти все левые группы СДПГ, СРП и другие социалистические силы в Германии не смогли диалектически соединить задачу борьбы с фашизмом с перспективой построения действительно народного, демократического государства, в котором руководящую роль играл бы рабочий класс, трудящееся население, не сумели оценить в этом плане реальные возможности и необходимость создания народного антифашистского фронта. На практике левые группы часто саботировали усилия компартии по созданию единого рабочего и народного фронта. Руководитель «Ной бегиннен» Р. Лёвенталь, другие лидеры группы препятствовали встречам своих представителей с коммунистами⁵⁵. Так, была сорвана встреча В. Пойке с В. Ульбрихтом в апреле 1936 г. в Берлине⁵⁶. Представитель «Ной бегиннен» К. Шмидт в мае 1937 г. пытался отговорить одну из ведущих подпольных групп

⁵⁵ Антикommунизм группы на практике не позволял ей действовать в едином ряду с КПП, со сторонниками немецкого Народного фронта, да и в теоретическом плане ее концепция Народного фронта отличалась от концепции других левых групп. «Ной бегиннен» подчеркивала необходимость демократической революции против Гитлера, которая, по ее мнению, должна была стать лишь кратковременной фазой, немедленно перерасти в пролетарскую революцию. Предложения группы о мерах антифашистско-демократического характера в переходный период были весьма позитивными: экспроприация крупной собственности и земельных владений, военной индустрии, национализация банков, демократизация армии, создание революционной полиции, новых органов самоуправления и т. д. (Interne Stellungnahme der Gruppe «Neu beginnen» zur Gründung des «Lutetia-Comitee» und zur Brüsseler Konferenz der KPD // Langkau-Alex U. Op. cit. S. 168—173).

⁵⁶ Duhnke H. Die KPD von 1933 bis 1945. Köln, 1972. S. 180—231.

СДПГ — группу «10 пунктов» — от совместной работы с коммунистами⁵⁷. К концу 1937 — началу 1938 г. группы МСБС и «Ной бегиннен» перешли к открытым нападениям на КППГ, на Комитет по подготовке немецкого Народного фронта⁵⁸.

«Революционные социалисты» действовали несколько иначе. На практике отдельные их представители в соответствии с духом концепции единого фронта имели постоянные контакты с представителями КППГ (прежде всего К. Бёхель), настаивали на заключении центрального соглашения, оказывали давление в этом направлении на Сопаде. Однако разногласия в группе по вопросу о формах сотрудничества с коммунистами⁵⁹, сущности и сроках создания единого фронта оказались непримиримыми, и группа распалась⁶⁰. Это был закономерный итог непоследовательной политики «Революционных социалистов», которые хотя и были настроены реалистичней, чем другие левые группы, настойчивее других стремились к единому фронту, но так и не сумели действовать более решительно и независимо от Сопаде, не осмелились «сделать решающий шаг навстречу коммунистам», что дало бы им реальную возможность выхода из изоляции⁶¹.

Между тем, опираясь на конструктивную деятельность коммунистов, Комитет по подготовке Народного фронта провел в течение 1936—1937 гг. основательную работу по выработке общей политической платформы. Коммунисты представили для обсуждения разработанную на расширенном пленуме ЦК КППГ в июне 1936 г. программу действий Народного фронта, а также предложения относительно основ государственного устрой-

⁵⁷ *Findeisen O.* Op. cit. S. 113.

⁵⁸ Необходимо отметить, что на местах подпольные ячейки «Ной бегиннен», других левых групп нередко действовали вопреки позиции своих лидеров.

⁵⁹ Ауфхойзер, опасаясь роста авторитета компартии в ущерб СДПГ, выступал за совместную работу с компартией только в рамках движения Народного фронта, понимая под последним широкий демократический альянс, необязательно предполагающий в своей основе единый фронт, в то время как Бёхель и другие пришли к выводу о необходимости единства действий рабочих партий как решающего условия для создания Народного фронта.

⁶⁰ *Neuer Vorwärts.* 1937. 12. Sept.; *Freyberg J.* Sozialdemokraten und Kommunisten. Köln. 1973. S. 147.

⁶¹ *Ibid.* S. 181.

ства послевоенной Германии, конкретно поставили вопрос о демократической республике ⁶².

На основании этих документов, тщательно проанализировавших объективные возможности и предложения различных составных частей движения, 21 декабря 1936 г. было опубликовано воззвание об образовании Народного фронта в Германии. Это был первый программный документ Комитета по подготовке немецкого Народного фронта ⁶³. Документ призывал немецкий народ к борьбе против фашизма, за мир, свободу и демократические права, подчеркивая, что после свержения нацизма народ получит возможность свободно выбирать форму государственного устройства. В нем отмечалась необходимость провести в целях обеспечения действительно демократического строя решительные антифашистско-демократические преобразования: конфискацию собственности военных концернов, крупных банков, реакционного юнкерства, пресечение саботажа со стороны крупного капитала путем применения строжайших мер.

При выработке документа коммунисты пошли на встречу пожеланиям других участников комитета, в том числе Брайтшайда, предлагавших из тактических соображений, во избежание нареканий со стороны Сопаде, отказаться от определения задач и методов подпольного движения ⁶⁴. Для того чтобы подготовительный комитет мог стать действительно руководящей инстанцией, необходимо было поставить в центр всей работы задачу поддержки подпольной борьбы в рейхе. Это в значительной мере усилило бы звучание этого важного документа и подняло бы авторитет комитета.

Позднее, на конференции движения за немецкий Народный фронт в апреле 1937 г., благодаря сближению позиций в этом вопросе все же удалось (при разногласии с буржуазными представителями) принять ряд конкретных решений по организации немецкого сопротивления. Так, предлагалось создать во всех массовых организациях, на предприятиях и даже в воинских частях опорные нелегальные пункты Народного фронта, в компетенцию которых мог бы включиться широкий круг задач — от антивоенной агитации и помощи заключенным до поддержки насущных требова-

⁶² *Laschilza H., Vietzke S. Op. cit. S. 114—115.*

⁶³ *Ibid. S. 116—117.*

⁶⁴ *Pieck W. Op. cit. S. 34.*

ний трудящихся. Конференция приняла воззвание, которое, в том виде как его подготовили участники парижского комитета, должно было заканчиваться лозунгом борьбы против фашизма, за демократическую республику. Однако сектантским элементам, прежде всего СРП, удалось навязать свою точку зрения, и был принят лозунг борьбы «За социалистическую Германию». Это противоречило всем прежним установкам комитета, его воззванию от 21 декабря 1936 г.⁶⁵ и не способствовало сплочению широких антифашистских сил.

Работа подготовительного комитета в конечном счете была парализована, не в последнюю очередь потому, что не могла не отражать общего развития во Франции, где с весны 1937 г. движение Народного фронта явно пошло на спад, а Л. Блюм проложил дорогу к развалу антифашистско-социалистической правительственной коалиции.

Терпела поражение истекающая кровью Испанская республика, преданная «политикой невмешательства». Неудача народных фронтов во Франции и Испании давала новые аргументы бесстрастно наблюдающему событиям со стороны Сопаде. Не могли не оказать неблагоприятного воздействия на международную антифашистско-демократическую общественность известные политические процессы в Москве 1937—1938 гг., репрессии и нарушения социалистической законности, коснувшиеся и некоторых эмигрантов-антифашистов, находившихся в Москве⁶⁶.

Не говоря уже о позиции самого Правления, пагубно сказался и негативный подход к организационным вопросам со стороны ряда ведущих социал-демократических групп. Представители СРП пытались придать объединению сугубо партийный характер, настаивая на признании своих программных принципов в качестве целей Народного фронта. Хотя и не все из левых групп входили в парижский комитет, многие пользовались достаточным влиянием в подпольных кругах СДПГ, и их мнение было немаловажно для успеха движения. В негативном плане действовали и правые группировки в подготовительном комитете. От-

⁶⁵ См. подробнее: *Ibid.* S. 83—90.

⁶⁶ См.: Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 473,

водя ему роль комиссии по выработке будущей конституции страны, они приписали его значение как центра, организующего антифашистскую борьбу. Он не спешил принимать актуальные решения, прежде всего по организации подпольной борьбы в Германии. Отдельные буржуазные представители настаивали на создании Народного фронта без коммунистов и т. д.

Все эти факторы привели к тому, что к началу 1938 г., когда гитлеровским правительством была начата интенсивная подготовка к войне, Комитет по подготовке немецкого Народного фронта уже не был в состоянии проводить конструктивную политическую работу, хотя его деятельность доказала возможность достижения совместных соглашений и совместной практической работы различных антифашистских кругов. По инициативе Г. Манна и Г. Будзиславского в середине марта 1939 г. в Париже же был образован Комитет действия немецких оппозиционеров, который продолжал работу Комитета по подготовке немецкого Народного фронта, однако его деятельность была прервана начавшейся мировой войной.

Борьба за единый рабочий и народный фронт и германское социал-демократическое подполье

Германское подполье, редкое под свирепыми ударами диктатуры, действовало с самого начала в крайне трудных условиях. Обстановка в стране характеризовалась прежде всего фронтальным наступлением фашизма на рабочий класс в целях устранения каких-либо помех на пути к развязыванию мировой войны. Положение рабочих на предприятиях ухудшилось: ускорился производственный ритм, удлинился рабочий день, в то же время была значительно сокращена заработная плата, и т. д. Массированная идеологическая обработка населения, угар шовинизма, националистическая демагогия, особенно усилившиеся после оккупации Рейнской зоны, — все это не могло не сказаться на настроениях народа, рабочего класса, в частности социал-демократических рабочих, на деятельности социал-демократического подполья.

В стране проходили массовые процессы над участниками антифашистского сопротивления — коммунистами, социал-демократами, католиками, демократами, особенно участвовавшие в годы гражданской войны в

Испании. В июле 1936 г. в Ганновере был арестован почти весь состав группы «Социалистический фронт» (процесс над ней длился до 1938 г.), был арестован берлинский социал-демократический центр (руководители Гиршлер, Лёффлер, Марквиц), остатки «Дер роте штоссгрупп», группа «Грюне пост», также действовавшая в пределах Берлина⁶⁷. К 1937 г. гестапо напало на след почти всех крупных берлинских организаций СДПГ⁶⁸. Волна арестов прокатилась по всем городам, где действовало социал-демократическое подполье; Аахен, Аугсбург, Бремен, Бохум, Дортмунд, Дрезден, Франкфурт-на-Майне, Гамбург, Галле, Кёльн, Лейпциг, Мюнхен были буквально окольцованы гестапо. Арестованным предъявлялись обвинения в пособничестве «антигосударственным элементам», в оказании помощи и сочувствии политзаключенным и их семьям. Смертные приговоры выносились по любому поводу: за передачу слухов, прослушивание иностранных радиопередач и т. д.⁶⁹

В 1936—1938 гг. состоялся процесс над участниками антифашистского подполья, в том числе социал-демократами в Кёльне и Берлине. На всю страну прогремел Вуппертальский процесс, где за активную подпольную работу судили 628 коммунистов, социал-демократов, бывших членов АДГБ и т. д.⁷⁰ Перед войной гестапо были раскрыты почти все группы СРП. В результате волны арестов были уничтожены группы МСБС, в сентябре—октябре 1938 г. ликвидирована и берлинская группа «Ной бегиннен». Конечно, все это не могло не вызвать в определенных кругах рабочего класса, в том числе социал-демократии, настроения

⁶⁷ Neuer Vorwärts. 1935. 25. Okt.; 1936. 24. Juli; 1937. 10. Apr.; DBS. 1938. Aug. S. 858—860.

⁶⁸ *Findeisen O.* Op. cit. S. 100.

⁶⁹ Der lautlose Aufstand: Bericht über die Widerstandsbewegung des deutschen Volkes/Hrsg. von G. Weisenborn. Hamburg, 1953. S. 148—149. См. также: Семенов И. В. Рабочий класс и антифашистская борьба в Германии (1933—1945). Челябинск, 1981; Дробкин Я. С., Гинцберг Л. И. Немецкие антифашисты в борьбе против гитлеровской диктатуры (1933—1945). М., 1961; и т. д. Надо сказать, что социал-демократическая пресса довольно подробно информировала о гитлеровском терроре, ужасах концлагерей и пр. См.: Neuer Vorwärts, 1937—1940; DBS. 1937—1940.

⁷⁰ *Findeisen O.* Op. cit. S. 101; Widerstand und Verfolgung in Köln. Köln, 1974. S. 130.

пессимизма и отчаяния, безвольного ожидания исхода событий⁷¹.

Однако в целом дух сопротивления, как говорится в одном из сообщений функционеров СДПГ в Прагу, сломлен не был⁷². Несмотря на относительно небольшой размах и локальность, антифашистское подполье продолжало действовать. Ведущие позиции в нем по-прежнему занимал рабочий класс. Слишком категоричными представляются утверждения некоторых буржуазных и реформистских историков о том, что сопротивление к 1939 г. не имело никакого политического значения и не могло рассматриваться как сколько-нибудь важное явление. Собственно, и нет таких цифр, которые могли бы дать представление о действительном размахе или слабости сопротивления⁷³.

Вот что писал, например, Штампфер в проекте меморандума СДПГ летом 1938 г.: «...об интенсивности подпольного движения свидетельствуют...ужасные списки казненных и подвергнутых пыткам, рассказы о подавлении свободы... ежемесечно получаемые из различных частей Германии... это говорит о регулярной работе товарищей в Германии...Эти сообщения...и являются доказательством того, что в Германии есть силы, гото-

⁷¹ *Drechsler H.* Die Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands (SAPD) Meisenheim am Glan, 1965. S. 336—337; *Findelsen O.* Op. cit. S. 217—218. Высказывались и такие суждения, будто «Гитлеру удается все и... без войны, так как демократические силы слабы и беспомощны» (см.: DBS. 1938. Apr.—Mai. S. 451). Чаще, конечно, партийные соратники встречались за кружкой пива, в семейном кругу, на пикниках, клубных вечерах и т. д.

⁷² DBS. 1939. Mai. S. 359.

⁷³ Весьма приблизительные и отрывочные сведения о социал-демократическом сопротивлении приведены в вышедшем в ФРГ в 1984 г. издании по немецкому сопротивлению под редакцией Р. Лёвентала: в 1935 г. в подполье действовало около 1000 ведущих функционеров СДПГ; группа «Социалистический фронт» насчитывала около 3 тыс. человек (с годами цифры сократились). Только 10—20% всех сидевших в тюрьмах и концлагерях в первые годы нацизма были социал-демократами. Не считая жертв 20 июля 1944 г., а также расстрелянных при попытке к бегству, покончивших жизнь самоубийством, замученных гестапо, за 12 лет нацистского господства было казнено по приговорам судов по политическим мотивам 3100 человек. Авторы труда отмечают, что, безусловно, эти цифры не идут ни в какое сравнение с количеством жертв, попавших коммунистами. См.: *Widerstand und Verweigerung in Deutschland 1933 bis 1945* /Hrsg. von R. Löwenthal, P. v. zur Mühlen. Bonn, 1984. S. 67.

вые бороться за будущее»⁷⁴. Да и Правление СДПГ всегда имело в виду внутригерманское подполье, понимая, что без учета этого фактора оно окончательно оторвется от рабочих масс.

Весьма точно, по-видимому, отражало положение вещей заявление Штампфера по поводу нередко тогда дискутировавшегося в эмиграции вопроса о целесообразности и смысле жертв подпольщиков: «Можно было бы поставить вопрос, а какой позитивный вклад принесла эта работа (в подполье.— Л. Б.)... окупаются ли неисчислимые жертвы, которые принесены в этой борьбе?.. Для активных товарищей в Германии этого вопроса не существует. Они действуют из внутренних побуждений, не спрашивая, какие могут быть последствия для отдельных лиц...»⁷⁵ И далее: «Оценивать значение нелегальных организаций в тотальном государстве бессмысленно. У миллионов мужчин и женщин, которые перед национал-социалистским переворотом были организованы социалистически ...в настоящих условиях нет никакой другой возможности проявить себя политически, кроме как участвовать в подпольной борьбе»⁷⁶.

Действительно, смельчаки для подпольной работы, пусть их было и мало, находились вновь и вновь. На месте разгромленных групп возникали новые. Активно действовали в подполье молодые коммунисты, социал-демократы, католики, в том числе и студенты.

В среде подпольщиков, естественно, преобладали настроения в пользу сотрудничества с коммунистами, со всеми антифашистами: ведь действуя порознь, подпольщики были бы совсем бессильны. Газета немецких коммунистов «Дойчланд-информацион ЦК КПГ» писала: «С предприятий поступают сообщения, что рабочие ратуют за единство. Они вообще считают непонятным, что об этом еще нужно говорить»⁷⁷.

Стремление к единству действий на предприятиях фиксируют и документы имперской службы безопасности⁷⁸. Возникали, пусть редкие и немногочисленные, но уже совместные группы сопротивления, группы единого рабочего и антифашистского народного фронта.

⁷⁴ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 37. S. 312.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Deutschland-Information ZK der KPD. 1937. Jan. N 1. S. 53.

⁷⁸ Paterna E., Fischer W. Op. cit. S. 244.

В отдельных городах страны по инициативе парижского Комитета по подготовке Народного фронта в Германии КПГ удалось создать совместные, из представителей различных антифашистских кругов, комитеты помощи жертвам фашизма.

Группы единого фронта были созданы в Берлине. С 1936 г. возникла подпольная группа коммуниста Р. Урига. В начале 1939 г. параллельно работавшие до сих пор подпольные ячейки коммунистов и социал-демократов на заводах Сименса объединились и создали Комитет единого фронта⁷⁹. Группы единого фронта действовали на верфях Гамбурга, в Лейпциге, Дрездене, Йене и других городах. С лета 1936 г. в Вестфалии работала единая группа «Содружество немецких социалистов и коммунистов Рейнланда», а на ее основе подпольная группа Народного фронта⁸⁰. Основной сферой своей деятельности подпольщики считали не политические дискуссии, хотя они и продолжались, а мероприятия, которые способствовали бы ослаблению и падению фашистского режима.

В некоторых районах Германии социал-демократы, вопреки указаниям своего руководства, выступали заодно с коммунистами в деле оказания практической помощи сражавшимся в Испании антифашистам: участвовали в денежных сборах, распространяли сводки нелегального радио из Барселоны⁸¹. Через пограничные пункты «Ной бегиннен» в Австрии, Швейцарии, Швеции, Франции и по ее инициативе переправлялись в Испанию добровольцы социал-демократы, другие немецкие антифашисты.

Безусловно, жестокий фашистский режим диктовал особые условия, препятствовал совместной антифашистской работе на местах, и группы, в частности социал-демократические, работали параллельно с подпольщиками КПГ, СРП, католиками: большинство из них действовало изолированно друг от друга, чаще всего их взаимоотношения оставались на уровне единичных контактов. Кроме того, социал-демократы на местах нередко по-прежнему уповали на заключение центрального соглашения между СДПГ и КПГ, ждали

⁷⁹ *Findeisen O.* Op. cit. S. 272.

⁸⁰ *Paterna E., Fischer W.* Op. cit. S. 248.

⁸¹ *Damit Deutschland lebe: Ein Quellenswerk über den deutschen antifaschistischen Widerstandskampf (1933—1945) / Hrsg. von W. Schmidt.* B., 1959, S. 429—430.

от Правления своей партии «ясных указаний для заключения соглашения о едином фронте с КПГ» (из письма представителей социал-демократии Бохума пражскому Сопаде)⁸².

Наблюдалась трудность, связанные с новой тактической ориентацией компартии на создание широкого Народного фронта. Кое-где еще сохранялись известные настроения сектантства и левачества, колебания в оценке перспектив сотрудничества с антифашистско-демократическими силами за пределами рабочего класса.

Под влиянием разъяснительной работы коммунистов, а также опыта подпольной борьбы к началу второй мировой войны социал-демократы подпольщики нередко приходили к выводу, что Народный фронт необходим. К такому убеждению пришли социал-демократические группы Берлина, Гамбурга, некоторых районов Запада, Тюрингии. Эволюцию взглядов претерпела, например, одна из леворадикальных групп СДПГ Берлина, которая в свое время утверждала, что непосредственной задачей рабочего класса является пролетарская революция, и подвергала критике выдвинутый коммунистами лозунг демократической республики, ранее понимаемый ею узко, в плане повторения Веймарской республики.

Значительным событием в германском подполье стало появление новой социал-демократической группы «10 пунктов», которая выдвинула программу Народного фронта (часто ее называли группой «Народный фронт»). Инициаторами создания и руководителями группы были Г. Бриль, О. Брасс и др. Их взгляды отличались изрядной противоречивостью и непоследовательностью (в послевоенный период они отказались от принципов, которым оставались верны в период борьбы с фашизмом, прежде всего от идеи широкого антифашистского народного единства).

Программа из 10 пунктов предлагала объединить всех без исключения противников режима в немецком Народном фронте на основе следующих принципов: свержение фашистской диктатуры, восстановление демократических прав и свобод, ликвидация нацистской

⁸² *Kraushaar L., Nitzsche G. Einheitsbestrebungen sozialdemokratischer Mitglieder nach der Errichtung der faschistischen Diktatur // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1967, H. 6. S. 1052.*

юстиции, прекращение гонки вооружений, предотвращение войны, утверждение европейского межгосударственного содружества на основе честной работы в реорганизованной Лиге наций, национализация банков, ключевых отраслей экономики, экспроприация крупного землевладения и создание сельскохозяйственных товариществ⁸³. Документ стал ценным вкладом в движение немецкого Народного фронта, позитивным фактором дискуссии о конституционных основах будущей антифашистско-демократической немецкой республики, намечал перспективы радикальных политических и социальных изменений после падения фашистского режима.

Группа «10 пунктов» определенным образом, по крайней мере в теории, недооценивала необходимость создания единого рабочего фронта, его стержневую роль в Народном фронте. Такая точка зрения нередко встречалась в социал-демократических кругах. В. Пик замечал по этому поводу: «Большие неясности возникают по поводу задач и целей Народного фронта, отношения пролетарского фронта к народному, причем основная ошибка — их противопоставление»⁸⁴. Отчасти такой подход представлял собой реакцию на антикоммунистическую позицию Сопаде: некоторые антифашисты считали, что как в организационном, так и в плане отношения к проблеме пражской группы проще будет приступить непосредственно к созданию Народного фронта.

Впрочем, группа «10 пунктов» на протяжении всего своего существования вплоть до ареста в конце 1938 г. на практике утверждала как раз первостепенную роль совместных инициатив рабочих партий в деле создания широкого антифашистского объединения. Однако программа группы была отклонена пражским Правлением и запрещена для распространения среди социал-демократов⁸⁵. В отличие от лидеров СДПГ коммунисты одобрили эту программу в качестве основы Народного фронта и вместе с ее создателями распространяли

⁸³ Deutschland in der Zeit der faschistischen Diktatur (1933—1939): Dokumente und Materialien. B., 1962. Dok. 165. S. 124—125; см. также: Brill H. Gegen den Strom. Offenbach a. M., 1946. S. 16.

⁸⁴ Pieck W. Im Kampf um die Einheitsfront... S. 38.

⁸⁵ Moraw F. Die Parole der Einheit und die Sozialdemokratie. Bonn; Bad-Godesberg, 1971. S. 50—51.

ее в антифашистских кругах. Одновременно коммунисты предложили Сопаде начать переговоры на основе программы. Как и следовало ожидать, предложение было отвергнуто.

Усилий, прилагаемых КПГ, отдельными подпольными группами СДПГ, другими представителями немецкого подполья для реализации немецкого народного фронта, оказалось недостаточно, чтобы организовать широкий национальный боевой фронт против общего врага и воспрепятствовать войне. Однако сама идея Народного фронта, его организационные основы в лице комитетов Народного фронта как в подполье, так и в эмиграции явились той платформой, на которой позднее, уже в годы второй мировой войны, было развернуто на более широкой основе национальное антифашистское движение «Свободная Германия», внесшее весомый вклад в дело борьбы с фашизмом, в разработку основ будущей народно-демократической республики.

НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1938—1939)

СДПГ и угроза мировой войны

Дальнейшее быстрое развитие государственно-монолистической системы в Германии, расширение аппарата террора, укрепление и сращивание государственных органов с аппаратом монополий и НСДАП, продуманное социальное маневрирование и умелое внедрение фашистской идеологии в сознание большинства немецкого народа существенно изменили соотношение классовых сил в стране в пользу нацистской диктатуры. В то же время политика умиротворения и попустительства со стороны империалистических держав, рост военной мощи фашистских государств и создание их единого агрессивного фронта (как известно, в 1936 г. окончательно оформилась тройственная «ось» — Германия, Япония и Италия) укрепили силы реакции и войны во всем мире.

Все это создало благоприятные условия для перехода фашистской Германии к непосредственной подготовке к войне. Уже 5 ноября 1937 г. на совещании нацистской верхушки с руководителями трех родов войск были намечены основные линии борьбы за мировое господство, которую решили начать с нападения на основных империалистических соперников — Англию и Францию, а затем — на Советский Союз. Здесь же были рассмотрены планы захвата, еще до развертывания основных военных действий, Австрии и Чехословакии.

На военные рельсы переводилась вся промышленность Германии, подготовке к войне был всецело подчинен принятый в сентябре 1936 г. на Нюрнбергском съезде нацистской партии четырехлетний план, призванный в кратчайшие сроки сделать немецкую армию способной к крупным военным агрессивным операциям.

В начале февраля 1938 г. рухнули последние надежды лидеров СДПГ на возможность военного переворота со стороны высшего руководства рейхсвера. Военное министерство было упразднено, а функции военного министра, верховного главнокомандующего вермахта взял на себя Гитлер. Произошли перемены и в экономическом и в дипломатическом руководстве страны. Вместо Шахта министром экономики стал ставленник химических монополий В. Функ, министром иностранных дел был назначен нацист И. Риббентроп. Все перемещения диктовались целями организации более оперативной подготовки к войне. Все это происходило без какого бы то ни было сопротивления со стороны офицерского корпуса. 13 февраля 1938 г. «Нойер Форвертс» выступила с горьким признанием: «Было бы иллюзией верить в то, что офицерский корпус, всем избланный нацистскому режиму и пропитанный стремлением к реваншистской войне, выступит против него».

Однако правые социал-демократы рассчитывали еще на позицию западных держав. Их не убедил даже тот факт, что именно по указке западных правительств, в частности британского, последовательно проводившего политику «умиротворения» агрессора, власти Чехословакии потребовали от немецких политических эмигрантов покинуть территорию своей страны¹. Да и во Франции, куда весной 1938 г. переместилось Правление СДПГ², социал-демократы столкнулись с большими трудностями, что даже дало основание К. Гейеру сравнить Прагу с тихим «оазисом мирного покоя»³.

Помимо того, что изменилась общая ситуация и социал-демократы, как и другие эмигранты, оказались втянутыми в тревожный предвоенный мир, сказывались обстоятельства, конкретно связанные с политикой французского правительства радикал-социалиста Дала-

¹ *Stampfer F.* Erfahrungen und Erkenntnisse. Köln, 1957. S. 273.

² Правление СДПГ в это время составляли Вельс, Круммнерль, Гейне, Гильфердинг, Гейер, Олленхауэр, Риннер, Фогель (Гейер и Гейне были кооптированы незадолго до переезда в Париж). В Париже находились и бывшие члены Правления— Юхач и Дитрих. См.: *Mit dem Gesicht nach Deutschland. Eine Dokumentation über die sozialdemokratische Emigration.* Düsseldorf, 1968. Dok. 71. S. 417; Dok. 37. S. 316.

³ *Ibid.* Dok. 35. S. 299—300.

дье, старавшегося ничем не задевать гитлеровскую Германию. В одном из писем из Франции Р. Брайтшайд подчеркивал, что «еще никогда эмиграция не знала так много трудностей», как в этой стране⁴. Даже ограниченная программа деятельности, которую провозгласило Правление социал-демократии сразу же по приезде в Париж, натолкнулась на препятствия.

Прежде всего это касалось организации антифашистской пропаганды. В проекте меморандума Сопаде летом 1938 г. подчеркивалось, что немецкие социал-демократы не находят поддержки на Западе. «Вместо того чтобы помогать распространять правду, делают все, чтобы это было невозможно... Помощники гестапо находятся почти во всех странах Европы... Все должны знать, что такой путь не спасет мир, а наверняка приведет к войне»⁵. Наладить пропагандистскую деятельность в широком масштабе, организовать постоянные радиопередачи на Германию не удалось, хотя переговоры с французскими властями по этому поводу велись неоднократно⁶. Не помогли ни уверения в лояльности, ни попытки обратить внимание на общность политических интересов и т. п.

11 марта 1938 г. фашистский вермахт вторгся в Австрию. Первоначальные протесты западных держав по этому поводу носили формальный характер, и очень скоро аннексия была ими признана. Советский Союз оказался единственной державой, которая в Лиге наций заявила официальный протест против злодейского акта насилия в отношении суверенной страны. Советский Союз предложил всем заинтересованным государствам, прежде всего ведущим странам Запада, обсудить ряд мер по созданию системы коллективной безопасности в Европе и сделать в этом направлении конкретные практические шаги. Запад выжидал, способствуя тем самым усилению экономических и стратегических позиций фашистской Германии. Время работало на Гитлера.

Компартия Германии осудила аннексию Австрийской Республики. Она призвала все прогрессивные силы мира к борьбе за создание действенных международных гарантий против актов фашистской агрессии, вновь

⁴ Цит. по: *Stampfer F.* Die dritte Emigration // *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* S. 109.

⁵ *Ibid.* Dok. 37. S. 320—321.

⁶ *Ibid.* Dok. 95. S. 456—457.

подчеркнув необходимость незамедлительного создания единого рабочего фронта. Коммунисты отметили взаимосвязь между борьбой против фашизма в самой Германии и борьбой австрийского народа за свое национальное освобождение, заявив, что выступают за национальную независимость Австрии⁷.

Позиция же социал-демократии, ее различных течений в вопросе о национальной независимости Австрии была весьма противоречивой и во многом объяснялась установками веймарского периода на присоединение Австрийской Республики к Германии. Однако насильственный акт такого присоединения, откровенно продемонстрировавший мировой общественности сущность фашистского режима, заставил руководство СДПГ категорически высказаться против аннексии. Этот варварский шаг гитлеровского правительства был охарактеризован как «экспансия нового немецкого милитаризма» и «старого немецкого империализма» на пути к построению «мирового рейха»⁸. Однако, в отличие от коммунистов, Правление СДПГ не высказалось однозначно в пользу национальной независимости Австрии, не выразило солидарности с борьбой австрийского народа за свою независимость и суверенитет.

«Ной бегиннен», солидаризируясь с Революционными социалистами Австрии (РСА), в целом также осудив агрессивный акт фашистской Германии, рассматривала перспективы антифашистской борьбы, исходя из совершившегося факта включения Австрийской Республики в состав рейха. Она даже полагала, что аншлюс ускорит освобождение от нацистского господства как Австрии, так и Германии, что совместная борьба антифашистов двух стран приведет в конечном счете к созданию в будущем федеративной «социалистической великой Германии»⁹. Такая позиция не позволяла осознать истинные национальные интересы как австрийского, так и немецкого народа, косвенно была на руку великодержавному шовинизму реакционных кругов Германии.

Правление СДПГ неоднократно предупреждало западные страны о вероятной оккупации фашистами

⁷ Rundschau. 1938. H. 16. S. 513.

⁸ Neuer Vorwärts. 1938. 30. Apr.

⁹ Findelsen O. SPD und Hitlerfaschismus. Diss. B., 1965. Bd. 2. S. 188—189.

Чехословакии, указывало, что политика Гитлера чревата опасными последствиями и для самих европейских держав. Оно критиковало дипломатические уступки Гитлеру, политическую близорукость, позволившую нацистам «на глазах у всего мира создать мощную военную машину... и завоевать стратегические позиции для будущих экспансионистских акций»¹⁰. Правительства западных стран, говорилось в проекте меморандума Правления от лета 1938 г., благодаря своей политике поощрения агрессора «несут ужасную ответственность»: терпимость в конечном счете приведет к катастрофе¹¹.

Однако по-прежнему дело ограничивалось лишь заявлениями и призывами. По замыслу руководства СДПГ критика в адрес западных демократий должна была побудить их к более энергичным и активным дипломатическим действиям. Критические замечания в их адрес носили скорее характер увещаний, упреков в «национальном эгоизме», просьб «не верить в мирные обещания» Гитлера и т. п. Так, Штампфер, отмечая грозившую Европе опасность, призывал Запад, пока не поздно, пока дело не дошло до «кровавых битв», «развернуть бескровную пропаганду»¹². Позиция западных стран, как и прежде, рассматривалась руководством СДПГ в качестве единственного решающего фактора в деле обуздания Гитлера.

В первую очередь это объяснялось традиционной ориентацией руководителей СДПГ на западную демократию, их антикоммунизмом и антисоветизмом. За этим крылась также собственная практическая несостоятельность правых лидеров СДПГ, их боязнь принимать самостоятельные инициативные решения. Отсюда и ссылки на неблагоприятные условия, на объективные и субъективные причины и пр. и пр. Немецкий народ призывали к пассивному ожиданию исхода событий. Сразу же после захвата Австрии руководство СДПГ заявило, что успешная борьба в Германии невозможна, а освободить страну можно только с помощью Запада. Особые надежды возлагались на эффективность политики Лондона, которая должна была

¹⁰ Neuer Vorwärts. 1937. 20., 27. März; 15. Aug.; 1938. 13. Febr.

¹¹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 37. S. 320.

¹² Deutscher Kurierdienst. 1936. 22. Apr.

предупредить дальнейшие поползновения Гитлера, выступив наконец против него¹³.

Мюнхенский сговор поставил руководство СДПГ в крайне неловкое положение. Официальной точки зрения Правление партии не высказало, но в «Нойер Форвертс» появились статьи К. Гейера и Ф. Штамффера с осуждением Мюнхена. Было отмечено, что такое соглашение не может гарантировать мир в Европе, не ликвидирует опасность возникновения войны, а лишь увековечивает ее. «Мир может быть обеспечен не путем достижения соглашений с гитлеровской системой,— подчеркивал К. Гейер,— а на пути ее свержения»¹⁴.

Еще более категорично было утверждение, содержащееся в одной из статей в «Дойчланд-Берихте дер Сопаде»: «Гитлер получил право свободных рук. ...Стало ясно, что западные власти в Мюнхене ни в коей мере не спасли мир, как утверждают их правительства, а...лишь помогли ...противнику еще лучше подготовиться к войне»¹⁵. А в статье по поводу аннексии Чехословакии, опубликованной в марте 1939 г., справедливо отмечалось, что нельзя заключать договора с системой, которая «Вами явно пренебрегает», попирает все нормы международного права, с системой, «для которой нет законов, кроме права более сильного»¹⁶.

Многое в этих заявлениях смыкалось с позицией коммунистов. Коминтерн разоблачал Мюнхенское соглашение как заговор империализма против всеобщего мира, как тяжелейший удар по политике коллективной безопасности, по политике Народного фронта, силам мира и демократии, как шаг к мировой войне. ИККИ рекомендовал компартиям усилить борьбу за объединение всех патриотических сил против фашистских агрессоров, за обуздание реакционных империалистических клик и капитулянтов в собственных странах, за единую международную политику рабочего класса против войны, за укрепление союза народов и стран с СССР¹⁷.

Партии, входящие в Социалистический рабочий

¹³ Deutschland-Berichte der Sopade. 1939. Apr. S. 495. (Далее: DBS).

¹⁴ Neuer Vorwärts. 1938. 13. Nov.; 9. Okt.

¹⁵ DBS. 1939. Apr. S. 491.

¹⁶ DBS. 1939. März. S. 372—373.

¹⁷ См.: История международного рабочего движения: Вопросы

интернационал, не смогли выработать единого отношения к Мюнхену. Большинство из них оказались «в плену порочной логики политики умиротворения»¹⁸.

Надежды СДПГ на решительную позицию социалистических партий западных стран, призванных, по мнению Правления, повлиять на политику своих правительств, оказались тщетными. Добиться взаимопонимания с партиями Рабочего интернационала в вопросах антифашистской, антивоенной политики не удалось. Различные партии, входившие в состав этой международной социалистической организации, в оценке актуальных проблем международной политики часто занимали диаметрально противоположные позиции. Некоторые из них, поддавшись пропаганде своих правительств или исходя из ложно понятых соображений национальной безопасности, солидаризировались с политикой пособничества гитлеровскому режиму. Так, например, когда был подписан Мюнхенский договор, большинство французских социалистов поддержали внешнеполитические акции своего правительства, пребывая в уверенности, что это было единственным средством для спасения мира¹⁹. Английские лейбористы, правда, осудили заключение договора, однако не разделяли опасений немецких социал-демократов относительно неизбежности мировой войны²⁰. Безусловно, все это осложняло проведение последовательно антифашистской, антивоенной политики и в конечном счете вызвало кризис в рядах Социалистического рабочего интернационала и его крах²¹.

Таким образом, антивоенная позиция немецких социал-демократов в тот период оказалась более радикальной, чем позиция других партий Рабочего интернационала. Это, безусловно, определялось особым положением СДПГ как партии — представительницы страны, от которой исходила непосредственная угроза миру.

Хотя в антивоенной пропаганде СДПГ по-прежнему делала упор на чисто этические и правовые моменты, такая пропаганда, в особенности в предвоенный и

истории и теории. М., 1981. Т. 5. С. 278.

¹⁸ Там же. С. 459.

¹⁹ Салычев С. С. Французская социалистическая партия между двумя мировыми войнами (1921—1940). М., 1973.

²⁰ Гурович П. В. Английское рабочее движение накануне второй мировой войны. М., 1967.

²¹ Geschichte der Sozialistischen Arbeiter-Internationale (1923—1940). В., 1985. S. 280—281.

военный период, затрагивала сердца людей. Она содержала ряд правильных выводов и положений, которые смыкались с антифашистской пропагандой коммунистов. В ряде статей и заявлений социал-демократы подчеркивали агрессивные цели германского фашизма, предупреждали о страшной опасности, которая грозила миру и немецкому народу. В заявлении Правления, опубликованном 26 марта 1939 г. по поводу аннексии Чехословакии, говорилось: «Германии грозит опасность быть втянутой в ужасную войну и потерпеть поражение. В борьбе против всего мира не может быть ничего другого, кроме поражения... Немецкий народ не един. Это мнимое единство, которое обеспечили гестапо и концентрационные лагеря... Чем дольше будет длиться война, тем станет очевиднее, что наверняка настанет день, когда Германия окажется страной с разрушенными городами, сожженными селами, опустошенными полями... с истрадавшимися, лишенным всяких надежд населением и будет вынуждена принять любой мир, который предложат победители»²².

Активно вели антимилицаристскую пропаганду левые силы СДПГ. После Мюнхена вновь стал заметен поворот левых социал-демократов в сторону идеи единого рабочего фронта. «Горькое разочарование капитуляцией западных держав, вызвавшее желание объединить все антифашистские силы против Гитлера и грядущей войны, придавало лозунгу единства притягательную силу», — писал позднее В. Брандт²³.

Вновь стали более отчетливо проступать симпатии ведущих левых групп СДПГ к Советскому Союзу. «Многочисленные социалисты и либералы, — пишет Л. Эдinger, — снова повернулись к Советскому Союзу как единственной силе, которая...полна решимости противостоят агрессии национал-социализма»²⁴. В меморандуме «Грядущая мировая война», подготовленном «Ной бегиннен», Революционными социалистами Австрии и СРП весной 1939 г., говорилось, что среди сил, которые в случае войны будут бороться против Германии, СССР — единственная страна, которая не имеет империалистических целей и на чью помощь и

²² Neuer Vorwärts. 1939. 26. März.

²³ Цит. по: *Findeisen O.* Op. cit. S. 271.

²⁴ *Edinger L. J.* Sozialdemokratie und Nationalsozialismus. Hannover; Frankfurt a. M., 1960. S. 182.

поддержку могут и должны рассчитывать немецкие революционные социалисты²⁵.

При всей близости в оценках отдельных международных событий позиция левых групп СДПГ отличалась от позиции Сопада. Рассматривая мюнхенскую политику Запада как «попытку любой ценой сохранить мир», левые подчеркивали, что такая политика способствует усилению фашизма, означает капитуляцию западных стран. Эти моменты нашли отражение в принятом 30 марта 1939 г. левыми группами СДПГ, Революционными социалистами Австрии совместно с компартиями Германии и Австрии Заявлении протеста против аннексии Чехословакии²⁶. В отличие от правых эти группы подчеркивали классовую направленность западной дипломатии, пытавшейся повернуть агрессивные устремления гитлеровского фашизма на Восток, против Советского Союза.

В эмигрантских левых кругах, несмотря на общность взглядов относительно роли европейского антифашистского движения в освобождении народа Германии от фашистской тирании, имели место различия в понимании международных факторов. «Ной бегиннен» считала, например, что судьба немецкого сопротивления, возможность его фронтального наступления на фашизм в конечном счете зависят от решительной позиции буржуазно-демократических сил Англии и Франции. В отличие от этой группы Социалистическая рабочая партия утверждала, что будущее немецкого рабочего класса, всего мира тесно связано с Советским Союзом, с рабочим классом Страны Советов²⁷.

Оценка же лидерами СДПГ роли Советского Союза в обеспечении дела мира оставалась неизменной. Время от времени, отдавая должное СССР исключительно как потенциальному партнеру западных держав (в частности, это наблюдалось весной 1939 г., когда состоялись переговоры между СССР, Англией и Францией по поводу заключения военной конвенции), Правление СДПГ в целом не отказалось от своей антикоммунистической линии. Оно ложно утверждало, например, что Советский Союз намерен вступить в коалицию с западными державами не «из любви к демократии,

²⁵ Ibid. S. 182—183.

²⁶ См.: Далем Ф. Накануне второй мировой войны, 1938 — август 1939 г. М., 1982. Т. 2. С. 68—69.

²⁷ *Findeisen O.* Op. cit. S. 215—216.

а из корыстных внешнеполитических соображений», и т. п.²⁸ Между тем хорошо известно, что именно такими соображениями руководствовались на переговорах западные державы. Сорвав переговоры, они продемонстрировали Гитлеру свою лояльность, ускорив тем самым развязывание второй мировой войны.

Антифашистская пропаганда Сопаде оставалась весьма противоречивой. Она не столько призывала к борьбе, сколько сеяла среди немецких социал-демократов настроения пессимизма и отчаяния, неверия в собственные силы. Так, правые, вопреки собственным высказываниям, заявляли, что работа нелегальных организаций в тотальном государстве бессмысленна, что «победы Гитлера могут быть остановлены только извне», и это не зависит ни от немецкого народа, ни от подпольного движения²⁹.

Встречались заявления, насквозь пропитанные пессимистическими нотками, подобные следующему: «Нет такой силы, которая бы осмелилась противостоять Гитлеру... У нас нет оснований оглядываться с удовлетворением на прошлое или с оптимизмом смотреть в будущее... деспотизм на марше... безумие — что-либо предпринимать против нацистского государства»³⁰.

Правление СДПГ на практике, как и ранее, выступало против активной подпольной борьбы рабочего класса, членов своей партии, мотивируя это незрелостью объективных предпосылок для такой борьбы и т. п. Неизменной оставалась слепая привязанность к колеснице Запада и принципиально негативная позиция в отношении коммунистов.

В циркуляре Правления от 10 августа 1938 г. членам партии даже категорически предписывалось отклонять предложения о единых действиях с коммунистами на том основании, что социал-демократы в настоящий момент считают эту проблему крайне неактуальной³¹. Немыслимо, но в столь опасной для дела мира обстановке на заседании Правления СДПГ 26 апреля 1939 г. обсуждался вопрос о том, как бороться с компартией после свержения фашизма³². «Никакого народного фронта с КПГ,— призывал К. Гейер в одной

²⁸ Neuer Vorwärts. 1939. 21. Mai.

²⁹ Neuer Vorwärts. 1938. 27. März.

³⁰ Ibid. 1937. 26. Dez.

³¹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 41. S. 358.

³² Findeisen O. Op. cit. S. 237.

из статей в «Нойер Форвертс», — иначе мы все превратимся в союзников Советской России»³³.

В то время как в обстановке надвигавшейся войны правыми кругами в социалистическом движении нагнеталась антикоммунистическая кампания, Коминтерн, коммунистические партии делали все возможное для сплочения антифашистских сил. 30 января — 1 февраля 1939 г. состоялась Бернская конференция КПГ. Она призвала к борьбе против военной угрозы, за свержение нацистского режима, наметила социально-политические контуры будущего германского демократического государства. Конференция подчеркнула, что немецкий народ никогда не должен воевать против Советского Союза, подтвердила важность единства немецкого рабочего класса, вплоть до образования единой партии, что являлось настоятельным требованием классово сознательных рабочих³⁴. Однако, несмотря на героическую борьбу, компартии не удалось сплотить массы в широком Народном фронте, поднять их на свержение фашистского режима и предотвратить развязывание войны.

Движение за единство партии

Хотя правые претендовали на лидирующее положение в СДПГ, «между 1938 и 1940 гг. старые социал-демократические вожди, — по замечанию Л. Эдингера, — не только в силу обстоятельств, но и по собственной воле... оставались маленькой раздробленной группой генералов без армии, которые не принимались в расчет мировой общественностью и были отвергнуты соратниками по эмиграции»³⁵.

В эмигрантских кругах Парижа сохранилась достаточно демократичная, левая атмосфера. Немецкие левые — «Ной бегиннен», группа «Международный социалистический боевой союз» (МСБС), Социалистическая рабочая партия (СРП), состоявшие в дружественных отношениях с прогрессивной эмиграцией из других стран, пользовались здесь преимущественным влия-

³³ Neuer Vorwärts. 1939. 21. Mai.

³⁴ История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 257; Die Berner Konferenz der KPD (30 Jan.—1 Febr. 1939). В., 1970; Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands, 1919—1946. В., 1954.

³⁵ Edinger L. J. Op. cit. S. 179, 209—210.

нием, авторитет недавно появившегося Сопаде был явно призрачным. Левые располагали собственными представительствами, своими печатными органами, сохранили, в отличие от партийного Правления, пусть ограниченные, связи с германским подпольем. Контакты же Сопаде с нелегальными группами Германии почти все были прерваны, система пограничных курьеров и секретариатов, в основном на территории Чехословакии, ликвидирована. Положение правых в партии было проблематичным. И поэтому, когда по инициативе левых групп в первой половине 1938 г. был поставлен вопрос об объединении социал-демократических сил, Сопаде не имело сил противиться этому и в надежде на укрепление своего престижа выразило готовность принять участие в «движении за концентрацию». Правые круги социал-демократии высказались «за преодоление раздробленности и восстановление единого социал-демократического движения»³⁶.

После роспуска группы «Революционные социалисты», еще в 1936 г. предлагавшей объединить партию под руководством левых сил, инициативу объединения СДПГ взяла на себя группа «Ной бегиннен», действовавшая совместно с Революционными социалистами Австрии³⁷ и образовавшейся в 1937 г. в Париже под руководством Макса Брауна Местной группой СДПГ. Представители последней, а также СРП, «Ной бегиннен» отмечали, что эмигрантские организации «имеют лишь ограниченное значение для развития (подпольного.—Л. Б.) движения в Германии», и подчеркивали необходимость создания действенного центра СДПГ, который взял бы на себя ответственность за организацию и проведение антифашистской борьбы в Германии, за сплочение всех антифашистских сил³⁸.

³⁶ Neuer Vorwärts. 1938. 10. Juli.

³⁷ «Ной бегиннен» по-прежнему поддерживала традиционные контакты с Революционными социалистами Австрии, заграничное представительство которых теперь, после смерти О. Бауера летом 1938 г., возглавлял Г. Рихтер. Позиция РСА сводилась к следующему: достижение высоких целей «социалистической освободительной борьбы» и освобождения рабочего класса (эта задача не снималась с повестки дня) возможно лишь в ходе совершения общенемецкой революции, восстановление государственной самостоятельности Австрии при этом не предусматривалось. Отсюда и тактическая задача объединения с немецким социалистическим движением. См.: Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 36. S. 301.

³⁸ Ibid. Dok. 36(3). S. 308; Drechsler K. Die Sozialistische Arbei-

Постановка левыми в условиях фашизма проблемы единства социал-демократии, которая должна была внести свой реальный вклад в дело борьбы за мир, против гитлеровского режима, была явлением позитивным. Однако, несмотря на актуальность, предлагаемое левыми объединение не могло быть осуществлено оперативно. Создание новой партии на принципиально новых, в духе левых концепций, идеологических основах³⁹ не могло быть единовременным актом.

К тому же «Ной бегиннен» проводила кампанию концентрации отнюдь не под флагом создания единого фронта, а скорее с позиций противопоставления ему и конфронтации с компартией. Представители «Ной бегиннен» заявляли, что переговоры с коммунистами о едином фронте невозможны до тех пор, пока не будет решена проблема объединения СДПГ, пока не будет создана влиятельная и сплоченная социал-демократическая организация, необходимая «для завоевания твердых позиций в деле создания единства действий с коммунистами»⁴⁰, иначе говоря, они в известной степени притязали на лидирующее положение «обновленной» СДПГ в едином фронте.

Коммунисты в принципе отнеслись положительно к движению за концентрацию. В. Ульбрихт в одной из статей подчеркнул, что «единый фронт СДПГ и КПГ... ни в коем случае не противоречит возрождению и усилению каждой из партий. Единый фронт даст обеим партиям полное право вести самостоятельную пропаганду и возможность усилить свои организации. Чем позитивнее борются обе партии за единый фронт, тем сильнее станут они сами»⁴¹.

Вокруг принципов концентрации, ее идеологических и организационных основ в среде социал-демократии разгорелись споры, которые практически не прекращались до поражения Франции, т. е. до конца парижской эмиграции в 1940 г. Это в конечном счете определило негативный исход движения в рассматриваемый период.

На заседании 26 февраля в Праге, а затем в марте 1938 г. на встрече представителей ведущих социал-де-

terpartei Deutschlands (SAPD). Meisenheim am Glan, 1965. S. 330—331.

³⁹ См.: *Edinger L. J.* Op. cit. S. 174—180.

⁴⁰ *Findeisen O.* Op. cit. S. 140.

⁴¹ *Ibid.* S. 193.

мократических групп в Париже Правление голосовало за сотрудничество в целях объединения социал-демократии. Более того, оно обязалось вступить в переговоры со всеми оппозиционными руководства группами СДПГ⁴².

Однако позиция «Ной бегиннен», которая притязала на руководство всем социал-демократическим движением, а также результаты выборов в Комитет концентрации, где левые получили преимущество, существенно ослабили заинтересованность Правления в объединении СДПГ. Отныне все усилия правых были направлены на обоснование своего единоличного права на представительство всей партии, неизбежность авторитета старого руководства, его абсолютную несменяемость. На основании сформулированной ими «мандатной теории» (правые ссылались при этом на мандат, якобы выданный им на апрельской конференции 1933 г.⁴³) члены Сопаде требовали безусловного признания их ведущей роли в движении за концентрацию. Ф. Штампфер подчеркивал, что если социалисты действительно хотят единства, то следует отбросить все разговоры о притязании Сопаде на руководство партией и просто рассматривать Правление партии как истинное ядро концентрации⁴⁴.

Любопытно, что при этом правые в Сопаде упорно отказывались признавать такое право за бывшими членами Правления 1933 г.—Брайтшайдом, Дитрихом, Юхач и другими. Ведь к этому времени позиция названных социал-демократов по важнейшим политическим проблемам стала существенно расходиться с официальной линией Сопаде. Не случайно Олленхауэр в письме к Вельсу заявил, что члены Правления не хотят включать в руководство Р. Брайтшайда, потому что он остался «верен политике юношеских идеалов»⁴⁵, т. е., надо понимать, политике антифашистского Народного фронта.

Выборочно велись и переговоры Сопаде с социал-демократическими группами. Отказываясь налаживать контакты с «Ной бегиннен», правые провели официаль-

⁴² Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 39. S. 343; Dok. 37. S. 317.

⁴³ Ibid. Dok. 36. S. 301; Dok. 172. S. 687; Dok. 176. S. 701—702.

⁴⁴ Ibid. Dok. 36. S. 305—306.

⁴⁵ Ibid. Dok. 41. S. 360.

ные переговоры с Местной группой СДПГ в Париже. На заседании Правления в августе 1938 г. Г. Фогель откровенно заявил, что если во взаимоотношениях с другими группами могут возникнуть сложные проблемы, то с Местной группой СДПГ достаточно ограничиться рассмотрением лишь ряда организационных мер, потому что они стоят на сходных позициях.

Позиция руководителя этой группы М. Брауна сводилась к тому, что надо отбросить внутривнутрипартийные разногласия и пойти на серьезный компромисс с правыми ради достижения столь насущного единства партии⁴⁶. В виду серьезности международной обстановки и положения в Германии этот вариант объединения мог стать одним из самых приемлемых, если бы Браун обозначил цели, во имя которых должно быть достигнуто это организационное единство. Однако в отличие от других групп СДПГ, указавших на то, что непременным условием такого объединения должен стать лозунг борьбы с фашизмом, Браун оставался намеренно неопределенен, что и привлекало Сопаде к Местной группе СДПГ в Париже, сделав в то же время позицию последней весьма уязвимой. Ей нечего было противопоставить Правлению на состоявшихся сепаратных переговорах, и она приняла все продиктованные ей условия: согласилась на прекращение издания собственной газеты. в конечном счете на самороспуск, усилив тем самым позиции правых.

Учитывая практическое состояние дел в социал-демократии, когда каждая сторона настаивала на приоритете собственных принципов и организационном лидерстве, руководитель австрийских социал-демократов Г. Рихтер летом 1938 г. на совместной конференции правых и Революционных социалистов Австрии предложил обсудить вариант так называемого «картеля» немецких социал-демократических групп, в состав которого вошли бы Сопаде, «Ной бегиннен», Местная группа СДПГ в Париже и РСА⁴⁷.

В основе предложенного Рихтером плана стояла задача организации антифашистской борьбы с целью противодействия агрессивной политике нацистского

⁴⁶ О противоречивой позиции М. Брауна в отношении совместных действий с коммунистами см.: *Далем Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 184.*

⁴⁷ *Mit dem Gesicht nach Deutschland, Dok. 41. S. 358—359.*

режима. Было предложено создать совместные комитеты помощи эмигрантам и жертвам фашизма, объединить нелегальные каналы, создать совместные пограничные секретариаты и т. д. При этом предусматривалась абсолютная организационная самостоятельность участников объединения, паритет при выборах в руководящие органы и т. п. В дальнейшем предполагалось подключение всех левых групп. В частности, Рихтер выступал за привлечение к работе «картеля» группы «10 пунктов»⁴⁸. Лидер РСА категорически высказался против притязаний Сопаде на руководство объединенным движением, равно как и не ставил условием концентрации социалистических сил идеологическое обновление.

Однако эта реалистическая платформа была отвергнута большинством правых. На заседании Правления 10 августа 1938 г. они доказывали отсутствие предпосылок для переговоров с левыми группами. Вновь обнажились существенные разногласия между правым крылом Сопаде и П. Герцем, подвергнувшим резкой критике пассивную позицию руководства партии. Он подчеркнул, что недопустимо сводить проблему концентрации исключительно к вопросу бездеятельного единства партии, в то время как важнейшей задачей должно стать направление работы партии вовне, на организацию практической антифашистской борьбы. Герц заметил, что решение именно этой проблемы существенно поднимет авторитет партии, тогда как противоположная позиция лишь «усугубит положение и приведет к окончательной потере доверия среди членов партии»⁴⁹.

Однако тогдашнее руководство СДПГ, лидерство в котором практически захватил Ф. Штампфер, боялось хотя бы на йоту отступить от тех догматических норм, которыми оно руководствовалось более двух десятков лет и которые казались незыблемыми. В конечном счете объединение социал-демократии стало невозможным из-за различия принципиальных позиций правых и левого крыла СДПГ. Почва для такого объединения, подчеркивал эмигрировавший в США Зольман в письме к Штампферу, отсутствует в силу той глубокой пограничной линии, которая разделяет социал-демократов

⁴⁸ Ibid. Dok. 39. S. 337; Dok. 41. S. 358—359; Dok. 36. S. 302—303.

⁴⁹ Ibid. Dok. 39. S. 341.

в их представлениях о политике партии в прошлом и будущем⁵⁰.

Э. Олленхауэр писал Вельсу в Копенгаген в августе 1938 г.: «Для нас невозможно вступление в „картель“ на положении одной из групп... Не подлежит сомнению, что с помощью этой организации хотят гальванизировать так называемые подпольные группы и усилить их позиции на переговорах о концентрации. Если в результате концентрации Правление будет разбавлено, оно потеряет свой авторитет... Мы не подчинимся, даже если возникнет опасность остаться в одиночестве и выглядеть саботажниками концентрации»⁵¹. Сказано предельно откровенно. Эгоистические групповые интересы, опасения, что следствием объединения партии станет усиление влияния левых сил, боязнь за судьбу реформистских принципов выступили на первый план и заслонили не требовавшие отлагательств задачи по сплочению всех сил партии, всего рабочего движения.

Негативная позиция правого крыла в отношении единства партии побудила ее левые круги действовать самостоятельно. 16 сентября 1938 г. по инициативе Революционных социалистов Австрии был образован Рабочий комитет немецких социалистов и РСА под названием Рабочее содружество для деятельности внутри страны (далее — Содружество). В его состав вошли «Ной бегиннен», СРП, позднее Международный социалистический боевой союз и остатки группы М. Брауна. Председателем стал член РСА Юлиус Дойч. Комитет был основан на базе принципов, предложенных Г. Рихтером: группы сохраняли политическую и организационную самостоятельность, в качестве первоочередной выдвигалась задача совместной антифашистской борьбы.

Несмотря на тяжелые потери⁵², Содружество не прекращало подпольной работы. Опираясь на компартию, ему отчасти удалось восстановить разгромленные

⁵⁰ Ibid. Dok. 44. S. 368. О. Вельс в это время был тяжело болен и находился на излечении в Копенгагене, где вскоре умер.

⁵¹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 41. S. 359.

⁵² К тому времени гестапо были разгромлены почти все группы СРП, арестованы все группы МСБС. В сентябре — октябре 1938 г. вместе с группой «10 пунктов» была разгромлена и берлинская группа «Ной бегиннен». См.: Drechsler K. Op. cit. S. 336—337; Findeisen O. Op. cit. S. 217.

гестапо опорные нелегальные пункты в Германии, сохранить ряд пограничных секретариатов.

Исходя из известной концепции о необходимости создания в СДПГ «внутренних предпосылок» для единого фронта, Содружество отклонило предложение КПГ от февраля 1939 г. подписать совместное обращение к немецким антифашистам о создании единого фронта, однако высказалось за совместные акции «от случая к случаю»⁵³. Шаги в этом направлении были предприняты на практике. Как уже упоминалось выше, 30 марта 1939 г. Рабочий комитет немецких социалистов и РСА и Коммунистические партии Германии и Австрии приняли совместное воззвание «Ко всем рабочим Германии и Австрии» по поводу аннексии Чехословакии. В нем говорилось, что «в положении, когда каждый дальнейший шаг непосредственно решает вопрос войны и мира, судьбы миллионов людей... немцы и австрийцы, социалисты и коммунисты, представители нелегально борющегося рабочего движения выступают вместе... чтобы... способствовать борьбе против общего врага»⁵⁴. Особо отмечалась потребность создания широкой массовой базы противников режима из различных слоев населения и выдвигались конкретные лозунги против снижения заработной платы, принудительных работ, усиления налогового гнета на крестьян и средние слои и т. п. Был внесен ряд конкретных предложений по организации совместной деятельности.

При всем при том Содружество отнюдь не было единым в своем отношении к коммунистам, к возможности делового сотрудничества с компартией. Если левое крыло (Ю. Дойч, Я. Вальхер) высказывалось в этом отношении однозначно положительно, то правое (К. Франк) действовало иначе. Под его влиянием к упомянутому возванию был приложен комментарий группы «Ной бегиннен», осторожные формулировки которого⁵⁵ свидетельствовали о недоверии к коммунистам. Тем не менее комментарий подчеркивал, что

⁵³ Ibid. S. 229.

⁵⁴ Rundschau. 1939. N. 22. S. 597.

⁵⁵ В комментарии подчеркивалось, что принятое воззвание не требует немедленного взаимодействия подпольных групп на местах, что оно должно прежде всего способствовать концентрации социал-демократического лагеря, а не соглашению с компартией.

подписавшие воззвание рассматривают его «как начало серьезной попытки изыскать возможность длительной совместной работы с коммунистами»⁵⁶.

Таким образом, вставший к началу второй мировой войны вопрос о концентрации партии, о практической организации антифашистской борьбы вновь продемонстрировал противоречия между левым и правым крылом СДПГ. Левые в своем большинстве склонны были подчеркивать первостепенное значение антивоенной, антифашистской борьбы. Правые, желая уйти от решения злободневных проблем, смещали акценты: отдавая на откуп времени конкретное решение задачи борьбы с фашизмом, они переносили центр тяжести на разработку будущих послевоенных проблем. Поэтому разумная инициатива левых по укреплению единства партии в полной мере реализована не была. Партия по-прежнему пребывала в состоянии организационной и идеологической раздробленности.

Программные дебаты

В надежде приглушить оппозиционные настроения и перенести центр тяжести на решение проблем отдаленного будущего статьей в «Нойер Форвертс» от 21 августа 1938 г. Ф. Штампфер открыл теоретические дебаты по поводу необходимости принятия новой программы партии. Он заявил, что, для того чтобы преодолеть разногласия и сплотить массы, необходимо выработать четкие и определенные представления относительно будущего Германии. «Недостаточно показать,— утверждалось в статье,— какая Германия сегодня, необходимо показать, какой она должна стать завтра»⁵⁷. Такую постановку вопроса можно было лишь приветствовать, если бы с ее помощью не пытались уйти от решения злободневных проблем сегодняшнего дня. Более того, в соответствии с демагогическими замыслами правых Штампфер с самого начала дал понять, что никакие критические замечания в адрес старой программы и политической деятельности СДПГ непозволительны. «Правильность и необходимость наших социал-демократических идей еще никогда не проявлялись так отчетливо, как в настоящее

⁵⁶ Rundschau. 1939. H. 22. S. 598.

⁵⁷ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 40. S. 354.

время», — претенциозно подчеркивал он все в той же статье.

В мировоззренческих основах, теоретических выводах и положениях новой программы, в оценке прошлой и современной эпохи, прогнозах на будущее по-прежнему преобладал внеклассовый, идеалистический подход. Так, например, Штампфер дал эклектическую оценку современности как «эпохи, отличающейся сильными над- и антикапиталистическими чертами»⁵⁸. При этом в одном ряду непропорционально оказывались совершенно разные по своей сущности социальные явления и государственные образования: Советская Республика и «новый курс» Рузвельта в США, «эксперименты фашизма» и «разнообразная... созидательная работа (социал-демократов.— Л. Б.) в Веймарской республике»⁵⁹. Как и ранее, отсутствовала внятная характеристика фашистского режима — большой вопрос, который правая социал-демократия по существу так и не смогла разрешить в течение всего периода эмиграции.

Правые торжественно провозгласили, что будущая Германия «должна быть возрождена на гуманных, свободных, демократических и социалистических принципах», принципах «всеобщего благосостояния, а не эксплуатации»⁶⁰. Целям «освобождения и более высокого развития личности, — говорилось в одном из документов СДПГ того времени, — должна быть подчинена вся политика государства, особенно его экономическая политика», которая лишь в силу этой его функции «должна стать политикой социалистической (!)»⁶¹. Подобные декларации не подкреплялись постановкой каких-либо политических задач.

Как справедливо отмечает Л. И. Эдингер, либеральные принципы Веймарской республики по-прежнему «олицетворяли для правых те основные идеи, которые они вновь надеялись осуществить после падения Гитлера»⁶². Будучи вынужденными указывать на ошибки Веймара и даже заявлять, что «новая республика не должна стать повторением первой», правые в то же время объясняли причины падения Веймарской республики явлениями надстроечного, конституционного,

⁵⁸ Neuer Vorwärts. 1938. 21. Aug.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 37. S. 319.

⁶² Edinger L. J. Op. cit. S. 180.

функционального характера, не касаясь при этом сущности самого буржуазного государства, классовой направленности его экономических и политических структур, определяющих собою ход исторического процесса в обществе и приведших в особых условиях Германии, с ее националистическими и милитаристскими наслоениями, к фашистской диктатуре. В числе этих причин называлось и «отсутствие действенной силы», и «конституционная слабость верховной власти», и «незащищенность парламентской системы от фракционной безответственности и разрушительной силы хулиганствующих элементов» и т. д. и т. п.⁶³ Наконец, в одной из статей в августе 1939 г. Ф. Штампфер заявил, что наибольшую ошибку Веймарской конституции надо искать не в ней самой, а «в тех, кто ее не понял, кто не ограничился критикой ее отдельных положений, а отбросил ее по существу»⁶⁴.

Гарантию обеспечения демократических норм «нового общества» правые усматривали в «неограниченном государственном централизме» при решении проблем «как экономического, так и политического характера», т. е. в фактическом усилении роли государства в рамках конституции веймарского типа⁶⁵. Отступая от «чрезмерных требований Гейдельбергской программы», правые согласны были отдать экономические рычаги власти полностью в руки буржуазии. Призывая лишь «к решению реальных задач», лидеры СДПГ подчеркивали, что необходима «не социализация созревших для этого отраслей экономики», а «сохранение государства как хозяина при оставлении за ним всех его функций»⁶⁶.

Таким образом, налицо была старая реформистская трактовка государства как надклассового явления (отягощенная еще большим поворотом вправо), т. е. старая эволюционная теория построения нового общества в рамках демократического буржуазного государства, теория, которая доказала свою несостоятельность и беспочвенность самим фактом установления фашистской диктатуры, опрокинувшей все конституционные гарантии. Известно, что уже в конце веймарского периода те же социал-демократы сдавали одну за дру-

⁶³ Neuer Vorwärts, 1938, 21. Aug.

⁶⁴ Ibid. 1939, 20. Aug.

⁶⁵ Ibid. 1938, 21. Nov.

⁶⁶ Ibid.

гой с таким трудом завоеванные позиции в государстве и обществе.

Приверженность правых социал-демократов к эволюционной теории социальных преобразований, исключавшей тезис о завоевании власти трудящимися, предопределила направленность программных дискуссий о роли рабочего класса в историческом процессе.

Признавая, что «индустриальные рабочие, благодаря своей концентрированной массе, политическим традициям и опыту, призваны сыграть решающую роль при построении будущего общества», лидеры социал-демократии отводили пролетариату исключительно роль чернорабочего в истории. Опыт 1918 г. научил деятелей типа Штампфера лишь тому, чтобы впредь воспитывать «единое сознание рабочих» в духе примиренчества, избегать «революционных эксцессов Ноябрьской революции»⁶⁷. В проекте меморандума Правления от лета 1938 г. говорилось: «Рабочему классу... необязательно учреждать режим силы над другой частью народа. Он не может считать своей задачей замену современной системы диктатуры (фашистской.— Л. Б.) другой диктаторской системой ... Политическая глупость,— писал Штампфер,— провозглашать диктатуру одного класса и тем самым побуждать к сопротивлению всех тех, кто не принадлежит к этому классу»⁶⁸.

Прежде всего, необходимо отметить, что появление на страницах «Нойер Форвертс» такого рода несвоевременных высказываний имело к тому же совершенно определенный смысл — сместив акценты, уйти в сторону от решения злободневных проблем борьбы с фашизмом, от необходимости брать на себя политическую ответственность. Ведь коммунисты к тому времени не ставили задачу свержения фашистского режима путем установления диктатуры пролетариата. Лидеры же СДПГ давали понять общественности, что якобы при неизменной позиции КПП идти с ними на какие-либо соглашения невозможно (даже с учетом того, что политическое острие дискуссии было направлено против левацких представлений в рядах собственной партии).

Тем не менее дискуссия подтверждала, что социал-демократы, из каких бы побуждений они ни исходи-

⁶⁷ Ibid. 1939. 4. Juni.

⁶⁸ Ibid. 1938. 26. Nov.

ли, оказывались в противоположном пролетариату лагере — лагере буржуазии, становились сторонниками неизменности и незыблемости буржуаной республики, ибо невозможно увязать «приверженность делу социализма» и стремление любыми путями не допустить активных действий пролетариата, избежать необходимости его лидерства при установлении народной власти. Другими словами, рабочий класс призывали стать хранителем буржуазного строя. Эфемерная формулировка о «благоденствии всех слоев населения» в реформистской подаче объективно означала свободу и благоденствие и для реакционных эксплуататорских классов, в том числе тех, кто проложил дорогу фашизму.

В ходе программной дискуссии со стороны представителей течения «народных социалистов» (Зольмана и пр.) наметилась дальнейшая тенденция пересмотра теоретических положений социал-демократии в сторону окончательного отказа от марксизма. Зольман, напуганный, как видно, совершенно безосновательно, громким заявлением Штампфера о необходимости новой программы партии, опубликовал открытое письмо с требованием оставить старую реформистскую программу партии в неприкосновенности, а если и внести в нее какие-либо изменения, то в сторону окончательного отказа от терминологии марксизма⁶⁹.

Зольман утверждал, что самой серьезной теоретической и политической слабостью СДПГ в веймарский период была ее непоследовательность («программа и агитация, теория и практика часто находились в противоречии»): в то время как в своей практической деятельности партия «все выше поднималась... от классовой к партии народной» (что оценивалось автором письма исключительно с положительной стороны.— Л. Б.), она все чаще находилась под влиянием «марксистских доктрин», не могла четко «определить свою позицию между диктатурой и демократией», выработать «правильное» понимание различных марксистских положений⁷⁰.

«Народные социалисты» категорически заявили, что употребление в политической практике СДПГ «в качестве фетишей» таких «старых затертых слов-клише», как «классовая борьба», «социализм», «пролетариат»,

⁶⁹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 44. S. 370.

⁷⁰ Ibid.

якобы является давнишней ошибкой и исчерпало себя «в столетней пропаганде». Не должно быть чисто классовых интересов, утверждал Зольман, есть «солидарные интересы» различных рабочих групп, «других народных слоев», должна быть взаимная «ответственность» всех слоев населения за состояние национальной экономики и национального сообщества⁷¹. Он советовал искоренить названные «противоречия», а СДПГ проводить «хорошую, реформистскую народную политику» и, подобно ряду социалистических партий Запада, без принуждения сотрудничать с буржуазными партиями на благо нации».

Однако, несмотря на явное сближение позиций Сопада с концепциями «народных социалистов», объективная реальность диктовала правому социал-демократическому руководству, как и в пражский период, сохранение до определенного времени старой терминологии марксизма — слишком сильны были левые оппозиционные настроения в партии. Так, по крайней мере, считал Штампфер. Отвечая Зольману, он признавал вслед за ним «ошибочность отдельных положений марксизма ...которые нам (СДПГ.— Л. Б.) вредны», тем не менее считал, что целиком отбрасывать марксизм нельзя⁷². Он отмечал, что роль марксизма в истории рабочего движения и «в истории немецкой социал-демократии так велика, что, оспаривая ее, мы отречемся от своего собственного происхождения»⁷³.

Из всего богатого наследия марксизма (ленинизм как составная часть марксизма вообще не рассматривался) Штампфер выделял лишь два положительных момента: открытие, согласно осторожной формулировке автора, «взаимосвязи между экономической структурой общества и его духовным содержанием», а также то обстоятельство, что марксистская теория «побудила рабочих к осознанию своих функций в капиталистическом обществе»⁷⁴. В самой убогой трактовке лидер Правления СДПГ оставлял от марксизма только то, что вполне укладывалось в реформистскую схему и на этом основании произвольно делал вывод о статичности положения и интересов рабочего класса

⁷¹ Ibid. S. 368, 369.

⁷² Ibid. S. 373.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Ibid.

в капиталистическом обществе, т. е. в конечном счете о неизбежности самого этого общества.

В июле 1939 г. в рамках дискуссии о программе партии в Париже вышла книга члена Правления СДПГ К. Гейера «Партия свободы»⁷⁵. Правление обсуждало возможность выхода этой книги за своей подписью. За это решение высказались Фогель, Круменерль и Риннер. Штампфер, принципиально не возражая против основных положений этого труда, настоял, однако, на том, чтобы под ним стояла личная подпись Гейера⁷⁶.

Дело в том, что К. Гейер с позиций философского ревизионизма предпринял открытое наступление на марксизм. В книге отрицался закономерный объективный характер исторического процесса, классовая борьба как движущая сила исторического прогресса, преобразующая, созидательная миссия рабочего класса. Борьба «за достижение счастья и свободы для всех... не может быть признана особым правом и особой миссией рабочего класса», — утверждал Гейер⁷⁷.

В качестве движущей силы исторического прогресса в книге была провозглашена идеалистическая «идея свободы», идея, которая, по словам Гейера, должна была определять политику всех либерально-демократических и социалистических партий. Идея борьбы за свободу, а не за какие-то классовые интересы, указывалось в книге, «должна стать собственно ведущей идеей борющейся социалистической партии»; она, по мысли автора, «является последним, абсолютным решением, которое нельзя свести к классовому положению и экономическим интересам, к воздействию внеличностных, экономических и социальных закономерностей»⁷⁸. При этом подчеркивалась приверженность СДПГ гуманистическим и либеральным принципам великих буржуазных революций. «Мы считаем себя, — писал Гейер, — частью духовного движения последних столетий, которое сегодня продолжает жить как в либерализме, так и в социализме, потому что оба основываются на одних и тех же принципах и идеалах свободы и гуманизма»⁷⁹.

⁷⁵ Geyer K. Die Partei der Freiheit. P., 1939.

⁷⁶ Findeisen O. Op. cit. S. 252.

⁷⁷ Geyer K. Op. cit. S. 69, 53.

⁷⁸ Ibid. S. 69.

⁷⁹ Ibid. S. 67.

Борьбу с фашизмом Гейер провозглашал общим делом «всей свободной оппозиции», т. е. подчеркивал ее общедемократический характер. Такую позицию можно было бы только приветствовать. Однако автор книги делает из этого вывод о необходимости изменения позиции СДПГ в сторону окончательного отказа от марксизма, решительного пересмотра руководящей роли и значения рабочего класса в антифашистско-демократической революции. Единственно «реалистический путь к единству немецкой оппозиции» требует, писал он, сохранения либерального характера социал-демократического движения, рабочий класс не имеет никакого права притязать на гегемонию. Да и вообще не социальные революции, а «политика великих держав определяет ход истории»⁸⁰. Последний пассаж закреплял установку правых социал-демократов на западные страны — Великобританию, Францию, США — как потенциальных освободителей от фашизма. Закладывалась долговременная социал-демократическая ориентация на построение германского общества по образцу западных демократий.

В сущности, произведение Гейера было выдержано в духе концепций «народных социалистов» и отражало господствующие в Союзе настроения. Перед нами формула практического реформизма (Гейер советовал «оторваться от идеологической привязанности» к одному классу и исходить из «тактических потребностей дня»⁸¹), который на деле сводился к тому, чтобы воспрепятствовать радикальному переустройству общества на революционно-демократических началах. Идея свободы в конечном счете трансформировалась в прагматическую концепцию, призванную удовлетворить насущные потребности дня. В теоретическом плане правыми был сделан еще один шаг в сторону конституирования СДПГ в качестве «народной» партии.

Книга Гейера вызвала критику со стороны Содружества. Ю. Дойч категорически выступил против утверждения автора, будто марксизм устарел. В этой связи он предложил еще раз просмотреть Гейдельбергскую программу, которая «все еще является руководящей линией социал-демократической политики»⁸².

⁸⁰ Ibid. S. 65.

⁸¹ Ibid. S. 57.

⁸² *Findeisen O. Op. cit. S. 258.*

Представители «Ной бегиннен» заявили, что Гейер и К^о открыто выступают против боевых социал-демократических традиций, принижают уроки революционной истории, уроки 1918 г. Они подчеркивали, что без коренных социальных изменений не может быть ни прогресса, ни побед над политической реакцией. Касаясь печального опыта 1918 и 1933 гг., представители «Ной бегиннен» так характеризовали политику верхушки СДПГ: «Она боялась социальной революции и поэтому не осмелилась осуществить серьезные демократические перемены. Тот, кто сегодня говорит о... революции против Гитлера и при этом хочет избежать социальной революции, тот ... может снова оказаться исторически несостоятельным»⁸³.

В качестве основы для дискуссии левые в июне 1939 г. выдвинули собственную программу действий, изложенную в брошюре «Грядущая война (задачи и цели немецкого социализма)». В этом документе была предложена формулировка, которая в какой-то мере отражала интересы всех участников Содружества, учитывала имевшие место в его рядах расхождения по вопросам будущего Германии и т. п. В нем говорилось: «Революция против фашизма начнется не как социалистическая, а как демократическая, но демократическая революция в особых исторических условиях, в которых демократическо-революционные цели объективно могут быть достигнуты только через социалистические мероприятия»⁸⁴.

Левые выступали за слом государственного аппарата, перестройку экономики «в интересах потребностей масс», экспроприацию военной индустрии и банков, крупного землевладения, лишение власти всех эксплуататорских сил, которые были связаны с Гитлером, так или иначе помогали фашистскому режиму. Ведущей силой, призванной осуществить эти меры, назывался рабочий класс. Подчеркивалось, что поддержать его борьбу могут и демократические элементы интеллигенции, городских средних слоев, крестьянства. «Эти силы,— отмечалось далее в документе,— мы не найдем сегодня в кругах буржуазии, консервативной оппозиции. Они могли бы противопоставить действительно народной революции дворцовую революцию,

⁸³ Ibid. S. 259.

⁸⁴ Ibid. S. 283.

а после падения Гитлера препятствовать демократическим реформам»⁸⁵.

Члены Содружества призвали к объединению всех оппозиционных сил немецкого народа для совершения антифашистской народной революции под руководством рабочего класса. Исходя из своей известной концепции несостоятельности рабочих партий, «далеких от понимания революционных задач», левые заявили, что осуществление сформулированных в их программе задач возможно только после разработки «политико-теоретических и организационных основ революционной социалистической партии»⁸⁶. Такая постановка вопроса не соответствовала моменту, не способствовала успешному решению актуальных задач антифашистской борьбы.

Противоречивыми были и другие теоретические построения создателей этого документа. Так, категорически отказывая КПГ в праве называться «революционной классовой партией», они в то же время в позитивном аспекте рассматривали потенциальные возможности СДПГ в этом плане, заявляя, что «идеологические традиции социал-демократии еще живы»⁸⁷. Здесь слышны нотки, характерные для «особой» позиции «Ной бегиннен», задававшей тон в Содружестве. После же заключения советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г., вызвавшего резкий подъем антикоммунизма и антисоветизма в кругах международной социал-демократии, не осознавшей вынужденного характера этого маневра советской дипломатии как единственной возможности для СССР отсрочить войну, в их рядах (и среди левых) взяли верх антикоммунистические тенденции, и начавшаяся совместная работа с коммунистами практически была прервана.

⁸⁵ Ibid. S. 263—264.

⁸⁶ Ibid. S. 265.

⁸⁷ Ibid.

**ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Начало мировой войны

Вероломное нападение фашистской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. положило начало второй мировой войне, которая оставила страшный след в памяти человечества. Возникнув внутри капиталистической системы в результате крайнего обострения империалистических противоречий, она на первом этапе представляла собой схватку между двумя капиталистическими коалициями, ставящими себе империалистические цели¹. Война была развязана Гитлером, которому способствовала капитулянтская политика западных держав, стремившихся с помощью германского фашизма нанести решающий удар стране социализма и в конечном счете подорвать революционный процесс в мире. Германский империализм, в свою очередь, используя политику попустительства и поощрения агрессии, проводимую правящими кругами западных стран, приступил к осуществлению собственной программы завоевания мирового господства самыми варварскими методами, ставя перед собой задачу порабощения и истребления целых народов. Борьба народов, включенных в чудовищную систему гитлеровского «нового порядка», с самого начала была освободительной, справедливой борьбой за свободу и национальную независимость.

Сложное переплетение империалистических целей и мотивов, а также антифашистско-патриотических настроений существенно затрудняли, особенно в начале войны, выработку правильного понимания ее характера. Много было неясностей по этому поводу как у коммунистов, так и у социал-демократов. Коммунистическое движение во главе с Коминтерном, исходя из

¹ См. подробнее: История второй мировой войны (1939—1945). М., 1974. Т. 3. С. 6—7.

того, что война, возникшая в результате обострения империалистических противоречий, являлась несправедливой и захватнической с обеих сторон, выдвинуло лозунг борьбы за мир, против империалистических устремлений². Однако быстрый рост фашистской агрессии, превращение ее в угрозу национальной независимости все большего числа стран побудили компартии, Коминтерн в известной мере уточнить свою тактику. В конкретных рекомендациях и указаниях Исполкома Коминтерна все чаще отмечался освободительный характер борьбы жертв гитлеровской агрессии, необходимость проявления солидарности в этой борьбе.

Соответствующие поправки вносила в свою тактическую линию и Компартия Германии. Подчеркнув в официальном заявлении по поводу начала мировой войны ее империалистический характер, коммунисты в то же время отметили и отмечали в дальнейшем неоднократно, что «главный враг немецкого рабочего класса находится в собственной стране», что только «свержение правительства и ликвидация существующей системы принесут мир...»³. Коммунисты выразили убеждение, что только совместная борьба всех антифашистских сил в Германии на основе единства рабочего класса приведет к победе над фашизмом. КПГ призвала все немецкое рабочее движение, всю немецкую оппозицию к единству действий, к мобилизации всех здоровых сил нации на свержение фашистской диктатуры. В качестве одной из конкретных задач компартия выдвинула организацию саботажа и диверсий, направленных на подрыв военного потенциала фашизма.

СДПГ не проявила единства в оценке характера войны. По-прежнему позиция правых отличалась от позиции левого крыла социал-демократии.

В официальном заявлении Правления СДПГ от 1 сентября 1939 г. по поводу развязывания фашистской Германией новой мировой войны были подчеркнуты агрессивные, экспансионистские цели гитлеровского режима. Руководство СДПГ подчеркнуло, что вся тяжесть вины за развязанную агрессию ложится «на Гитлера и его систему»⁴. Было торжественно провоз-

² Коммунистический Интернационал: Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 482—483.

³ См.: История фашизма в Западной Европе. М., 1978. С. 442.

⁴ Neuer Vorwärts, 1939. 10. Sept.

глашено, что немецкая социал-демократия в тесном союзе со всеми демократическими силами мира будет бороться за уничтожение фашизма, за полное освобождение немецкого народа, всех поработанных Гитлером народов. Утверждения о необходимости борьбы против фашизма в целях его свержения соседствовали с оптимистическими надеждами на скорый исход войны, быструю победу над фашизмом благодаря ожидаемому успеху освободительной миссии Англии и Франции и т. п. Заявление и последующие публикации Сопаде не содержали конкретных предложений о формах сопротивления. Более того, правые поддерживали антисоветские устремления правящих кругов Англии, Франции, США, отрицая при этом их империалистические цели ⁵.

Если правые пытались снять ответственность за развязывание войны с империализма и были склонны представить ее возникновение исключительно как непосредственное следствие сложившейся летом 1939 г. ситуации в международных отношениях, то левые социал-демократы, напротив, в оценке войны исходили из того, что она явилась результатом империалистических противоречий, особо обостренных агрессивными, экспансионистскими планами германских правящих кругов. В оценке же места и роли западных стран в войне единой точки зрения у ведущих левых групп не сложилось. Войну западных держав против Гитлера некоторые левые с самого начала рассматривали как сугубо антифашистскую, хотя, надо сказать, и здесь, в кругу левых, наблюдались определенные расхождения. «Ной бегиннен», например, предостерегала от опасных намерений Запада с помощью капитулянтского компромисса с фашистской Германией попытаться повернуть войну против Советского Союза, подчеркивала, что этого не должен упускать из виду «ни один социалист, ни один демократ» ⁶. Представители Социалистической рабочей партии (СПП) подчеркивали, что послевоенные планы западных держав относительно Германии не совпадают с планами левого крыла антифашистского сопротивления, поставившего своей целью уничтожить основы германского империализма и ми-

⁵ Ibid. 1939. 10., 24. Sept.; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1965. Bd. 5. S. 257.

⁶ Lange D. SPD und Hitlerfaschismus. Diss. B., 1965. Bd. 3. S. 57.

литаризма. «У них другие представления о свободе, другие цели»⁷, — писали представители СРП.

Левые выступили против резко антикоммунистической позиции правых, которые, обвиняя Компартию Германии в «антинациональных устремлениях», высказывались против каких-либо «связей с коммунистической партией»⁸. Г. Рихтер, отражая точку зрения левых по этому вопросу, заявил: «Уничтожение компартии — не подарок... социалистическому рабочему движению, а акция и оружие против нас самих»⁹.

Между тем ход военных действий («странная война» на Западе, капитулянтская позиция западных держав, которые, прикрываясь громкими фразами о скором изматывании сил противника, о дефиците его сырьевых ресурсов и т. п., практически отказались вести активные военные действия), вызвавший у руководителей СДПГ (уже в который раз) нечто похожее на разочарование, побудил их лишь к очередному «стимулированию» деятельности Запада. Так, например, Р. Гильфердинг в «Нойер Форвертс» 12 мая 1940 г. (после этого газета уже не выходила) писал, что все трудности, которыми хотят оправдать себя западные державы, могут быть преодолены, «если союзники решатся на полное применение всех своих сил»¹⁰. «Союзники призваны всеми силами бороться за полную победу, — говорилось в новом органе СДПГ, начавшем издаваться с августа 1939 г. в Лондоне, газете «Социалистисхе миттайлунген», — и ответить ударом на удар»¹¹.

Война заставила правых социал-демократов задуматься над некоторыми устоявшимися представлениями и концепциями, в частности о возможности действенной оппозиции нацистам со стороны немецких военных и буржуазных кругов. Вот что, например, говорилось в одной из статей, опубликованных в «Нойер Форвертс» вскоре после начала войны: «Все эти генералы, которые еще вчера были против Гитлера, а сегодня хранят верность этому подонку; все эти дипломаты, которые раньше смеялись над дилетантом, а теперь восхищаются им как гениальной личностью,

⁷ Ibid. S. 25.

⁸ Neuer Vorwärts. 1939. 15., 17. Okt.

⁹ Lange D. Op. cit. S. 33.

¹⁰ См. также: Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. B., 1982. S. 447.

¹¹ Sozialistische Mitteilungen. 1940. N 10. 15. Mai.

все эти вожди экономики, которые печенкой чувствуют будущую гибель и охваченные страхом кричат „Хайль Гитлер!“ — вот они-то действительно предатели родины. Они уступают из трусости и слепоты и позволяют случиться самому страшному»¹².

В упомянутом выше заявлении от 1 сентября 1939 г. весьма туманно указывалось на некую связь Гитлера и «нового немецкого империализма»¹³. Последнее выражение неоднократно встречается в это время в пропаганде СДПГ. Вероятно, такая постановка проблемы, которая предполагала наличие некоего «старого милитаризма» (по мысли авторов, не столь агрессивного и не отвечавшего за агрессивную политику Гитлера), являлась не чем иным, как неловкой попыткой объяснить свои прежние, связанные с правой буржуазной оппозицией, с рейхсвером оптимистические прогнозы.

В последний период парижской эмиграции, весной-летом 1940 г., Правление СДПГ усилило антифашистскую пропаганду, одновременно развернув ее через лондонский и другие эмиграционные центры СДПГ. Социал-демократы обличали «чудовищные намерения» фашистского режима с помощью разбоя, грабежа, массового истребления населения «практически подчинить себе все народы мира», выражали солидарность с борьбой польского, чешского и других порабощенных народов за их права и свободу¹⁴.

Осознавая, что «Гитлер в своих агрессивных намерениях, не остановится перед захватом новых территорий», социал-демократы требовали от западных держав активности, в частности предупреждали Скандинавские страны о том, что их нейтральная политика не спасет от агрессора, а лишь облегчит его продвижение вперед, отмечали реальную угрозу захвата гитлеровскими войсками Голландии, Бельгии, Люксембурга, других европейских стран¹⁵. Когда Гитлер напал на Данию и Норвегию, Правление СДПГ опубликовало воззвание, в котором отмечалось: «Мы говорим немецкому народу: нападение на Данию и Норвегию — подлый акт насилия»¹⁶.

¹² Neuer Vorwärts. 1939. 17. Sept.

¹³ Ibid. 1939. 10. Sept.

¹⁴ Sozialistische Mitteilungen. 1940. Ende März. N 24.

¹⁵ Ibid. 1940. Apr. N 8.

¹⁶ Ibid. 1940. Ende März. N 24.

Социал-демократы отмечали взаимосвязь и взаимозависимость судеб поработанных Гитлером народов с судьбой и будущим самого немецкого народа. В их пропаганде все чаще стали звучать призывы к немецкому народу своими силами завоевать собственную свободу, решить судьбу Германии и тем самым судьбы Европы и всего мира. В мае 1940 г. по поводу нападения на Голландию, Бельгию, Люксембург и бомбардировки гитлеровскими самолетами французской территории Правление СДПГ распространило обращение к немецкому народу, которое по секретным каналам было передано и в Германию. В нем все слои трудящегося населения Германии, те, кто «работал на гитлеровскую систему», призывались к объединению, мобилизации всех сил и возможностей и свержению гитлеровской власти, во имя спасения Германии от ужасных последствий тотальной войны. «Судьба Германии, ваша собственная судьба, судьба ваших детей поставлены на карту. Гитлер должен умереть. Только тогда Германия сможет жить»¹⁷. «Эта война не кончится, — говорилось в одной из статей, — пока Гитлер не будет разбит. а его система уничтожена»¹⁸.

Такая пропаганда имела большое значение в условиях жестокого подавления любых проявлений недовольства режимом в Германии. Волна террора захлестнула страну. Террор проводился на базе «Основ внутренней безопасности государства во время войны», опубликованных 3 сентября 1939 г. Один из его пунктов гласил: «Каждая попытка дезорганизовать сплоченность и готовность немецкого народа к борьбе должна беспощадно подавляться. Особенно срочно следует принять меры к аресту лиц, сомневающих в победе немецкого народа или в справедливости войны»¹⁹.

Социал-демократы подчеркивали ответственность немецкого народа за происходящее и будущее в мире. Так, в статье «Не становитесь соучастниками преступлений!» говорилось следующее: «Если сам немецкий народ не захочет свергнуть Гитлера и если он не отмежуетя от его злодеяний, жертвы гитлеровской политики обвинят немецкий народ в соучастии в преступлениях... Не становитесь соучастниками, соблюдая

¹⁷ Ibid. 1940. Mai. N 10.

¹⁸ Ibid. 1940. Ende März. N 24.

¹⁹ Цит по: История фашизма в Западной Европе. С. 264.

молчание, терпение или даже выражая одобрение. Не позволяйте возникнуть впечатлению, что все... в Германии на стороне правых (читай — реакционных. — Л. Б.) сил и все святое в немецком народе убито. Выступайте против злодеяний. Подумайте, что честнее принести себя в жертву в борьбе за права и свободу, чем отдавать жизнь за преступника»²⁰.

Что же касалось практической организации антифашистской борьбы, то тут по-прежнему наиболее активным элементом оставалась компартия, героически пытавшаяся организовать движение Сопротивления. 2 сентября 1939 г. Политбюро ЦК КПГ направило письмо местным ячейкам и функционерам партии, в котором ориентировало их на развертывание активной борьбы против фашизма, создание новых ячеек партии и стабильного руководства, на подрывную работу внутри массовых фашистских организаций, расширение выпуска антифашистских листовок и брошюр²¹.

Тем временем французское правительство, как и ранее шедшее на уступки Гитлеру, с каждым месяцем усиливало нажим на немецкую эмиграцию. Власти требовали от СДПГ «перемещения за океан» и прекращения какой бы то ни было политической деятельности²². В середине мая 1940 г. социал-демократы, коммунисты, другие представители прогрессивной немецкой эмиграции, находившиеся во Франции, были интернированы в лагеря для перемещенных лиц. Среди них оказались и члены Правления СДПГ Э. Олленхауэр, Э. Риннер, Ф. Гейне, К. Гейер и другие. Банковские вклады СДПГ были блокированы как имущество враждебных Французской Республике лиц²³. В этих лагерях немецкие антифашисты, как позднее писал Штампфер, должны были дожидаться прихода немецкой армии, чтобы тотчас же быть выданными гестапо²⁴. Лишь в июне 1940 г., когда гитлеровские войска стали подходить к Парижу и в городе началась

²⁰ Neuer Vorwärts. 1940. 4. Febr.

²¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 247.

²² Mit dem Gesicht nach Deutschland: Eine Dokumentation über die sozialdemokratische Emigration. Düsseldorf, 1968. Dok. 93, 95. S. 452—453, 455—457.

²³ Edinger L. J. Sozialdemokratie und Nationalsozialismus. Hannover; Frankfurt a. M., 1966. S. 169.

²⁴ Stampfer F. Die dritte Emigration // Mit dem Gesicht nach Deutschland. S. 117.

паника, политические эмигранты были отпущены на свободу. Однако чуть позже, по условиям перемирия между нацистскими властями и коллаборационистским правительством Виши от 21 июня 1940 г., французские власти обязались обеспечить выдачу немецким оккупантам всех бывших немецких граждан²⁵.

Поток беженцев заградил все дороги на еще не оккупированный юг Франции. Бежали по железной дороге, вспоминал впоследствии Штампфер, прятались от фашистских бомбардировщиков в канавах, потом стояли в длинных очередях перед иностранными консульствами в Марселе за получением виз на выезд из страны²⁶. Кому посчастливилось их получить (а это было не так просто: визы часто выдавались избирательно, допускалась масса проволок и оттяжек), отправлялись через Испанию в Португалию и далее — в Лондон, Нью-Йорк и т. д.²⁷ В Лиссабоне в ноябре 1940 г. остатками Правления было принято решение о самороспуске. Оно перестало существовать²⁸. Образовалось несколько самостоятельных эмигрантских центров СДПГ — в Англии, США, Швеции, Швейцарии, других странах. Штампфер, Риннер (позднее Герц, а также бывшие члены Правления Юхач и Дитрих) к осени 1940 г. переехали в Нью-Йорк, остальные же бывшие лидеры СДПГ приняли решение о переезде в Лондон²⁹.

²⁵ Ibid. S. 117—119.

²⁶ На юге Франции из международных антифашистских кругов были образованы нелегальные агентства, которые снабжали беженцев всем необходимым. Один из таких комитетов возглавил Ф. Гейне.

²⁷ Власти Виши запретили эмигрантам следовать прямым путем из Франции в США на американском пароходе. Оставалась длинная и опасная дорога через Пиренеи в Лиссабон. См.: *Mit dem Gesicht nach Deutschland*. Dok. 109. S. 479—481; *Edinger L. J.* Op. cit. S. 187—188.

²⁸ *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie*. S. 449.

²⁹ Трагична судьба двух видных деятелей СДПГ, близких друзей — Р. Брайтшайда и Р. Гильфердинга. При переходе в феврале 1941 г. испанской границы их под предлогом обеспечения личной безопасности от агентов гестапо задержали власти Виши и передали немецким властям. Р. Гильфердинг вскоре скончался в парижской тюрьме (утверждают, что это было самоубийство). Р. Брайтшайд же был переправлен в Берлин, оттуда через концлагерь Заксенхаузен в Бухенвальд, где погиб во время бомбардировки лагеря американской авиацией в августе 1944 г. См.: *Mit dem Gesicht nach Deutschland*. Dok. 110. S. 482—487; *Stampfer F.* Op. cit. S. 120.

Союз немецких социалистических организаций в Великобритании

В конце 1940 — начале 1941 г. уцелевшие члены Правления СДПГ во главе с Г. Фогелем переехали в Лондон³⁰. Бывшее руководство партии было представлено Г. Фогелем, Э. Олленхауэром, К. Гейером и Ф. Гейне. Чтобы придать политический вес новому центру в Лондоне в его состав ввели Г. Готхельфа, В. Зандера, В. Шиффа, Ф. Зегалья, Г. Зорга³¹.

Решение о перемещении руководства в столицу Великобритании было принято не сразу. Долго перебирались варианты будущего местопребывания. К тому времени в Нью-Йорке уже было образовано представительство немецкой социал-демократии во главе с Гржезинским, Кацем и другими видными членами партии. Подобные представительства имелись в Швеции, Норвегии, Дании и т. п. Ведущие социал-демократы остановились на Великобритании, согласившись на том, что в этой стране имелись «все необходимые условия и предпосылки для продолжения полезной деятельности»³².

Высказывались надежды на то, что из Лондона будет возможно быстрое установление контактов с антифашистской оппозицией в Германии, с членами партии. К тому же британская столица в это время становится одним из центров эмиграции представителей международного рабочего, в частности социал-демократического, движения, на помощь и поддержку которого рассчитывали немецкие социал-демократы. Надеялись на содействие лейбористской партии Великобритании, хотя, как известно, отношения с ней складывались сложно и между двумя партиями существовали разногласия политического характера. Тем не менее переез-

³⁰ К тому времени ряд видных деятелей немецкой социал-демократии (О. Вельс, Э. Круммнерль, Ф. Шейдеман) скончались в эмиграции.

³¹ *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie*. S. 449.

³² Надо сказать, что положение немецких беженцев в Великобритании с лета 1940 по весну 1941 г. также было тяжелым. После оккупации Франции гитлеровскими войсками многие из них на основании положения о «враждебных иностранцах» были интернированы либо же поставлены под строгий полицейский контроль. См.: *Sozialistische Mitteilungen*. 1946. Juli. N 13/14, 24; *Stampfer F.* Op. cit. S. 125—126.

ду ведущих лидеров СДПГ в Лондон способствовали дружественные переговоры с представителями лейбористской партии³³. В Лондоне к тому времени уже имелось небольшое представительство СДПГ во главе с В. Зандером³⁴, которое наладило издание газеты «Социалистиче миттайлунген». Все это вместе взятое обусловило окончательное решение переместиться в Лондон.

Однако и в этой стране мандат Сопаде, как отмечает буржуазный историк В. Рёдер, с самого начала был поставлен под сомнение другими представителями немецкой социал-демократии³⁵. Представители левых групп — «Ной бегиннен», СРП, Международного социалистического боевого союза (МСБС), которые к тому времени также обосновались в Лондоне, сразу же заявили о своем нежелании иметь своим центром бывшее Правление или подобное ему «недемократическое учреждение»³⁶. Сопаде было вынуждено начать переговоры с левыми группами по поводу общего представительства в Великобритании на основе предложенного ими (прежде всего «Ной бегиннен») союза основных немецких социал-демократических организаций, т. е. вернуться к обсуждению варианта, предлагавшегося левыми в период переговоров о концентрации.

Осознав зыбкость своего в сущности изолированного положения, чему в немалой степени способствовали долгие месяцы интернирования, невозможность прежними методами достичь желаемого политического веса, члены бывшего Правления (условно будем называть их Сопаде) приняли отнюдь не легкое для себя решение на время отказаться от притязаний на руководство всей партией. Приходилось учитывать, что СДПГ оставалась единственной партией из социалистической эмиграции, которая оставалась по-прежнему расколотой. Чешская, польская, французская, бельгийская и дру-

³³ Лейбористская партия имела своих представителей в сформированном в мае 1940 г. коалиционном правительстве Черчилля.

³⁴ На основе этого представительства в начале 1941 г. была конституирована местная группа СДПГ в Лондоне. Самостоятельного значения она не имела, являясь проводником идей Сопаде. См.: Röder W. Die deutschen sozialdemokratischen Exilgruppen in Grossbritannien. Hannover, 1969. S. 27, 34.

³⁵ Ibid. S. 33.

³⁶ Ibid.; См. также: Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 448—449.

гие социалистические партии имели единые представительства за границей и настоятельно рекомендовали правым в СДПГ (прежде всего это делала лейбористская партия) объединиться с левыми силами в единой организации. Они подчеркивали при этом, что в таком случае у партии возрастет авторитет в международных политических кругах ³⁷.

Однако думается, что более позднее заявление Г. Фогеля, будто Союз немецких социалистических организаций в Великобритании (далее — Союз) целиком связан своим образованием инициативе правого крыла СДПГ, преувеличено ³⁸. Выдвижение радикальных лозунгов, развертывание антифашистской пропаганды — все это были вынужденные меры со стороны Правления. К тому же, как отмечал в одном из писем сам Фогель, работа в этом направлении велась медленно и с большой осторожностью ³⁹. Причем с самого начала, опасаясь притязаний левых на руководство всей организацией, Правление оговаривало, что в лучшем случае речь может идти о едином представительстве, а не о единой организации ⁴⁰.

Подобной же точки зрения придерживались левые члены Рабочего содружества — «Ной бегиннен», МСБС, СРП ⁴¹. Но было бы слишком опрометчиво утверждать, как это подчас делают некоторые буржуазные историки, будто объективные условия настолько сблизили социал-демократические силы Германии, что можно говорить об их полном идеологическом и организационном слиянии под флагом реформизма ⁴². Несмотря на

³⁷ Pottchoff H. Die Sozialdemokratie von den Anfängen bis 1945. Bonn; Bad-Godesberg, 1974. S. 141.

³⁸ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 172. S. 688; См. также: Dok. 111. S. 488—491.

³⁹ Ibid. Dok. 111. S. 489.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Заграничное бюро «Ной бегиннен» в Лондоне было основано летом 1939 г. В его состав вошли Р. Лёвенталь, К. Франк (позднее переехавший в США), Е. Шёттле, В. Кнёринген и др. МСБС имело свое представительство в Лондоне с января 1939 г. (руководитель В. Айхлер). Руководство СРП в это время распалось. Часть его — Э. Фрёлих, П. Шеффер, Г. Шпревиц — переехала в Англию. Руководителем заграничного бюро в Лондоне стал П. Вальтер, хотя главой партии по-прежнему считали Я. Вальхера, эмигрировавшего в США. См.: Drechsler H. Die Sozialistische Arbeiterpartei Deutschlands. Maiseheim am Glan, 1965. S. 337, 355—356; Röder W. Op. cit. S. 39.

⁴² Röder W. Op. cit. S. 41—42 etc.

намечавшийся в то время процесс идеологического сближения отдельных левых групп, в первую очередь «Ной бегиннен» и МСБС, с Сопаде, несмотря на усилившиеся в 1939—1941 гг. в среде левых социал-демократов антикоммунизм и антисоветизм, существенные разногласия между левым и правым крылом СДПГ сохранялись, особенно по вопросу о тактике антифашистской борьбы, отношении к коммунистам, к Советскому Союзу. Правда, следует отметить, что позиция левых в этом плане была неустойчивой, она волнообразно колебалась в зависимости от международных катаклизмов, хода военных действий, успехов или неудач демократических сил и т. п. Сохранялись и существенные различия между правым и левым крылом немецкой социал-демократии в оценке характера фашистского режима, путей его ликвидации, некоторых проблем построения будущего демократического общества, равно как и противоречия по этим проблемам внутри самого Рабочего содружества.

В целом же левые по-прежнему утверждали, что существует безусловная связь монополистических и военных кругов Германии с фашистской системой. Они предостерегали от все еще неизжитых иллюзий относительно противоречий между этими кругами и гитлеровским правительством, отклоняли мысли о дворцовой революции, предостерегали от переоценки антигитлеровских позиций западных властей. Как правило, левые подчеркивали ведущую роль рабочего класса в антифашистской борьбе. Все эти причины вынудили Сопаде согласиться на объединение социал-демократической эмиграции на довольно радикальных антифашистских, демократических основах, предложенных левыми силами СДПГ.

19 марта 1941 г. в Лондоне после соответствующих переговоров было провозглашено создание Союза немецких социалистических организаций в Великобритании⁴³, в который вошли Сопаде, «Ной бегиннен», МСБС, СРП⁴⁴. Были избраны Исполком и Рабочий комитет из представителей всех организаций, участ-

⁴³ Sozialistische Mitteilungen. 1941. Ende März. N 24; Zur Politik der deutschen Sozialisten. L., 1945. S. 26.

⁴⁴ Местная группа немецких профсоюзов в Великобритании имела в Союзе своего постоянного представителя. Группа была основана 28 февраля 1941 г., но всем основным вопросам поддерживала Сопаде. См.: Stampfer F. Op. cit. S. 134—135.

вующих в Союзе. В исполком вошли Г. Фогель (Сопаде), В. Айхлер (МСБС), Э. Шёттле («Ной бегиннен»), П. Вальтер (СРП)⁴⁵. Председателем исполкома стал Г. Фогель.

В Заявлении о создании Союза был провозглашен антифашистский, антивоенный характер объединения. Было подчеркнуто, что подписавшие этот документ, учитывая задачи, «стоящие перед... немецкими социалистами», выражают решимость (при «сохранении своей политической самостоятельности») вести борьбу за поражение Гитлера и его союзников всеми имеющимися в их распоряжении средствами вместе «со всеми противниками тоталитарных сил»⁴⁶. Организации, вошедшие в Союз, видят в его создании, подчеркивалось в Заявлении, существенный шаг «к совместной работе немецких социалистов в Великобритании по решению задач, поставленных современной войной».

В документе говорилось о необходимости радикальных перемен в будущей Германии с целью исключения причин, породивших фашизм, прочие реакционные тенденции в обществе. «Немецкие социалисты в Великобритании,— сказано в Заявлении,— единодушны в своем убеждении, что...окончательное преодоление немецкого милитаризма и устранение социальных основ гитлеровской диктатуры составляют необходимые предпосылки...демократического и социалистического будущего Германии»⁴⁷.

Обращают на себя внимание слова документа о единодушном стремлении СДПГ всеми силами и средствами вести борьбу с фашизмом. Однако формулировка Заявления (готовность действовать «в союзе со всеми противниками тоталитарных сил») настораживала. Негласно давали понять, что коммунисты, нередко огульно отождествляемые со «сторонниками тоталитаризма», по-прежнему не причислялись к союзникам социал-демократии по антифашистской борьбе. Такая позиция социал-демократии по вопросам антифашистской тактики не способствовала решению той благородной задачи, которую провозгласили социал-демократы в Заявлении,— освобождению страны от фашизма собственными силами немецкого народа и по-

⁴⁵ *Osterroth F., Schuster D. Chronik der deutschen Sozialdemokratie. B., 1975. S. 398.*

⁴⁶ *Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 26.*

⁴⁷ *Ibid.*

строению новой, действительно свободной демократической Германии.

В 1941—1943 гг. Союз опубликовал ряд других документов, на которых сказалось влияние левых. Так, в принятом в конце декабря 1941 г. совместно с местной группой профсоюзов в Великобритании официальном заявлении «Немецкие социалисты и профсоюзы и преодоление нацистской диктатуры» говорилось, что «агрессивный характер нацистской политики, развязавшей новую мировую войну, имеет свои корни в структуре немецкого общества и экономики ... в несчастной истории Германии, которая никогда не знала успешной демократической революции»⁴⁸. Впервые после Пражского манифеста в этом в своем роде программном документе лондонского периода подчеркивалось, что Гитлера привел к власти «союз крупной промышленности, крупного землевладения и армейского руководства, который всегда играл роковую роль в истории Германии», что интересы и цели этих групп составляют основу политики Гитлера так же, как прежде они находились «в основе политики кайзера»⁴⁹. Тем самым вскрывалась классовая преемственность политической власти в империалистической Германии.

Далее в документе отмечалось, что «Германии необходим глубокий демократический переворот». Он необходим для того, отмечалось в заявлении, чтобы «борьба против немецкого национализма действительно привела к обеспечению мира». Конкретизируя основные положения своего первого официального документа, немецкие социал-демократы в Великобритании подчеркнули, что при действительно демократических преобразованиях в Германии недопустимы уступки реакционным слоям общества, которые привели Гитлера к власти и несут ответственность за все беды,— крупным землевладельцам, промышленным магнатам и банковским воротилам; необходимо ликвидировать эти социальные опоры немецкого милитаризма, разрушить основы немецкого национализма. В документе утверждалось, что «освобождение Германии будет зависеть от того, насколько окажутся сильны демократические силы»⁵⁰. Власть имущие в Германии, гласил доку-

⁴⁸ Ibid. S. 27—28.

⁴⁹ Ibid. S. 28.

⁵⁰ Ibid.

мент, «всегда боялись и ненавидели рабочий класс»; перед немецким рабочим классом стоит историческая цель окончательно «уничтожить их власть (!)» и выполнить тем самым задачу, оставшуюся нерешенной с 1918 г.⁵¹

Те же мысли были повторены в речи Г. Фогеля 9 ноября 1941 г. в связи с годовщиной Ноябрьской революции в Германии, произнесенной им по радио Би-би-си и известной как Манифест Союза к немецким рабочим⁵². Фогель высказался за глубокий антифашистско-демократический переворот, уничтожение власти крупных монополий и землевладельцев, пресечение деятельности всех реакционных группировок. На состоявшейся в ноябре 1942 г. в Лондоне первой конференции социал-демократической немецкой эмиграции в Великобритании также отмечалось, что для обеспечения счастливого будущего Германии необходимо разбить экономические и политические основы власти немецкого империализма. Социал-демократы, несмотря на похвалы в адрес Веймарской республики, подчеркивали, что возврата к ней быть не может. Они призывали к сопротивлению, высказывали солидарность с подпольщиками⁵³.

Такие радикальные формулировки напоминали положения Пражского манифеста о классовом характере фашистской диктатуры и необходимости уничтожения власти монополистического капитала и юнкерства. Но теперь выдвигалось требование не только уничтожения эксплуататорской власти, но и завоевания государственной власти пролетариатом. В частности, на конференции 1942 г. Э. Олленхауэр заявил, что самое важное для пролетариата — это завоевание и утверждение своей власти, ибо только в этом случае государство сможет проводить политику в интересах мира, покончить с фашизмом и обеспечить благосостояние народа⁵⁴.

Безусловно, во всем этом нельзя не видеть отпечаток сотрудничества с левыми в Союзе. Общая линия, которая выкристаллизовывалась в лондонский эмиграционный период, в особенности с 1941 по

⁵¹ Ibid.

⁵² Sozialistische Mitteilungen. 1941. Dez. N 32. S. 7.

⁵³ Lange D. Op. cit. S. 262—263.

⁵⁴ Ibid. S. 261—262; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Dok. 89. S. 566—567.

1943 г., обуславливалась взглядами левых групп, входивших в Союз, радикальной позицией социал-демократов в других районах эмиграции. Правые предпочитали идти на уступки на основании того, что социал-демократы только в том случае смогут заявить о себе в будущем, если объединят собственные ряды на основе приемлемого компромисса и сплотят вокруг себя максимально широкий круг соратников. Заявления же некоторых правых о «захвате власти пролетариатом» носили скорее пропагандистский характер. Они не соответствовали действительной позиции правых в Союзе. Здесь превалировало стремление выдать себя перед рабочим классом собственной страны за партию, «более революционную», чем коммунисты, которые в этот период не выдвигали лозунга непосредственной борьбы за власть. Чаще такие заявления были рассчитаны на радиопередачи, т. е. на немецкое подполье, которое на практике доказывало возможности пролетарского единства и требовало сохранения пролетарских традиций.

Однако практические шаги Союза и Союзе, как и прежде, расходились с этой радикальной риторикой. В своей антифашистской позиции «лондонцы» руководствовались старыми настроениями и ожидали исхода событий. Значительно слабее стала даже пропагандистская работа. Ждали скорых побед Запада, союзнических решений по поводу будущего мира и судьбы Германии. В одном из писем того времени Г. Фогель заметил, что трудности в налаживании пропаганды состоят прежде всего в том, что «пока нет ясности относительно целей войны (со стороны Запада.— Л. Б.) и перспектив...»⁵⁵. По-прежнему выжидая и размышляя, социал-демократия плелась в хвосте исторических событий.

Наличие подполья оценивалось правыми лишь как необходимый фактор, который предоставит в будущем демократическим силам страны, прежде всего социал-демократам, моральное право осуществлять созидательную работу, обеспечит более благоприятные перспективы на заключение мира. Вот что говорилось по этому поводу в том же заявлении: «Факт их (нелегальных групп.— Л. Б.) существования — это гарантия того, что распад национал-социалистского аппарата власти,

⁵⁵ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 111. S. 488—489.

который свершится в результате военного поражения, освободит демократические силы и обеспечит условия для осуществления их исторической задачи по созданию свободных, демократических отношений в Германии»⁵⁶. При этом подразумевалось, что право на руководство строительством новой демократической Германии будет полуавтоматически признано за социал-демократией, точнее говоря, ее правым крылом.

Но радикальная риторика Союза обуславливалась в первую очередь коренными изменениями в характере второй мировой войны после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз летом 1941 г.

Начался новый этап войны, завершился процесс перерастания второй мировой войны в справедливую, освободительную со стороны всех государств и народов, противостоящих фашистскому блоку. Вступив в войну, Советский Союз стал главной военной, экономической и политической силой борьбы против фашизма и его планов завоевания мирового господства. «После нападения (фашистской Германии.— Л. Б.) на Россию,— признает социал-демократический историк Г. Поттхофф,— когда Советский Союз стал авангардом оплаченной, неисчислимыми жертвами оборонительной борьбы, вряд ли кто-либо мог не заметить его решающей роли в деле свержения нацистской диктатуры»⁵⁷.

Нападение фашистской Германии на СССР вызвало мощную волну интернациональной поддержки советского народа международным пролетариатом, трудящимися многих стран. Во главе этой кампании стояло международное коммунистическое движение. Деятельность Коминтерна была направлена на всемерную теоретическую и практическую помощь коммунистическим партиям европейских стран, в том числе и Компартии Германии, в организации антифашистской борьбы. 24 июня 1941 г. Секретариат ИККИ разослал компартиям директивные письма, в которых указывалось, что «вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР является ударом не только против страны социализма, но и против свободы и независимости всех народов»⁵⁸. ИККИ подчеркивал важность разветывания массового движения солидарности с совет-

⁵⁶ Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 27—28.

⁵⁷ Pottchoff H. Op. cit. S. 143.

⁵⁸ Цит по: История фашизма в Западной Европе. С. 456.

ским народом, противодействия антисоветским планам реакции в различных странах. Коминтерн всячески поддерживал курс коммунистических партий на объединение всех сил, способных и готовых вести борьбу за освобождение своих стран, восстановление демократии и свободы.

Сразу же после нападения гитлеровцев на СССР КПГ резко осудила этот преступный акт, решительно заявила о своей поддержке правого дела советского народа, призвала к усилению антифашистской борьбы. В ее «Воззвании к немецкому народу» от 24 июня 1941 г. говорилось: «Совместная победа Красной Армии и борющихся за свои национальные интересы угнетенных народов станет и победой нашего немецкого народа над фашизмом»⁵⁹. С этого момента существенно активизировалась борьба немецких антифашистов.

Все это вместе взятое, а затем успехи Советской Армии, советского народа в борьбе с гитлеровским нашествием раскололи довольно сплоченную антикоммунистическую, антисоветскую позицию Союза немецких социалистических организаций в Великобритании. Вновь возникли разногласия, которые не прекращались почти до 1944 г., практически до конца эмиграционного периода. Росли симпатии левых к Советскому Союзу, пересматривались представления о роли СССР, а соответственно и западных держав в разгроме фашизма.

Из-за острых разногласий Союз не смог выработать совместного документа по поводу нападения Германии на СССР. В официальном заявлении Союда было подчеркнуто, что фашистская Германия поставила целью полное политическое уничтожение Советского Союза, и высказана надежда на окончательное поражение Гитлера в мировой войне⁶⁰. Однако в целом правые оценили эту важную веху как всего лишь «драматическую смену сцен». Оценка правыми роли Советского Союза в этой войне, самого факта нападения фашистской Германии на СССР была, мягко говоря, странной. Так, в названном заявлении говорилось: «Две самые сильные армии мира борются друг против друга... Если одна из них одержит быструю победу, то тогда на Европейском континенте ей никто не сможет

⁵⁹ Die Welt, 1941. N 28. S. 886; См. также: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. S. 289.

⁶⁰ Sozialistische Mitteilungen, 1941. N 27. Ende Juni.

противостоять...Если же они истощат друг друга в длительных боях, то тогда, вероятно, сила британской и американской демократий станет господствующим фактором преобразования мира»⁶¹. Фактически немецкая правая социал-демократия придерживалась высказанной в то время Г. Трумэном точки зрения западных политиков, что Западу будет выгодно, если СССР и Германия взаимно изматывают друг друга, и что, соответственно, помощь необходимо оказывать более слабому из них — и так до полного истощения обеих сторон.

Представители «Ной бегиннен»⁶² и СРП категорически потребовали от Сопаде опровержения этого официального заявления. Они открыто высказались в поддержку справедливой борьбы советского народа, подчеркнули большое значение борьбы Советского Союза для общей победы над фашизмом⁶³. В заявлении СРП от 28 июня 1941 г. говорилось: «В этой борьбе мы целиком на стороне Советского Союза, который в сердцах миллионов рабочих и всех поработанных фашизмом...олицетворяет Октябрьскую революцию»⁶⁴. «Ной бегиннен» резко высказалась против стремления западных кругов в собственных империалистических целях оставить Советский Союз один на один с гитлеровской Германией. «Стремление дозировать помощь и истощить Россию,— подчеркивали представители группы,— позиция, опасная не только для России, но и для всего человечества»⁶⁵.

Анализируя причины стойкости и самоотверженности, проявляемые советским народом в Великой Отечественной войне, левые социал-демократы подчеркивали принципиально новый тип советского общества, Советского государства, общенародный, освободительный характер войны со стороны СССР. «Государство, которое в таких масштабах опирается на народное движение,— отмечалось в заявлении „Ной бегиннен“,— не похоже на другие государства, а война Советского Союза против нацизма является действительно народ-

⁶¹ Ibid.

⁶² Подробнее о позиции «Ной бегиннен» в этот период см.: *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie*. S. 452—454.

⁶³ *Matthias E. Sozialdemokratie und Nation*. Stuttgart, 1953. S. 265—266.

⁶⁴ *Lange D. Op. cit.* S. 186.

⁶⁵ Ibid. S. 184.

ной войной»⁶⁶. Объяснение героической стойкости и мужеству советских людей в Отечественной войне следовало искать в политических, экономических и социальных основах Советского государства, в свободе от капиталистической эксплуатации и угнетения.

Позиция левых оказала некоторым образом воздействию на Сопаде. Уже в сентябрьском номере «Социалистиче миттайлунген» было опубликовано воззвание, в котором говорилось: «Сегодня все друзья демократии и свободы едины в своем желании оказывать Советскому Союзу любую моральную и материальную помощь в его героическом сопротивлении против подлого и вероломного нападения»⁶⁷. Существенно повлияло на позицию Сопаде наступление советских войск под Москвой, первое чувствительное поражение гитлеровцев. В ноябре 1941 г. та же, в основном представлявшая точку зрения правых «Социалистиче миттайлунген» писала, что, несмотря на многочисленные жертвы, Гитлеру не удалось взять Москву и Ленинград, а если «это и удастся, то не приведет к уничтожению Красной Армии»⁶⁸. Радиостанция группы «Ной бегиннен», вещавшая из Средней Англии (сотрудники — Лёвенталь, Кнёринген, Андерсен и др.), в передаче от 31 декабря 1941 г. так прокомментировала роль и влияние Советского Союза на международные события: «После вступления СССР в войну произошли три важных изменения: первое — определилось четкое размежевание фашистов и антифашистов в мире, второе — лопнула версия о молниеносной войне и третье — стало фактом первое крупное поражение немецкого фашизма в России»⁶⁹.

Наступление советских войск под Москвой, а затем коренной перелом в войне, явившийся результатом побед Советской Армии под Сталинградом и

⁶⁶ *Lange D. Op. cit. S. 194—195.*

⁶⁷ *Sozialistische Mitteilungen. 1941. Sept. N 29.*

⁶⁸ *Ibid. 1941. Nov. N 31.* В той же статье утверждалось, что «русский поход Гитлера поставил немецкую армию в критическое положение и стоил жертв, которые вряд ли могут быть восполнены, — миллионы немецких солдат нашли смерть на восточном фронте, а новые бесчисленные жертвы еще впереди».

⁶⁹ *Sozialistische Mitteilungen. 1942. Jan. N 33.* О деятельности радиостанции, а также немецких передачах по радио Би-би-си см.: *Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung, 1933—1945, Dok. F. 12a, F. 12d, F. 9d. S. 605—608, 633—636, S. 547.*

Курском⁷⁰, складывание антигитлеровской коалиции побудили Союда внести определенные изменения в некоторые устоявшиеся представления о Советском Союзе и в оценку его роли и места в международных отношениях.

Уже в первой половине 1942 г. в социал-демократической эмиграции в Великобритании и США проходили так называемые «дебаты о России». Краткие тезисы этой дискуссии были опубликованы в мае 1942 г. Э. Марком. В их центре — признание ведущей роли Советской Армии и Советского Союза в деле разгрома фашистских агрессоров и обеспечения будущего справедливого мира. «Россия, — отмечалось в тезисах, — стала не только неотъемлемым, но и решающим союзником мировой демократии»⁷¹. Даже такой антисоветски настроенный представитель правых, как Э. Олленхауэр, отмечал в это время, что «если Восточный фронт устоит», то Гитлера ждет невиданное поражение и «катастрофа будет еще больше», чем после поражения кайзеровской армии в 1918 г.⁷²

На ноябрьской конференции 1942 г. немецкой социал-демократической эмиграции в Лондоне председатель Правления СДПГ Г. Фогель признал, что главная тяжесть войны лежит на плечах Советского Союза, а положение союзников облегчено тем, что Гитлер большой контингент войск оттянул на Восток⁷³. Конференция огласила приветствие «К народам Советского Союза». В нем говорилось, что немецкие социал-демократы с чувством восхищения следят за героической борьбой русского народа, преклоняются перед его жертвами, шлют братский привет «миллионам русских мужчин и женщин, которые на фронте и в тылу борются и работают для окончательной победы над международным фашизмом»⁷⁴.

В целом германская социал-демократия (за исключением резко антисоветской позиции Штампфера и его приверженцев в эмиграции в США) оставалась в

⁷⁰ «Достижения Красной Армии, — писал один из идеологов социал-демократии, находившийся в эмиграции в США, Зигфрид Марк, кстати, не отличавшийся симпатиями к коммунистам, — неизмеримо подняли престиж русских в мире». См.: *Matthias E. Op. cit. S. 286.*

⁷¹ *Ibid.*

⁷² *Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 130. S. 550—551.*

⁷³ *Lange D. Op. cit. S. 254.*

⁷⁴ *Sozialistische Mitteilungen. 1942. Anf. Dez. N 44. S. 11.*

этот период единой в оценке войны, роли Советского Союза в антигитлеровской коалиции, в оценке внешнеполитических акций и будущих планов союзников.

Линия на поддержку союзнических отношений как с Западом, так и с Востоком легла в основу внешнеполитической программы Союза. В документе под названием «Основные направления международной политики», принятом 23 октября 1943 г., а затем, в 1945 г., выдвинутом Союзом в качестве программы межгосударственных отношений в послевоенный период, подчеркивалось, что жизненным интересам как немецкого, так и всех европейских народов целиком отвечает необходимость, чтобы «мир в Европе получил стабильную основу на пути сотрудничества Британского Содружества Наций, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки... Только в дружественном сотрудничестве со всеми этими силами... может развиваться единая и свободная Европа» ⁷⁵.

Социал-демократы подчеркивали, что их намерения и цели, внешнеполитические принципы согласуются с принципами, провозглашенными еще в августе 1941 г. главами правительств Англии и США в так называемой Атлантической хартии ⁷⁶. В духе этой хартии СДПГ признавала право всех угнетенных народов, в том числе немецкого народа, на суверенитет и государственную независимость, на свободное развитие в рамках будущего европейского сообщества. Дополнительно, правда в весьма обтекаемой форме, говорилось, что социал-демократы «согласны с реальной потребностью (порабощенных Гитлером народов.— Л. Б.) в безопасности» ⁷⁷ и необходимостью оказания

⁷⁵ Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 16.

⁷⁶ См.: Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 117. S. 512—513. В Атлантической хартии, которая выказывала негативное отношение к развязанной Гитлером войне, было подчеркнуто, что западные державы выступают за суверенитет и право на самоопределение всех угнетенных народов, всех государств, победителей или побежденных. См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 163—167.

⁷⁷ Соответствующие положения Атлантической хартии в этом плане носили абстрактно-гуманистический характер. В ней не подчеркивалось безусловное право покоренных Гитлером народов на борьбу с угнетателями, обойден молчанием вопрос о мобилизации всех сил на борьбу с фашистскими агрессорами и их пособниками. Советский Союз, в целом высказавшись в поддержку хартии, обратил внимание именно на

помощи этим народам со стороны Германии в залечивании ран, причиненных фашизмом. В качестве мер, призванных в будущем гарантировать создание эффективной системы международной безопасности, предлагались не только разоружение Германии, как это отмечалось в Атлантической хартии, но и ряд радикальных общественных преобразований, в том числе: экспроприация «немецкой военной индустрии и крупного землевладения», демократическое обновление аппарата управления,— что, как отмечалось в документе, должно было подорвать социальные позиции власти «хозяйственных и политических носителей немецкого милитаризма»⁷⁸.

Поражение немецко-фашистских войск в битве на Волге вызвало углубление внутривойны политического кризиса и в Германии. В этих условиях важное значение приобретало уточнение политических перспектив антифашистского движения. ЦК КПГ еще в декабре 1942 г. принял обращение к немецкому народу — Манифест мира. Руководство компартии констатировало, что продолжение войны приведет страну к катастрофе. Компартия подчеркивала, что единственный путь спасения страны и национального достоинства — скорейшее окончание войны и свержение Гитлера немецким народом. Она призвала всех противников фашизма, всех честных немцев, без различия мировоззрения и партийной принадлежности, объединиться в широком немецком фронте мира⁷⁹.

Манифест мира предлагал программу из 9 пунктов, предусматривающую свержение фашистского режима и образование национально-демократического правительства, которое должно провести коренные преобразования. Это была широкая платформа, на основе которой противники Гитлера из самых различных слоев населения, принадлежащие к разным политическим течениям и вероисповеданиям, могли сплотиться и договориться о совместной борьбе.

Еще в июне 1942 г. было опубликовано открытое

этот отсутствующий в документе аспект. См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 163—167.

⁷⁸ Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 16.

⁷⁹ Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung, 1933—1945: Eine Auswahl von Materialien, Berichten und Dokumenten. В., 1958. S. 174—180.

письмо представителей ЦК КПГ в Великобритании Й. Бехера, В. Кёнена, Г. Шмидта «Ко всем немецким антифашистам в Великобритании», в котором говорилось: «Что мы, немецкие антифашисты, делаем в Великобритании? Мы — единственная эмиграция в этой стране, которая до сих пор еще не выступила сообща, что особенно необходимо после заключения англо-советского договора»⁸⁰. В письме предлагалась политическая платформа для объединения всех немецких противников Гитлера на основе непосредственных насущных требований широких народных кругов. В специальном обращении к немецким социал-демократам в Великобритании подчеркивалось: «На нас лежит особая ответственность перед нашими товарищами в Германии, перед международным рабочим движением. Наше сотрудничество явилось бы особенно большой помощью товарищам в Германии. Оно имело бы особое значение в Великобритании и везде, где существуют свободные рабочие организации»⁸¹.

Призывы коммунистов нашли отклик в определенных кругах социал-демократии, прежде всего среди левых — «Ной бегиннен» и СРП. Последняя высказалась за сотрудничество с коммунистами. «В определенной мере, — отмечали представители СРП, — это достижимо»⁸². При этом подчеркивалась значимость таких совместных действий как для конкретной антифашистской борьбы, так и для установления в будущем на межгосударственном уровне добрососедских отношений с Советским Союзом. Усилилась деятельность названных социал-демократических организаций и оказание помощи нелегальному движению в Германии. Левые отмечали, что даже самые мелкие акции саботажа станут важной предпосылкой для массовых антифашистских действий, для широкого народного движения против фашизма. В Великобритании коммунистам удалось провести ряд совместных акций с представителями СРП и «Ной бегиннен». 7 ноября 1942 г. состоялся митинг в честь очередной годовщины Октябрьской революции, проводились денежные сборы в фонд Красной Армии, был образован совместный Комитет помощи немецким беженцам⁸³.

⁸⁰ Lange D. Op. cit. S. 238.

⁸¹ Ibid. S. 240.

⁸² Ibid. S. 239.

⁸³ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 459.

Под влиянием изменившейся международной обстановки, очередного подъема радикальных настроений в левых социал-демократических кругах (т. е. и в Союзе) правые были вынуждены в течение 1942 г. отчасти пересмотреть свою линию в отношении коммунистов, лавировать, приспособливаться к изменившимся обстоятельствам. Летом 1942 г. в одном из писем Штампферу Олленхауэр писал, что под сильным давлением и вопреки собственному желанию Сопаде, возможно, будет вынуждено пересмотреть свои решения относительно сотрудничества с коммунистами⁸⁴. На специальное обращение коммунистов к немецким социал-демократам правые не ответили, однако мнения на этот счет в самом Правлении разошлись. Если Олленхауэр и Гейне по-прежнему придерживались старой точки зрения, то Шифф, Равицкий, Зегаль, Зорг, Вольф настаивали на достижении какого-либо взаимопонимания с коммунистами⁸⁵. Отчасти из тактических соображений эту позицию поддерживал Г. Фогель. В одном из его писем сказано: «Задачи, которые встанут... перед немецкими рабочими в послевоенный период, настолько трудны и ответственны, что возобновление обоюдной взаимоуничтожающей борьбы может вызвать лишь ужас»⁸⁶.

Когда в июле 1942 г. коммунисты предложили договориться о создании в Великобритании единого представительства немецкой эмиграции, то Фогель откликнулся на это предложение⁸⁷. Состоялись переговоры, в результате которых было подписано соглашение о создании на паритетных началах единого представительства немецких эмигрантов-антифашистов. А еще в июне 1942 г. социал-демократы вместе с коммунистами, другими немецкими антифашистами подписали Протест по поводу фашистских злодеяний в Лидице⁸⁸. В нем подчеркивалось, что немецкие антифашисты всеми силами будут содействовать полному уничтожению гитлеровской диктатуры, немецкой военной машины. Было выражено согласие с заявлением союзных правительств от 13 января 1942 г. о необходимости неотвратимого и справедливого наказания всех

⁸⁴ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 132. S. 558.

⁸⁵ Lange D. Op. cit. S. 242.

⁸⁶ Ibid. S. 257.

⁸⁷ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 132. S. 558.

⁸⁸ Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 29.

виновных в злодеяниях фашизма, действовавших от лица теперешних немецких властей.

Однако в целом Правление СДПГ, по словам Олленхауэра, было настроено весьма «скептически» к союзу с немецкими коммунистами, хотя, как признавал тот же Олленхауэр, выдерживать такую позицию было нелегко, так как приходилось выступать против широкого общественного мнения, переносившего «свое справедливое восхищение русской армией и русским народом на немецких коммунистов»⁸⁹. В отношении официального соглашения между КППГ и СДПГ позиция руководства СДПГ оставалась непримиримой. Под давлением оппозиции эта проблема обсуждалась на ноябрьской конференции СДПГ 1942 г. Г. Фогель неоднократно на словах высказывался в пользу единого рабочего фронта. Однако, когда речь заходила о конкретных договоренностях, пускались в ход старые антикоммунистические приемы, демагогия и т. п.

Обоснование отказов Сопаде от заключения единого фронта переходило в откровенную спекуляцию. Так, например, критикуя воззвание КППГ от 24 июня 1941 г., группа, объединившаяся вокруг Фогеля, изображала содержащийся в нем призыв к немецкому народу оказывать поддержку справедливой борьбе Советского Союза против Гитлера как едва ли не предательство национальных интересов Германии во имя сугубо национальных интересов России. Но ведь поддержка справедливой борьбы советского народа против фашизма, о которой говорили сами лидеры, немислима без защиты его национальных интересов. Чьи национальные интересы представлял в таком случае Гитлер, и можно ли было обвинять тех, кто стоял на стороне справедливого дела Советского Союза, в национальном предательстве? Наконец, очень трудно увязать подобные утверждения Сопаде как члена Союза с его собственными заявлениями о том, что Россия стала действительным фактором в деле защиты интересов народов всего мира.

Социал-демократам была невыносима мысль о возможном влиянии коммунистической идеологии и практики на развитие будущей Германии. В этом вопросе они были непримиримы, и здесь в конечном счете крылась та причина, по которой правое крыло социал-

⁸⁹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 132 S. 558.

демократии неизменно отклоняло антифашистский союз с немецкими коммунистами. В этом смысле справедливо утверждение Э. Маттиаса о том, что героические усилия России в войне «не повлекли никаких принципиальных изменений эмиграционной социал-демократии в отношении коммунистов»⁹⁰.

Как и в прежние времена, лидеры СДПГ (Фогель в выступлениях на конференции, по радио Би-би-си 7 ноября 1942 г., Олленхауэр — на заседании Союза в декабре 1942 г. и т. д.) постоянно твердили, что «сущность и цели КПП в основном не изменились», что заявления коммунистов относительно борьбы за демократию фальшивы и т. д., что только отказ коммунистов от старых принципов и представлений будет способствовать достижению взаимопонимания между двумя партиями⁹¹. Тем не менее Правление СДПГ, Союз вынуждены были считаться с позицией коммунистов. Важные проблемы, поднимаемые коммунистами (вопрос единства рабочего класса и создания единой партии, поставленный на Бернской конференции в дискуссионном порядке и отвечающий настроениям широких слоёв рабочих-подпольщиков, проблема создания широкого национального фронта и построения новой антифашистско-демократической Германии), так или иначе нашли свое преломление в деятельности СДПГ, в ее решениях.

Такое состояние дел весьма показательное. Оно свидетельствовало об уязвимом положении правых внутри Союза, равно как и во всей СДПГ, о давлении левых сил. Разногласия возникли в рядах самого правого крыла. Все менее подчинялись диктату Сопаде руководители местной группы СДПГ в Великобритании, имевшие собственные амбиции на лидерство в партии. Положение Правления осложнилось и тем, что в ходе

⁹⁰ *Matthias E.* Op. cit. S. 265.

⁹¹ Олленхауэр считал, что решение проблемы единства возможно только на основе переговоров между Социалистическим рабочим интернационалом и Коминтерном. См.: *Ollenhauer E. Möglichkeiten und Aufgaben einer sozialistischen Partei in Deutschland: Grundlagen eines Referats von Erich Ollenhauer in einer Mitgliederversammlung der «Union» in London 1942 // Programmatische Dokumente der deutschen Sozialdemokratie.* В., 1973. S. 227—243; См. также: *Орлов Б. С.* СДПГ: идейная борьба вокруг программных установок, 1945—1975. М., 1980. С. 47; *Sozialistische Mitteilungen.* 1941. Sept. N 29; 1942. Anf. Dez. N 44; *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* Dok. 132. S. 559.

развязанной правящими кругами Великобритании антинемецкой кампании оно оказалось лишенным многих влиятельных покровителей, в том числе из международных социалистических кругов. Возникли разногласия в самом Союзе. В их центре — проблемы сущности фашизма и войны, национальная проблема.

СДПГ и национальная проблема

Начало антинемецкой кампании в Англии, острее которой было направлено против политической немецкой эмиграции, положило выступление в марте 1942 г. в парламенте одного из влиятельных персон британского министерства иностранных дел, лорда Ванситарта, по поводу причин установления фашизма в Германии⁹².

Исходя из глубокой ненависти англичан, народов всего мира к варварскому фашистскому режиму и стирая всякие грани между гитлеровским фашизмом и немецким народом, лорд Ванситарт заявил, что причины фашизма необходимо искать в национальном, изначально агрессивном характере немцев. Он утверждал, что это тотально порочная нация, виновная во всех мировых войнах, во всех несчастьях мира, подлежащая посему полному и окончательному искоренению. Взгляды Ванситарта служили оправданием империалистических целей правящего класса Великобритании во второй мировой войне, своего рода идеологической подготовкой к планам раздела Германии. Тезис о порочности немецкого народа в целом был весьма удобен для британских правящих кругов, для империалистических кругов других стран Запада. По справедливому замечанию Г. Глайсберга, он создавал «впечатление, что для победителей (имеется в виду победа западных стран в войне.— Л. Б.)... безразлично, с кем они будут иметь дело после войны,— с нацистами или антифашистами»⁹³. Антифашистская «другая Германия» — Германия рабочего класса, демократических традиций просто сбрасывалась со счетов истории, такой подход не оставлял места для чувства солидарности с немецкими антифашистами, тем самым затрудняя их работу.

⁹² Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 127. S. 543.

⁹³ Gleissberg G. Vom Prager Manifest zur Bonner Opposition // Marxistische Blätter. 1969. H. 51. S. 30.

Антифашистские круги немецкой эмиграции единодушно выступили против этой шовинистической кампании. Ее резко осудила Коммунистическая партия Германии. Лидеры немецкой социал-демократии опубликовали ряд статей с острой критикой «мюнхенского» курса правящих кругов Запада, с разоблачительными материалами о поощрении ими гитлеровского режима. Из-под пера Ф. Штампфера вышла блестящая статья «Нас на колени? Только после Вас, лорд Ванситарт! После Вас!». Штампфер провозгласил политику британского правительства практически облегчившей приход и стабилизацию фашизма в Германии и развязывание им войны. Отметая упреки ванситартистов в адрес борцов Сопротивления, автор статьи продолжал: «Эти люди...имеют больше оснований для гнева, чем какой-то английский лорд, но они отклоняют слепую пропаганду ненависти против всех немцев»⁹⁴. Припомнив постыдно-курьезное приглашение Геринга на охоту в поместья британских богачей, в том числе и лорда Ванситарта, Штампфер в заключении писал: «Нас на колени? И немцев в Дахау? В Бухенвальде? И расстрелянных, повешенных, гонимых, лишенных гражданства — на колени?.. И ни одного, с кем Геринг охотился, ни одного господина из Форин оффис?.. Нет, только после Вас, лорд Ванситарт, после Вас!»⁹⁵ Остается лишь пожалеть, что такая статья не появилась в то время, когда Геринг охотился с английскими господами, да и написана она была только 14 октября 1944 г., к тому же исключительно в полемическом накале, в ней не хватало каких-либо практических выводов с целью изменения антифашистской тактики.

В ходе антиванситартистской дискуссии, которая проходила повсеместно в эмигрантских кругах Швеции, Швейцарии, США и т. д., справедливо был отмечен тезис о «неизменном, врожденном» характере немцев. Социал-демократы, проживавшие в США, представители других антифашистских направлений — П. Тиллих, Ю. Браунталь, Й. Хауфхофер подчеркивали: одинаково опасен и вводит в заблуждение «метод обобщения групповых качеств», идет ли речь о немцах, евреях и т. п.⁹⁶ Они заявляли, что теорию ванситартистов можно назвать перевернутой «расовой

⁹⁴ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 168. S. 665.

⁹⁵ Ibid. S. 667.

⁹⁶ Sozialistische Mitteilungen. 1942. Anf. Nov. N 43. S. 5.

теорией», подобной антисемитизму Гитлера, справедливо отмечая, что принять ее — значит встать на позицию нацистской национальной и расовой теорий⁹⁷.

Бурные споры о характере немецкого фашизма и вине немецкой нации вызвали разброд в рядах антифашистов на Западе, прежде всего в социалистическом движении. Ряд его партий скатился на националистические позиции⁹⁸. В июне 1943 г. конференция лейбористской партии Великобритании приняла резолюцию прованситартистского характера, отклонив предложение левых сил высказаться против идентификации всего немецкого народа с фашизмом и поддержать немецкую оппозицию⁹⁹. Практически лейбористы тем самым оправдывали политику правящих кругов империалистических держав. Впрочем, надо сказать, что такие весьма ловкие маневры в трудных обстоятельствах, когда отказывают реформистские схемы, перекладывать ответственность на плечи собственного или другого народа, были свойственны не только британским лейбористам. Аналогичного образа действий и до и после описываемых событий придерживались и другие социалистические и социал-демократические партии.

Положение немецких социал-демократов в Великобритании оказалось не из легких. Из-за политики властей была ограничена или полностью прекращена в ряде мест пропагандистская деятельность Союза. К концу 1942 г. на пике антинемецкой кампании практически прекратились передачи немецкого антифашистского радио на Германию. «Если бы мы знали, как с нами здесь обойдутся,— сетовал Г. Фогель в письме лидеру ванситартистов в лейбористской партии Вильяму Хили,— мы переехали бы в Соединенные Штаты»¹⁰⁰.

Ситуация еще более осложнилась, когда в самой немецкой эмиграции повсеместно возник раскол на прованситартистов и их противников. В 1942 г. дебаты по этому поводу разгорелись в США. Сформировалась группа ванситартистов вокруг известного писате-

⁹⁷ *Matthias E.* Op. cit. S. 273—274.

⁹⁸ *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* Dok. 132. S. 559.

⁹⁹ *Sozialistische Mitteilungen.* 1943. Juli. N 51. S. 19; см.: *Exil in Grossbritannien: Zur Emigration aus dem nationalsozialistischen Deutschland.* Stuttgart, 1983. S. 72—73.

¹⁰⁰ Цит. по: *Stampfer F.* Op. cit. S. 133.

ля Эмиля Людвига. Дело доходило до курьезных требований говорить с немцами только строгим голосом, не давать сигар и т. п.¹⁰¹ Часть немецких социал-демократов, проживавших в Лондоне, так называемая «группа шести» во главе с членом Сопаде К. Гейером в феврале 1942 г. примкнула к ванситартистскому объединению, в состав которого входил и ряд английских политических деятелей. Организация называлась «Борьба за мир» и издавала серию брошюр под аналогичным названием. В феврале 1942 г. К. Гейер вышел из состава Сопаде. 2 марта группа Гейера — В. Лёба¹⁰² опубликовала заявление, в котором выступила против политики СДПГ, политической платформы Союза немецких социалистических организаций в Великобритании от декабря 1941 г. за ее якобы националистический характер¹⁰³.

Почему часть немецких эмигрантов, в том числе правых социал-демократов, встала на позиции ванситартизма? Одни соратники по партии называли их предателями, другие пытались объяснить их позицию тем, что они потеряли веру в антифашистское движение в Германии¹⁰⁴. Безусловно, имели место и разочарования, и настроения пессимизма: зверства эсэсовцев и превосходящие всякую фантазию ужасы концлагерей глубоко ранили национальную совесть, вызывали проклятия в адрес своего народа. В общем плане идеологические и политические метания части социал-демократов (яркий пример тому — фигура Гейера) объяснялись их зыбкой политической платформой в период фашизма, неустойчивостью политической альтернативы, в конечном счете общей мелкобуржуазной по существу позицией. Были и другие причины, побудившие отдельных социал-демократов присоединиться к ванситартистам.

В заявлении «группы шести» содержались справедливые упреки в адрес руководства СДПГ, в особенности его политической линии в период с 1914 по 1918 г., отмечалось его нежелание осуществлять

¹⁰¹ Ibid. S. 163; Exil in den USA: Kunst und Literatur im antifaschistischen Exil, 1933—1945. Leipzig, 1979. Bd. 3. S. 173.

¹⁰² В. Лёб — известный банкир, социал-демократ.

¹⁰³ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 124. S. 531—535; Dok. 126. S. 538—542; Sozialistische Mitteilungen. 1942. Anf. März. N 35. S. 6.

¹⁰⁴ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 133. S. 560—563; Matthias E. Op. cit. S. 270.

«действительную» революцию против «немецкого национализма», подчеркивалось, что правые, напротив, оказали объективно и даже и субъективно поддержку националистическим военным планам германского империализма и милитаризма. В этом смысле утверждение К. Гейера о том, что «националистическая тенденция в социал-демократической партии и профсоюзах прогрессировала», справедливо¹⁰⁵. Это была та линия в политике СДПГ, которая привела часть социал-демократов к голосованию 17 мая 1933 г. за гитлеровскую агрессивную политику — линия Кайля, Зеверинга, Носке.

Разумеется, было бы ошибкой утверждать, как это делает К. Гейер, что в рассматриваемый период все социал-демократы «защищали военную политику гитлеровской Германии», и на этом основании сравнивать политику СДПГ в период первой и второй мировых войн.

Предельно жестко, абсолютно недиалектично (а потому и неверно) было утверждение Гейера о том, что «немецкий агрессивный национализм» представлял и представляет собой «могущественную политическую силу в немецком народе», что им заражены все общественные классы и политические партии¹⁰⁶. Приписывать немецкому народу, его прогрессивным слоям, рабочему классу изначальные националистические черты, тем более утверждать, что никакие революционные изменения, никакой антифашистско-демократический переворот не приведут к преодолению немецкого национализма, — было равносильно разоружению борцов Сопротивления перед фашизмом. Это грубо искажало объективный ход истории, предавало забвению демократические и революционные традиции немецкой истории, прежде всего прогрессивные традиции немецкого рабочего движения, сводило на нет тот весомый вклад, который оно внесло в революционную теорию и практику. В этом плане Сопад в своем меморандуме, направленном против оппозиционной «шестерки», справедливо протестовало против подобного рода нападок¹⁰⁷.

Вся германская история показала, что правящие

¹⁰⁵ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 126. S. 538.

¹⁰⁶ Ibid. Dok. 126. S. 538—539.

¹⁰⁷ Ibid. Dok. 134. S. 565; Dok. 130. S. 549—553; см. также: Sozialistische Mitteilungen, 1942. Anf. Okt. N 42. S. 10.

круги страны сознательно поддерживали националистические настроения в немецком народе, используя в оправдание своих классовых, гегемонистских устремлений реакционные расистские, геополитические и прочие теории. Только путем внедрения в общественные круги философии реванша, путем террора, демагогии и посулов Гитлеру удалось привлечь на свою сторону значительную часть немецкого народа, в том числе и часть рабочего класса. Однако утверждение К. Гейера¹⁰⁸ о том, что немецкое рабочее движение полностью ликвидировано, было безосновательным. Лучшие представители рабочего класса, немецкого народа не сдавались, продолжая в невероятно трудных условиях свою мужественную борьбу с фашизмом. И это тоже германская история, причем такая, которая прочно войдет в сокровищницу прогрессивных традиций немецкого народа, всей мировой истории.

Испытывая трудности в определении своей позиции по отношению к собственному народу, втянутому в величайшую трагедию, причастному к преступлениям нацизма, правые лидеры СДПГ не преминули бросить очередной камень в коммунистов, использовать анти-немецкую кампанию для очередного «обоснования» невозможности совместной с коммунистами борьбы. Так, летом 1943 г. Олленхауэр писал Штампферу: «Что касается отношений между нами и немецкими коммунистами, то они по-прежнему остаются в подвешенном состоянии... принципиальные различия продолжают иметь место в практической политике (если вообще можно говорить об этом в эмиграции) ... ванситартизм коммунистов (!) не может быть подходящим базисом для совместных действий»¹⁰⁹. Подобное утверждение было откровенной ложью. В отличие от ванситартистов из социал-демократических рядов, обвинявших немецкий народ во всех смертных грехах и патологических наклонностях, коммунисты не теряли веры в свой народ. Не снимая ответственности с немецкого народа, коммунисты предлагали ему единственную позитивную альтернативу, которая могла обеспечить выход из национального кризиса, положительное решение национальной проблемы при заключении благоприятного мира и сохранении целостности страны и нации. Это

¹⁰⁸ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 126. S. 539.

¹⁰⁹ Ibid. Dok. 150. S. 611.

был путь активной борьбы против фашизма на основе создания широкого национального союза всех прогрессивных, антифашистских сил страны.

Все меры, принятые КПГ с момента перелома в войне, были направлены на подъем антифашистского движения внутри Германии и за ее пределами, а также среди немецких военнопленных в СССР. К тому времени как прогрессивные силы среди военнопленных начали переходить к открытой поддержке ясной и целенаправленной политики КПГ, возникала возможность проведения давно уже стоявшей на повестке дня конференции немецких эмигрантов и военнопленных, находившихся на территории СССР, в целях создания национального немецкого комитета. Объективные предпосылки для создания национального антифашистского блока стали складываться с 1943 г. и на территории самой Германии¹¹⁰. Укреплялось сотрудничество в подполье между коммунистами и социал-демократами. «Все это говорило о развитии процесса объединения подлинно национальных патриотических сил»¹¹¹. Окончательно сформировалась буржуазная оппозиция, что также было очевидным проявлением нараставшего внутривнутриполитического кризиса¹¹².

Летом 1943 г. на конференции представителей военнопленных и немецких общественных деятелей-антифашистов в Москве был образован Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ). Движение «Свободная Германия» вобрало в себя оппозиционные гитлеровскому режиму элементы, принадлежащие к разным классам и слоям населения. Председателем комитета стал известный пролетарский поэт Эрих Вайнерт. Манифест, провозглашенный Национальным комитетом, подчеркивал, что движение «Свободная Германия» ставит целью сплочение всех немецких антифашистов, независимо от их партийной принадлежности, для борьбы за прекращение войны, освобождение немецкого народа и Европы от фашистского ига, создание подлинно демократической Германии.

¹¹⁰ См. подробнее. Ланге Д. Борьба КПГ за создание широкого антифашистского фронта Сопротивления // Ежегодник германской истории, 1979. М., 1981. С. 166.

¹¹¹ Там же. С. 166—167.

¹¹² Мельников Д. Е. Заговор 20 июля 1944 года в Германии: Легенда и действительность. М., 1965. С. 86.

В качестве неотложной задачи манифест выдвигал образование немецкого переходного правительства для заключения мира и осуществления первых радикальных антифашистско-демократических мер в политической и экономической областях. Принципиально важным было содержавшееся в манифесте Национального комитета указание на то, что непременным условием ликвидации фашизма и создания подлинно антифашистского, демократического порядка должно быть уничтожение политических и экономических основ власти монополистического капитала, виновного в развязывании войны.

Манифест Национального комитета стал признанной программой движения «Свободная Германия» как в самой Германии, в оккупированных странах, так и в Швеции, Швейцарии, Великобритании, странах Латинской Америки и США.

Свободное немецкое движение в Великобритании было провозглашено в Лондоне 25 сентября 1943 г. на конференции, в которой приняли участие 400 немецких антифашистов. Его созданию предшествовала большая подготовительная работа немецких эмигрантов-коммунистов. Они организовали ряд встреч и дискуссий с представителями различных антифашистских кругов эмиграции: рабочих, буржуазно-либеральных группировок, прогрессивного офицерства, интеллигенции. Большим вдохновляющим моментом явилось создание Национального комитета «Свободная Германия» в Москве.

В ходе дискуссии было единодушно выражено убеждение в том, что обеспечить построение будущей миролюбивой Германии можно только в случае уничтожения «власти военных монополий и крупного землевладения», всех «тех сил, которые выступали за вооружение и имперскую военную политику»¹¹³. Социал-демократы В. Шифф и К. Равицкий высказались за установление единства рабочего класса, всех немецких антифашистов. К. Равицкий подчеркнул при этом, что «сплоченный фронт всех антифашистов за границей найдет непременный отклик в Германии, усилит позиции и вдохнет мужество в сердца наших братьев, сражающихся там: социал-демократов, коммунистов, католиков и протестантов»¹¹⁴.

¹¹³ *Lange D. Op. cit. S. 275—276.*

¹¹⁴ *Ibid.*

Обосновывая цели и задачи движения, К. Равицкий говорил: «Мы исходим из существования англо-советского союза. Он является предпосылкой военных побед над гитлеровской армией и базисом мира для будущей... Германии. Мы убеждены, что совместно... силам Сопротивления удастся создать...свободную, действительно демократическую Германию, которая истребит как фашизм, так и его покровителей, объявит все завоевания Гитлера недействительными и сделает все для того, чтобы возместить (пострадавшим народам.— Л. Б.) причиненный ущерб»¹¹⁵. Конференция единодушно приняла воззвание ко всем немцам в Германии и военнослужащим¹¹⁶ и избрала комитет, в состав которого вошли: от коммунистов — В. Кёнен, от бывшей Государственной партии — А. Вебер, от офицерства — подполковник Х. Кале, от интеллигенции — д-р Ю. Кучинский, писательница Аделе Шрайбер, от социал-демократов — К. Равицкий. Президентом комитета стал К. Равицкий.

Деятельность комитета была весьма плодотворной. Совместно обсуждались кардинальные теоретические проблемы, вопросы будущего демократического переустройства Германии. Совместно осуществлялись антифашистские мероприятия — прослушивание радиопередач из Москвы, организация митингов и т. д. На митинге, посвященном Э. Тельману, Р. Брайтшайду и другим жертвам нацистского террора, в декабре 1944 г. К. Равицкий от имени всех немецких антифашистов выразил протест против нацистских злодеяний, потребовал наказания фашистских преступников¹¹⁷.

Представители комитета неоднократно обращались к Правлению СДПГ в Лондоне с предложением принять участие в национальном движении. Фогелю предлагали занять место президента. Однако правые снова заявили, что взаимопонимание с коммунистами якобы невозможно¹¹⁸.

Извращая сущность антифашистско-демократического движения «Свободная Германия», лидеры СДПГ

¹¹⁵ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 465.

¹¹⁶ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. Dok. 102. S. 583—584.

¹¹⁷ Freies Deutschland. 1944. Dez. N 1.

¹¹⁸ Exil in Grossbritannien. S. 71; Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 156. S. 628—629; Dok. 159. S. 637—638; Dok. 162. S. 647—648.

утверждали, что оно не является объединением немецких демократов, а представляет собой «союз сторонников черно-бело-красного генералитета с коммунистами»¹¹⁹, т. е. что коммунисты якобы поддерживают милитаристов и националистов. Буржуазный историк К. Дунке справедливо вскрывает мотивы измышлений правых лондонцев: «Для лондонского Сопада было достаточно, что этот комитет (Свободное немецкое движение в Великобритании.— Л. В.) был руководим из Москвы, чтобы отклонить его предложения, хотя вряд ли там шла речь о сотрудничестве с высшим офицерским руководством»¹²⁰. В одном из своих писем Э. Олленхауэр откровенно сообщал: «Мы решительно отклоняем (предложения КПГ.— Л. В.)... потому что не можем приветствовать московскую программу»¹²¹.

Тем не менее полемика внутри Союза об участии в движении «Свободная Германия» практически не прекращалась до начала 1945 г. В течение 1943 г. чуть ли не на каждом заседании Союза шли дискуссии по этому вопросу¹²². И, судя по некоторым заявлениям и письмам членов Сопада, их положение было не из легких. Фогель писал, например, Штампферу, что на собраниях Союза в Лондоне «происходят довольно неприятные споры». Члены Правления всеми силами «старались избежать окончательного разрыва»¹²³. Особенно острые разногласия наблюдались между правыми и В. Шиффом, который требовал от Сопада взаимопонимания с коммунистами на основе предложенного КПГ Манифеста мира и активного обоюдного сотрудничества в рамках «Свободной Германии»¹²⁴.

Таким образом, в годы войны усилились разногла-

¹¹⁹ Контрдоводы Сопада против единого фронта часто носили взаимоисключающий, откровенно спекулятивный характер: КПГ обвиняли то в антинациональных устремлениях, то в национализме и блокировании с «военщиной».

¹²⁰ Duhnke H. Die KPD von 1933 bis 1945. Köln, 1972. S. 412.

¹²¹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 156. S. 628.

¹²² Freies Deutschland. 1944. Dez. N 1; Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 138. S. 576.

¹²³ Ibid. Dok. 159. S. 638; Dok. 162. S. 647—648; Dok. 138. S. 576; Exil in Grossbritannien. S. 71.

¹²⁴ В. Шифф за резкую оппозицию правым был выведен из состава Сопада (Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 156. S. 628). Впрочем, действовал он крайне непоследовательно и позднее отошел от движения «Свободная Германия».

сия в самом правом крыле СДПГ, внутри Сопаде, что прежде всего вытекало из неспособности правых предложить реальный выход из национального кризиса. В этой связи для правых с особой остротой вставал вопрос о внутрипартийной тактике, которая способствовала бы сплочению вокруг них возможно большего числа сторонников.

Эта проблема оказалась в центре разногласий между Сопаде и Германской рабочей делегацией — представительством СДПГ в США.

Деятельность Германской рабочей делегации в США.

Дискуссия о тактике

Уже в период парижской эмиграции возникшие у Правления материальные трудности побудили его к созданию среди социал-демократов, эмигрировавших в США, организации по обеспечению СДПГ необходимыми финансовыми средствами. Статус ее был определен так: организация доверенных лиц для оказания помощи товарищам по партии и партийному Правлению¹²⁵.

Новая организация, получившая название Германская рабочая делегация (ГРД), была основана в марте 1939 г. в Нью-Йорке¹²⁶. В ее состав вошли: А. Гржезинский (председатель), в период Веймарской республики министр внутренних дел Пруссии; Р. Кац, один из видных деятелей СДПГ в Альтоне в веймарский период (секретарь); Макс Брауер, бывший бургомистр Альтоны; Хедвига Вахенхайм, писательница, член прусского ландтага; А. Браунталь, Г. Зегер. Позднее в состав ГРД вошли Ф. Вагнер, В. Зольман, К. Ауфхойзер и др.

На заседании 14 июля 1939 г. ГРД выдвинула в качестве первостепенной задачу налаживания контактов с политическими и государственными деятелями США, ведущими лидерами американских профсоюзов. Целый ряд заседаний ГРД, особенно в начальный период (1939—1941), был посвящен исключительно финансовой проблеме. При этом большое значение для

¹²⁵ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 67. S. 408—409; Dok. 146. S. 597.

¹²⁶ Ibid. Dok. 51. S. 383—387; см. также: Exil in den USA. Bd. 3. S. 180.

создания у американской общественности соответствующего впечатления придавалось пропаганде роли Сопаде как руководящей силы антифашистского подполья. Эта мысль настойчиво проводилась в большинстве документов и писем, адресованных лидерам американского рабочего движения, американской общественности. Так, в одном из писем председателю Американской федерации труда (АФТ) А. Грину Ф. Штампфер, предварительно запросив энную сумму денег, уверял, что «Сопаде руководит большинством важнейших групп, нелегально работающих в Германии»¹²⁷.

Сотрудничество между ГРД и АФТ базировалось едва ли не в большей мере на антикоммунизме, чем на антифашизме. Ф. Штампфер откровенно писал, что немецкая социал-демократическая эмиграция могла иметь связи только с одним из двух течений в американском рабочем движении (Конгресс производственных профсоюзов (КПП) занимал в те годы более последовательные классовые и антифашистские позиции), что общность антикоммунистической позиции связывала ее с Американской федерацией труда. При ее поддержке конституировалась ГРД¹²⁸.

Собственно антифашистской деятельности со стороны ГРД не наблюдалось. И как бы позднее Штампфер, ставший после переезда в 1940 г. в Нью-Йорк фактическим лидером организации, ни пытался отыскать заслуги ГРД в этом плане, кроме двух проведенных ею митингов (в декабре 1942 г. по поводу юбилея газеты «Нойе фолксцайтунг», на котором присут-

¹²⁷ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 49. S. 381—382.

¹²⁸ Stampfer F. Op. cit. S. 149. См. также: Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 51. S. 384. Тесное сотрудничество аналогичного порядка имело место между ГРД и Комитетом еврейских рабочих организаций (Jewis Labor Commitee), за спиной которого стояла АФТ. Помимо АФТ, в США существовали левая профсоюзная организация Конгресс производственных профсоюзов, компартия, маленькая социалистическая партия во главе с Норманом Томасом и отделившаяся от нее в 1936 г. Социал-демократическая федерация — реформистская организация, к немецкой секции которой примкнула и ГРД. Газета немецких эмигрантов «Нойе фолксцайтунг», основанная еще немецкими колонистами в 1878 г., стала пропагандистским органом ГРД (см.: Stampfer F. Op. cit. S. 147—148). О положении дел в рабочем движении США см.: Мальков В. Л. Коммунисты, социал-демократы и «новый курс» Рузвельта // Новая и новейшая история. 1974. № 5.

ствовала супруга президента Ф. Рузвельта, и в феврале 1945 г. в память Фридриха Эберта), вспомнить он ничего не смог¹²⁹. Истинное политическое лицо ГРД обнажилось в ее неустанной борьбе с представителями левых социал-демократических групп, обосновавшихся в США. Основная борьба разгорелась между ГРД и «Ной бегиннен», представленной в США ее лидером К. Франком (псевдоним — Пауль Хаген), В. Мюллером и Паулем Герцем (переехал в США в конце октября 1939 г.)¹³⁰.

Безусловно, в отношениях между этими двумя организациями имели место элементы конкурентной борьбы. Обе они равным образом пытались обеспечить себе более или менее стабильное существование в эмиграции, заручиться поддержкой влиятельных американских организаций как в политическом, так и в финансовом отношении. Каждая из них уверяла американскую общественность, что именно она является единственным законным представителем германского рабочего движения и действует в интересах всей СДПГ. Однако если правые видели свою цель в том, чтобы сохранить незыблемыми идеологические, политические и организационные принципы реформистской СДПГ, то «Ной бегиннен» (та ее часть, которая находилась в США и была более радикально настроена, чем ее собратья в Лондоне, прежде всего в вопросах антифашистской борьбы) по-прежнему критически относилась к реформистской политике лидеров СДПГ в веймарский период¹³¹, отказывала им в доверии, отрицала их авторитет, настаивала на организации подпольной борьбы в Германии и оказании подпольщикам действенной помощи. Штампфер позднее отмечал, что группа «Ной бегиннен» в США оставалась «верной своей старой иллюзорной политике народного фронта», в то время как ГРД «резко отклоняла любую связь с коммунистами»¹³².

К 1941 г. «Ной бегиннен» приобрела некоторое

¹²⁹ Stampfer F. Op. cit. S. 152.

¹³⁰ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 79. S. 428.

¹³¹ В одной из брошюр «Ной бегиннен» обвиняла лидеров СДПГ в том, что в период Веймара они играли роль «контрреволюционных революционеров», что они мечтали только о том, как бы поскорее вернуться в «хорошо оплачиваемые министерские кресла». См.: Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 80. S. 429—430; Dok. 118. S. 514—515.

¹³² Stampfer F. Op. cit. S. 150.

влияние в антифашистских кругах эмиграции. Как отмечал в одном из своих писем Р. Кац, К. Франку удалось «сколотить определенный аппарат»¹³³. Группа могла опираться на созданный профессором теологии Р. Нибуром в 1938 г. в Нью-Йорке антифашистский комитет «Американские друзья немецкой свободы». В его состав входили Томас Манн, Норман Томас и другие немецкие и американские деятели преимущественно левых политических убеждений. Одной из своих задач комитет считал оказание максимальной поддержки антифашистской немецкой эмиграции.

Приобретая определенный вес в США, представители «Ной бегиннен», следуя примеру Лондона, попытались наладить отношения с ГРД, призвав к «прекращению братоубийственных нападок»¹³⁴. Однако ГРД со ссылкой на то, что «левые по-прежнему хотят расколоть партию и построить на ее развалинах свой аппарат», приняла решение отклонять впредь все их попытки установить доверительные отношения. Практически с конца 1939 г. правые в ГРД с помощью имевшихся в их распоряжении средств (пресса, письма, общественные контакты) предпринимали массированные атаки на «Ной бегиннен». Эта кампания так и зафиксирована в истории СДПГ как «кампания против Хагена»¹³⁵. В чем только ни обвиняли Франка: в авантюризме, в коммунистическом подстрекательстве, в личной нечестности, даже в грабеже (уводят деньги из-под носа!), а также в содействии разрушению Веймарской республики¹³⁶. Правых в ГРД раздражала деятельность левых групп по оказанию помощи германскому подполью. Кац в одном из писем к Сопаде иронически заметил, что беседы с представителями «Ной бегиннен» сводятся к тому, что они требуют «влиять дополнительную струю свежей крови в так называемую подпольную работу»¹³⁷. Иногда дело доходило до абсурда. Так, в марте 1944 г. ГРД отказалась поддержать инициативу «Ной бегиннен» совместно почтить память погибшего в Лейпциге во время воздушного налета К. Мирендорфа на том основании, что

¹³³ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 118. S. 514—515.

¹³⁴ Ibid.

¹³⁵ Ibid. Dok. 116. S. 511.

¹³⁶ Ibid. Dok. 78. S. 426; Dok. 79. S. 428; Dok. 118. S. 514—515; Röder W. Op. cit. S. 43.

¹³⁷ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 145. S. 595—596.

представители левых групп хотели-де представить его «в качестве вождя германского подполья»¹³⁸.

Надо сказать, что позиция лондонского Правления в период антихагеновской кампании была довольно сдержанной. Франк, как и ГРД, поддерживал постоянные контакты с Лондоном. Сопаде склонялось к тому, чтобы даже защитить левых от наскоков Штампфера, Зегера, Каца и пр., выступало против резких обвинений со стороны ГРД¹³⁹. В одном из писем Штампферу Фогель дал понять, что не согласен с чрезмерно резкими нападками на Герца и «Ной бегиннен», заметив, что это лишь приведет к отчуждению между членами партии, подорвет ее политическое влияние¹⁴⁰. Нападки ГРД на Франка и противоречия в немецкой социал-демократической эмиграции в США сохранились до конца войны.

В ходе «дискуссии о Хагене» выявилось расхождение по ряду позиций между ГРД и лондонским Сопаде. Отношения между двумя этими центрами были достаточно сложными. Ни один из них в принципе не собирался кардинально пересматривать свои основные позиции, тем более в сторону их радикализации, обе стороны исходили из того, что действуют в интересах партии, сохраняя при этом ее традиционные установки.

Разногласия между двумя центрами носили чисто тактический характер. Прежде всего, по-разному понималась проблема укрепления авторитета партии. Если ГРД, прежде всего ее правое крыло во главе со Штампфером, категорически настаивало на незыблемости организационных и идейных основ партии, ее политических методов и считало, что только такая позиция позволит СДПГ пережить трудные времена и сохранить свое влияние, то позиция Сопаде, как уже отмечалось выше, к тому времени несколько изменилась. Его представители, в первую очередь Г. Фогель, полагали, что объективное изменение ситуации требует более гибкой ориентации с учетом сложившихся в партии настроений. Лидеры, подобные Фогелю и Олленхауэру, сознавали, что добиться сохранения основ партии можно только путем достижения приемлемого для большинства СДПГ, ее левых и прочих групп компромисса по организационной структуре, даже ценой опре-

¹³⁸ Ibid. Dok. 80. S. 431.

¹³⁹ Ibid. Dok. 116. S. 511.

¹⁴⁰ Ibid. Dok. 111. S. 488.

деленных уступок (разумеется, чаще на словах) в идеологических вопросах. В конечном счете, как отмечает буржуазный исследователь К. Рёдер, с помощью такой тактики пытались навязать «свои собственные представления»¹⁴¹.

Имея в виду перспективу возрождения в послевоенный период сильной и влиятельной социал-демократической партии, Сопаде в последний период войны придавало особое значение сплочению партийных рядов. «Задачи, которые встанут перед партией в будущем, требуют единой и осознанной работы,— отмечал в одном из писем Г. Фогель,— то, что произойдет в первое переходное время, будет иметь длительное и большое значение, а за упущения в эти решающие дни придется длительное время горько расплачиваться»¹⁴². Фогель поэтому советовал всем партийным инстанциям своевременно позаботиться о том, чтобы «время и силы не уходили на братоубийственную борьбу, а...все...возможности были использованы для совместной работы»¹⁴³. Олленхауэр в письме к Штампферу также рекомендовал своевременно достичь взаимопонимания с другими группами по поводу совместного решения будущих задач¹⁴⁴.

Заглядывая в будущее, правые в Сопаде не могли не учитывать реально создавшегося положения в партии за время гитлеровского правления. «Ни один из нас не может,— писал в одном из писем Штампферу Фогель,— не считаться со столь длительным сроком, в течение которого наша партия оказалась бессильной что-либо предпринять, с такой длительной эмиграцией, с таким общим изменением всех политических и экономических представлений, с разрушением всей человеческой цивилизации. То, что произошло за эти десять лет и произойдет дальше, мы не можем просто игнорировать. Мы должны сделать из этого определенные выводы... чтобы иметь возможность продолжить нашу работу от той черты, где мы ее прервали в 1933 г.»¹⁴⁵

При этом учитывались и настроения рабочих в Германии, прежде всего в кругах подполья, настроения в пользу единства рабочего класса как в настоя-

¹⁴¹ Röder W. Op. cit. S. 38, 96—97.

¹⁴² Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 143. S. 589.

¹⁴³ Ibid.

¹⁴⁴ Ibid. Dok. 156. S. 630.

¹⁴⁵ Ibid. Dok. 143. S. 589.

щем, так и в будущем. Об этом Правление через свои источники было достаточно информировано¹⁴⁶. Г. Фогель подчеркивал, что одним из первых вопросов, который наверняка зададут рабочие после возвращения лидеров СДПГ на родину, будет вопрос о том, а «что вы предприняли в эмиграции для воссоздания единства рабочего движения?» «Мы будем очень плохо выглядеть, — отмечал он, — если не сможем дать никакого другого ответа, кроме того, что мы отказывались обсуждать эту проблему с представителями других групп»¹⁴⁷. Естественно, что под другими группами он не имел в виду КПГ, а переговоры с ней абсолютно исключались.

Такая позиция Сопаде раздражала правых в ГРД. Штампфер прямо писал в Лондон: «Ваше рабочее содружество (имеется в виду Союз.— Л. В.) причиняет нам достаточно неприятностей»¹⁴⁸. Упрямо отказывая левым в праве называться немецкими социал-демократами, Штампфер утверждал: «Мы всегда говорим, что партийное Правление в Лондоне и кооперирующаяся с ним ГРД... являются единственным законным представительством старого немецкого движения»¹⁴⁹.

Напряженные отношения сложились между двумя сторонами в конце 1942 — начале 1943 г., когда в лондонском Союзе развернулась дискуссия по вопросу о возможностях образования новой социал-демократической партии Германии (так была сформулирована проблема в ряде докладов Э. Олленхауэра) и ее задачах. Штампфер обрушился с резкой критикой на Сопаде, призывал к благоразумию, грозился опубликовать официальный протест и т. п.¹⁵⁰ Он подчеркивал, что гордится старой партией, считает разумными все ее действия, настаивал на том, что даже в том случае, если из миллиона ее сторонников останется несколько тысяч, необходимо остаться верными ее принципам¹⁵¹.

Впрочем, опасения Штампфера были совершенно безосновательными. Он сам отметил противоречия в рассуждениях представителей Сопаде, конъюнктурно-тактический характер их радикальных высказываний: «Новая партия, какой вы ее хотите видеть, вряд ли

¹⁴⁶ Ibid. Dok. 141. S. 583—586.

¹⁴⁷ Ibid. Dok. 143. S. 589.

¹⁴⁸ Ibid. Dok. 142. S. 587.

¹⁴⁹ Ibid. Dok. 141. S. 587.

¹⁵⁰ Ibid. Dok. 141. S. 583—586.

¹⁵¹ Ibid. Dok. 141. S. 584.

сможет существовать. Она снова выставит социал-демократическую программу, снова станет опираться на профсоюзы, вберет в себя остатки старой партии. Это значит, что опять-таки возникнет старая социал-демократия... Либо же новая партия... должна стать новой как по своим принципам, так и по своему составу... Но тогда я не знаю, что в ней будут делать Фогель и Олленхауэр: они смогут ее только скомпрометировать»¹⁵². Олленхауэр, успокаивая Штамффера, писал, что лондонцы и не думают о «новых основах партии», а хотят лишь в ходе дискуссии прозондировать «политические представления» различных социал-демократических кругов¹⁵³. Более того, в своем докладе в декабре 1942 г. на заседании Союза Олленхауэр, вслед за Гейером (Партия свободы), подчеркнул, что новая социалистическая партия должна базироваться на основе мировоззренческого плюрализма, должна быть «терпимой к мировоззренческим, религиозным и иным философским мотивам, определяющим прогрессивную социальную позицию каждого, кто в нее входит», должна быть открыта для каждого, «кто чувствует себя связанным с ее целями и политикой»¹⁵⁴.

Тем не менее Правлению не удалось убедить Штамффера и К^о в целесообразности более маневренной тактической линии. ГРД продолжала курс на прямую конфронтацию с левыми силами. Напряженными оставались отношения и с лондонским Сопаде. Вопрос решился окончательно, когда летом 1943 г., единолично созвав конференцию СДПГ и не пригласив на нее ни представителей левых групп, ни членов Сопаде, правая верхушка ГРД практически открыто заявила о том, что считает себя самостоятельным центром СДПГ.

Сам характер конференции обусловил ее решения, которые, особенно в вопросах антифашистской тактики, были сугубо консервативными. На конференции не прозвучало ничего, кроме революционной риторики. Состав участников («приглашались... все социал-демократы... которые признают основы партии... и которые входили в нее перед захватом власти Гитлером») ¹⁵⁵ свидетельствовал о том, что речь шла, как сказано в

¹⁵² Ibid. Dok. 141. S. 585.

¹⁵³ Ibid. Dok. 150. S. 611.

¹⁵⁴ *Ollenhauer E.* Op. cit. S. 239. Подробнее см.: *Орлов В. С.* Указ. соч. С. 44–49.

¹⁵⁵ *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* Dok. 147. S. 602.

заявлении оппозиционной ГРД группы Юхач—Дитриха—Герца, «о собрании, на которое были приглашены лишь желанные гости и после которого, по решению участвующих, все должно оставаться так же, как и прежде»¹⁵⁶.

Оформившаяся к тому времени группа единомышленников Юхач и Герца (всего под их заявлением руководству ГРД было поставлено 72 подписи) придерживалась, как они сами отмечали, «прежних принципиальных позиций», однако, как и Сопаде, выступала за решительное обновление политической деятельности ГРД. В оценке роли и перспектив подпольного движения группа примыкала к левым силам СДПГ. Она требовала создать в США союз немецких социал-демократов, аналогичный лондонскому, «где все группы работали бы совместно над решением проблем, которые возникнут после падения фашизма»¹⁵⁷. В воззвании по поводу созыва конференции представители оппозиции заявили, что желали бы видеть эту конференцию в качестве форума по сплочению всех социал-демократических сил. По мнению Юхач, «если ГРД хочет представлять немецкую социал-демократию в эмиграции, необходимо, чтобы эта маленькая случайная группа имела демократический базис, на котором были бы возможны критика и обновление. Тогда ее никто не сможет упрекнуть в том, что она не является выразителем воли немецкого рабочего класса»¹⁵⁸.

Еще накануне конференции стали очевидными противоречия внутри самой ГРД. К. Ауфхойзер, М. Брауер (в 1943 г. два сопредседателя ГРД), Г. Штаудингер поддерживали точку зрения Сопаде на проблему достижения политического влияния социал-демократии. Г. Штаудингер подготовил и представил на рассмотрение специальные предложения по вопросам организационной и политической работы ГРД¹⁵⁹. Он подчеркнул необоснованность претензий ГРД «в ее теперешнем виде на представительство всех немецких рабочих» и предложил сплотить партию в единое целое на основе нормальных отношений и сотрудничества с левыми группами, отметив при этом влияние Хагена на моло-

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Ibid. Dok. 147. S. 602.

¹⁵⁸ Ibid. Dok. 155. S. 624.

¹⁵⁹ Ibid. Dok. 146. S. 596—601.

дых членов СДПГ, привлечение которых ГРД рассматривала как важную задачу. В то же время Штаудингер высказался против контактов с консервативными политическими кругами, равно как и против любых совместных действий с коммунистами¹⁶⁰.

За необходимость сотрудничества со всеми левыми группами высказывался и К. Ауфхойзер. В беседах с М. Юхач, другими представителями оппозиции он подчеркивал, что давно уже пришло время для такого рода изменений. Ауфхойзер пригласил оппозиционную группу принять участие в конференции. Когда же правые все-таки приняли решение о расширении состава ГРД исключительно за счет правых представителей немецкой группы социал-демократической федерации, Ауфхойзер демонстративно покинул зал заседаний¹⁶¹. Произошел раскол в руководстве ГРД.

Твердолобая позиция правой верхушки ГРД не принесла желаемых результатов. Германская рабочая делегация так и не приобрела влияния в социал-демократической эмиграции, более того, к концу войны она оказалась в откровенной изоляции от основных сил партии. По признанию самого Штампфера, противоречия разгорелись с новой силой, и к этому времени ГРД находилась в критическом состоянии¹⁶². Из организации по разным причинам вышли Зольман, Келлер, Риннер, Зегер. Практически отошел от работы Штаудингер. «Непримиримое отношение к левым... и отклонение... единого и народного фронта,— отмечает К. Рёдер,— очень скоро повлияли на разрыв (ГРД.— Л. Б.) со всеми другими проживавшими в США членами СДПГ»¹⁶³.

ГРД категорически выступала против любых предложений коммунистов о создании в США широкого комитета немецкого народного фронта. Все попытки левых сил эмиграции в этом направлении блокировались ГРД. Правые заявляли, что не примут участия ни в одной организации, где будут коммунисты¹⁶⁴, и, наоборот, выступали за привлечение консервативных эми-

¹⁶⁰ Ibid. S. 598.

¹⁶¹ Ibid. Dok. 155. S. 624; Röder W. Op. cit. S. 38.

¹⁶² Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 133. S. 561; Dok. 158. S. 634—636; Dok. 151. S. 612—614.

¹⁶³ Röder W. Op. cit. S. 37.

¹⁶⁴ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 67. S. 410; Dok. 68. S. 411; Dok. 69. S. 414.

грантских кругов, бывших государственных деятелей Веймарской республики.

На этой базе еще в августе 1941 г. был создан Германо-американский комитет в защиту свободы Германии от нацизма, а затем в октябре 1942 г. еще одна организация — «Ассоциация свободных немцев»¹⁶⁵. Обе организации в основном занимались проблемами будущего конституционного устройства Германии и не имели никакого касательства к антифашистской борьбе. Принятые «Ассоциацией» в марте 1943 г. Программные положения в основном носили буржуазно-демократический с антифашистским оттенком характер: полное разоружение и демилитаризация страны, наказание нацистских преступников, искоренение всей нацистской системы угнетения, возвращение суверенным государствам оккупированных рейхом территорий и т. д. В целом же «Ассоциация» имела более или менее формальное значение, однако, как подчеркивает Э. Маттиас, вызвала глубокую заинтересованность Вашингтона как противовес «активности русского комитета „Свободная Германия“ почти повсеместно»¹⁶⁶.

По непосредственной цели «Ассоциация» стала противовесом созданному 2 мая 1944 г. Совету за демократическую Германию, сплотившему в своих рядах представителей различных политических и общественных слоев немецкой эмиграции в США, в том числе коммунистов и левых социалистов (хотя, надо сказать, действовал последний изолированно, отклонял связи с НКСГ). Совет был создан по инициативе профессора теологии, близкого к социал-демократии Пауля Тиллиха, Г. Манна, Б. Брехта, Л. Фейхтвангера, других представителей немецкой прогрессивной интеллигенции. В его работе вместе с коммунистами (А. Норде-

¹⁶⁵ Ibid. Dok. 135. S. 567—570; Exil in den USA. S. 180.

¹⁶⁶ *Matthias E. Einleitung // Mit dem Gesicht nach Deutschland.* S. 41. Возможность распространения коммунистического влияния в Германии всерьез тревожила американские власти. Опасения на этот счет усилились после образования Национального комитета «Свободная Германия». В связи с этим официальные круги США стали проявлять видимый интерес к представителям ГРД, приглашали их посетить госдепартамент и т. д. Несколько ранее, в марте 1943 г., «Ассоциация свободных немцев», действовавшая на базе ГРД, смогла обнародовать свою программу в палате представителей и таким образом обеспечить ее публикацию в актах американского конгресса (*Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 135. S. 567*).

ном и др.) принимали участие и социал-демократы, в том числе Ауфхойзер, Гржезинский, Юхач, Дитрих Герц и др. Совет работал в тесном сотрудничестве с американскими прогрессивными антифашистскими организациями — «Американские друзья немецкой свободы» и др.¹⁶⁷ ГРД категорически выступала против Совета как «антидемократической организации единого фронта», хотя, как отмечает Э. Маттиас, принципы этой антифашистской организации вполне согласовывались с антифашистскими воззрениями социал-демократов в целом¹⁶⁸.

Немецкие социал-демократы в США, отмечает буржуазный историк Й. Радкау, гордились «своим несгибаемым антикоммунизмом»¹⁶⁹. Ни подпольная борьба коммунистов, ни победное наступление советских войск не вызвали «восторга» у ГРД. Газета «Нойе фольксцайтунг» так усердствовала в стремлении очернить коммунистов, что, по словам некоторых буржуазных публицистов, не было в то время в эмигрантской прессе более антикоммунистического листка, способного поспорить с прессой Геббельса¹⁷⁰. Раздраженная нараставшими симпатиями мировой общественности, различных кругов населения США к Советскому Союзу, штампферовская пресса пугала американцев «ужасами советской экспансии», возможностью установления «прокоммунистического режима в Германии», лидерством коммунистов на международной арене и т. п.¹⁷¹

Настроения антикоммунизма и антисоветизма с конца 1943 г. усилились в социал-демократической эмиграции повсеместно. Союзнические решения Тегеранской конференции 1943 г., а затем Ялтинской конференции 1945 г. относительно будущего мира с Германией, продиктованные объективным ходом событий, характером войны, невиданной степенью разрушений,

¹⁶⁷ Ibid. Dok. 163. S. 649—654. См. также: Dok. 161. S. 643; Exil in den USA. S. 189. Ауфхойзер и Гржезинский из-за участия в работе Совета были отстранены от функций членов Исполнительного комитета ГРД.

¹⁶⁸ Matthias E. Einleitung. S. 41.

¹⁶⁹ Radkau J. Die deutsche Emigration in den USA. Düsseldorf, 1971. S. 156.

¹⁷⁰ Freies Deutschland. 1945. Jan. N 2. S. 19; Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 472.

¹⁷¹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 140. S. 580—583; Dok. 151. S. 612—614; Dok. 158. S. 634—636; Dok. 165. S. 656—659.

чрезвычайной жестокостью фашистов на оккупированных территориях, вызвали известный поворот некоторых группировок социал-демократии вправо. Признавая отдельные решения конференций (в частности, требование демилитаризации Германии, наказания военных и нацистских преступников), некоторые социал-демократы эмигранты выступали против этих решений в целом. Особенной атаке подвергался выдвинутый на Тегеранской конференции принцип безоговорочной капитуляции Германии. Союз немецких социалистических организаций в Великобритании высказал «озабоченность» политикой союзников и даже отказался, как было заявлено Г. Фогелем, от позитивной деятельности, пока не будет окончательно ясна линия в отношении будущего Германии¹⁷².

Неприятие тезиса о полной и безоговорочной капитуляции объяснялось узкой трактовкой национальных потребностей немецкого народа, национальным эгоизмом. Подлинные национальные интересы, национальная безопасность, в конечном счете любая действительно национальная политика должны учитывать интересы и безопасность других народов. Правые социал-демократы пренебрегали историческими реальностями, сложившимися в ходе жесточайшей войны, которую Гитлер вел против народов мира, интересами народов, понесших невосполнимые потери в результате фашистского владычества. А ведь в свое время сами социал-демократы совершенно справедливо и неоднократно предупреждали фашистских правителей Германии, весь немецкий народ о катастрофических последствиях войны, о неизбежном поражении в этой войне, которое неминуемо повлечет за собой возмездие¹⁷³.

Тем не менее в 1943—1945 гг., прикрываясь лозунгом справедливого демократического мира, правые социал-демократы выступили против необходимых и оправданных мер союзников, призванных искоренить германский милитаризм. Они категорически выступали против возмещения Германией ущерба, понесенного разоренными ею странами¹⁷⁴. В формулировке «пол-

¹⁷² Ibid. Dok. 162. S. 645—646. См. также: Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 31.

¹⁷³ См. речь Штампфера по нью-йоркскому радио 27 июля 1943 г.: Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 152. S. 615.

¹⁷⁴ Лидеры СДПГ особенно резко высказывались против возвращения польскому народу, больше других пострадавшие

ная и безоговорочная капитуляция» они увидели опасность «угнетения немецкого народа», смазывали злое щие масштабы унижения на грани уничтожения других народов фашистской Германией. Такая позиция размывала понятие агрессии, ее преступный характер, наконец, не способствовала решению поставленной самими же социал-демократами задачи «гуманистического воспитания немецкого народа»¹⁷⁵.

На волне националистических настроений резче проступали антисоветские нотки в пропаганде СДПГ. Прежде всего это касалось социал-демократической эмиграции в США и Великобритании. Так, утверждалось, будто Советский Союз вынудил западные державы отойти от принципов Атлантической хартии и согласиться на раздел Германии. В адрес СССР раздавались чудовищные обвинения, в первую очередь со стороны правых в ГРД, в «фашистско-коммунистическом терроре» и т. п.¹⁷⁶ И это при том, что было хорошо известно, что именно Советский Союз с самого начала выступал за сохранение государственной целостности Германии, против империалистических планов ее переустройства. С другой стороны, сами социал-демократы, в частности представители Союза, неоднократно отмечали, что «в американской и английской общественности дискутируются планы раздела рейха, широкого вмешательства в управление и экономику послевоенной Германии»¹⁷⁷.

Теперь, когда с весны 1944 г. Советская Армия вступила на территорию Западной Европы, когда под руководством прогрессивных сил Сопротивления в европейских странах одно за другим вспыхивали антифашистско-демократические восстания, правые социал-демократы, особенно в ГРД, откровенно напуганные развитием событий, открыто выступали за то, чтобы результат военных действий был решен исключительно

му от фашизма, исконно польских территорий. См.: Ibid. Dok. 153. S. 618—619; Dok. 160. S. 640—641.

¹⁷⁵ Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 17.

¹⁷⁶ Sozialistische Mitteilungen. 1943. N 63/64; Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 153, 160; *Stampfer F.* Op. cit. S. 160—162.

¹⁷⁷ Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 31; Sozialistische Mitteilungen. 1943. Febr. N 46. S. 8. Позднее сам Штампфер признавал, что инициатива расчленения Германии, деиндустриализации и превращения ее в аграрную страну исходила от американцев. *Stampfer F.* Op. cit. S. 153.

в пользу Запада, за одностороннее урегулирование послевоенных международных отношений Германией и западными державами. Штампфер откровенно заявлял, имея в виду, несомненно, коммунистов, что такое решение вопроса необходимо для того, чтобы окончательно «покончить с левым экстремизмом в Германии»¹⁷⁸. В публикациях ГРД утверждалось, что взаимопонимание с русскими, как в идеологическом плане, так и по вопросам внутреннего устройства Германии, невозможно¹⁷⁹. Такого же мнения придерживались и члены Сопаде. Э. Олленхауэр, в частности, заявлял: «Если Германия будет оккупирована по зонам, то в русской оккупационной зоне вряд ли будет возможна политическая деятельность в нашем смысле»¹⁸⁰. В связи с этим намекали на необходимость быстрее создания западными союзниками сильного немецкого государства, которое могло бы противостоять «новой политической системе (читай — системе народной власти, власти трудящихся. — Л. Б.)»¹⁸¹.

В качестве гаранта прозападного развития Германии правые немецкие социал-демократы в США предлагали Соединенным Штатам «взять на себя политическое лидерство» в Европе и противостоять «наступлению русских»¹⁸². Не случайно Ф. Штампфера считают на Западе одним из отцов концепции «атлантического сообщества». Утверждая, что у Америки отсутствуют какие-либо гегемонистские своекорыстные претензии в отношении Европы, Штампфер в то же время всячески старался опорочить позицию Советского Союза. Он уверял, что русские обещают лучшие условия мира, чем Запад, руководствуясь исключительно «своими великодержавными интересами», намереваясь «учредить протекторат над Европой и Азией», и пр.¹⁸³

Вспыхнувший на почве дискуссий о послевоенном политическом устройстве Германии антикоммунизм вновь, в который раз, сплотил социал-демократов в различных районах эмиграции. Как утверждал в одном

¹⁷⁸ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 154. S. 621.

¹⁷⁹ Цит по: Stampfer F. Op. cit. S. 160.

¹⁸⁰ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 167. S. 662. См. также: Dok. 161. S. 642—643.

¹⁸¹ Stampfer F. Op. cit. S. 155.

¹⁸² Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 154. S. 620—622.

¹⁸³ Ibid. Dok. 153. S. 618—619.

из писем Олленхауэр, Правление в основном получило поддержку социал-демократов в Лондоне¹⁸⁴.

Фогель в письме к Юхач от 19 октября 1943 г. также указывал, что старые организационные споры между социал-демократическими группами утратили прежнее значение и «товарищ из „Ной бегиннен“ (Лёвенталь) гораздо ближе к нам сегодня, чем, например, Гейер со своими теоретическими идеями»¹⁸⁵. Активно выступал за переход на мировоззренческие позиции Сопаде и руководитель МСБС В. Айхлер¹⁸⁶. Виктор Шифф, до тех пор сторонник единства действий с коммунистами, в марте 1944 г. писал Штампферу, что он в организации Свободное немецкое движение в Великобритании энергично борется «против союзнических планов раздела и аннексии и при этом получил поддержку всех некоммунистических членов»¹⁸⁷. Аналогичные процессы происходили в США, где левые социал-демократы, правда уже в 1945 г., вышли из подобной организации.

Вновь обнаружилась непоследовательность, противоречивость позиции левых сил СДПГ, прежде всего ведущих групп, их неспособность объективно оценить и правильно осознать политические реальности. Антикоммунизм, в который раз, вновь толкнул их в объятия правых, лишив тем самым возможности оказать столь необходимое давление на верхушку партии. Это привело к тому, что к концу войны правым в Союзе удалось добиться пересмотра радикальных формулировок, содержащихся в основных документах лондонской эмиграции, и выработать ряд новых документов, целиком отвечавших реформистским установкам.

Развитие левых тенденций в социал-демократической эмиграции и подполье

Однако в среде раздробленной и рассеянной по всему свету немецкой социал-демократии были и другие

¹⁸⁴ Ibid. Dok. 156. S. 629. См. также: Exil in Grossbritannien. S. 76.

¹⁸⁵ Ibid. Dok. 157. S. 633.

¹⁸⁶ Орлов Б. С. Указ. соч. С. 39—40; Pottchoff H. Die Sozialdemokratie von den Anfängen bis 1945. Bonn; Bad-Godesberg. 1974. S. 143.

¹⁸⁷ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 161. S. 644 (Anm.)

тенденции, которые резко отличались от линии Сопаде и Германской рабочей делегации, Союза немецких социалистических организаций в Великобритании. Это были тенденции к единству рабочего класса в антифашистской борьбе, к единству с коммунистами, со всеми противниками гитлеровского режима. Причем настроения в пользу единства не просто оставались на уровне прокламаций, они были реализованы в ряде совместных соглашений, конкретных антифашистских акций. Такая картина была характерна для эмиграции в Швеции, Латинской Америке и прежде всего самого германского подполья¹⁸⁸.

Под влиянием движения «Свободная Германия» Местная группа СДПГ в Швеции, в основном следовавшая в русле политики Сопаде¹⁸⁹, с 1943 г. стала выступать за сотрудничество с коммунистами в рамках широкого антифашистского союза. Этой перемене способствовали коренной перелом в ходе мировой войны, рост антифашистских настроений в самой Швеции, общее полевание масс. С 1943 г. в этой стране велась подготовка отрядов для сил Сопротивления в Норвегии и Дании, с 1944 г. через ее территорию осуществлялась тайная доставка оружия для антифашистов соседних Скандинавских стран. В годы войны в Швеции нашли убежище около 200 тыс. иностранцев антифашистов¹⁹⁰. Настроения в пользу единства действий были характерны и для Местной группы немецких профсоюзов.

Неправомерно утверждать, как это делает Г. Дунке, что социал-демократические группы в Швеции были

¹⁸⁸ Именно этим объясняется тот факт, что историография ФРГ так тщательно избегает изучения именно этих районов эмиграции.

¹⁸⁹ С 1939 по 1943 г. в качестве уполномоченного Сопаде здесь работал Эмиль Шталь, с 1943 г. — К. Хайниг, отличавшийся крайне антикоммунистическими взглядами и практически находившийся в состоянии открытой войны с большинством шведской группы. До 1943 г. деятельность социал-демократов в Швеции по указанию Сопаде была сведена до минимума — группа выступала против каких-либо воззваний, любой активности, требовала от своих членов безусловного выполнения всех распоряжений шведских властей, до 1943 г. нередко действовавших в угоду гитлеровскому правительству.

¹⁹⁰ История международного рабочего движения. Т. 5. С. 659—660.

настроены «прокоммунистически»¹⁹¹. Скорее прав западногерманский исследователь Г. Мюссенер, который считает, что для них была характерна налаженная совместная работа с коммунистами¹⁹². В заявлении местных немецких профсоюзов, опубликованном в феврале 1943 г., говорилось, что в будущей Германии необходимо единство рабочего класса, которое «независимо от мировоззренческих и партийно-политических противоречий» должно «выражать единые социальные интересы рабочих через единое профсоюзное движение»¹⁹³.

Профсоюзы вместе с коммунистами, представителями других антифашистских организаций подписались под совместным воззванием Рабочего комитета антинацистских организаций в Швеции, образованного осенью 1944 г. Здесь немецкие антифашисты высказались за мирную антифашистско-демократическую Германию, за экспроприацию собственности крупных промышленников, банкиров и землевладельцев, за наказание всех нацистских и военных преступников, за построение новой демократии¹⁹⁴. Воззвание поддерживало союзнические решения относительно будущего Германии, выказывало готовность сотрудничать с Объединенными Нациями над выполнением провозглашенных ими гуманитарных задач.

В январе 1944 г. организация СДПГ в Швеции

¹⁹¹ *Duhnke H.* Op. cit. S. 416.

¹⁹² *Müssener H.* Exil in Schweden. München, 1974. S. 123, 140, 149.

¹⁹³ *Ibid.* S. 120—121. Интересно, что бывшие немецкие профсоюзы за границей с 1938 г. возглавлял Ф. Тарнов — личность, довольно известная своими реформистскими убеждениями и деятельностью в период Веймарской республики. Радикальные настроения в кругах соотечественников не раз вынуждали Тарнова подписывать документы явно антифашистско-демократического звучания. Если для большинства подписывавших это было естественным выражением их воли и стремлений, то для Тарнова лишь комуфляжем, призванным привлечь сторонников и обеспечить преимущественные позиции правых в профсоюзном движении. Тактическими соглашениями с коммунистами он рассчитывал лишь нейтрализовать радикальные настроения рабочих. Позднее он признал, что такая позиция дала право обеспечить после войны «жизненные возможности» для рабочих, — «задача, для решения которой одно рабочее движение является слишком слабым... и необходимо пойти на союз с буржуазией» (цит. по: *Ibid.* S. 123).

¹⁹⁴ *Ibid.* S. 127, 215—216.

(Стокгольм) (ее лидеры — О. Фридлиндер, К. Ралофф) после острых дискуссий с правым крылом и с самим К. Хайнигом приняла решение о сотрудничестве с коммунистами в профсоюзах¹⁹⁵. Группа СДПГ в Мальмё работала в тесном сотрудничестве с КПГ, выступала за будущее объединение двух немецких рабочих партий. Принятый ею Социалистический манифест в основных своих положениях совпадал с программными заявлениями коммунистов¹⁹⁶. Учитывая пожелания большинства социал-демократов, группа СДПГ в Швеции шла по линии объединения всех социал-демократических сил в единую организацию, целиком поддерживая в этом плане позицию Лондона. В отличие от большинства К. Хайниг придерживался точки зрения Штампфера на проблемы единства СДПГ, категорически выступал против союза с левыми группами, в частности представленной в Швеции СРП. Дебаты по этому поводу проходили в Швеции почти до конца 1944 г.¹⁹⁷

Сами представители СРП (во главе которой стояли супруги Эндерле, Ш. Сценде, Е. Бем, а также прибывшие после оккупации фашистами Норвегии в 1940 г. В. Брандт и О. Майер и др.), исходя из концепции единого рабочего движения, налаживали контакты с представителями КПГ, профсоюзов, Местной группы СДПГ. Вместе с коммунистами они организовали ряд мероприятий по оказанию помощи жертвам фашизма, эмигрантам и т. д. Объединение СДПГ рассматривалось группой как объективная необходимость. При этом руководствовались тем, что надо объединить всех, кто «стоит на той же социал-демократической почве»¹⁹⁸.

В это время Социалистическая рабочая партия, пересмотрев свои максималистские концепции, признала, что «объединение широких слоев народа, по крайней мере на первой ступени, невозможно на основе социально максимальной программы... Все желают восстановления элементарных демократических прав»¹⁹⁹. Поэтому представленная ею летом 1944 г.

¹⁹⁵ Ibid. S. 140.

¹⁹⁶ Ibid. S. 137, 149; Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 469.

¹⁹⁷ Müssener H. Op. cit. S. 145—147, 171.

¹⁹⁸ Ibid. S. 172.

¹⁹⁹ Zur Nachkriegspolitik der deutschen Sozialisten. Stockholm, 1944. S. 41.

дискуссионная программа «О послевоенной политике немецких социалистов», хотя и была, по собственному замечанию ее создателей, программой «с сильной социалистической направленностью»²⁰⁰, в основе содержала требования антифашистско-демократического характера и отличалась радикально-демократическим звучанием.

СРП высказалась за антифашистско-демократическую, социалистическую Германию. В центре представленного документа — проблема единства рабочего класса, всего трудящегося населения Германии — гарантов успешного проведения в стране антифашистско-демократических преобразований. Особо подчеркивалась ведущая роль пролетариата как в антифашистской борьбе, так и при построении нового, свободного от эксплуатации общества. СРП высказалась за создание единой социалистической рабочей партии.

В документе говорилось, что новое государство (предполагалось его парламентско-демократическое устройство — система политических партий, национальное собрание) самым решительным образом должно отличаться от Веймарской республики, что оно должно стать «новой, действительно социалистической демократией»²⁰¹. «Существенное различие между новой Германией и Веймарской республикой должно состоять не в образовании или необразовании партий и наличии политического парламентаризма, а в том, что парламентаризм...должен быть прежде всего связан с действительно демократическими преобразованиями социальных отношений и соответствующей перестройкой хозяйственной жизни»²⁰². В зависимости от того, «как остальные партии будут способствовать решению проблем, поставленных социалистами», будет строиться и отношение социалистической партии к другим партиям, отмечалось в программе²⁰³.

Предусматривалось не только строгое наказание всех нацистских преступников, но и «ликвидация... всей нацистской системы, истребление не только всего набора вождей, но и уничтожение политических и экономических основ фашизма и немецкого империа-

²⁰⁰ Ibid. S. 16.

²⁰¹ Ibid. S. 39, 40.

²⁰² Ibid. S. 39.

²⁰³ Ibid. S. 46.

лизма»²⁰⁴. Указывалось на необходимость обобществления «монополистических и финансовых предприятий», экспроприации юнкерских поместий — «подрыв власти военно-монополистического капитала». Как справедливо отмечалось в программе, «ответственность крупной индустрии и крупного капитала за нацизм не подлежит сомнению»²⁰⁵.

Подчеркивая, что выступает за «последовательную демократическую революцию, которая не была доведена до конца в 1918—1919 гг.», СРП высказывалась за «принципиальную демократизацию» управления, слом «нацистского аппарата и создание новых органов из представителей антифашистских кругов», учреждение демократического контроля²⁰⁶.

Особо подчеркивалась ответственность оккупационных держав за проведение антифашистско-демократических мероприятий, обеспечение демократических прав и свобод, избавление населения от голода и безработицы. «Есть в лагере победителей, — говорилось в документе, — реакционные силы, которые заинтересованы в том, чтобы воспрепятствовать новому строительству в Германии или, по крайней мере, затруднить его... Если оккупационные власти будут защищать заправил — хозяев, служащих и публицистов, прикрывающих нацистов ... наказание военных преступников станет фарсом ... будет означать отказ от полного искоренения фашизма... от демократических принципов»²⁰⁷. СРП ратовала за добрососедское сотрудничество со всеми оккупационными державами, против использования противоречий в лагере союзников, за «незамедлительное отмежевание от всех гитлеровских аннексий» и разоружение Германии²⁰⁸.

Программа СРП²⁰⁹, как, впрочем, и общее радикальное настроение в немецкой эмиграции в Швеции, оказала влияние на решения немецкой социал-демократической конференции, состоявшейся в декабре 1944 г.

²⁰⁴ Ibid. S. 5, 19.

²⁰⁵ Ibid. S. 7, 9, 12.

²⁰⁶ Ibid. S. 6, 16, 17, 41, 42.

²⁰⁷ Ibid. S. 17, 6.

²⁰⁸ Ibid. S. 18.

²⁰⁹ Необходимо отметить, что часть членов СРП — сторонников П. Вальтера в Лондоне — в это время по своим теоретическим и политическим концепциям быстро приближалась к Сопаде. См.: Röder W. Op. cit. S. 43; Pottchoff H. Op. cit. S. 141.

в Стокгольме. Конференция подчеркнула необходимость преобразования капиталистического общества в социалистическое, выступив за проведение в послевоенной Германии ряда мер антифашистско-демократического характера: окончательное искоренение немецкого империализма, милитаризма и фашизма, экспроприация и социализация ряда ключевых отраслей промышленности, прежде всего тяжелой индустрии, строительного и горного дела, национализация банков, раздел крупного землевладения и т. д.²¹⁰

Социал-демократы заявили, что единство рабочего класса зависит и от объединенных усилий его политических сил в эмиграции, и высказались за политическое сотрудничество с коммунистами. «Коммунисты, — отмечалось в выступлениях на конференции, — на сто процентов ближе к нам, чем любая буржуазная партия»²¹¹. Как подчеркивает Мюссенер, практически это было признанием политики народного фронта и коренным образом отличалось от позиции правых кругов в СДПГ²¹². Действуя таким образом, социал-демократы в Швеции утверждали тем не менее, что поступают в соответствии с лучшими принципами и традициями социал-демократии.

По признанию некоторых правых вождей партии, «речи на конференции и ее решения произвели впечатление разорвавшейся бомбы»²¹³. Правление СДПГ в Лондоне негативно оценило итоги конференции. Хайниг заявил, что социал-демократическая группа в Швеции поставила себя вне партии. Однако до конца войны правые в Сопаде были вынуждены считаться с позицией СРП, в некоторых случаях даже защищать ее линию против Хайнига. «Растущее взаимопонимание коммунистов и социал-демократов по основным вопросам антифашистской борьбы позитивно повлияло на позицию других противников Гитлера и значительно потеснило антикоммунизм в рядах социал-демократической эмиграции»²¹⁴.

Социал-демократы вместе с коммунистами составили ядро антифашистского союза немецкой эмиграции в

²¹⁰ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 5. Dok. 122. S. 612—613; *Müssener H.* Op. cit. S. 149.

²¹¹ *Müssener H.* Op. cit. S. 149.

²¹² Ibid. S. 150.

²¹³ Ibid.

²¹⁴ Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. S. 469.

Швеции, образованного в 1944 г. по инициативе коммунистов и получившего название Свободный немецкий союз культуры в Швеции (СНСК), цели которого соответствовали основному направлению деятельности «Свободной Германии». Вместе с представителями других направлений в рабочий комитет союза вошли социал-демократы М. Брауер, О. Фридлиндер, Э. Эндерле. Председателем стал социал-демократ Г. Поленске.

В воззвании по поводу основания союза говорилось, что он объединяет в своих рядах всех проживающих в Швеции немцев, представителей «другой, лучшей Германии», без различия происхождения, религии и партийно-политических направлений, в целях возрождения и продолжения гуманистических традиций немецкой культуры, обновления ее духа, защиты от нацистского варварства²¹⁵. Подчеркивалось, что задачей организации является повышение активности всех «свободно и демократически мыслящих немцев», обреченных на молчание в условиях жесточайшего фашистского режима. Планировалась организация ряда антифашистских культурных мероприятий: научных и музыкальных вечеров, выступлений эмигрантского театра «Свободная сцена», докладов и пр. Подписавшие документ представители различных антифашистских направлений²¹⁶ призвали всех миролюбивых немцев оказывать содействие в осуществлении поставленной союзом задачи и тем самым внести посильный вклад в дело построения свободной демократической Германии. Союз стал самой значительной антифашистской организацией в Швеции, сборным пунктом всех немецких беженцев-антифашистов. Подобной организации не удалось создать ни в США, ни в Англии из-за резко негативного отношения правых лидеров СДПГ в этих странах к сотрудничеству с коммунистами.

В 1944—1945 гг. в Швеции был проведен ряд мероприятий антифашистского характера, в которых участвовали немецкие коммунисты, социал-демократы, профсоюзы, СРП, СНСК²¹⁷. В ноябре 1944 г. состоя-

²¹⁵ Aufruf zur Gründung des deutschen Kulturbundes in Schweden: Freies Deutschland. Schriftenreihe des freien deutschen Kulturbundes. Uppsala, 1944. Mai. N 1.

²¹⁶ Среди подписавшихся — К. Мевис, М. Зейдевиц. Ф. Тарнов, В. Брандт и др.

²¹⁷ Lange D. Dokumente der Bewegung «Freies Deutschland» in Schweden // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1971. N. 4. S. 543.

лось совместное чествование памяти антифашистов — Тельмана, Брайтшайда и др. Принимались совместные воззвания к немецкому народу с призывами покончить с войной и фашизмом, подписанные Местными группами СДПГ в Мальмё и других городах Швеции²¹⁸. Под воззванием стояли подписи немецких социал-демократов.

Под знаком единства всех антифашистских сил работал ряд социал-демократических немецких организаций в Латинской Америке. При этом существенное воздействие на немецкую эмиграцию оказала политическая обстановка на этом континенте. С момента вступления СССР в войну во всех латиноамериканских странах развернулась широкая кампания солидарности с народами Советского Союза, другими борющимися с фашизмом народами. Были организованы сборы денежных средств, созданы комитеты по оказанию помощи борцам с фашизмом. Под давлением общественности ряд стран Латинской Америки установил дипломатические отношения с Советским Союзом. Стремительно менялась внутривнутриполитическая атмосфера на материке. По мере того как развивались события на фронтах в пользу антифашистских сил, в Латинской Америке крепло рабочее и демократическое движение. Все страны континента были охвачены невиданным энтузиазмом, верой в победу народа над олигархией. Рушились диктаторские, тиранические режимы, произошел целый ряд демократических переворотов, широко развернулось движение за Народный фронт, в ряде стран (Чили, Эквадор, Куба) к власти пришли представители объединенных левых сил, процессы демократизации затронули Бразилию, Аргентину, Перу, Венесуэлу. С начала 40-х годов наладилось широкое распространение марксистской литературы. Буэнос-Айрес и Мехико стали крупнейшими центрами по изданию трудов основоположников марксизма²¹⁹.

В Аргентине развернула антифашистскую пропаганду немецкая социал-демократическая группа (Буэнос-Айрес) под руководством бывшего депутата рейхстага Августа Симсена. Группа называлась «Другая Германия» и со временем стала широкой организацией,

²¹⁸ *Müssener H.* Op. cit. S. 215—216; *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie.* S. 470.

²¹⁹ *Международное рабочее движение.* Т. 5. С. 692—694.

имевшей ответвления в других южноамериканских государствах²²⁰. Симсен резко высказывался против антикоммунистической направленности политических действий правого крыла СДПГ, против его «безосновательной и совершенно оппортунистической политики». Выступая против прозападной ориентации Сопаде и ГРД, Симсен в январе 1940 г. в официальном письме, адресованном этим двум центрам, писал: «Как сегодня, так в любое другое время нельзя иметь дело с политической Мюнхена и ее фашистскими защитниками. Мы никогда не должны забывать, что они были союзниками или по крайней мере соучастниками Гитлера и нацизма, что без них успехи и злодеяния последнего никогда не могли бы достичь таких размеров»²²¹.

Социал-демократическая группа под руководством Э. Шумахера основала в Боливии антифашистское Объединение свободных немцев²²². Объединились немецкие антифашисты в Мексике. Был создан клуб имени Генриха Гейне, куда входили представители различных слоев немецких эмигрантов — социал-демократы, коммунисты, представители интеллигенции и пр. В мае 1943 г. состоялся первый национальный конгресс немецких антифашистов в Мексике²²³.

В Мехико был создан Латинамериканский комитет свободных немцев, ставший центром немецких антифашистских объединений на континенте. Большую роль в нем сыграли коммунисты во главе с членом ЦК КППГ П. Меркером. Президентом комитета стал известный немецкий писатель Людвиг Ренн. Комитет был создан на широкой демократической основе, в его состав входили люди самых различных политических и мировоззренческих убеждений. Он стал инициатором создания организаций «Свободная Германия» в 19 латинамериканских странах — Аргентине, Чили, Колумбии, Бразилии, Боливии, на Кубе и т. д.²²⁴ В июне 1943 г. в Мехико было опубликовано воззвание Латино-

²²⁰ *Matthias E. Sozialdemokratie und Nation. S. 263.*

²²¹ *Das Andere Deutschland. 1940. 15. Jan. N 21. S. 3.*

²²² *Matthias E. Sozialdemokratie und Nation. S. 263.*

²²³ *Freies Deutschland, Mexico, 1941—1946. Berlin; Weimar, 1975. S. 3.*

²²⁴ Немецкие социал-демократы работали в аналогичных организациях в Швейцарии, Канаде, Франции (в лагерях военнопленных), даже на юге Африки (*Freies Deutschland. 1944. Dez. N 1. S. 18; Röder W. Op. cit. S. 39.*)

американского комитета свободных немцев и движения «Свободная Германия» к немецкому народу²²⁵.

В документе особо оговаривалось, что политика Гитлера представляет собой величайшую опасность не только для дела мира, но и для самой германской нации — «его банда поставила на карту национальные интересы Германии»²²⁶. Воззвание призывало немецкий народ провести, наконец, черту между собой и Гитлером, воспрянуть ото сна и раздробленности, преодолеть страх перед гестапо и общими усилиями «спасти народ и родину». Подчеркивалось, что немецкий народ только тогда сможет занять подобающее ему место в семье демократических народов, когда он внесет собственный вклад в дело борьбы против Гитлера, «в борьбу за освобождение человечества от коричневой чумы». Документ подписали Г. Манн, Л. Ренн, К. Розенфельд, В. Эккерман, И. Ландауэр, А. Абуш, П. Меркер и др.²²⁷

Латиноамериканский комитет высказался в пользу создания в послевоенной Германии такого государства, которое выражало бы волю большинства трудящегося населения. Он выразил согласие с решениями союзнических конференций относительно будущего мира, благодаря которым был бы «создан прочный заслон, делающий повторение сегодняшней катастрофы невозможным»²²⁸. До конца войны комитет осуществлял широкую антифашистскую деятельность — пропагандистскую работу, организовывал собрания, митинги, сборы средств в пользу пострадавших во время войны, союзнических армий и т. д., вносил посильный вклад в общее дело антифашистской борьбы.

В самой Германии с началом второй мировой войны условия антифашистской борьбы стали предельно тяжелыми, опасными. Страна была скована тисками террора, массовой слежкой, неистовствовала антикоммунистическая пропаганда. Обстановка осложнялась тем, что нацистам удалось обмануть большинство немецкого народа относительно истинных целей германского финансового капитала и с помощью шовинистической фразеологии, демагогических обещаний втянуть

²²⁵ Freies Deutschland. 1943. Juli. N 7.

²²⁶ Ibid.

²²⁷ См.: Кюнрих Х. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры, 1933—1945. М., 1986. С. 177.

²²⁸ Freies Deutschland. 1944. Dez. N 1. S. 18.

его вопреки его же собственным жизненным интересам в войну против других народов. Поэтому организовать движение против фашистской диктатуры не удалось. Тем не менее лучшие сыны и дочери Германии продолжали свою героическую борьбу. Душой ее по-прежнему оставались коммунисты. Их авангардная роль явилась плодом самоотверженной борьбы, огромного числа жертв, принесенных ими во имя коренных интересов народа, дела национального освобождения.

ЦК КПГ до конца войны не прекращал попыток объединить все германское подполье на основе движения «Свободная Германия», привлечь на его сторону как можно больше антифашистов, придать ему единый и целенаправленный характер. Определенные предпосылки наметились в этом отношении после Сталинградской битвы и последующих успешных операций Советской Армии, когда в настроениях всех слоев населения Германии наметились ощутимые изменения, когда начался определенный процесс прозрения у многих немцев, которые до этого безоговорочно воспринимали нацистскую пропаганду с ее лозунгами «жизненного пространства», «нового порядка в Европе», «непобедимости фашистского вермахта»²²⁹. С момента создания Национального комитета «Свободная Германия» зародилось формирование тесного союза немецких патриотов-антифашистов из всех слоев населения, ведущей силой которого была КПГ.

Весной 1943 г. после неоднократных попыток образования централизованного руководства деятельностью коммунистического подполья²³⁰, которые часто прерывались арестами, было воссоздано оперативное руководство КПГ. В него входили видные функционеры партии А. Зефков из Берлина, Ф. Якоб и Т. Нойбауэр из Тюрингии, Г. Шуман из Саксонии и М. Швантес из Магдебург-Ангальта, позднее в него был введен Б. Бестлейн. Как и прежде, коммунисты не оставляли попыток договориться о единых действиях с подпольщиками — социал-демократами, католиками, студентами, антифашистами из всех слоев населения. Опираясь на региональные организации Сопротивления Берлина, Тюрингии, Саксонии и Магдебург-Ангальта, оператив-

²²⁹ Ланге Д. Указ. соч. С. 164.

²³⁰ Оперативное руководство КПГ на территории самой Германии было создано еще в середине 1940 г. См.: Ланге Д. Указ. соч. С. 160.

ное руководство КПГ организовало движение «Свободная Германия» в этих районах, призвало к созданию на предприятиях, в городах и деревнях боевых комитетов, а в воинских частях — групп движения «Свободная Германия»²³¹.

По-прежнему ключевой для немецкого сопротивления и успешного развития движения «Свободная Германия» оставалась проблема единства рабочего класса и сотрудничества коммунистов и социал-демократов. Группы СДПГ действовали во время войны в различных районах Берлина (Трептов, Кёпеник), в Аахене, Висбадене, Аугсбурге, Мюнхене, других городах²³². До 1944 г. продолжали работу отдельные подпольные группы «Ной бегиннен». Хотя действующие в подполье социал-демократы по-разному относились к коммунистам, после нападения фашистской Германии на Советский Союз, а особенно после Сталинградской битвы многие социал-демократические группы все определеннее шли на сотрудничество с коммунистическим подпольем. Осенью 1941 г., в частности, гестапо констатировало, что в округе Франкфурт-на-Одере «отношения бывших марксистов (имеются в виду социал-демократы.— Л. Б.) и бывших коммунистов стали принимать более стабильные формы. Они разговаривают на улице и ведут политические дискуссии, которые в общем проходят без противоречий»²³³. Социал-демократы работали вместе с коммунистами в Берлине (так, на заводах компаний «Телефункен», «Сименс», среди подпольщиков социал-демократов активно действовал видный функционер партии Макс Фехнер), Штутгарте, Висбадене, Ульме, Дрездене, Франкфурте-на-Майне, Магдебурге, Мангейме, Нюрнберге, Лейпциге, на военных заводах и верфях Гамбурга²³⁴.

Появился ряд совместных заявлений коммунистов и социал-демократов, стала выходить подпольная газета «Берлинер фолксцайтунг», в создании которой принимали участие коммунисты, социал-демократы, члены СРП. Работавший на заводах Сименса в Берлине под-

²³¹ Там же. С. 165, 168—169; О деятельности германского подполья в годы войны см. подробнее: *Гинцберг Л. И.* Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939—1945. М., 1987.

²³² *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* Bd. 5. S. 227.

²³³ *Lange D.* SPD und Hitlerfaschismus. S. 284.

²³⁴ *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* Bd. 5. S. 227, 261—265; *Mammach K.* Die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung. В., 1974.

польный комитет единого фронта осенью 1939 г. опубликовал воззвание «К нашим товарищам на военных предприятиях, ко всему населению Берлина», где разоблачалась агрессивная, империалистическая сущность войны, развязанной Гитлером, вскрывался ее несправедливый антинародный характер, содержался призыв к единству всего трудящегося народа.

Социал-демократы принимали участие в деятельности групп Г. Капелле и Э. Циглера, группы Р. Урига на берлинских предприятиях (здесь стали известны социал-демократы Л. Томшик и О. Клиппенштейн), группы Х. Шульце-Бойзена — А. Харнака, группы «Внутренний фронт» (Берлин). Они были участниками подпольных организаций Б. Бестлейна — Ф. Якоба — Р. Абсхагена в Гамбурге, Г. Шумана — О. Энгерта — К. Крессе в Саксонии, Т. Нойбауэра — М. Позера в Тюрингии²³⁵. В Дрездене работала группа Ф. Шульце — К. Штайна, куда входили представители КПГ, СДПГ и СРП²³⁶.

Обрушившиеся на подполье в течение 1942 г. тяжелые удары, в результате которых были разгромлены ведущие группы, в частности Шульце-Бойзена в Берлине и Бестлейна в Гамбурге, не пресекли, однако, деятельность активных подпольщиков.

Социал-демократы вместе с коммунистами продолжали работать до конца войны в подпольных группах, комитетах единства и т. д. не только в Берлине, но и в Магдебурге, Билефельде. Под единым руководством действовали подпольщики Лейпцига, Дрездена, Галле-Мерзебурга, Тюрингии. Группа единого фронта под руководством бывшего члена рейхстага социал-демократа А. Портума действовала во Франкфурте-на-Майне²³⁷ на предприятиях Меммера и К°. Они организовывали саботаж на военных предприятиях, и эта работа приняла в 1943—1944 гг. значительные размеры.

²³⁵ Начало этой организации в Тюрингии было положено в 1939 г., когда молодые социалисты — В. Арнольд, Г. Шмидт, Р. Венер и др. — объединились в Йене вокруг М. Позера. Группа имела контакты с бывшим депутатом рейхстага от СДПГ П. Фойгтом, сторонником антифашистского единства. См.: *Бланк А. С.* КПГ в борьбе против фашистской диктатуры. М., 1964. С. 290; *Lange D.* Op. cit. S. 306.

²³⁶ *Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.* Bd. 5. S. 264. См. также: *Кюнрих Х.* Указ. соч. С. 167—174, 183—190, 232—236.

²³⁷ *Lange D.* Op. cit. S. 37.

Единая группа СДПГ и КПГ в Лейпциге выпустила листовку под названием «Работать медленней», в которой содержались советы по организации такого саботажа: «Притворяться больными... и оставлять работу. Разрушать машины и станки. Делать все, чтобы препятствовать продолжению войны и быстрее ее закончить»²³⁸. Велась разъяснительная работа среди населения, военнопленных (им оказывалась помощь при побегах, снабжении паспортами и пр.), шла подготовка на случай падения режима, предусматривались меры по обеспечению антифашистов оружием и т. д.

Однако объединение всех национальных антифашистских сил было прервано массовыми террористическими акциями летом 1944 г. в связи с верхушечным заговором против Гитлера. Во время массовых экзекуций всех возможных альтернативных сил во всех слоях населения были арестованы, замучены и казнены десятки тысяч антифашистов, так или иначе заподозренных в связях с подпольем. Были казнены видные деятели социал-демократической партии — участники заговора 20 июля 1944 г. В. Лойшнер, Ю. Лебер и др. Перед казнью Лебер сказал: «Отдать жизнь за доброе и справедливое дело — цена достойная»²³⁹. Так стали известны миру имена социал-демократов, навечно вписанные в историю немецкого антифашистского сопротивления. Фигуры во многом противоречивые и сложные, социал-демократы — участники заговора были едины в стремлении освободить немецкий народ, немецкий рабочий класс от фашизма, вернуть доброе имя своей стране.

Еще с начала войны ряд социал-демократов, известных в качестве представителей оппозиционно настроенного к Правлению СДПГ течения «военного социализма» — Ю. Лебер, А. Райхвайн, Т. Губач, К. Мирендорф и др., пытался создать в Германии сеть доверенных лиц, чтобы в случае краха гитлеровского режима суметь повлиять на политическое развитие страны в прогрессивном направлении²⁴⁰. Некоторые из них

²³⁸ Цит по: *Бланк А. С.* Указ. соч. С. 293.

²³⁹ *Leber A., Moltke F.* Für und wider. Entscheidungen in Deutschland. [West] Berlin; Frankfurt a. M., 1961. S. 236. О заговоре 20 июля 1944 г. подробнее см.: *Мельников Д. Е.* Указ. соч.; *Финкер К.* Заговор 20 июля 1944 года: Дело полковника Штауффенберга. М., 1976.

²⁴⁰ *Geschichte der deutschen Sozialdemokratie.* S. 467.

через так называемый христианско-социальный «Крайзауский кружок», руководимый Г. фон Мольтке, стали участниками заговора 20 июля и составили его прогрессивное крыло. Они подчеркивали антинародную сущность фашистского режима, рассматривали фашизм как национальное бедствие. При этом они исходили из того, что в свержении фашизма должно быть объективно заинтересовано большинство населения, и выступали за создание широкого Народного фронта²⁴¹. По их мнению, такой фронт не обязательно должен опираться на союз рабочих партий, а мог сложиться на основе широкого объединения всех дееспособных социальных и демократических сил, независимо от их партийной принадлежности. Лебер заявлял в этой связи, что для освобождения Германии от фашизма он «готов объединиться хоть с чертом»²⁴².

Однако роль и место такого Народного фронта в антифашистской борьбе не всегда оценивались оптимистично и уж, по крайней мере, однозначно. Социал-демократы — члены «Крайзауского кружка» примерно до 1942—1943 гг. были настроены пессимистически относительно возможности свержения фашистского режима рабочим классом в союзе с другими антифашистскими слоями населения. Лойшнер, например, еще накануне войны отмечал: «Мы не способны воспрепятствовать катастрофе. Мы — пленники в большой тюрьме. Восстание было бы самоубийством, это был бы как раз тот случай, когда узники поднялись бы против хорошо вооруженных охранников»²⁴³. Уже по одному этому, а также желая избежать в будущем, по словам Лойшнера, «упреков со стороны националистической пропаганды» в экстремистских намерениях, руководители организации предлагали ждать, пока сами нацистские генералы не свергнут обанкротившуюся систему государственного правления²⁴⁴. Другие антифашистские силы, в первую очередь рабочий класс, должны лишь быть готовыми поддержать государственный переворот

²⁴¹ Der lautlose Aufstand/Hrsg. von G. Weisenborn. Hamburg. 1953. S. 167; Leber A., Moltke G. Op. cit. S. 94—95; Moraw F. Die Parole der Einheit und die Sozialdemokratie. Bonn; Bad-Godesberg, 1973.

²⁴² Leber J. Ein Mann geht seinen Weg: Schriften, Reden und Briefe. [West] Berlin, 1952. S. 275, 280, 284.

²⁴³ Findeisen O. SPD und Hitlerfaschismus. Diss. Berlin. 1965. Bd. 2. S. 279.

²⁴⁴ Moraw F. Op. cit. S. 55.

и обеспечить его успех. До этого они «ни в коем случае не должны действовать»²⁴⁵.

Именно в таком духе Лебер и Лойшнер вели работу по объединению рабочего класса, прежде всего на основе бывших профсоюзных организаций. Лойшнеру удалось создать довольно внушительную сеть подпольных профсоюзных функционеров, установить контакты со многими районами Германии, он намечал создание единого профсоюзного руководства²⁴⁶. Еще в 1942 г., когда был установлен контакт со сторонниками верхушечного заговора, в частности с К. Гёрделером, профсоюзные группы получили указания на случай будущего переворота.

При всех концептуальных различиях относительно будущего Германии социал-демократы, сгруппировавшиеся вокруг Лебера—Лойшнера, сходились на том, что это будущее должно принадлежать пролетариату, единственному классу, который в состоянии совершить кардинальные преобразования. В. Лойшнер видел возможность достижения этого исключительно на пути создания единого профсоюзного движения. В этой концепции не оставалось места для политических партий. Государственное устройство в Германии схематично мыслилось так: единые профсоюзы и сильное правительство, находящееся под их контролем. Другие близкие Лойшнеру по взглядам социал-демократы выступали против политизации профсоюзов, включения их в государственную систему, рассматривали профсоюзы как самостоятельные, наделенные большими полномочиями организации на предприятиях.

Так или иначе, единое и широкое народное движение плюс сильное государственное, почти авторитарное правление лежали в основе политических концепций как «военных социалистов», так и остальных участников «Крайзауского кружка». Надо сказать, что авторитарного правления в той или иной форме требовали различные течения немецкой социал-демократии,

²⁴⁵ Ibid. S. 56.

²⁴⁶ Лойшнер и другие бывшие профсоюзные функционеры — Ф. Эберт, Г. Маас, Э. Шнеперхорст сумели основать фабрику по производству пивных аппаратов. Деятельность коммивояжеров обеспечивала им возможность свободного передвижения по стране и интенсификации подпольной работы. О деятельности В. Лойшнера см.: *Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung, 1933—1945: Grundlagen und Materialien*. Bonn, 1982. Dok. C. 29. S. 337—339.

и это являлось естественной реакцией на неспособность буржуазной парламентской демократии противостоять реакции и фашизму. В дальнейшем некоторые из окружения Лебера пришли к убеждению о необходимости установления демократической республики. «Крайзаусцы» выступали за глубокие социальные реформы, во внешнеполитической области они отклоняли слепой антикоммунизм и высказывались за дружественные отношения с Советским Союзом²⁴⁷.

Окружение Лебера—Лойшнера подвергало резкой критике правое руководство СДПГ за поддержку «формального парламентаризма» Веймарской республики, за «бюрократизацию партийного аппарата» и связанное с этим «полное отсутствие политической ответственности», «воли и желания политически действовать»²⁴⁸. Реалистическая национальная политика, по Леберу, это такая политика, которая способна противопоставить нацизму и реакции все средства, возможности, рычаги государственной власти. Только в таком случае, утверждал он, государство станет выразителем народной воли. В этом свете следует рассматривать и утверждение Лебера, что при социализме должны быть сохранены «воля к власти и принцип фюрерства», и его высказывания о «функционирующей демократии и работоспособном правительстве»²⁴⁹. Демократия должна стать «военной», а ее силу должен обеспечивать рейхсвер, преобразованный в народную армию, заявлял Лебер²⁵⁰.

До середины 1943 г. окружение Лебера—Лойшнера в основном придерживалось единых позиций, и на этой политической платформе была достигнута договоренность с Гёрделером и его сторонниками²⁵¹. Стороны

²⁴⁷ Geschichte der Sozialdemokratie. S. 467.

²⁴⁸ Leber J. Op. cit. S. 194—195.

²⁴⁹ Ibid. S. 281, 283.

²⁵⁰ Ibid. S. 275. В целом концепция Лебера была достаточно противоречивой. Так, утверждая, что основные марксистские принципы нуждаются в совершенствовании, а например, такие понятия, как «народ» и «классы», достаточно безлики и материализуются только в конкретных персоналиях, он заявлял, что обществом должна управлять некая наделенная большими полномочиями целенаправленно действующая элита.

²⁵¹ Концепция Гёрделера о сильном государственном управлении и сильном государственном авторитете (другими словами, требование военной диктатуры) лишь по внешнему признаку совпадала с теориями «Крайзаусского кружка». Высту-

сошлись на необходимости «социализации» ряда промышленных отраслей в будущей Германии, сохранении свободной конкуренции и ненационализированных секторов экономики. Помимо профсоюзов, господствующих на рынке труда, было предусмотрено создание союзов работодателей. Несмотря на высказывания за многопартийную систему, было решено, что во главе государства должна стоять одна партия «как результат узкого выбора политически сознательной элиты»²⁵².

Однако с середины 1943 г. под влиянием коренных изменений в ходе войны как в среде заговорщиков, так и в самом «Крайзауском кружке» возникли существенные разногласия. «Крайзаусцы» Мирендорф, Райхвайн, эволюционировавший влево Лебер, радикальное крыло молодых офицеров во главе со Штауффенбергом считали необходимым привлечение к заговору более широкого антифашистского подполья, включая коммунистов. Левое крыло «Крайзауского кружка», будучи в курсе планов Гёрделера, который метил в рейхсканцлеры и хотел вести войну на Восточном фронте до победного конца, подчеркивало, что переворот генералов не окажет решающего воздействия на ход войны, категорически выступало против этих планов²⁵³.

В предложенной 14 июня 1943 г. «Программе действий» К. Мирендорф выступил за создание надпартийного народного движения «Социалистическая акция», блока «представителей христианских сил, социалистического, коммунистического движения и либералов»²⁵⁴. При этом он даже высказался за включение

пая против социалистического переустройства общества, Гёрделер категорически высказывался против включения рабочего класса в какой бы то ни было форме в политическую жизнь, стремясь ограничить его роль решением сугубо производственных вопросов и т. д. К. Гёрделер как представитель определенных влиятельных монополистических кругов и генералитета пытался найти выход из катастрофически приближающегося поражения Германии и спасти основы империализма и милитаризма на пути физического устранения Гитлера, установления военной диктатуры, заключения сепаратного мира с Западом и продолжения войны против СССР. О концепциях Гёрделера, а также «Крайзауского кружка» в целом см.: *Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung, 1933—1945. Dok. C. 28. S. 332—336; Dok. C. 30. S. 344—345.*

²⁵² *Mogaw F. Op cit. S. 57.*

²⁵³ *Мельников Д. Е. Указ. соч. С. 182—183.*

²⁵⁴ *Mogaw F. Op. cit. S. 58.*

представителей КПГ в состав руководящих органов «Социалистической акции». Он подчеркнул необходимость прекращения партийных споров в рядах рабочего класса. Мирендорф практически признал роль народных масс в истории. Тем самым он не только преодолел устоявшиеся мировоззренческие основы приверженцев Гёрделера, но и определенно выступил против его политической концепции военной диктатуры. Лебер, заявив, что консервативные силы заговорщиков с помощью связей с профсоюзами хотели лишь обеспечить себе алиби на будущее, также высказался за приоритет левых сил в антифашистском народном движении, за их решающую роль при определении политического курса, а летом 1944 г. потребовал даже чисто социалистического решения германских проблем²⁵⁵.

По предложению Штауффенберга представители левого крыла заговорщиков стали налаживать контакты с коммунистами. Оперативное руководство КПГ было поставлено в известность о подготовке заговора, направленного на ликвидацию Гитлера во имя спасения капиталистической системы. Руководство КПГ высказывалось за сотрудничество с прогрессивной частью заговорщиков, не упуская из виду преимущественно консервативную окраску большинства участников заговора²⁵⁶. В создавшихся к середине 1944 г. условиях любая успешная акция по ликвидации Гитлера и нацистской клики создавала более благоприятные предпосылки для развития движения «Свободная Германия». Поэтому 22 июня 1944 г. по инициативе оперативного руководства КПГ в Берлине состоялась первая встреча между А. Зефковым, Ф. Якобом, Ю. Лебером и А. Райхвайном²⁵⁷. В принципе, несмотря на некоторое высказанное социал-демократами недоверие по поводу изменений в политике КПГ, была достигнута договоренность об антифашистском сотрудничестве. Лебер и Райхвайн были готовы договориться о сплочении всех противников Гитлера и создании самого широкого фронта сопротивления в целях свержения нацистского господства и даже создания в будущем на основе этого единства демократического правительства с участием

²⁵⁵ Ibid. S. 59.

²⁵⁶ См.: Кюнрих Х. Указ. соч. С. 209—210.

²⁵⁷ Ланге Д. Указ. соч. С. 172, 174.

коммунистов и социал-демократов²⁵⁸. Договорились о продолжении обоюдных контактов и встрече со Штауффенбергом.

Но 5 июля 1944 г. все участники этой беседы были арестованы гестапо, контакты были прерваны массовым террором, вновь развязанным фашистским правительством. Хотя некоторые буржуазные исследователи подчеркивают, что переговоры с коммунистами обещали мало политических перспектив, сами социал-демократы — участники «Крайзауского кружка» до последнего дня своей жизни оставались убежденными в том, что избежать повторения немецкой трагедии можно будет в будущем только путем создания единства рабочего класса. «Создайте единство!» — так звучало предсмертное завещание Лойшнера²⁵⁹.

После провала заговора буржуазная оппозиция практически перестала существовать. Движение Сопротивления в Германии не приобрело массового характера и на решающем этапе борьбы. Летом 1944 г. оно понесло огромные потери. Гестапо смогло разгромить коммунистические группы в Берлине, Тюрингии, Саксонии, Саксонии-Анхальте, а также ликвидировать оперативное руководство КПГ.

Несмотря на огромные жертвы, разрозненные антифашистские группы действовали в Берлине, Саксонии, Кёльне, Гамбурге, Киле, других городах Германии. Вплоть до окончания войны продержались отдельные местные комитеты «Свободная Германия» и созданные на их базе комитеты действия, которые актами саботажа и диверсий стремились оказать конкретную помощь союзническим армиям, Советской Армии, в январе 1945 г. вступившей на территорию Германии.

В труднейших условиях тюрем и концлагерей в едином строю с антифашистами других национальностей действовали и немецкие антифашисты. Отдельные подпольные организации были в лагерях Маутхаузен, Заксенхаузен (здесь подпольем руководил Макс Рейман), Бухенвальд. Была даже выработана программа немецких антифашистов, известная под названием «Бухенвальдский манифест», подписанная представителями различных направлений и разработанная социал-демократической группой подпольщиков во гла-

²⁵⁸ Там же. С. 174.

²⁵⁹ Кюнрих Х. Укаа. соч. С. 179; Finker K. Graf Moltke und der Kreisauer Kreis. В., 1978. S. 260.

ве с Г. Брилем, одним из лидеров уже упоминавшейся группы «10 пунктов»²⁶⁰. В центре манифеста — требование создания действительно народной, демократической республики при ведущей роли трудящихся масс, что возможно лишь в случае «единства рабочих партий и профсоюзов»²⁶¹.

Документ отражал радикальные настроения левого крыла СДПГ, содержал положения, сходные, в частности, с программой шведского отделения СРП, других документов левых групп: единство рабочего класса и его ведущая роль в новом государстве, полное искоренение фашизма и достижение неформальной, истинно народной демократии, которая бы «позволяла широким массам города и деревни эффективно участвовать в политике и управлении»²⁶²; вносил реалистические предложения в области внешней политики будущего немецкого государства на основе добрососедских отношений со всеми демократическими странами, в том числе с Советским Союзом. Однако «Бухенвальдский манифест» шел гораздо дальше в конкретизации целей и задач, стоявших перед немецкими антифашистами. Прежде всего это касается предложений по практическому созданию антифашистских народных комитетов, которые бы действительно укрепили народную власть²⁶³, по реализации на деле единства рабочего класса страны, т. е. мер, которые могли бы гарантировать успешное проведение в жизнь намеченных целей. Это было то общее, что сближало позиции левого крыла социал-демократии с коммунистами, со сторонниками движения «Свободная Германия», позволяло в перспективе надеяться на достижение взаимной договоренности.

1945 год

Победа Советского Союза, народов и государств антигитлеровской коалиции над фашизмом принесла и немецкому народу освобождение от нацистского гнета,

²⁶⁰ Freies Deutschland, Mexico, 1945. Aug. N 9.

²⁶¹ Ibid.

²⁶² Ibid.

²⁶³ Из представителей этих комитетов предполагалось создать немецкий народный конгресс, который должен был избрать народное правительство. В целях организационного закрепления единства немецких партий и профсоюзов предусматривался созыв всенемецкого учредительного конгресса.

самой реакционной и чудовищной диктатуры монополистического капитала. Это открывало перед немецким рабочим классом возможность осуществить принципиальный поворот в истории своего народа к миру, демократии и социалистическому будущему. Для этого возникли благоприятные национальные и международные условия: в результате победоносных действий Советской Армии, выдающейся роли Советского Союза в антифашистской коалиции соотношение сил на мировой арене изменилось в пользу СССР и всего демократического и социалистического движения; в ряде стран начались народно-демократические революции — «высшая точка освободительной борьбы, заключительный аккорд героической эпопеи Сопrotивления»²⁶⁴, империалистическая система господства в ряде стран Европы и в самой Германии была основательно поколеблена. Благоприятными были объективные условия и для преодоления оказавшегося в состоянии исторического кризиса оппортунизма в рабочем движении страны, а тем самым и для преодоления раскола немецкого рабочего класса.

Выстрадавшая в ходе тяжелейшей совместной борьбы в подполье тенденция к единству рабочего класса доминировала в кругах нелегальных социал-демократических групп, хотя они в результате массовых экзекуций потеряли своих подлинных вождей, что не могло не ослабить революционно-демократическую линию нелегальной социал-демократии и ее влияние после мая 1945 г. Лозунг единства, отмечает западногерманский исследователь Морав, без сомнения, оказал «активизирующее воздействие» на участвовавших в антифашистской борьбе социал-демократов²⁶⁵.

По-прежнему правые силы СДПГ в эмиграции были крайне обеспокоены, опасаясь открытого конфликта в партии в результате массового стремления социал-демократического подполья в Германии «осуществить единство снизу»²⁶⁶. В отличие от КППГ, которая вышла из мрачного периода фашизма, понеся неисчислимые потери, однако организационно и идеологически сплоченной, Социал-демократическая партия Германии не имела ни единой идеологической, политической концепции, ни единой организации. Были многочисленные

²⁶⁴ См.: История фашизма в Западной Европе. С. 463.

²⁶⁵ Moraw F. Op. cit. S. 124.

²⁶⁶ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 181. S. 715.

группы, признает Э. Маттиас, которые критически от- носились к концепции своих лидеров и намеревались путем создания единой социалистической партии пре- одолеть раскол, тянувшийся с 1918—1919 гг.²⁶⁷ Во многих городах и областях Германии — Саксонии, Тюрингии, Бранденбурге, Берлине, Мюнхене, Гамбур- ге, Франкфурте-на-Майне — социал-демократы высту- пали за единство действий с коммунистами, за созда- ние единой социалистической рабочей партии²⁶⁸.

Весной 1945 г. на местах устанавливались контакты, проходили первые переговоры между коммунистами, социал-демократами, бывшими профсоюзными активи- стами о сотрудничестве либо же прямо об организа- ционном единстве. Во многих землях стихийно возни- кали антифашистские комитеты действий, по сути зародыши новой власти: они выявляли притаившихся нацистов, приступали к восстановлению нормальной жизни, к демократическому обновлению страны. Такие комитеты действовали в Средней Германии, Баварии, Рурской области и т. д. В Айслебене антифашисты за- хватили власть еще до прихода в город западных со- юзников. Во всех подобных акциях активно сотрудни- чали и социал-демократы. В Мюнхене был образован комитет действий двух партий, в Лейпциге — антифа- шистско-демократический блок социал-демократов и коммунистов, в Гамбурге — единая рабочая организа- ция. В Берлине совместно работали представители обеих партий в Национальном Комитете «Свободная Германия»²⁶⁹. В середине мая 1945 г. в Берлине воз- ник Учредительный комитет СДПГ, ведущую роль в котором играли О. Гротеволь, М. Фехнер, Э. Гнифке, Ф. Эберт, Х. Леман и другие, сразу же вставшие на путь прямого и честного сотрудничества с КПГ, более того предложившие объединиться в единой пролетар- ской партии²⁷⁰.

В создавшейся ситуации совершенно оторванное от

²⁶⁷ Ibid. S. 84, 89; *Matthias E. Sozialdemokratie und Nation*. S. 32.

²⁶⁸ *Иерусалимский В. П.* Годы становления и борьбы. М., 1982; *Борозняк А. И.* Новые публикации о сотрудничестве комму- нистов и социал-демократов западных оккупационных зон Германии // *Историография всеобщей истории*. Куйбышев, 1976; *Plener U. SPD 1945—1949: Konzeption — Praxis — Ergeb- nisse*. В., 1981.

²⁶⁹ 30 апреля 1945 г. в Германию вернулось руководство КПГ и Национальный комитет «Свободная Германия».

²⁷⁰ *Иерусалимский В. П.* Указ. соч. С. 36—38.

развития событий в Германии Правление СДПГ в Лондоне все еще притязало на организационное сплочение партии под своим идейным руководством, еще пыталось вновь опереться на «мандатное право» избранного в 1933 г. Правления²⁷¹. Но теперь Сопаде уже не могло возражать против законного права на участие в нем оппозиционной группы — Ауфхойзера, Юхач, Герца, Дитриха. По этому поводу группе был направлен официальный циркуляр.

Однако К. Ауфхойзер и его сторонники высказались против «механического воссоздания старого партийного Правления», подчеркнув, что ссылка на мандат, «который был получен... при совершенно других обстоятельствах, может лишь повредить делу сплочения социал-демократии»²⁷². «Четверка» предложила Правлению взять на себя инициативу и объединить партию на радикальных началах. В основу объединения группа Ауфхойзера предлагала положить два известных документа эмигрантского периода: Пражский манифест (подчеркивалось, что «сегодня он еще более актуален, чем во время публикации») и «Основные направления международной политики», принятые лондонским Союзом 23 октября 1943 г. Подчеркивалось, что эти два документа содержат важнейшие принципы, которые могли бы содействовать объединению рабочего движения и налаживанию дружественных отношений с оккупационными державами, прежде всего — тезис о единстве рабочего класса²⁷³, а также позитивную формулировку относительно сотрудничества с великими державами, в том числе с СССР.

Естественно, что эти радикальные предложения «четверки» приняты Сопаде не были. Одно дело — революционная риторика периода фашизма, другое — выработка реформистского, прозападного практического курса в чрезвычайной ситуации оккупационного режима, в условиях оккупации части страны и столицы «большевистской Россией». Здесь вступали в силу старые устоявшиеся формы и методы работы. Все возвращалось на круги своя.

²⁷¹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 172. S. 687; Dok. 176. S. 701—702.

²⁷² Ibid. Dok. 175. S. 698.

²⁷³ Именно этот тезис был изъят правыми при новой публикации Пражского манифеста весной 1944 г. См.: Sozialistische Mitteilungen. 1944. März/Apr. N 60/61.

18 мая 1945 г. Правление опубликовало Воззвание по поводу окончания войны. Оно заявило, что идеи социал-демократии живы и получили «новое подтверждение несокрушимой жизненной силы»²⁷⁴. Определенней правые высказались в сентябрьской «Программе возрождения социал-демократической партии», где призывали объединиться в новой единой социал-демократической партии «всех социалистов, которые стоят на почве свободного, демократического социализма»²⁷⁵. Предполагалось охватить все организации, близкие по духу к социал-демократии, — МСБС, СРП (к тому времени идеологически приблизившиеся к Правлению) — «все новые силы из всех социалистических слоев, из антифашистски настроенного населения». Однако этот принцип не распространялся на коммунистов.

В духе принципиально антикоммунистических концепций подчеркивалось, что социал-демократы должны отклонять любые предложения коммунистов об образовании единой партии, любые попытки КПГ провести переговоры (местные или окружные) по этому поводу. При этом в целях контроля за поведением радикально настроенных местных организаций СДПГ предлагалось создать на местах специальные комитеты. Правление в Лондоне категорически заявило, что до проведения общепартийной конференции при соответствующих условиях (читай — при условиях, обеспечивавших принятие решений в духе правых) оно «чувствует себя связанным мандатом верности по отношению к партии в целом»²⁷⁶. Правда, перед самым концом войны лондонцы сочли себя вынужденными заявить, что приоритет в создании нового социал-демократического движения в послевоенный период будет, по всей вероятности, принадлежать силам, вышедшим из подполья.

В воззвании вся вина за поражение Германии, за «миллионы убитых, раненых, оставшихся без крова, разоренные города, хаос и... ненависть ко всему немецкому», потерю государственной самостоятельности возлагалась на национал-социалистский режим и немецкий милитаризм и выставлялось требование их полной

²⁷⁴ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 174. S. 697. При ссылке на антифашистскую позицию СДПГ, на социал-демократическое подполье напрочь игнорировалось участие коммунистов.

²⁷⁵ Ibid. Dok. 179. S. 707.

²⁷⁶ Ibid. Dok. 176. S. 701—702.

ликвидации²⁷⁷. В документе отмечалось, что немецкий народ «обязан внести вклад в дело возмещения причиненного войной ущерба». Подчеркивалась в духе «Основных направлений международной политики» необходимость лояльного сотрудничества немецких демократов и социалистов, всех немцев с оккупационными властями при решении важных вопросов по созданию в стране «нового жизненного базиса»²⁷⁸. Но эти прокламации, в сущности, не имели уже политического значения. Лондонские соцадовцы оказались на обочине истории. Новая действительность, новая страница истории немецкой социал-демократии открывалась на немецкой земле.

Учредительный комитет Социал-демократической партии Германии в Берлине, конституировавшийся уже как ЦК СДПГ и рассматривавший себя в качестве временного (до съезда) общеимперского руководства, сразу же после разрешения в Советской оккупационной зоне 10 июня 1945 г. деятельности антифашистско-демократических партий в своем воззвании от 15 июня 1945 г. положительно отозвался о содержащемся в Заявлении лондонского Правления требовании создания в Германии антифашистско-демократической республики. Однако, в отличие от него, берлинский ЦК в качестве неперемного условия построения действительно нового, свободного от эксплуатации, реакции и фашизма общества выдвигал требование «организационного единства немецкого рабочего класса», создания «политической боевой организации», которая не повторяла бы «политических ошибок прошлого»²⁷⁹. ЦК СДПГ целиком одобрил воззвание ЦК КПГ к немецкому народу от 11 июня 1945 г.²⁸⁰, отметив, что выдвинутое в нем требование установления антифашистско-демократического строя и демократической парламентской республики «со всеми демократическими правами и свободами» для трудящихся всецело отвечает условиям Германии и реальным интересам народа. Необходимость объединения рабочего класса, всех про-

²⁷⁷ Ibid. Dok. 174. S. 696.

²⁷⁸ Ibid.

²⁷⁹ За антифашистскую демократическую Германию, 1945—1949: Сб. документов. М., 1969. Док. 21, С. 82.

²⁸⁰ Там же. С. 80. При выработке программы ЦК СДПГ опирался на Пражский манифест января 1934 г. См.: *Plener U. Op. cit.* S. 30.

грессивных сил для проведения антифашистско-демократических преобразований (экспроприация крупных земельных владений, национализация отдельных отраслей промышленности, банков и т. д.) и полного искоренения фашизма и милитаризма подчеркивалась в Манифесте ЦК СДПГ в Берлине от 6 июля 1945 г.²⁸¹

Как видно, основные положения документов программного характера, опубликованных ЦК КПГ и берлинским ЦК СДПГ и лондонским Сопаде весной 1945 г. в определении общей антифашистско-демократической перспективы Германии имели в принципе немало точек касания. Кроме того, Правление в Лондоне должно было считаться с тем, что круг социал-демократов, поддерживавших Гротевоя — Фехнера — Дарендорфа — Гнифке пользовался широким авторитетом у социал-демократического подполья. кипучая деятельность в первые же недели после освобождения по сплочению социал-демократических сил в Германии, по действительному обновлению партии на основе пролетарских принципов единства немецкого рабочего класса получила полное одобрение на конференции 1500 функционеров СДПГ в Берлине 17 июня 1945 г.²⁸² Они одобрили Воззвание Учредительного Комитета СДПГ в Берлине от 15 июня и речь Гротевоя с призывом к единству рабочего класса²⁸³. Под давлением таких настроений лондонское Правление вынуждено было заявить, что приветствует «социал-демократических друзей» в Берлине, которые «взяли на себя трудную задачу организационного возрождения партии в Германии»²⁸⁴.

ЦК СДПГ в Берлине, получив новые полномочия, сделал следующий принципиальный шаг. На совместном заседании представителей ЦК КПГ и ЦК СДПГ 19 июня 1945 г. было принято решение о создании совместного Комитета действий (Рабочего комитета) на основе принципов, провозглашенных в воззваниях ЦК КПГ от 11 июня и ЦК СДПГ от 15 июня²⁸⁵. Ра-

²⁸¹ Freies Deutschland, 1945. Aug. N 9.

²⁸² Правда, в работе ЦК СДПГ были и свои трудности. Приходилось преодолевать колебания, некоторые устаревшие представления как в идеологии, так и в политической практике. См.: *Plener U. Op. cit.* S. 35.

²⁸³ Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. B., 1959. Reihe III. Bd. 1. S. 39—40.

²⁸⁴ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 176. S. 701.

²⁸⁵ Dokumente und Materialien... Reihe III. Bd. 1. S. 41.

бочий комитет заложил основы для будущего объединения обеих рабочих партий, он оказал всемерное содействие Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в оздоровлении немецкого общества.

Однако в своей деятельности Рабочий комитет, ЦК СДПГ, сторонники новой линии рабочего единства на местах сразу же столкнулись с саботажем правых сил СДПГ, прежде всего из окружения бывшего депутата рейхстага К. Шумахера, с мая 1945 г. начавшего свою деятельность в Ганновере, где он создал так называемую руководящую группу СДПГ и основал «Бюро доктора Шумахера». Летом 1945 г. группа наладила контакты с лондонским Правлением.

В условиях усиливавшейся тенденции к единству, в том числе в американской и английской зонах оккупации²⁸⁶, договоренность со сторонниками Шумахера сыграла особую роль. Такой союз правых сил (немаловажное значение при этом имела личность самого К. Шумахера, овеванная ореолом борца-антифашиста, узника нацистских лагерей²⁸⁷, его демагогическая склонность к псевдореволюционным фразам) был направлен на то, чтобы подавить левые настроения в СДПГ, в конечном счете способствовал (разумеется, при содействии западных оккупационных властей) закреплению раскола рабочего класса в западной части Германии. Это был как раз тот случай, когда в результате гибели от фашистского террора видных деятелей подполья, те лидеры, которые стояли в стороне от нелегальной борьбы и занимали оппортунистическую и антикоммунистическую позицию, получили неоправданно большое влияние после освобождения.

Всеми силами К. Шумахер боролся со стремлениями социал-демократов к единству: категорически отклонял любую совместную работу с коммунистами, с берлинским Правлением СДПГ, оспаривал его законное право вести переговоры с КПГ, утверждая при этом, будто сотрудничество с компартией угрожает делу рабочего класса, так как коммунисты-де не выра-

²⁸⁶ *Иерусалимский В. П.* Указ. соч. С. 13—25, 71—82.

²⁸⁷ Находясь в концлагере, К. Шумахер, по свидетельству его товарищей, отказывался от любой антифашистской деятельности, был весьма некоммуникабелен, оставался ярым антикоммунистом: «Антифашистская солидарность, особенно с коммунистами, была ему чужда». См.: *Mogaw F.* Op. cit. S. 70, 121.

жают интересов Германии, насаждают тоталитаризм, и т. д. и т. п.²⁸⁸ Однако в целом положение Шумахера в партии было не из легких. По признанию социал-демократа К. Шмида, Шумахер находился в тяжком конфликте с товарищами по партии, которые хотели сотрудничать с коммунистами, и часто, желая пресечь подобные стремления, действовал весьма решительно, «кулаком»²⁸⁹. Помогали и демагогия, и псевдосоциалистические лозунги.

Логика развития правого реформизма удивительно однообразна, будь то складывание идеологических и политических концепций эмиграционного Правления или формирование мировоззрения Шумахера. Не случайно, так были близки и так совпадали к моменту окончания войны их концепции. В то же время, исходя из истории Сопале в годы фашизма, можно понять и появление Шумахера с его реформистскими теориями, национализмом, антикоммунизмом, с его громкой революционной фразой. Имея в виду эту тесную связь и взаимозависимость, вкратце остановимся на мировоззренческих позициях Шумахера, хотя уже начиналось другое время и другая история — история западногерманской социал-демократии²⁹⁰.

Свою идеологическую и политическую платформу Шумахер сформулировал в ряде документов и выступлений весной—летом 1945 г., самыми значительными из них были воззвание «За новую, лучшую Германию» и тезисы «Политические установки для социал-демократии в отношении к другим политическим факторам»²⁹¹. Программа Шумахера содержала ряд справедливых требований антифашистско-демократического характера, в частности предлагала сделать новую Германию «демократической миролюбивой республикой, в которой крупный капитал не будет иметь политического влияния, а демократия будет обеспечена экономически»²⁹². Он отмечал, что агрессивный и реакционный германский империализм, союз финансового капитала с прусским милитаризмом взорвал Веймарскую респуб-

²⁸⁸ Schmid C. Erinnerungen. München, 1979. S. 247, 249—250; Moraw F. Op. cit. S. 70, 121.

²⁸⁹ Schmid C. Op. cit. S. 247.

²⁹⁰ См. подробнее: *Иерусалимский В. П.* Указ. соч.

²⁹¹ Schumacher K. Nach dem Zusammenbruch: Gedanken über Demokratie und Sozialismus. Hamburg, 1948. S. 9—14, 48—75.

²⁹² Ibid. S. 9.

лику, что крупный капитал — «повивальная бабка нацистской диктатуры»²⁹³.

Лейтмотивом программы К. Шумахера стал лозунг «Социализм — задача дня». Этот псевдосоциалистический лозунг, по справедливому замечанию исследовательницы из ГДР У. Пленер, был противопоставлен единству действий коммунистов и социал-демократов, а тем более их объединению²⁹⁴. Шумахер противопоставлял программу СДПГ как более радикальную программе коммунистов, выступавших «только» за доведение до конца антифашистско-демократических преобразований и парламентарно-демократическую республику.

Один из основных секретов популярности «непосредственного социалистического курса» состоял как раз в том, что «Шумахер сумел весьма точно скалькулировать степень дискредитации капитализма в сознании передовой, наиболее мыслящей части трудящихся, жаждавших поверить в возможность моментального скачка от развалин, голода, психологического тупика к социализму»²⁹⁵.

Естественно, что в тогдашней ситуации в Германии даже этой части населения трудно было избежать определенного воздействия не соответствующих реальности заявлений Шумахера о полном крахе капитализма в Германии, требования «немедленного введения социализма». Шумахеровская теория социализма, на основе которой, по его мнению, должна была образоваться новая социальная система, соединяющая преимущества плановой экономики с предпринимательством и свободной конкуренцией, в конечном счете представляла собой подновленный вариант теории «хозяйственной демократии».

Шумахер рекомендовал подвергнуть проверке теоретическое наследие программы партии — положения о классовой борьбе, ведущей роли рабочего класса при построении нового общества и т. п. Он заявлял, что «классовая борьба не должна провозглашаться абсолютным фактором», а должна быть ограничена «потребностями всего народа, соображениями космополитизма» и т. д., не должно быть «застывших классово-политических фронтов» и нагнетания противоречий

²⁹³ *Иерусалимский В. П.* Указ. соч. С. 46.

²⁹⁴ *Plener U.* Op. cit. S. 59.

²⁹⁵ *Иерусалимский В. П.* Указ. соч. С. 56.

между ними (вспомним дискуссии в правом крыле эмиграции на эту тему)²⁹⁶. Он предлагал отказаться от марксизма как теоретической и идеологической базы, преобразовать СДПГ по типу Британской лейбористской партии (постоянная мечта Штампфера и К^о), поставить ее на более широкую основу, привлекать в ее ряды средние слои, «людей разного образа мыслей», сделать ее «народной партией». «Мы все хотим массовой партии, а не общества святых», — писал он²⁹⁷.

В то же время как ловкий тактик, дорожа своим престижем антифашиста и желая привлечь на свою сторону участников Сопротивления, Шумахер категорически высказался против совместной работы с деятелями СДПГ, скомпрометировавшими себя капитулянтской политикой, — Кайлем, Зеверингом и др. Узнав об их новых политических амбициях, Шумахер решительно предложил им отойти на задний план, заявив, что они являются представителями течения, которое социал-демократы «не хотят ни защищать, ни продолжать»²⁹⁸.

Надо сказать, что на практике Шумахер и К^о и не пытались каким-то образом воплотить в жизнь свои социалистические лозунги, придерживаясь пассивной, выжидательной тактики и давая возможность буржуазным элементам завоевывать все более прочные позиции в западногерманском обществе. Активный антикоммунизм и борьба против единства рабочего класса лишь способствовали сохранению капитализма. Во внешнеполитических концепциях Шумахера преобладали антисоветские аспекты, что сближало его со Штампфером и крайне правым крылом социал-демократической эмиграции.

В целях изоляции берлинского Правления бюро Шумахера при поддержке британских оккупационных властей созвало в октябре 1945 г. в Веннигсене близ Ганновера сепаратную конференцию представителей социал-демократии трех западных оккупационных зон²⁹⁹. Однако действия Шумахера были затруднены, так как на конференции преобладали настроения в пользу единства партии, под их влиянием даже представители лондонского Правления (Э. Олленхауэр,

²⁹⁶ Schmid C. Op. cit. S. 250.

²⁹⁷ Moraw F. Op. cit. S. 75.

²⁹⁸ Schmid C. Op. cit. S. 250—251.

²⁹⁹ Mit dem Gesicht nach Deutschland. Dok. 186.

Ф. Гейне, Э. Шёттле³⁰⁰) высказались за создание единой СДПГ на всей территории рейха. В результате было принято компромиссное решение о распределении функций управления партией между бюро Шумахера в западной зоне оккупации и Берлинского ЦК (от последнего на конференции присутствовали О. Гротеволь, М. Фехнер, Г. Дарендорф) — в Восточной. Обе стороны обязались согласовывать свои действия, искать пути и средства осуществления дальнейшего сотрудничества и готовить проведение общего форума партии — партийного съезда.

Однако сразу же после конференции Шумахер и его сторонники развязали оголтелую антикоммунистическую кампанию, предприняли ряд активных действий с целью воспрепятствовать достижению взаимопонимания между различными частями СДПГ и в конечном счете раскололи партию. Действиям Шумахера способствовала политика западных оккупационных властей, которые, помимо саботажа глубоких социальных преобразований и подлинной демократизации Германии, активно противодействовали попыткам объединения социал-демократической и коммунистической партии, не допускали возникновения общегерманских профсоюзов. Существовал прямой контакт между западными оккупационными властями и бюро Шумахера. Так, в октябре 1945 г. Шумахер отправил в их адрес циркуляр, в котором предупреждал об опасности создания единой партии немецкого рабочего класса и «подчинения всего немецкого рабочего движения реальностям восточной оккупации»³⁰¹.

На волне этой антикоммунистической кампании лондонское Правление СДПГ опубликовало в ноябре 1945 г. документ «Основные программные линии политики немецкой социал-демократии», целиком выдержанный в реформистском духе³⁰². Принятие программы облегчалось окончательным к этому времени переходом лидеров ведущих левых групп на позиции рефор-

³⁰⁰ Г. Фогель умер в Лондоне как раз в дни конференции.

³⁰¹ *Moraw W. Op. cit. S. 127.*

³⁰² *Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 2—25.* В ходе выработки документа начиная с 1943 г. выдвигались различные предложения по поводу будущей политики партии, ее организационных основ, конституционного устройства немецкого государства, его внешней политики. См. подробнее: *Widerstand und Exil der deutschen Arbeiterbewegung, 1933—1945. Dok. F. 13a-d, S. 636—647; Röder W. Op. cit. Dok. X—XII.*

мизма и появлением основных теоретических документов Шумахера, выразивших общие настроения, общие тенденции всего правого крыла.

Основные тезисы документа соответствовали теоретическим концепциям Шумахера³⁰³.

В программе торжественно провозглашалось, что социал-демократы будут бороться за создание мирной, демократической республики Германии, «общества социальной справедливости, гуманности и мира». Предусматривались меры по ограничению крупной монополистической собственности: национализация «монопольных частных концернов и предприятий», банков и т. д., государственное планирование и государственный контроль за национализированными отраслями промышленности, передача земли, экспроприированной у крупных владельцев, «мелким арендаторам, бедным крестьянам и новым поселенцам в наследственную аренду»³⁰⁴, национализация всей собственности НСДАП. Однако отмечалось, что собственность нацистов может быть передана не только государству, но и частным лицам.

По существу в программе выдвигался ряд мер буржуазно-демократического характера. Так, провозглашалось, что в рамках государственного планирования «необходимо, по возможности, обеспечить большую свободу частной инициативе»³⁰⁵ (Шумахер также высказался за сохранение принципа частной собственности и четкую постановку этого вопроса в программе СДПГ). Предусматривалось право на создание «объединений

³⁰³ Документ подводил итог всей эмиграционной деятельности СДПГ периода фашизма, концентрировал теоретические поиски правого крыла социал-демократов. Разрабатывали эту программу лидеры СДПГ (прежде всего Э. Олленхауэр, ставший позднее, после смерти Шумахера, председателем СДПГ, перешедшие на правые позиции Р. Лёвенталь, В. Айхлер, Ф. Гейне, Э. Шёттле), которые в послевоенные годы занимали ведущие позиции в руководстве западногерманской социал-демократии. Современные деятели СДПГ, в том числе В. Брандт, высоко оценивают теоретические разработки лондонского периода эмиграции как «наиболее плодотворные», считают, что в них были предвосхищены многие идеи, нашедшие отражение в программах СДПГ в ФРГ, в частности в Годесбергской программе. См.: *Brandt W. Im Kampf für Freiheit suche stets dein Recht.* Frankfurt a. M., 1978, S. 9; *Willi Eichlers Beiträge zum demokratischen Sozialismus.* [West] Berlin; Bonn, 1979, S. 14.

³⁰⁴ *Zur Politik der deutschen Sozialisten.* S. 3—4.

³⁰⁵ *Ibid.* S. 25.

для защиты и обеспечения условий труда и хозяйственной деятельности для каждого», практически право на создание и свободу частнопредпринимательских союзов. Подчиненность такого государства интересам правящих кругов очевидна³⁰⁶.

Предлагались преобразование государственного аппарата (суда, полиции, бюрократии), очищение его от нацистских служащих и их пособников, отмена всех нацистских законов и распоряжений. Социал-демократы высказывались за запрещение всех организаций и союзов, представлявших опасность для дела мира, организаций, которые «сеют ненависть, вражду и недоверие между народами»³⁰⁷. Хотя утверждалось, что чиновничий аппарат должен быть реорганизован и освобожден «от классовых предрассудков», а полицию надлежит сделать «службой и другом народа», в то же время подчеркивалось, что за образец нового государственного аппарата должен быть взят аппарат Веймарской буржуазной республики³⁰⁸.

Лондонское Сопаде высказалось за суровое наказание нацистских преступников и их пособников, всех, кто оказывал нацистам активную помощь или «давал им советы, помогал завоевать власть и подготовиться к войне»³⁰⁹.

В программе излагались новые организационные принципы СДПГ на послевоенный период. Вслед за Шумахером рекомендовалось существенно расширить социальный состав партии, сделать ее «широким народным движением», которое объединяло бы в своих рядах представителей всех слоев населения, всех немцев, «желающих возрождения родины на основе демократических свобод и социального равноправия»³¹⁰. С этим были связаны советы терпимо относиться к людям различных политических убеждений, к другим политическим партиям, «стоящим на почве политической демократии» (безоговорочно отвергалось сотрудничество с нацистами и милитаристскими группировками). По-прежнему сохранялось нетерпимое отношение к

³⁰⁶ За национализированные предприятия предусматривалась значительная компенсация бывшим владельцам за счет поступлений от прогрессивного налога.

³⁰⁷ Zur Politik der deutschen Sozialisten. S. 13, 15.

³⁰⁸ Ibid. S. 10—11.

³⁰⁹ Ibid. S. 21.

³¹⁰ Ibid. S. 18, 19.

коммунистам под предлогом, что СДПГ не может «сотрудничать с политическими направлениями, которые стремятся к однопартийной монополии»³¹¹.

Таким образом, правыми социал-демократами был сделан существенный шаг назад от Гейдельбергской программы 1925 г. В отличие от социал-реформизма веймарского периода «хозяйственная демократия» трактовалась не как переходный этап к зрелому социалистическому обществу, а как «принципиально средний путь»³¹². Пересматривалась сущность партии: рабочая партия должна была стать народной партией. Наряду с представителями трудящихся партия открывала двери и для мелкобуржуазных элементов, стремясь тем самым раздвинуть свои идеологические и политические границы. Соответственно этому отбрасывалась марксистская терминология, в частности понятия «классы», «рабочий класс». Неудивительно, что в системе политических отношений рабочий класс по-синдикалистски загоняли в угол, ограничивая его деятельность локальными производственными вопросами. Многопартийная система, за которую ратовали социал-демократы, при сохранении основ частнокапиталистической собственности и ведущей роли капитала в политической жизни страны практически предполагала формирование в будущем столь желанного для правой верхушки СДПГ коалиционного правительства, отстаивавшего принципы буржуазной демократии.

В соответствии со своими политическими установками Шумахер на конференции представителей трех западных зон оккупации в январе 1946 г. официально предложил изолировать берлинский Центральный Комитет, т. е. практически расколоть партию.

Вопреки всем этим проискам правых широкое движение за объединение рабочих партий охватило многие районы страны. Продолжали возникать Комитеты действий на основе единства рабочих организаций на местах. В Саксонии, Тюрингии, Мекленбурге, Бранденбурге и Саксонии-Анхальте, а также в Берлине произошло объединение социал-демократической и коммунистической партий Германии.

Наконец, 21—22 апреля 1946 г. в Берлине состоялся Объединительный съезд, который провозгласил соз-

³¹¹ Ibid. S. 20.

³¹² См.: *Иерусалимский В. П.* Указ. соч. С. 53—54.

дание Социалистической единой партии Германии. Это решение поддержали многочисленные депутаты от КПГ и СДПГ Западной Германии, которые прибыли на съезд вопреки препятствиям, чинимым правыми кругами СДПГ при поддержке западных оккупационных властей. Съезд явился закономерным оформлением тех тенденций к единству, которые так ярко проявили себя в период фашизма в среде рабочего класса Германии, в том числе и немецкой социал-демократии. Так что утверждение Шумахера, Олленхауэра и буржуазной пропаганды, что объединение двух партий в Восточной Германии произошло только в результате давления коммунистов и СВАГ³¹³, грубо искажало реальные процессы, смысл этого исторического завоевания.

Программный документ, принятый Объединительным съездом, «Принципы и цели Социалистической единой партии Германии» излагал как ближайшие задачи антифашистско-демократического характера и освобождения Германии от наследия милитаризма и нацизма, так и намечал перспективы СЕПГ. Подчеркивалось, что целью Социалистической единой партии Германии является ликвидация всякой эксплуатации и угнетения, экономических кризисов, нищеты, безработицы и угрозы империалистической войны. «Эта цель, означающая решение жизненно важных для нашего народа национальных и социальных вопросов, может быть достигнута только в результате победы социализма». Подчеркивалось, что «основной предпосылкой для создания социалистического общественного строя является завоевание политической власти рабочим классом, выступающим в союзе со всеми трудящимися...». Провозглашалось, что СЕПГ стремится к построению социализма мирным путем, но она не откажется от насильственных мер в отношении противников социализма, «прибегнет к революционным средствам, если класс капиталистов свернет с пути демократии»³¹⁴.

Следуя своей линии на раскол, правые социал-демократы в мае 1946 г. созвали чрезвычайный съезд СДПГ трех западных зон оккупации³¹⁵. С его трибу-

³¹³ См.: *Mit dem Gesicht nach Deutschland*. Dok. 182, S. 718; Dok. 183, S. 719—720.

³¹⁴ За антифашистскую демократическую Германию. Док. 98. С. 236.

³¹⁵ Основная масса социал-демократической эмиграции смогла вернуться на родину к весне 1946 — началу 1947 г., хотя от-

ны К. Шумахер и Э. Олленхауэр обрушились с градом нападков на СЕПГ, компартию, допуская грубые антисоветские выпады.

Учитывая настроения низов партии и желая казаться более радикальными, чем коммунисты, руководство западногерманской социал-демократии высказалось за «справедливый общественный строй без засилья крупнокапиталистической собственности», даже предложило проведение немедленных мероприятий по социализации ряда основных отраслей экономики ³¹⁶. Однако было очевидно, что правосоциалистическая верхушка не допускала даже мысли о передаче рабочему классу, трудящимся массам политического руководства обществом. С трибуны съезда откровенно было заявлено, что «есть только одна демократия — нет ни пролетарской, ни буржуазной, как для сегодняшней социал-демократии нет ни реформистского, ни революционного социализма. Всякий социализм революционен, если он двигает общество вперед и по-новому его формирует» ³¹⁷.

Очень скоро, несмотря на радикальное фразерство и острые уколы в адрес ХДС, наметилось сближение СДПГ с этой партией крупного капитала «по таким коренным вопросам, как безоговорочное признание буржуазной демократии и западной ориентации, отбрасывание потсдамских принципов...» ³¹⁸ Правое крыло социал-демократии возвращалось к исходным основам своей реформистской политики дофашистского периода. Очень скоро это нашло свое отражение в политической практике СДПГ в ФРГ, действовавшей, особенно в первый послевоенный период, под флагом антикоммунизма и национализма ³¹⁹.

дельные представители СДПГ в разных районах эмиграции оставались до начала 50-х годов. Штампфер возвратился на родину лишь в середине 50-х годов.

³¹⁶ Protokoll der Verhandlungen des Parteitagés der SPD. Hannover, 10. Mai 1946.

³¹⁷ Ibid. См. также: Schmid C. Op. cit. S. 259.

³¹⁸ Иерусалимский В. П. Указ. соч. С. 135.

³¹⁹ Подробнее о деятельности СДПГ в ФРГ в послевоенный период, формировании ее идеологических и политических концепций см: Орлов Б. С. Указ. соч.; Иерусалимский В. П. Указ соч.; Борозняк А. И. Указ. соч.; Он же. Объединительный съезд Социалистической единой партии Германии и рабочее движение западных оккупационных зон // Германское рабочее и демократическое движение в новейшее время. Вologda, 1977; и т. д.

Итак, размежевание сил в СДПГ произошло. Часть социал-демократии объединилась с коммунистами в Социалистической единой партии Германии, другая часть, конституировавшаяся в качестве социал-демократической партии ФРГ, продолжала политику конфронтации с коммунистами. Таким образом, произошла консолидация как левых, так и правых сил в социал-демократии, что немаловажным образом повлияло на процесс общественного развития как в Восточной, так и в Западной Германии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, германское социал-демократическое движение в период фашизма отнюдь не было однородным, а представляло собой сложное объединение отличавшихся друг от друга по своим теоретическим и тактическим позициям течений и групп, действовавших как в германском подполье, так и в эмиграции в самых разных уголках земного шара. В самом общем и принципиальном смысле все социал-демократы были, конечно, противниками фашизма. Однако у них не было единого понимания и восприятия сущности антифашистской борьбы и ее целей. Далеко не вся и даже не бóльшая часть социал-демократии нашла пути к действенному, последовательному антинацизму, особенно если его основным критерием считать отношение к проблеме единого и народного фронта.

Не последнюю роль в том, что прогрессивным силам Германии в начале 30-х годов не удалось задержать и остановить продвижение фашизма, сыграла позиция правой части руководства Социал-демократической партии Германии. Во имя защиты интересов «чистой» демократии от революции социал-демократические лидеры не шли на преодоление раскола рабочего класса страны. Политикой бесконечных уступок буржуазным реакционным правительствам, сочетавшейся с систематическими ударами по левым силам в самой партии, в профдвижении и, прежде всего, по коммунистической партии, а затем попытками прямого приспособления к фашистскому режиму они нанесли неизмеримый вред делу защиты демократии, именем которой клялись.

И в дальнейшем, в период эмиграции, до конца второй мировой войны позиция официального руководства СДПГ оставалась крайне непоследовательной и противоречивой. Его антифашистская пропаганда слабо подкреплялась делом. На практике правые даже

сковывали активную антинацистскую деятельность. Если крах попыток социал-демократических лидеров веймарского периода прийти к социализму реформистским путем доказал, что только революционное течение способно открыть обществу перспективу социалистического развития, то опыт антифашистской борьбы подорвал «аргумент социал-демократических лидеров, оправдывавших свою враждебность к революционным течениям заботой о защите демократии»¹. В 30-е годы значительно пострадала репутация международной, в первую очередь германской, социал-демократии в качестве защитника демократии. Опыт антифашистской борьбы выявил как ограниченность тактики СДПГ, так и правильность линии коммунистов, всегда придерживавшихся той точки зрения, что только рабочий класс в союзе со всеми демократическими силами страны способен противостоять крайней реакции.

Идеологическая конфронтация с коммунистами ограничивала тот реальный вклад, который внесла социал-демократия в дело борьбы с фашизмом. А боязнь усиления влияния левого крыла в собственной партии не позволила, несмотря на радикальную риторику, до конца войны преодолеть внутривнутрипартийный кризис. Социал-демократические рабочие и функционеры хотели участвовать в подпольной борьбе совместно со всеми немецкими демократами, прежде всего коммунистами. Разногласия по этой проблеме лежали в основе того глубокого процесса дифференциации сил, дальнейшего размежевания внутри СДПГ на пролетарское и реформистское крыло, которое наблюдалось в течение всего периода правления фашистов в Германии.

Большая ответственность ложилась и на представителей ведущих левых групп и самостоятельных организаций СДПГ — «Ной бегиннен», «Революционных социалистов», Международный социалистический боевой союз, Социалистическую рабочую партию. Они могли бы попытаться взять на себя инициативу сплочения большинства партии вокруг ее радикального крыла, стремившегося к активизации антифашистской борьбы, изолировать или оттеснить правую верхушку, создать боевое единство с коммунистами. Однако этого не случилось из-за непоследовательной, подчас сек-

¹ Международное рабочее движение: Вопр. истории и теории. М., 1981. Т. 5. С. 728.

тантской позиции этих групп, прежде всего их лидеров; эта непоследовательность проявила себя как в теоретических, мировоззренческих построениях левых, так и в практике антифашистской борьбы и закономерно привела в итоге некоторых левых в лагерь реформизма.

Вклад многочисленных представителей социал-демократического движения в антифашистскую борьбу был значительным; прежде всего, это относится к тем, кто плечом к плечу с коммунистами, другими антифашистскими силами немецкого народа боролся в подполье. Социал-демократическое подполье могло бы стать более эффективным, если бы оно раньше и полнее пошло на сотрудничество с коммунистами, если бы все его представители действовали заодно с коммунистами и, наконец, если бы оно было поддержано политической линией своего руководства.

Стремление к единому рабочему фронту не владало в СДПГ, хотя соглашения между представителями обеих партий имели место в разных районах Германии. Тяга социал-демократических рабочих и функционеров к единству часто оставалась лишь тенденцией, которая тем не менее определяла настроения части партии и через трудные годы борьбы с фашизмом с естественной необходимостью привела к образованию Социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

Все то положительное, что имелось в большинстве оппозиционных руководству групп и течений, — стремление к единому фронту, резкая критика реформизма, поиски новых теоретических основ и возвращение к идейным корням марксизма, пересмотр в позитивном плане отношения к СССР, практическая организация сопротивления — не оказалось напрасным, а, наоборот, способствовало созданию теоретических и политических предпосылок для возникновения в будущем единой марксистской партии. Выстраданный в борьбе с фашизмом опыт и разработанный левыми теоретический багаж, включая ценный личный вклад видных представителей социал-демократии, таких, как О. Гротеволь, М. Фехнер, О. Бухвиц, Ф. Эберт и др., были обобщены при создании новой партии. В разработанной после окончания войны коммунистической и социал-демократической партиями платформе СЕПГ было творчески использовано и обобщено все то, что было

выстрадано обеими партиями и что вошло как бесспорный вклад в сокровищницу революционного опыта международного рабочего движения. Создание единой партии рабочего класса в части Германии способствовало успешному проведению антифашистско-демократических преобразований и построению действительно нового, демократического, миролюбивого общества — социалистической ГДР.

Процесс глубокой дифференциации в СДПГ, закономерен, с одной стороны, приведший к образованию СЕПГ, а с другой — открывавший путь к конституированию СДПГ на реформистских основах в западной части Германии, не завершился в первые послевоенные месяцы и в шумахеровской партии. Значительная часть рядовых членов и функционеров этой партии выступала за единство, противилась раскольнической линии своего руководства во главе с Шумахером. И только с помощью организационного и идеологического давления, поддержки всех антикоммунистических сил и иностранной реакции эти тенденции лидерами СДПГ были сведены на нет.

Когда же обстановка в партии несколько стабилизировалась, правые в СДПГ пошли еще дальше в «освобождении» от марксизма. Были полностью забыты те радикальные документы эмиграционного периода, которые предусматривали коренное преобразование общества, в первую очередь ликвидацию ведущих социально-экономических и политических позиций крупного капитала и военщины. В 1959 г. в Бад-Годесберге была принята новая программа социал-демократии, ставшая своего рода образцом для международного социал-реформизма. СДПГ конституировалась в качестве «народной» партии, открыто поддержав превращение ФРГ и бундесвера в прочный оплот НАТО. Партия стала естественной составной частью буржуазно-парламентской системы и государственно-монополистического механизма власти ФРГ.

Современная история все нагляднее доказывает бесплодность и нереалистичность социал-демократических теорий построения демократического социалистического общества на путях реформизма. Буржуазная демократия не дает гарантий от авторитарных тенденций, более того, она в известном смысле и в определенных условиях может сама порождать эти тенденции. Послевоенная история капитализма снова и снова до-

казывает, что всякий раз, когда капитал чувствует зыбкость своих позиций либо же пытается осуществить далеко идущие агрессивные намерения, он скатывается к ограничению, выхолащиванию и свертыванию демократических форм правления, используя при этом возможности, предоставленные самой буржуазно-демократической системой. Единственно, кто способен тогда остановить продвижение реакции, это действующие в едином широком блоке демократические слои населения, в том числе и социал-демократы.

Положение внутри самой социал-демократической партии в ФРГ всегда было и остается достаточно сложным. Политика верхушки партии нередко оказывалась в противоречии с желаниями и волей значительной части ее базы, левых сил партии и профсоюзов.

Традиции антивоенной, антифашистской политики всегда в той или иной мере продолжали и продолжают жить в левом крыле СДПГ. Теоретические положения о возможности и необходимости проведения внешней политики на основе мирного, добрососедского сосуществования стран с различными социальными системами зафиксированы в отдельных документах эмиграционного периода СДПГ — прежде всего в документе лондонского Союза «Основные направления международной политики», принятом в 1943 г. под давлением левых кругов партии.

Эти традиции проявили себя в 70-е годы, когда руководство СДПГ, лично В. Брандт внесли весомый вклад в дело разрядки международной напряженности. Они нашли свое отражение и в последнее время, когда на чрезвычайном съезде в ноябре 1983 г., а затем на Нюрнбергском съезде в августе 1986 г. партия решительно заявила о конфронтации с планами ракетно-ядерных вооружений, с агрессивными замыслами милитаристских кругов НАТО, с планами «звездных войн» и т. д.

От позиции СДПГ, от ее последовательной линии на мир, разоружение зависит многое. Партия может использовать свои возможности, свой авторитет и влияние в международных демократических и социалистических кругах и стать весомым фактором в деле защиты мира, предотвращения военной угрозы, сыграть позитивную роль в массовом антивоенном движении как в собственной стране, так и в других странах. Однако важно при этом, чтобы такая позиция была

последовательной, чтобы слова, как это не раз бывало в истории СДПГ, не расходились с делом. Для этого необходимо создать практическое единство всех демократических, антивоенных сил — социал-демократов, коммунистов, зеленых, католиков, профсоюзного движения, студенчества, интеллигенции и т. п.

Социал-демократия же, часто руководствуясь соображениями узко понимаемой избирательной борьбы, отказывается от сотрудничества не только с коммунистами, но и с зелеными, другими антивоенными силами, отказывается — и...проигрывает: теряет не только голоса на выборах, теряет уверенность в себе, облегчая закрепление у власти правоконсервативного правительства ХДС—ХСС/СвДП, ослабляя движение за разрядку в Европе, активной поборницей которого она себя провозглашает.

В этой связи, касаясь конкретно отношений коммунистов с социал-демократами, XXVII съезд КПСС провозгласил, что, хотя идеологические разногласия между ними «глубоки, опыт и достижения неодинаковы и неравноценны», «непредвзятое ознакомление с позициями и взглядами друг друга, безусловно, полезно и для коммунистов, и для социал-демократов. Полезно прежде всего для активизации борьбы за мир и международную безопасность»². В сплочении пролетарских рядов, всех миролюбивых сил на земле — залог успеха борьбы против империализма и реакции за завоевание, расширение и укрепление демократических прав и свобод, за продвижение человечества по пути мира и социального прогресса.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 74.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1	
СДПГ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ	18
Тактика легальной оппозиции	18
Кризис партии	48
Глава 2	
БОРЬБА ТЕЧЕНИЙ В СДПГ. УСИЛЕНИЕ ЛЕВОГО КРЫЛА (1934—1936)	70
Левые о проблемах стратегии и тактики социал-де- мократии. Критика правого реформизма	70
Пражский манифест 1934 года	88
Позиция правых в СДПГ в 1934—1936 годах	96
Социал-демократическое подполье и проблема един- ства рабочего класса в борьбе с фашизмом	114
Переговоры между руководством СДПГ и КПГ 23 ноября 1935 года	133
Глава 3	
ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО ФРОНТА И ГЕРМАН- СКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ (1936—1938)	148
Усилия по созданию Народного фронта в Германии	148
Борьба за единый рабочий и народный фронт и гер- манское социал-демократическое подполье	169
Глава 4	
НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1938—1939)	177
СДПГ и угроза мировой войны	177
Движение за единство партии	187
Программные дебаты	195

Глава 5	
ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	205 205
Начало мировой войны	205
Союз немецких социалистических организаций в Великобритании	213
СДПГ и национальная проблема	232
Деятельность Германской рабочей делегации в США. Дискуссия о тактике	242
Развитие левых тенденций в социал-демократиче- ской эмиграции и подполье	257
1945 год	278
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	296

Людмила Николаевна
БРОВКО

**ГЕРМАНСКАЯ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
В ГОДЫ
ФАШИСТСКОЙ
ДИКТАТУРЫ**

{1933—1945}

Утверждено к печати
Институтом
всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор

Ю. И. Халисон

Редактор издательства

Н. Ф. Лейн

Художник

М. Л. Блох

Художественный редактор

Н. Н. Власик

Технический редактор

Л. И. Куприянова

Корректоры **Ю. Л. Косорыгин,**
К. П. Лосева

ИБ № 36266

Сдано в набор 13.08.87

Подписано к печати 10.11.87

А-04803. Формат 84×108^{1/32}

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр. отт. 16,3

Уч.-изд. л. 17,4

Тираж 1400 экз. Тип. зак. 858

Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99,

Шубинский пер., 6

3 р. 40 к.

В монографии рассматриваются идейные и политические течения в Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в 1933—1945 гг., показана деятельность германской социал-демократии в эмиграции и в подполье; в центре внимания автора — борьба течений в СДПГ по проблемам антифашистской тактики.